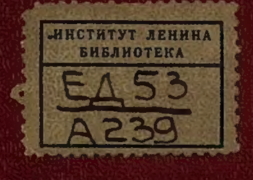
Ленинъ

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ

1

Вл. Ильинъ.

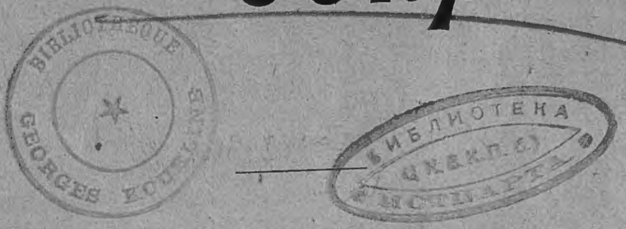
Аграрный вопросъ.

Часть I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908.

Вл. Ильинъ.

Аграрный вопросъ.

Часть I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908.

Къ характеристикѣ экономическаго романтизма.

Сисмонди и наши отечественные сисмондисты.

Швейцарскій экономистъ Сисмонди (S. C. L. Simonde de Sismondi), писавшій въ началѣ текущаго столѣтія, представляетъ особенный интересъ для разрѣшенія тѣхъ общихъ экономическихъ вопросовъ, которые съ особенной силой выступаютъ теперь въ Россіи. Если прибавить къ этому, что въ исторіи политической экономіи Сисмонди занимаетъ особое мѣсто, стоя въ сторонѣ отъ главныхъ теченій, что онъ горячій сторонникъ мелкаго производства, выступающій съ протестомъ противъ защитниковъ и идеологовъ крупнаго предпринимательства (точно такъ же, какъ выступаютъ противъ нихъ и современные русскіе народники), то читатель пойметъ наше намѣреніе дать очеркъ ученія Сисмонди въ главныхъ его чертахъ и въ отношеніи его къ другимъ—одновременнымъ и послѣдующимъ—направленіямъ экономической науки. Интересъ изученія Сисмонди усиливается какъ разъ въ настоящее время тѣмъ, что въ журналѣ „Р. Богатство" за прошлый 1896 годъ мы находимъ статью, посвященную тоже изложенію ученія Сисмонди (*Б. Эфруси*: „Соціально-экономическія воззрѣнія Симонда де-Сисмонди". „Р. Б." 1896 г., № 7 и 8) *).

Сотрудникъ „Русск. Богатства" заявляетъ съ самаго начала, что нѣтъ писателя, который „подвергся бы столь неправильной оцѣнкѣ", какъ Сисмонди, котораго, дескать, „несправедливо" выставляли то реакціонеромъ, то утопистомъ.—Какъ разъ наоборотъ. Именно *такая* оцѣнка Сисмонди вполнѣ правильна. Статья же „Рус. Богатства", представляя изъ себя подробный и аккуратный пересказъ Сисмонди, характеризуетъ его теорію совершенно невѣрно [2]), идеализируя Сисмонди именно въ тѣхъ пунктахъ его ученія, въ которыхъ онъ всего ближе подходитъ къ народникамъ, игнорируя и неправильно освѣщая отношеніе его къ послѣдующимъ теченіямъ экономической науки. Поэтому наше изложеніе и разборъ ученія Сисмонди будетъ въ то же время критикой статьи Эфруси.

---

*) Эфруси умеръ въ 1897 г. Некрологъ его напечатанъ въ мартовской книжкѣ „Русск. Богатства" за 1897 г.

[2]) Вполнѣ справедливо, что Сисмонди—не соціалистъ, на что указываетъ Эфруси въ началѣ статьи, повторяя сказанное Липпертомъ (см. Handwörterbuch der Staatswissenschaften, V Band, Artikel „Sismondi" von *Lippert*, Seite 678).

ГЛАВА I.

Экономическія теоріи романтизма.

Отличительной особенностью теоріи Сисмонди является его ученіе о доходѣ, объ отношеніи дохода къ производству и къ населенію. Главное произведеніе Сисмонди и озаглавлено такъ: „Nouveaux principes d'économie politique ou de la richesse dans ses rapports avec la population" (Seconde édition. Paris 1827, 2 vol. Первое изданіе было въ 1819 г.)—„Новыя начала политической экономіи или о богатствѣ въ его отношеніяхъ къ населенію". Тема эта почти тождественна съ тѣмъ вопросомъ, который въ русской народнической литературѣ извѣстенъ подъ названіемъ „вопроса о внутреннемъ рынкѣ для капитализма". Сисмонди утверждалъ именно, что развитіе крупнаго предпринимательства и наемнаго труда въ промышленности и земледѣліи ведетъ къ тому, что производство необходимо обгоняетъ потребленіе и становится передъ неразрѣшимой задачей найти потребителей; что внутри страны потребителей оно найти не можетъ, ибо превращаетъ массу населенія въ поденщиковъ, простыхъ рабочихъ и создаетъ незанятое населеніе, а искать внѣшняго рынка становится все труднѣе съ выступленіемъ на міровую арену новыхъ капиталистическихъ странъ. Читатель видитъ, что это совершенно тѣ же самые вопросы, которые занимаютъ экономистовъ-народниковъ, съ гг. В. В. и Н.—ономъ во главѣ. Посмотримъ же поближе на отдѣльные моменты аргументаціи Сисмонди и на ея научное значеніе.

I.

Сокращается ли внутренній рынокъ вслѣдствіе разоренія мелкихъ производителей.

Въ противоположность экономистамъ-классикамъ, которые имѣли въ виду при своихъ построеніяхъ уже сложившійся капиталистическій строй и наличность класса рабочихъ брали за нѣчто данное и подразумѣвающееся само собой, Сисмонди подчеркиваетъ именно про-

цессъ разоренія мелкаго производителя,—процессъ, ведшій къ образованію этого класса. Что указаніе этого противорѣчія въ капиталистическомъ строѣ составляетъ заслугу Сисмонди—это неоспоримо, но дѣло въ томъ, что, какъ экономистъ, Сисмонди не сумѣлъ *понять* этого явленія и свою неспособность къ послѣдовательному анализу прикрывалъ „благими пожеланіями". Разореніе мелкаго производителя доказываетъ, по мнѣнію Сисмонди, сокращеніе внутренняго рынка.

„Если фабрикантъ будетъ продавать дешевле,—говоритъ Сисмонди въ главѣ о томъ, какъ „продавецъ расширяетъ свой рынокъ?" (Ch. III, livre, IV, t. I. p. 341 et suiv. *),—то онъ продастъ больше, ибо другіе продадутъ меньше. Поэтому усилія фабриканта направлены всегда на то, чтобы сдѣлать какое-нибудь сбереженіе на трудѣ или на сырыхъ матеріалахъ, которое дало бы ему возможность продавать дешевле его товарищей. Такъ какъ матеріалы сами представляютъ изъ себя продуктъ прошлаго труда, то его сбереженіе сводится всегда, въ концѣ концовъ, къ употребленію меньшаго количества труда на производство того же продукта". „Правда, отдѣльный фабрикантъ старается не сокращать количества рабочихъ, а увеличивать производство. Допустимъ, что это ему удастся, что онъ перебьетъ покупателей у своихъ конкурентовъ, понизивъ цѣну товара. Каковъ же будетъ „національный результатъ" этого? „Другіе фабриканты введутъ у себя его пріемы производства. Тогда тѣмъ или другимъ изъ нихъ придется, разумѣется, отпустить часть рабочихъ, соотвѣтственно тому, насколько новая машина усиливаетъ производительную силу труда. Если потребленіе осталось неизмѣннымъ, и если то же количество труда исполняется числомъ рукъ вдесятеро меньшимъ, то девять десятыхъ доходовъ этой части рабочаго класса будутъ у него отняты, и его потребленіе во всѣхъ видахъ уменьшится на столько-же... Результатомъ изобрѣтенія—если нація не имѣетъ внѣшней торговли и если потребленіе остается неизмѣннымъ—будетъ, слѣдовательно, потеря для всѣхъ, уменьшеніе національнаго дохода, которое въ слѣдующемъ году поведетъ къ уменьшенію общаго потребленія" (I, 344). „И это такъ и должно было быть: трудъ самъ по себѣ составляетъ важную часть дохода (Сисмонди имѣетъ въ виду заработную плату), и потому нельзя уменьшать спросъ на трудъ безъ того, чтобы не сдѣлать націи болѣе бѣдной. Поэтому-то выгода, ожидаемая отъ изобрѣтенія новыхъ способовъ производства, относится почти всегда на счетъ иностранной торговли" (I, 345).

Читатель видитъ, что уже въ этихъ словахъ передъ нами вся столь знакомая намъ „теорія" „сокращенія внутренняго рынка" вслѣдствіе развитія капитализма и необходимости въ виду этого внѣшняго рынка. Сисмонди возвращается къ этой мысли чрезвычайно часто, связывая съ ней и свою теорію кризисовъ, и „теорію" населенія; въ его ученіи это такой же доминирующій пунктъ, какъ и въ ученіи русскихъ народниковъ.

---

*) Всѣ дальнѣйшія цитаты, безъ особыхъ указаній, относятся къ указанному выше изданію „Nouveaux Principes».

Сисмонди не забылъ, разумѣется, что разореніе и безработица при новыхъ отношеніяхъ сопровождается увеличеніемъ „торговаго богатства“, что рѣчь должна идти о развитіи крупнаго производства, капитализма. Онъ прекрасно понималъ это и утверждалъ именно, что ростъ капитализма уменьшаетъ внутренній рынокъ: „Точно также, какъ для блага гражданъ не безразлично, будетъ ли довольство и потребленіе всѣхъ приближаться къ равенству, или небольшое меньшинство будетъ имѣть во всемъ избытокъ, а масса будетъ сведена къ строго необходимому, точно также эти два вида распредѣленія дохода не безразличны и для развитія *торговаго богатства* (richesse commerciale) *). Равенство потребленія должно всегда вести въ результатѣ къ расширенію рынка производителей, неравенство—къ *сокращенію рынка*“ (I, 357).

Итакъ, Сисмонди утверждаетъ, что внутренній рынокъ сокращается свойственнымъ капитализму неравенствомъ распредѣленія, что рынокъ долженъ создаваться равномѣрнымъ распредѣленіемъ. Но какимъ же образомъ можетъ происходить это при *богатствѣ торговомъ*, къ которому незамѣтно перешелъ Сисмонди (и къ которому не могъ не перейти, ибо иначе онъ не могъ бы говорить о *рынкѣ*)? Этого онъ не изслѣдуетъ. Чѣмъ доказываетъ онъ возможность сохраненія равенства производителей при торговомъ богатствѣ, *т.-е.* при конкуренціи между отдѣльными производителями? Абсолютно ничѣмъ не доказываетъ. Онъ просто декретируетъ, что такъ *должно быть*. Вмѣсто дальнѣйшаго анализа того противорѣчія, которое онъ справедливо указалъ, онъ принимается толковать о нежелательности противорѣчій вообще. «Возможно, что съ замѣной мелкаго земледѣлія крупнымъ въ землю вложено больше капиталовъ, что между всей массой земледѣльцевъ распредѣлено больше богатства, чѣмъ прежде“... (т.-е. „возможно“, что внутренній рынокъ, опредѣляемый вѣдь именно абсолютнымъ количествомъ *торговаго* богатства, возросъ?—возросъ рядомъ съ развитіемъ капитализма?)... „Но для націи потребленіе одной семьи богатыхъ фермеровъ плюсъ 50 семей нищихъ поденщиковъ неравносильно потребленію 50-ти семей крестьянъ, изъ которыхъ ни одна не богата, но зато ни одна не лишена (умѣреннаго) приличнаго довольства“ (I, 358). Другими словами: можетъ быть, развитіе фермерства и создаетъ внутренній рынокъ для капитализма. Сисмонди былъ слишкомъ образованный и добросовѣстный экономистъ, чтобы отрицать этотъ фактъ, но... но здѣсь авторъ покидаетъ свое изслѣдованіе и вмѣсто „націи“ торговаго богатства подставляетъ прямо „націю“ крестьянъ. Отбояриваясь отъ непріятнаго факта, опровергающаго его мелкобуржуазную точку зрѣнія, онъ забываетъ даже о томъ, что самъ же говорилъ нѣсколько раньше, именно: что „фермеры“ и развились изъ „крестьянъ“, благодаря развитію торговаго богатства. „Первые фермеры,—говорилъ Сисмонди,—были простыми пахарями... Они не переставали быть крестьянами... Они не употребляли почти никогда для совмѣстной работы поденныхъ работниковъ, а только слугъ (батраковъ), избираемыхъ всегда среди имъ равныхъ, съ кото-

*) Курсивъ здѣсь, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, нашъ, если не оговорено противное.

рыми и обращались, какъ съ равными, ѣли за однимъ столомъ... составляли одинъ классъ крестьянъ" (I, 221). Все дѣло сводится, значитъ къ тому, что эти патріархальные мужички съ своими патріархальными батраками гораздо болѣе по душѣ автору, и онъ просто отворачивается отъ тѣхъ измѣненій, которыя произвелъ въ этихъ патріархальныхъ отношеніяхъ ростъ „торговаго богатства".

Но Сисмонди нисколько не намѣренъ признаться въ этомъ. Онъ продолжаетъ думать, что изслѣдуетъ законы торговаго богатства, и, позабывъ свои оговорки, утверждаетъ прямо:

„Итакъ, вслѣдствіе концентраціи имуществъ у небольшаго числа собственниковъ, *внутренній рынокъ все болѣе и болѣе сокращается* (!), и промышленности все болѣе и болѣе приходится искать сбыта на внѣшнихъ рынкахъ, гдѣ ей угрожаютъ великія сотрясенія" (des grandes révolutions) (I, 361). „Итакъ внутренній рынокъ не можетъ расширяться иначе, какъ при расширеніи національнаго благосостоянія" (I, 326). Сисмонди имѣетъ въ виду народное благосостояніе, ибо онъ сейчасъ только признавалъ возможность „національнаго" благосостоянія при фермерствѣ.

Какъ видитъ читатель, наши экономисты-народники говорятъ слово въ слово то же самое

Сисмонди возвращается къ этому вопросу еще разъ въ концѣ сочиненія, въ VII-ой книгѣ: „О населеніи", въ главѣ VII-ой: „о населеніи, которое сдѣлалось излишнимъ вслѣдствіе изобрѣтенія машинъ".

„Въ деревнѣ введеніе системы крупныхъ фермъ повело въ Великобританіи къ исчезновенію класса арендаторовъ-крестьянъ, которые сами работали и пользовались тѣмъ не менѣе умѣреннымъ довольствомъ; населеніе значительно уменьшилось; но его потребленіе уменьшилось еще больше, чѣмъ его число. Поденщики, исполняющіе всѣ полевыя работы, получая лишь самое необходимое, далеко не даютъ такого поощренія городской индустріи, какое давали раньше богатые крестьяне" (II, 327) „Аналогичное измѣненіе произошло и въ городскомъ населеніи... Мелкіе торговцы, мелкіе промышленники исчезаютъ, и сотни ихъ замѣняетъ одинъ крупный предприниматель; можетъ быть, они всѣ вмѣстѣ не были такъ богаты, какъ онъ. Тѣмъ не менѣе они, вмѣстѣ взятые, были лучшими потребителями, чѣмъ онъ. Его роскошь даетъ гораздо меньшее поощреніе индустріи, чѣмъ умѣренное довольство тѣхъ ста хозяйствъ, которыя онъ замѣнилъ" (ib.).

Къ чему же сводится, спрашивается, эта теорія Сисмонди о сокращеніи внутренняго рынка при развитіи капитализма? Къ тому, что авторъ ея, едва попытавшись взглянуть на дѣло прямо, увернулся отъ анализа условій, соотвѣтствующихъ капитализму („торговое богатство" плюсъ крупное предпринимательство въ промышленности и земледѣліи, ибо Сисмонди слова „капитализмъ" не знаетъ. Тождество понятій дѣлаетъ это словоупотребленіе вполнѣ правильнымъ, и мы будемъ впредь говорить просто: „капитализмъ"), и подставилъ на мѣсто анализа свою мелкобуржуазную точку зрѣнія и мелкобуржуазную утопію. Развитіе торговаго богатства и, слѣд., конкуренціи должно оставить неприкосновеннымъ ровное, среднее крестьянство съ его „умѣреннымъ довольствомъ", и его патріархальными отношеніями къ батракамъ.

Понятно, что это невинное пожеланіе осталось исключительнымъ достояніемъ Сисмонди и другихъ романтиковъ изъ „интеллигенціи", что оно съ каждымъ днемъ приходило все въ большее столкновеніе съ дѣйствительностью, развивавшей тѣ противорѣчія, глубины которыхъ не умѣлъ еще оцѣнить Сисмонди.

Понятно, что теоретическая политическая экономія, примкнувъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи *) къ классикамъ, установила съ точностью именно то, что хотѣлъ отрицать Сисмонди, именно: что развитіе капитализма вообще и фермерства въ частности не сокращаетъ, а *создаетъ* внутренній рынокъ. Развитіе капитализма идетъ вмѣстѣ съ развитіемъ товарнаго хозяйства, и по мѣрѣ того, какъ домашнее производство уступаетъ мѣсто производству на продажу, а кустарь уступаетъ мѣсто фабрикѣ,—идетъ образованіе рынка для *капитала*. „Поденщики", выталкиваемые изъ земледѣлія превращеніемъ „крестьянъ" въ „фермеровъ", поставляютъ рабочую силу для капитала, а фермеры являются покупателями продуктовъ индустріи и притомъ не только покупателями предметовъ потребленія (которые прежде производились крестьянами дома или сельскими ремесленниками), а также и покупателями орудій производства, которыя не могли уже оставаться прежними при замѣнѣ мелкаго земледѣлія крупнымъ **). Послѣднее обстоятельство стоитъ подчеркнуть, ибо его-то и игнорировалъ особенно Сисмонди, говорившій въ цитированномъ нами мѣстѣ о „потребленіи" крестьянъ и фермеровъ такъ, какъ будто бы существовало одно только *личное* потребленіе (потребленіе хлѣба, одежды и т. п.), какъ будто бы покупка машинъ, орудій и т. п., постройка зданій, складовъ, фабрикъ и т. п. не были тоже потребленіемъ, только другого рода, именно: *потребленіемъ производительнымъ*, потребленіемъ не людей, а капитала. И опять-таки приходится отмѣтить, что именно эту ошибку, которую Сисмонди, какъ мы сейчасъ увидимъ, заимствовалъ у Ад. Смита, въ полной неприкосновенности переняли и наши народники-экономисты***).

II.

Воззрѣнія Сисмонди на національный доходъ и капиталъ.

Аргументація Сисмонди противъ возможности капитализма и его развитія не ограничивается только этимъ. Онъ дѣлалъ такіе же выводы и изъ своего ученія о доходѣ. Надо сказать, что Сисмонди вполнѣ перенялъ отъ Ад. Смита теорію трудовой стоимости и трехъ видовъ дохода: ренты, прибыли и заработной платы. Онъ дѣлаетъ даже кое-гдѣ попытку обобщить два первые вида дохода въ противоположность третьему: такъ иногда онъ соединяетъ ихъ, противополагая заработной платѣ (I, 104—105); у него попадается даже слово: mieux-value (сверхстоимость) по отношенію къ нимъ (I, 103). Не надо

---

*) Рѣчь идетъ о марксизмѣ. (Прим. къ настоящ. изд.).

**) Такимъ образомъ, создаются одновременно элементы и перемѣннаго капитала („свободный" рабочій), и постояннаго; къ послѣднему относятся тѣ средства производства, отъ которыхъ освобождается мелкій производитель.

***) Эфруси объ этой части доктрины Сисмонди—о сокращеніи внутренняго рынка вслѣдствіе развитія капитализма—не говоритъ ничего. Мы еще увидимъ много разъ, что онъ опустилъ именно то, что наиболѣе рельефно характеризуетъ *точку зрѣнія* Сисмонди и отношеніе народничества къ его ученію.

однако преувеличивать значеніе такого словоупотребленія, какъ это дѣлаетъ, кажется, Эфруси, говоря, „что теорія Сисмонди близка къ теоріи прибавочной цѣнности“ (Р. Б. № 8, с. 41). Сисмонди, собственно, не сдѣлалъ ни одного шага впередъ противъ Ад. Смита, который тоже говорилъ, что рента и прибыль суть „вычетъ изъ труда“. доля той цѣнности, которую работникъ прибавляетъ къ продукту, (см. „Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства“, рус. пер. Бибикова, т. I, гл. VIII: „О заработной платѣ„ и гл. VI: „О частяхъ, входящихъ въ составъ цѣны товаровъ“). Дальше этого не пошелъ и Сисмонди. Но онъ пытался связать это дѣленіе вновь создаваемаго продукта на сверхстоимость и заработную плату съ теоріей общественнаго дохода, внутренняго рынка и реализаціей продукта въ капиталистическомъ обществѣ. Попытки эти чрезвычайно важны для оцѣнки научнаго значенія Сисмонди и для уясненія связи между его доктриной и доктриной русскихъ народниковъ. Поэтому стоитъ разобрать ихъ подробнѣе.

Выдвигая повсюду на первый планъ вопросъ о доходѣ, объ отношеніи его къ производству, къ потребленію, къ населенію, Сисмонди, естественно, долженъ былъ разобрать и теоретическія основанія понятія „доходъ“. И мы находимъ у него, въ самомъ началѣ сочиненія, три главы, посвященныя вопросу о доходѣ (1. II, ch. IV—VI). Глава IV: „Какъ доходъ происходитъ изъ капитала“ трактуетъ о различіи капитала и дохода. Сисмонди прямо начинаетъ излагать этотъ предметъ по отношенію ко всему обществу. „Такъ какъ каждый работаетъ для всѣхъ,—говоритъ онъ,—то производство всѣхъ должно быть потреблено всѣми... Различіе между капиталами и доходами существенно для общества“ (I, 83). Но Сисмонди чувствуетъ, что это „существенное“ различіе *для общества* не такъ просто, какъ для отдѣльнаго предпринимателя. „Мы подходимъ,—оговаривается онъ, — къ самому абстрактному и самому трудному вопросу политической экономіи. Природа капитала и дохода постоянно переплетается въ нашемъ представленіи: мы видимъ, что *доходъ для одного становится капиталомъ для другого*, и одинъ и тотъ же предметъ, переходя изъ рукъ въ руки, пріобрѣтаетъ послѣдовательно различныя наименованія“ (I, 84), т. е. то наименованіе „капитала“, то „наименованіе“ дохода. „Но смѣшивать ихъ—утверждаетъ Сисмонди—ошибка.“ „Насколько трудно различить капиталъ и доходъ общества, настолько же важно это различіе“ (I, 84).

Читатель замѣтилъ, вѣроятно, въ чемъ состоитъ трудность, о которой говоритъ Сисмонди: если для отдѣльнаго предпринимателя доходомъ является его прибыль, расходуемая на тѣ или иные предметы потребленія *), если для отдѣльнаго рабочаго доходомъ является его заработная плата, то можно ли суммировать эти доходы для полученія „дохода общества“? Какъ быть тогда съ тѣми капиталистами и рабочими, которые производятъ, напр., машины? Ихъ продуктъ существуетъ въ такомъ видѣ, что въ потребленіе войти не можетъ (т. е. въ личное потребленіе). Его нельзя сложить съ предметами потребленія. Назначеніе этихъ продуктовъ—служить капиталомъ. Значитъ они, будучи

*) Точнѣе: та *часть* прибыли, которая не идетъ на накопленіе.

доходомъ для своихъ производителей (именно въ той своей части, которая возмѣщаетъ прибыль и заработную плату), становятся *капиталомъ* для покупателей. Какъ же разобраться въ этой путаницѣ, мѣшающей установить понятіе общественнаго дохода?

Сисмонди, какъ мы видѣли, только подошелъ къ вопросу и сейчасъ же уклоняется отъ него, ограничившись указаніемъ на „трудность". Онъ заявляетъ прямо, что „обыкновенно признаютъ три вида дохода: ренту, прибыль и заработную плату" (I, 85) и переходитъ къ пересказу ученія А. Смита о каждомъ изъ нихъ. Поставленный вопросъ—о различіи капитала и дохода общества—остался безъ отвѣта. Изложеніе идетъ уже теперь безъ строгаго раздѣленія общественнаго дохода отъ индивидуальнаго. Но къ покинутому имъ вопросу Сисмонди подходитъ еще разъ. Онъ говоритъ, что, подобно различнымъ видамъ дохода, существуютъ также „различные виды богатства" (I. 93), именно: *основной капиталъ*—машины, орудія и т. п., *оборотный капиталъ*—потребляемый въ отличіе отъ перваго быстро и мѣняющій свою форму (сѣмена, сырые матеріалы, заработная плата), и, наконецъ, *доходъ съ капитала,* потребляемый безъ воспроизводства. Намъ неважно здѣсь то обстоятельство, что Сисмонди повторяетъ всѣ ошибки Смита въ ученіи объ основномъ и оборотномъ капиталѣ, смѣшивая эти категоріи, принадлежащія къ процессу обращенія, съ категоріями, вытекающими изъ процесса производства (постоянный и перемѣнный капиталъ). Насъ интересуетъ ученіе Сисмонди о доходѣ. И по этому вопросу онъ выводитъ изъ приведеннаго сейчасъ раздѣленія трехъ видовъ богатствъ слѣдующее:

„Важно замѣтить, что эти три вида богатствъ одинаково идутъ на потребленіе; ибо все, что было произведено, имѣетъ стоимость для человѣка лишь постольку, поскольку служитъ его потребностямъ, а эти потребности удовлетворяются только потребленіемъ. Но основной капиталъ служитъ этому косвеннымъ образомъ; онъ потребляется медленно, помогая человѣку въ воспроизведеніи того, что служитъ его потребленію" (I, 94 — 95), между тѣмъ какъ оборотный капиталъ (Сисмонди отождествляетъ его уже съ перемѣннымъ) обращается въ „*потребительный фондъ рабочаго*" (I, 95). Выходитъ, слѣд., что *общественное потребленіе* бываетъ, въ противоположность индивидуальному, двухъ родовъ. Эти два рода отличаются другъ отъ друга весьма существенно. Дѣло, конечно, не въ томъ, что основной капиталъ потребляется медленно, а въ томъ, что онъ потребляется, не образуя ни для одного класса общества *дохода* (потребительнаго фонда), что онъ потребляется не лично, а производительно. Но Сисмонди не видитъ этого, и, чувствуя, что опять-таки сбился съ пути *) въ поискахъ за различіемъ между общественнымъ капиталомъ и доходомъ, онъ безпомощно заявляетъ: „Это движеніе богатства такъ абстрактно, оно требуетъ такой силы вниманія, чтобы отчетливо схватить его, что мы считаемъ полезнымъ взять самый

---

*) Именно: Сисмонди сейчасъ только выдѣлилъ *капиталъ* отъ *дохода.* Первый идетъ на производство, второй на потребленіе. Но вѣдь рѣчь идетъ объ обществѣ. А общество „потребляетъ" и основной капиталъ. Приведенное различіе падаетъ, и общественно-хозяйственный процессъ, превращающій „капиталъ для одного" въ „доходъ для другого", остается невыясненнымъ.

простой примѣръ" (I, 95). Примѣръ берется, дѣйствительно, „самый простой": фермеръ, живущій одиноко, собралъ 100 мѣшковъ пшеницы; часть онъ потребилъ самъ, часть идетъ на посѣвъ, часть на потребленіе нанятыхъ рабочихъ. Слѣдующій годъ получается уже 200 мѣшковъ. Кто ихъ потребитъ? Семья фермера не можетъ возрасти такъ быстро. Показывая на этомъ (до послѣдней степени неудачномъ) примѣрѣ различіе между капиталомъ основнымъ (сѣмена), оборотнымъ, (зар. плата) и потребительнымъ фондомъ фермера, Сисмонди говоритъ:

„Мы различили три вида богатствъ въ отдѣльной семьѣ; разсмотримъ теперь каждый видъ по отношенію къ цѣлой націи и разберемъ, какъ изъ этого распредѣленія можетъ произойти національный доходъ" (I, 97). Но дальше говорится только, что и въ обществѣ необходимо воспроизвести тѣ же три вида богатствъ: основной капиталъ (причемъ Сисмонди подчеркиваетъ, что на него придется затратить извѣстное количество труда, но не объясняетъ, какимъ образомъ основной капиталъ обмѣнится на предметы потребленія, необходимые для капиталистовъ и рабочихъ, занятыхъ этимъ производствомъ); затѣмъ сырой матеріалъ (здѣсь Сисмонди выдѣляетъ его особо); потомъ содержаніе рабочихъ и прибыль капиталистовъ. Вотъ все, что даетъ намъ IV-я глава. Очевидно, что вопросъ о національномъ доходѣ остался открытымъ, и Сисмонди не разобралъ не только распредѣленія, но даже и *понятія* дохода. Крайне важное въ теоретическомъ отношеніи указаніе на необходимость воспроизвести и основной капиталъ общества онъ сейчасъ же забываетъ, и въ слѣдующей главѣ, говоря о „распредѣленіи національнаго дохода между различными классами гражданъ" (Ch V), онъ прямо говоритъ о трехъ видахъ дохода и, объединяя ренту и прибыль вмѣстѣ, заявляетъ, что національный доходъ состоитъ изъ двухъ частей: прибыль отъ богатства (т.-е. рента и прибыль въ собственномъ смыслѣ) и средства существованія рабочихъ (I, 104—5). Мало того онъ заявляетъ:

„Точно также годичное производство или результатъ всѣхъ работъ, исполненныхъ націей въ теченіе года, слагается изъ двухъ частей: одна... это—прибыль, проистекающая изъ богатства; другая—способность трудиться (la puissance de travailler), которая предполагается равной той части богатства, на которую она обмѣнивается, или средствамъ существованія трудящихся классовъ". „Итакъ, національный доходъ и годовое производство взаимно уравновѣшиваются и представляются величинами равными. Все годовое производство потребляется въ теченіе года, но отчасти рабочими, которые, давая въ обмѣнъ свой трудъ, превращаютъ его въ капиталъ и воспроизводятъ его, отчасти капиталистами, которые, давая въ обмѣнъ свой доходъ, уничтожаютъ его" (I, 105).

Такимъ образомъ, тотъ вопросъ о различеніи національнаго капитала и дохода, который самъ Сисмонди съ такой опредѣленностью призналъ крайне важнымъ и труднымъ,—онъ просто-на-просто отбросилъ, совершенно позабывъ сказанное нѣсколькими страницами раньше! И Сисмонди уже не замѣчаетъ, что, отбросивъ этотъ вопросъ, онъ пришелъ къ положенію совершенно безсмысленному: какимъ же образомъ годовое производство можетъ все цѣликомъ входить въ

потребленіе рабочихъ и капиталистовъ въ видѣ дохода, когда для производства нуженъ капиталъ, нужны—точнѣе выражаясь—средства и орудія производства. Надо ихъ произвести, и они каждогодно производятся (какъ это и самъ Сисмонди сейчасъ же признавалъ). И вотъ всѣ орудія производста, сырые матерьялы и т. д. вдругъ выкидываются, и „трудный" вопросъ о различіи капитала и дохода разрѣшается ни съ чѣмъ несообразнымъ утвержденіемъ, что годовое производство равняется національному доходу.

Эта теорія, что все производство капиталистическаго общества состоитъ изъ двухъ частей—части рабочихъ (заработная плата, или перемѣнный капиталъ, по современной терминологіи) и части капиталистовъ (сверхстоимость), не составляетъ особенности Сисмонди. Она не составляетъ его достоянія. Онъ цѣликомъ перенялъ ее у Ад. Смита, сдѣлавъ даже нѣкоторый шагъ назадъ. Вся послѣдующая политическая экономія (Рикардо, Милль, Прудонъ, Родбертусъ) повторяла эту ошибку, раскрытую только авторомъ „Капитала" въ III-мъ отдѣлѣ II-го тома. Мы изложимъ основаніе его воззрѣній ниже. А теперь замѣтимъ, что повторяютъ эту ошибку и наши народники-экономисты. Сопоставленіе ихъ съ Сисмонди пріобрѣтаетъ особый интересъ потому, что они дѣлаютъ изъ этой ошибочной теоріи *тѣ же выводы, которые сдѣлалъ прямо и Сисмонди* *), именно: выводъ о невозможности реализаціи сверхстоимости въ капиталистическомъ обществѣ; о невозможности развитія общественнаго богатства; о необходимости прибѣгать къ внѣшнему рынку *вслѣдствіе того*, что внутри страны сверхстоимость не можетъ быть реализована; наконецъ, о кризисахъ, вызываемыхъ будто бы именно этой невозможностью реализовать продуктъ въ потребленіи рабочихъ и капиталистовъ.

III.

Выводы Сисмонди изъ ошибочнаго ученія о двухъ частяхъ годового производства въ капиталистическомъ обществѣ.

Чтобы читатель могъ представить себѣ доктрину Сисмонди въ ея цѣломъ, мы дадимъ сначала изложеніе главнѣйшихъ выводовъ его изъ этой теоріи, а потомъ перейдемъ къ тому исправленію основной его ошибки, которое дано въ „Капиталѣ" Маркса.

Прежде всего, Сисмонди дѣлаетъ изъ этой ошибочной теоріи Ад. Смита тотъ выводъ, что производство должно соотвѣтствовать потребленію, что производство опредѣляется доходомъ. Подробному разжевыванію этой „истины" (свидѣтельствующей о совершенномъ непониманіи характера капиталистическаго производства) посвящена вся слѣдующая глава, IV: „Взаимное опредѣленіе производства потребленіемъ и расхода — доходомъ". Сисмонди прямо переноситъ на капиталистическое общество мораль экономнаго крестьянина и думаетъ серьезно, что онъ внесъ этимъ исправленіе въ ученіе Смита. Въ самомъ началѣ сочиненія, говоря во вступительной части (кн. I, исторія науки) объ Ад. Смитѣ, онъ заявляетъ, что „дополняетъ"

*) И отъ которыхъ благоразумно воздержались другіе экономисты, повторявшіе ошибку Ад. Смита.

Смита положенiемъ, что „потребленiе есть единственная цѣль накопленiя“ (I, 54). „Потребленiе,—говорилъ онъ, — опредѣляетъ воспроизводство“ (I, 119—120), „нацiональный расходъ долженъ регулировать нацiональный доходъ“ (I, 113), и тому подобныя положенiя пестрятъ все сочиненiе. Въ непосредственной связи съ этимъ стоятъ еще двѣ характерныя черты доктрины Сисмонди: во-1-хъ, недовѣрiе къ развитiю капитализма, непониманiе того, какъ онъ создаетъ все большiй и большiй ростъ производительныхъ силъ, отрицанiе возможности этого роста,—совершенно такъ же, какъ и русскiе романтики „учатъ“, что капитализмъ ведетъ къ растратѣ труда и т. п.

„Ошибаются тѣ, кто подстрекаетъ къ безграничному производству“ говоритъ Сисмонди (I, 121). Избытокъ производства надъ доходомъ вызываетъ перепроизводство (I, 106). Ростъ богатствъ выгоденъ лишь тогда, „когда онъ постепененъ, когда онъ пропорцiоналенъ самому себѣ, когда ни одна изъ его частей не развивается непомѣрно быстро“ (I, 309). Добрый Сисмонди думаетъ, что „непропорцiональное“ развитiе не есть развитiе (какъ думаютъ и наши народники), что эта непропорцiональность — не законъ даннаго строя общественнаго хозяйства и его движенiя, а „ошибка“ законодателя и т. п., что это искусственное подражанiе европейскихъ правительствъ Англiи, которая пошла по ложному пути *). Сисмонди совершенно отрицаетъ то положенiе, которое выдвинули классики, и которое вполнѣ приняла теорiя Маркса, именно, что капитализмъ развиваетъ производительныя силы. Мало этого, — онъ приходитъ къ тому, что всякое накопленiе считаетъ осуществимымъ лишь „понемногу“, будучи совершенно не въ состоянiи объяснить процессъ накопленiя. Это вторая въ высшей степени характерная черта его воззрѣнiй. Онъ разсуждаетъ о накопленiи до послѣдней степени забавно:

„Въ концѣ концовъ сумма производства даннаго года только обмѣнивается всегда на сумму производства прошлаго года“ (I, 121). Тутъ уже накопленiе совершенно отрицается: выходитъ, что ростъ общественнаго богатства невозможенъ при капитализмѣ. Русскаго читателя это положенiе не очень удивитъ, ибо онъ слышалъ то же и отъ г. В. В. и отъ г. Н.—она. Но Сисмонди былъ все-таки ученикомъ Смита. Онъ чувствуетъ, что говоритъ нѣчто уже совершенно несообразное, и хочетъ поправиться:

„Если производство возрастаетъ постепенно,—продолжаетъ онъ,— то обмѣнъ каждаго года причиняетъ лишь небольшую потерю каждаго года, улучшая въ то же время условiя для будущаго. Если эта потеря легка и хорошо распредѣлена, то каждый перенесетъ ее не жалуясь... Если же несоотвѣтствiе между новымъ производствомъ и предшествующимъ велико, то капиталы гибнутъ, получается страданiе, и нацiя идетъ назадъ вмѣсто того, чтобы прогрессировать“ (I, 121). Трудно рельефнѣе и прямѣе высказать основное положенiе романтизма и мелкобуржуазнаго воззрѣнiя на капитализмъ, чѣмъ это сдѣлано въ данной тирадѣ. Чѣмъ быстрѣе идетъ накопленiе, *т.-е.* пре-

*) См. напр., II, 456—7 и мн. др. мѣста. Ниже мы приведемъ ихъ образчики, и читатель увидитъ, что даже способъ выраженiя нашихъ романтиковъ въ родѣ г. Н.—она, не отличается ни въ чемъ отъ Сисмонди.

вышеніе производства надъ потребленіемъ, — тѣмъ лучше, учили классики, которые, хотя и не умѣли разобраться въ процессѣ общественнаго производства капитала, хотя и не умѣли освободиться отъ ошибки Смита, будто общественный продуктъ состоитъ изъ двухъ частей, но выставляли все же вполнѣ справедливое положеніе, что производство само создаетъ себѣ рынокъ, само опредѣляетъ потребленіе. И мы знаемъ, что такое воззрѣніе на накопленіе приняла отъ классиковъ и теорія Маркса признавъ, что, чѣмъ быстрѣе ростъ богатства, тѣмъ полнѣе развиваются производительныя силы труда и обобществленіе его, *тѣмъ лучше положеніе рабочаго*, насколько оно можетъ быть лучше въ данной системѣ общественнаго хозяйства. Романтики утверждаютъ прямо обратное и возлагаютъ всѣ свои надежды именно на слабое развитіе капитализма, взываютъ къ его *задержкѣ*.

Далѣе, изъ непониманія того, что производство создаетъ себѣ рынокъ, вытекаетъ ученіе о невозможности реализовать сверхстоимость. „Изъ воспроизводства проистекаетъ доходъ, но „*производство само по себѣ не есть еще доходъ*“: оно получаетъ такое названіе (ce nom! Итакъ, различіе производства, т. е. продукта, отъ дохода лишь въ словѣ!), оно является въ качествѣ таковаго лишь послѣ того, какъ оно реализовано, послѣ того, какъ каждая произведенная вещь нашла себѣ потребителя, имѣющаго въ ней нужду или находящаго въ ней наслажденіе“ (I, 121). Такимъ образомъ изъ отождествленія дохода съ „производствомъ“ (т.-е. всѣмъ тѣмъ, что произведено) вытекаетъ отождествленіе реализаціи съ потребленіемъ *личнымъ*. О томъ, что реализація такихъ, напр., продуктовъ, какъ желѣзо, уголь, машины и т. п., вообще средствъ производства, происходитъ инымъ путемъ, — Сисмонди уже забылъ, хотя раньше вплотную подошелъ къ этому. Изъ отождествленія реализаціи съ потребленіемъ *личнымъ* естественно вытекаетъ ученіе, что капиталисты не могутъ реализовать именно *сверхстоимость*, ибо изъ двухъ частей общественнаго продукта заработную плату реализуютъ своимъ потребленіемъ рабочіе. И Сисмонди дѣйствительно пришелъ къ этому выводу (впослѣдствіи развитому болѣе подробно Прудономъ и постоянно повторяемому нашими народниками). Въ полемикѣ съ Макъ-Куллохомъ Сисмонди указываетъ именно на то, будто послѣдній (излагая Рикардо) не объясняетъ реализаціи прибыли. Макъ-Куллохъ говорилъ, что при раздѣленіи общественнаго труда одно производство есть рынокъ для другого: производители хлѣба реализуютъ товары въ продуктѣ производителей одежды, и наоборотъ *). „Авторъ предполагаетъ, — говоритъ Сисмонди, — трудъ безъ прибыли, воспроизводство, которое возмѣщаетъ только потребленіе *рабочихъ*“ (III, 384, курсивъ Сисмонди)... „онъ не оставляетъ ничего на долю хозяина“... „мы изслѣдуемъ, чѣмъ становится излишекъ производства рабочихъ надъ ихъ потребленіемъ“ (ib.).

---

*) См. добавленіе къ „Nouveaux Principes“ 2-е изданіе, т. II: „Eclaircissements relatifs à la balance des consommations avec les productions“, гдѣ Сисмонди переводитъ и оспариваетъ статью ученика Рикардо (Макъ-Куллоха), напечатанную въ „Edinburgh Review“ подъ названіемъ: „Изслѣдованіе вопроса, возрастаетъ ли всегда способность потребленія въ обществѣ вмѣстѣ съ способностью производства“.

Такимъ образомъ у этого перваго романтика мы находимъ уже вполнѣ опредѣленное указаніе, что капиталисты не могутъ реализовать *сверхстоимости*. Изъ этого положенія Сисмонди дѣлаетъ дальнѣйшій выводъ—опять-таки именно тотъ, который дѣлаютъ и народники,—что по *самымъ условіямъ реализаціи* необходимъ *внѣшній рынокъ для капитализма*. „Такъ какъ трудъ самъ по себѣ составляетъ важную часть дохода, то нельзя уменьшить спросъ на трудъ, не дѣлая націю болѣе бѣдной. Поэтому, выгода, ожидаемая отъ открытія новыхъ пріемовъ производства, почти всегда относится къ *иностранной торговлѣ*". (I, 345). „Нація, совершающая впервые какое-либо открытіе, въ теченіе долгаго времени успѣваетъ расширять свой рынокъ соотвѣтственно числу рукъ, освобождаемыхъ каждымъ новымъ изобрѣтеніемъ. Она употребляетъ ихъ тотчасъ же на увеличеніе количества продуктовъ, которые ея изобрѣтеніе позволяетъ производить дешевле. Но наступаетъ, наконецъ, эпоха, когда весь цивилизованный міръ образуетъ одинъ рынокъ и когда нельзя уже будетъ въ какой-либо новой націи пріобрѣтать новыхъ покупателей. Спросъ на міровомъ рынкѣ будетъ тогда величиной неизмѣнной, которую будутъ оспаривать другъ у друга различныя промышленныя націи. Если одна поставитъ больше продуктовъ, то это будетъ въ ущербъ другой. Общая продажа не можетъ быть увеличена иначе, какъ увеличеніемъ общаго благосостоянія или переходомъ товаровъ, бывшихъ въ исключительномъ владѣніи богатыхъ,—въ потребленіе бѣдныхъ" (II, 316). Читатель видитъ, что Сисмонди представляетъ именно ту доктрину, которую такъ хорошо усвоили наши романтики, будто внѣшній рынокъ есть *выходъ изъ затрудненія* по реализаціи продукта вообще и сверхстоимости въ частности.

Наконецъ, изъ этой же доктрины о тождествѣ національнаго дохода съ національнымъ производствомъ вытекло ученіе Сисмонди о кризисахъ. Послѣ всего вышеизложеннаго намъ едва-ли есть надобность приводить выписки изъ многочисленныхъ мѣстъ сочиненія Сисмонди, посвященныхъ этому вопросу. Изъ ученія его о необходимости соразмѣрять производство съ доходомъ вытекло само собой воззрѣніе, что кризисъ и есть результатъ нарушенія такого соотвѣтствія, результатъ чрезмѣрнаго производства, обогнавшаго потребленіе. Изъ приведенной сейчасъ цитаты ясно, что Сисмонди именно это несоотвѣтствіе производства съ потребленіемъ считалъ основной причиной кризисовъ, при чемъ на первое мѣсто выдвигалъ недостаточное потребленіе массъ народа, рабочихъ. Поэтому теорія кризисовъ Сисмонди (перенятая также Родбертусомъ) и извѣстна въ экономической наукѣ, какъ образчикъ теорій, выводящихъ кризисы изъ недостаточнаго потребленія (Unterkonsumtion).

IV.

Въ чемъ ошибка ученій Ад. Смита и Сисмонди о національномъ доходѣ?

Въ чемъ же состоитъ основная ошибка Сисмонди, поведшая ко всѣмъ этимъ выводамъ?

Свое ученіе о національномъ доходѣ и распредѣленіи его на двѣ части (часть рабочихъ и часть капиталистовъ) Сисмонди пере-

нялъ цѣликомъ у Ад. Смита. Сисмонди не только не добавилъ ничего къ его положеніямъ, но даже, сдѣлавъ шагъ назадъ, опустилъ попытку Адама Смита (хотя и неудачную) доказать теоретически это представленіе. Сисмонди не замѣчаетъ, какъ будто, того противорѣчія, въ которомъ оказалась эта теорія къ ученію о производствѣ вообще. Въ самомъ дѣлѣ, въ стоимость отдѣльнаго продукта, по теоріи, выводящей стоимость изъ труда, входятъ три составныя части: часть, возмѣщающая сырой матеріалъ и орудія труда (постоянный капиталъ), часть, возмѣщающая заработную плату или содержаніе рабочихъ (перемѣнный капиталъ) и „сверхстоимость" (mieux-value у Сисмонди). Таковъ анализъ единичнаго продукта по его стоимости у А. Смита, повторенный и Сисмонди. Спрашивается, какимъ же образомъ *общественный* продуктъ, состоящій изъ суммы *единичныхъ* продуктовъ состоитъ только изъ двухъ послѣднихъ частей? Куда же дѣвалась первая часть—постоянный капиталъ? Сисмонди, какъ мы видѣли, только ходилъ кругомъ да около этого вопроса, но А. Смитъ далъ на него отвѣтъ. Онъ утверждалъ, что эта часть существуетъ самостоятельно лишь въ единичномъ продуктѣ. Если же разсматривать весь общественный продуктъ, то она разлагается, въ свою очередь, на заработную плату и сверхстоимость — именно тѣхъ капиталистовъ, которые производятъ этотъ постоянныйкапиталъ.

Давая такой отвѣтъ, А. Смитъ не объяснилъ однако, на какомъ основаніи въ этомъ разложеніи стоимости постояннаго капитала, ну, хоть машинъ, отброшенъ опять-таки постоянный капиталъ, т.-е. въ нашемъ примѣрѣ желѣзо, изъ котораго сдѣланы машины, орудія, употребленныя при этомъ и т. п.? Если стоимость каждаго продукта включаетъ въ себѣ часть, возмѣщающую постоянный капиталъ (а это признаютъ всѣ экономисты), то исключеніе ея изъ какой бы то ни было области общественнаго производства является совершенно произвольнымъ. „Когда А. Смитъ говоритъ, что орудія труда сами разлагаются на заработную плату и прибыль, то онъ забываетъ прибавить (говоритъ авторъ „Капитала"): *и на тотъ постоянный капиталъ*, который употребленъ на ихъ производство. А. Смитъ просто отсылаетъ насъ отъ Понтія къ Пилату, отъ одного продукта ссылается на другой, отъ другого на третій", не замѣчая, что вопросъ отъ этого отодвиганія нисколько не измѣняется. Этотъ отвѣтъ Смита (принятый всей послѣдующей политической экономіей до Маркса) — простое уклоненіе отъ задачи, увертка отъ затрудненія. А затрудненіе тутъ дѣйствительно есть. Оно состоитъ въ томъ, что понятіе капитала и дохода нельзя перенести прямо съ индивидуальнаго продукта на общественный. Экономисты признаютъ это, говоря, что съ общественной точки зрѣнія „капиталъ для одного становится доходомъ для другого" (см. выше у Сисмонди). Но эта фраза только *формулируетъ* затрудненіе, а не разрѣшаетъ его*).

---

*) Мы приводимъ здѣсь только *суть* новой теоріи, давшей это разрѣшеніе, предоставляя себѣ въ другомъ мѣстѣ изложить ее подробнѣе. См. Das Kapital, II Band, III Aqschnitt. (Болѣе подробное изложеніе см. въ Развитіи капитализма". гл. I).

Разрѣшеніе состоитъ въ томъ, что при разсмотрѣніи этого вопроса съ общественной точки зрѣнія нельзя уже говорить о продуктахъ вобще, безъ отношенія къ ихъ матеріальной формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь идетъ объ общественномъ доходѣ, т.-е. о продуктѣ, поступающемъ на потребленіе. Но вѣдь не всякій продуктъ можетъ быть потребленъ въ смыслѣ *личнаго потребленія:* машины, уголь, желѣзо и т. п. предметы потребляются не лично, а производительно. Съ точки зрѣнія отдѣльнаго предпринимателя это различіе было лишнее: если мы говорили, что рабочіе потребятъ перемѣнный капиталъ,—мы принимали, что они вымѣняютъ на рынкѣ предметы потребленія за тѣ деньги, которые получены капиталистами за произведенныя рабочими машины и уплачены этимъ рабочимъ. Тутъ насъ не интересуетъ этотъ обмѣнъ машинъ на хлѣбъ. Но съ общественной точки зрѣнія этотъ обмѣнъ уже нельзя *подразумѣвать*: нельзя сказать, что весь классъ капиталистовъ, производящихъ машины, желѣзо и т. п., продаетъ ихъ и этимъ реализируетъ. Вопросъ здѣсь именно въ томъ, *какъ* происходитъ реализація, *то-есть* возмѣщеніе всѣхъ частей общественнаго продукта. Поэтому исходнымъ пунктомъ въ разсужденіи объ общественномъ капиталѣ и доходѣ—или, что то же, о реализаціи продукта въ капиталистическомъ обществѣ—должно быть раздѣленіе двухъ совершенно различныхъ видовъ общественнаго продукта: *средствъ производства* и *предметовъ потребленія.* Первыя могутъ быть потреблены только производительно, вторые—только лично. *Первыя могутъ служить только капиталомъ, вторые должны стать доходомъ, т. е. уничтожиться въ потребленіи рабочихъ и капиталистовъ. Первыя достаются цѣликомъ капиталистамъ, вторые—распредѣляются между рабочими и капиталистами.*

Разъ усвоено это раздѣленіе и исправлена ошибка А. Смита, выкинувшаго изъ общественнаго продукта постоянную его часть (т. е. часть, возмѣщающую постоянный капиталъ),—вопросъ о реализаціи продукта въ капиталистическомъ обществѣ становится уже яснымъ. Очевидно, нельзя говорить о реализаціи заработной платы потребленіемъ рабочихъ, а сверхстоимости—потребленіемъ капиталистовъ и *только* *). Рабочіе могутъ потребить заработную плату, а капиталисты сверхстоимость лишь тогда, когда продуктъ состоитъ изъ предметовъ потребленія, т. е. лишь въ одномъ подраздѣленіи общественнаго производства. „Потребить" же продуктъ, состоящій изъ средствъ производства они не могутъ: его *надо обмѣнять на предметы потребленія.* Но на какую же часть (по стоимости) предметовъ потребленія могутъ они обмѣнять свой продуктъ? Очевидно только на постоянную *часть* (постоянный капиталъ), ибо остальныя двѣ части состав-

---

*) А именно такъ разсуждаютъ наши народники-экономисты гг. В. В. и Н.—онъ. Мы намѣренно остановились выше съ особенной подробностью на блужданіяхъ Сисмонди около вопроса о производительномъ и личномъ потребленіи, о предметахъ потребленія и средствахъ производства (А. Смитъ подходитъ къ различенію ихъ еще ближе, чѣмъ Сисмонди). Мы хотѣли показать читателю, что классическіе представители ошибочной теоріи чувствовали неудовлетворительность ея, видѣли противорѣчіе и дѣлали попытки выбраться изъ него. Наши же „самобытные" теоретики не только ничего не видятъ и не чувствуютъ, но даже не знаютъ ни теоріи, ни исторіи вопроса, о которомъ такъ усердно разглагольствуютъ.

ляютъ фондъ потребленія рабочихъ и капиталистовъ, производящихъ предметы потребленія. Этотъ обмѣнъ, реализуя сверхстоимость и заработную плату въ производствахъ, изготовляющихъ средства производства, тѣмъ самымъ реализуетъ постоянный капиталъ въ производствахъ, изготовляющихъ предметы потребленія. Въ самомъ дѣлѣ, у капиталиста, призводящаго, скажемъ, сахаръ, та часть продукта, которая должна возмѣстить постоянный капиталъ (т. е. сырье, вспомогательные матеріалы, машины, зданія и т. п.), существуетъ въ видѣ *сахара*. Чтобы реализовать эту часть, надо получить вмѣсто этого предмета потребленія соотвѣтствующія *средства производства*. Реализація этой части будетъ, слѣдовательно, состоять изъ обмѣна *предмета потребленія* на продукты, служащіе *средствами производства*. Теперь остается необъясненной реализація одной только части общественнаго продукта, именно: постояннаго капитала въ подраздѣленіи, изготовляющемъ средства производства. Она реализируется отчасти тѣмъ, что часть продукта въ своемъ натуральномъ видѣ, входитъ опять въ производство (напр. часть угля, добываемаго каменноугольнымъ предпріятіемъ, идетъ опять на добычу угля; зерно, полученное фермерами, идетъ опять на посѣвъ и т. п.); отчасти же она реализируется обмѣномъ между отдѣльными капиталистами этого же подраздѣленія; напр. въ производствѣ желѣза необходимъ каменный уголь, и въ производствѣ каменнаго угля необходимо желѣзо. Капиталисты, производящіе оба продукта, и реализируютъ взаимнымъ обмѣномъ ту часть этихъ продуктовъ, которая возмѣщаетъ ихъ постоянный капиталъ.

Этотъ анализъ (который мы изложили, повторяемъ, въ самомъ сжатомъ видѣ по причинѣ, указанной выше) разрѣшилъ то затрудненіе, которое сознавали всѣ экономисты, выражая его фразой: „капиталъ для одного—доходъ для другого". Этотъ анализъ показалъ всю ошибочность сведенія общественнаго производства къ одному личному потребленію.

Теперь мы можемъ перейти къ разбору тѣхъ выводовъ, которые дѣлалъ Сисмонди (и другіе романтики) изъ своей ошибочной теоріи. Но сначала приведемъ отзывъ, сдѣланный о Сисмонди авторомъ указаннаго анализа, послѣ подробнѣйшаго и всесторонняго разбора теоріи А. Смита, къ которой Сисмонди не сдѣлалъ ни малѣйшаго дополненія, опустивъ только попытку Смита оправдать свое противорѣчіе:

„Сисмонди, бившійся надъ спеціальнымъ разсмотрѣніемъ отношенія капитала къ доходу и на самомъ дѣлѣ обратившій особую формулировку этого отношенія въ differentia specifica своихъ „Nauveaux Principes, не сказалъ *ни одного* (курсивъ автора) научнаго слова, не внесъ ни атома въ разрѣшеніе проблемы" (Das Kapital, II, S. 385, 1-te Auflage).

V.

Накопленіе въ капиталистическомъ обществѣ.

Первый ошибочный выводъ изъ ошибочной теоріи относится къ накопленію. Сисмонди абсолютно не понялъ капиталистическаго накопленія, и въ горячемъ спорѣ, который онъ велъ по этому вопросу

съ Рикардо, правда оказалась, въ сущности, на сторонѣ послѣдняго. Рикардо утверждалъ, что производство само создаетъ себѣ рынокъ, тогда какъ Сисмонди отрицалъ это, созидая на такомъ отрицанiи свою теорiю кризисовъ. Правда, и Рикардо не сумѣлъ исправить вышеуказанной основной ошибки Смита, не сумѣлъ, поэтому, разрѣшить вопроса объ отношенiи общественнаго капитала къ доходу и о реализацiи продукта (Рикардо и не ставилъ себѣ этихъ вопросовъ), — но онъ инстинктивно характеризовалъ самую суть буржуазнаго способа производства, отмѣчая совершенно безспорный фактъ, что накопленiе есть превышенiе производства надъ доходомъ. Съ точки зрѣнiя новѣйшаго анализа это такъ и оказывается. Производство, дѣйствительно, само создаетъ себѣ рынокъ: для производства необходимы средства производства—и они составляютъ особую область общественной продукцiи, занимающую извѣстную долю рабочихъ, дающую особый продуктъ, реализуемый частью внутри самой этой области, частью въ обмѣнѣ съ другой областью—производствомъ предметовъ потребленiя. Накопленiе дѣйствительно есть превышенiе производства надъ доходомъ (предметами потребленiя). Чтобы расширять производство („накоплять" въ категорическомъ значенiи термина), необходимо произвести сначала средства производства *), а для этого нужно, слѣдовательно, расширенiе того отдѣла общественной продукцiи, который изготовляетъ средства производства, нужно *отвлеченiе къ нему* рабочихъ, которые уже *предъявляютъ спросъ и на предметы потребленiя.* Слѣдовательно, „потребленiе" развивается *вслѣдъ за* „накопленiемъ" или *вслѣдъ за* „производствомъ",—какъ ни кажется это страннымъ, но иначе и быть не можетъ въ капиталистическомъ обществѣ. Въ развитiи этихъ двухъ отдѣловъ капиталистической продукцiи не только не обязательна, слѣдовательно, равномѣрность, а, напротивъ, неизбѣжна неравномѣрность. Извѣстно, что законъ развитiя капитала состоитъ въ томъ, что постоянный капиталъ возрастаетъ быстрѣе перемѣннаго, т.-е. все бо́льшая и бо́льшая часть вновь образуемыхъ капиталовъ обращается къ тому отдѣлу общественнаго хозяйства, который изготовляетъ средства производства. Слѣдовательно, этотъ отдѣлъ необходимо растетъ быстрѣе того отдѣла, который изготовляетъ предметы потребленiя, т.-е. происходитъ именно то, что объявлялъ „невозможнымъ", „опаснымъ" и т. д. Сисмонди. Слѣдовательно, продукты личнаго потребленiя въ общей массѣ капиталистическаго производства занимаютъ все меньшее и меньшее мѣсто. И это вполнѣ соотвѣтствуетъ исторической „миссiи" капитализма и его специфической соцiальной структурѣ: первая состоитъ именно въ развитiи производительныхъ силъ общества (производство для производства); вторая исключаетъ утилизацiю ихъ массой населенiя.

Мы можемъ теперь вполнѣ оцѣнить точку зрѣнiя Сисмонди на накопленiе. Его утвержденiя, что *быстрое* накопленiе ведетъ къ бѣдствiямъ, совершенно ошибочны и проистекаютъ лишь изъ непониманiя накопленiя, точно такъ же, какъ многократныя заявленiя и тре-

*) Напоминаемъ читателю, какъ подходилъ къ этому Сисмонди, выдѣляя отчетливо эти средства производства для отдѣльной семьи и покушаясь сдѣлать это выдѣленiе и для общества. Собственно говоря, „подходилъ" Смитъ а не Сисмонди, только пересказывающiй его.

бованія, чтобы производство не перегоняло потребленія, ибо потребленіе опредѣляетъ производство. На дѣлѣ происходитъ именно обратное, и Сисмонди просто на просто отворачивается отъ дѣйствительности въ ея особой исторически-опредѣленной формѣ, подставляя на мѣсто анализа мелкобуржуазную мораль. Особенно забавное впечатлѣніе производятъ попытки Сисмонди прикрыть эту мораль „научной" формулой. Гг. Сей и Рикардо,—говоритъ онъ въ предисловіи ко 2-му изданію „Nouveaux Principes",—пришли къ той доктринѣ..., что потребленіе не имѣетъ другихъ предѣловъ, кромѣ предѣловъ производства, тогда какъ оно ограничено доходомъ... Они должны были бы предупредить производителей, что они должны разсчитывать только на потребителей, имѣющихъ доходъ" (I, XIII) *). Такая наивность вызываетъ въ настоящее время только улыбку. Но не подобными ли вѣщами переполнены писанія современныхъ нашихъ романтиковъ въ родѣ гг. В. В. и Н.—она? „Пусть предприниматели банковъ подумаютъ хорошенько"... найдется ли рынокъ для товаровъ? (II, 101—102). „Когда принимаютъ ростъ богатства за цѣль общества,—всегда жертвуютъ цѣлью средствамъ" (II, 140). „Если, вмѣсто того, чтобы ожидать импульса отъ запроса труда (т.-е. импульса производству отъ спроса рабочихъ на продукты), мы будемъ думать, что его дастъ предшествующее производство,—то мы сдѣлаемъ почти то же, что сдѣлали бы съ часами, если бы, вмѣсто того, чтобы повернуть назадъ колесо съ цѣпочкой, отодвинули бы назадъ другое колесо,—мы сломали бы тогда и остановили всю машину" (II, 454). Это говоритъ Сисмонди. Теперь послушаемъ г-на Николая—она. „Мы упустили изъ виду, на счетъ чего такое развитіе (т.-е. развитіе капитализма) происходитъ, мы забыли о цѣли какого бы то ни было производства... заблужденіе крайне гибельное..." (Н.—онъ, „Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства", 298). Оба эти писатели говорятъ о капитализмѣ, о капиталистическихъ странахъ; оба выказываютъ полное непониманіе сущности капиталистическаго накопленія. Но можно ли подумать, что послѣдній пишетъ 70 лѣтъ спустя послѣ перваго?

Какимъ образомъ непониманіе капиталистическаго накопленія связывается съ ошибочнымъ сведеніемъ всего производства къ производству предметовъ потребленія,—это показываетъ наглядно одинъ примѣръ, приводимый Сисмонди въ главѣ VIII: „Результаты борьбы за удешевленіе производства" (книга IV: „О коммерческомъ богатствѣ").

Положимъ,—говоритъ Сисмонди, что владѣлецъ мануфактуры имѣетъ оборотный капиталъ въ 100.000 франковъ, приносящій ему 15.000, изъ коихъ 6.000 составляютъ процентъ на капиталъ и отдаются капиталисту, а 9.000 составляютъ предпринимательскій барышъ фабриканта. Положимъ, что онъ употребляетъ трудъ 700 рабочихъ, заработная плата коихъ составляетъ 30.000 франковъ. Далѣе, пусть произойдетъ увеличеніе капитала, расширеніе производства („накопленіе"), Вмѣсто 100.000 фр. капиталъ будетъ = 200.000 фр.

*) Какъ извѣстно, по этому вопросу (создаетъ ли производство само себѣ рынокъ?) новѣйшая теорія вполнѣ примкнула къ классикамъ, отвѣчавшимъ на это утвердительно, *противъ* романтизма, отвѣчавшаго отрицательно. „*Настоящій предѣлъ* капиталистическаго производства это—*самъ капиталъ*". (Das Kapital, III, 1, 231).

вложенныхъ въ основной капиталъ, и 200.000 въ оборотный, всего 400.000 фр.; прибыль и процентъ=32.000 фр.+16.000 фр., ибо процентъ понизился съ 6% до 4%. Число рабочихъ возросло вдвое, но заработная плата понизилась съ 300 фр. до 200 фр.—всего, слѣдовательно, 40.000 фр. Производство возросло, такимъ образомъ, вчетверо*). И Сисмонди подсчитываетъ результаты: „доходъ“ или „потребленіе“ были сначала 45.000 фр. (30.000 заработная плата+6.000 процентъ+ +9.000 прибыль), а теперь 80.000 фр. (40.000 заработная плата+ +16.000 процентъ+32.000 прибыль). „Производство учетверилось“, говоритъ Сисмонди, „а потребленіе даже не удвоилось. *Не нужно считать потребленіе тѣхъ рабочихъ, которые изготовили машины. Оно покрыто 200.000 франковъ*, употребленныхъ на это; оно составляетъ уже часть расчета другой мануфактуры, гдѣ окажутся тѣ же факты“ (I, 408--6).

Расчетъ Сисмонди доказываетъ уменьшеніе дохода при ростѣ производства. Фактъ безспорный. Но Сисмонди не замѣчаетъ, что своимъ примѣромъ онъ побиваетъ свою теорію реализаціи продукта въ капиталистическомъ обществѣ. Курьезно его замѣчаніе, что потребленіе рабочихъ, произведшихъ машины, „не нужно считать“. Почему же? Потому, во 1-хъ, что оно *покрыто* 200.000 фр. Значитъ, капиталъ перенесенъ въ область, изготовляющую *средства производства*,— этого Сисмонди не замѣчаетъ. Значитъ, „внутренній рынокъ“, о „сокращеніи“ котораго Сисмонди говорилъ, не исчерпывается предметами потребленія, а состоитъ также въ *средствахъ производства*. Эти средства производства составляютъ, вѣдь, особый продуктъ, „реализація“ коего состоитъ *не въ личномъ потребленіи*, и чѣмъ быстрѣе идетъ накопленіе, тѣмъ сильнѣе развивается, слѣд., та область капиталистической продукціи, которая даетъ продукты не для личнаго, а для производительнаго потребленія. Во 2-хъ,—отвѣчаетъ Сисмонди,—это рабочіе другой мануфактуры, гдѣ факты окажутся тѣ же самые. Какъ видите, это повтореніе смитовскаго отсыланія читателя „отъ Понтія къ Пилату“. Но вѣдь въ этой „другой мануфактурѣ“ тоже употребляется *постоянный капиталъ*, и производство его тоже даетъ рынокъ тому подраздѣленію капиталистической продукціи, которое изготовляетъ средства производства! Сколько бы мы ни отодвигали вопросъ отъ одного капиталиста къ другому, отъ другого къ третьему,—отъ этого указанное подраздѣленіе не исчезнетъ, и „внутренній рынокъ“ не сведется къ однимъ предметамъ потребленія. Поэтому, когда Сисмонди говоритъ, что „этотъ расчетъ опровергаетъ... одну изъ аксіомъ, на которой всего болѣе настаивали въ политической экономіи, именно, что наиболѣе свободная конкуренція опредѣляетъ наиболѣе выгодное

---

*) „Первый результатъ конкуренціи“, говоритъ Сисмонди, „пониженіе заработной платы и увеличеніе числа рабочихъ въ то же время“ (I, 403). Мы не останавливаемся здѣсь на неправильностяхъ расчета у Сисмонди: онъ считаетъ, напримѣръ, что прибыль будетъ 8 процентовъ на основной капиталъ и 8 процентовъ на оборотный, что число рабочихъ поднимется, пропорціонально увеличенію оборотнаго капитала (который онъ, не умѣетъ, какъ слѣдуетъ, отдѣлить отъ перемѣннаго), что основной капиталъ цѣликомъ входитъ въ цѣну продукта. Въ данномъ случаѣ все это неважно, ибо выводъ получается правильный: уменьшеніе доли перемѣннаго капитала въ общемъ составѣ капитала, какъ необходимый результатъ накопленія.

развитіе индустріи“ (I, 407), то онъ не замѣчаетъ, что „этотъ расчетъ“ опровергаетъ также и его самого. Безспоренъ фактъ, что введеніе машинъ, вытѣсняя рабочихъ, ухудшаетъ ихъ положеніе, и безспорна заслуга Сисмонди, который былъ однимъ изъ первыхъ, указавшихъ на это. Но это нисколько не мѣшаетъ его теоріи накопленія и внутренняго рынка быть сплошной ошибкой. Его же расчетъ показываетъ наглядно какъ разъ то явленіе, которое Сисмонди не только отрицалъ, но превращалъ даже въ доводъ противъ капитализма, говоря, что накопленіе и производство должны соотвѣтствовать потребленію, иначе будетъ кризисъ. Расчетъ показываетъ именно, что накопленіе и производство *обгоняютъ* потребленіе, и что иначе дѣло идти не можетъ, ибо накопленіе совершается, главнымъ образомъ, на счетъ средствъ производства, которыя въ „потребленіе“ не входятъ. То, что казалось Сисмонди простой ошибкой, противорѣчіемъ въ доктринѣ Рикардо—именно, что накопленіе есть превышеніе производства надъ доходомъ,—это на самомъ дѣлѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, выражая противорѣчіе, присущее капитализму. Это превышеніе *необходимо* при всякомъ накопленіи, открывающимъ новый рынокъ *для средствъ производства, безъ соотвѣтственнаго увеличенія рынка на предметы потребленія, и даже при уменьшеніи этого рынка* *). Затѣмъ, отбрасывая ученіе о преимуществахъ свободной конкуренціи, Сисмонди не замѣчаетъ, что вмѣстѣ съ пустымъ оптимизмомъ онъ выбрасываетъ за бортъ несомнѣнную истину, именно, что свободная конкуренція *развиваетъ производительныя силы общества*, какъ это явствуетъ опять-таки изъ его же расчета. (Собственно, это лишь другое выраженіе того-же факта созданія особаго подраздѣленія промышленности, изготовляющаго средства производства, и особенно быстраго развитія его). Это развитіе производительныхъ силъ общества безъ соотвѣтственнаго развитія потребленія есть, конечно, противорѣчіе, но именно такое противорѣчіе, которое имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности, которое вытекаетъ изъ самой сущности капитализма, и отъ котораго нельзя отговариваться чувствительными фразами.

А именно такъ отговариваются романтики. И чтобы читатель не заподозрилъ насъ въ голословномъ обвиненіи современныхъ экономистовъ по поводу ошибокъ столь „устарѣвшаго“ писателя, какъ Сисмонди, приведемъ маленькій образчикъ „новѣйшаго“ писателя, г. Н.—она. На стр. 242-й своихъ „Очерковъ“ онъ разсуждаетъ о развитіи капитализма въ русскомъ мукомольномъ дѣлѣ. Приводя указаніе на появленіе крупныхъ паровыхъ мельницъ съ усовершенствованными орудіями производства (на переустройство мельницъ затрачено съ 70-хъ гг. около 100 милліоновъ руб,) и съ производительностью труда, повысившейся болѣе чѣмъ вдвое, авторъ характеризуетъ описываемое явленіе такъ: «мукомольное дѣло не развивалось, а только сосредоточивалось въ крупныя предпріятія“; затѣмъ распространяетъ эту характеристику на *всѣ* отрасли промышленности (с. 243)

*) Изъ вышеприведеннаго анализа слѣдуетъ само собою, что возможенъ и такой случай, въ зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ распредѣляется новый капиталъ на постоянную и перемѣнную часть и въ какой мѣрѣ уменьшеніе относительной доли перемѣннаго капитала охватываетъ старыя производства.

и дѣлаетъ выводъ, что „во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ масса работниковъ освобождается, не находитъ занятія“ (243) и что „капиталистическое производство развивалось на счетъ народнаго потребленія“ (241). Мы спрашиваемъ читателя, отличается ли такое разсужденіе хоть чѣмъ-нибудь отъ приведеннаго сейчасъ разсужденія Сисмонди? Этотъ „новѣйшій“ писатель констатируетъ два факта, тѣ же самые, которые мы видѣли и на примѣрѣ Сисмонди, и отдѣлывается отъ обоихъ этихъ фактовъ такой же чувствительной фразой. Во-1-хъ, его примѣръ говоритъ, что развитіе капитализма идетъ именно на счетъ средствъ производства. Это значитъ, что капитализмъ развиваетъ производительныя силы общества. Во-2-хъ, его примѣръ говоритъ, что это развитіе идетъ тѣмъ именно специфическимъ путемъ противорѣчій, который присущъ капитализму: развивается производство (затрата 100 милліоновъ рублей—внутренній рынокъ на продукты, реализуемые неличнымъ потребленіемъ) безъ соотвѣтствующаго развитія потребленія (народное питаніе ухудшается), т. е. происходитъ именно производство ради производства. И г. Н.—онъ думаетъ, что это противорѣчіе въ жизни исчезнетъ, если онъ, съ наивностью старичка Сисмонди, представитъ его только противорѣчіемъ доктрины, только „гибельнымъ заблужденіемъ“: „мы забыли о цѣли производства“!! Что можетъ быть характернѣе такой фразы: „не развивалось, а *только* сосредоточивалось“? Очевидно, г-ну Н.—ону извѣстенъ такой капитализмъ, въ которомъ бы развитіе *могло идти иначе*, какъ путемъ *сосредоточенія*. Какъ жаль, что онъ не познакомилъ насъ съ такимъ „самобытнымъ“, невѣдомымъ для всей предшествовавшей ему политической экономіи капитализмомъ!

VI.

Внѣшній рынокъ, какъ „выходъ изъ затрудненія“ по реализаціи сверхстоимости.

Слѣдующая ошибка Сисмонди, вытекающая изъ ошибочной теоріи объ общественномъ доходѣ и продуктѣ въ капиталистическомъ обществѣ, это—ученіе о невозможности реализовать продуктъ вообще и сверхстоимость въ частности, и, какъ слѣдствіе этой невозможности, необходимость внѣшняго рынка. Что касается до реализаціи продукта вообще, то вышеприведенный анализъ показываетъ, что „невозможность“ исчерпывается ошибочнымъ исключеніемъ постояннаго капитала и средствъ производства. Разъ исправлена эта ошибка,— исчезаетъ и „невозможность“. Но то же самое приходится сказать и въ частности о сверхстоимости: этотъ анализъ разъясняетъ и ея реализацію. Нѣтъ рѣшительно никакихъ разумныхъ основаній выдѣлять сверхстоимость изъ всего продукта по отношенію къ ея реализаціи. Обратное утвержденіе Сисмонди (и нашихъ народниковъ)—просто результатъ непониманія основныхъ законовъ реализаціи вообще, неумѣнія раздѣлить три (а не двѣ) части продукта по стоимости и два вида продуктовъ по матеріальной формѣ (средства производства и предметы потребленія). Положеніе, что капиталисты не могутъ потребить сверхстоимость, есть только вульгаризованное повтореніе недоумѣній Смита насчетъ реализаціи вообще. Только *часть* сверх-

стоимости состоитъ изъ предметовъ потребленія; другая же—изъ средствъ производства (напр., сверхстоимость желѣзозаводчика). „Потребленіе" *этой послѣдней* сверхстоимости совершается *обращеніемъ ея на производство*; капиталисты же, производящіе продуктъ въ формѣ средствъ производства, потребляютъ сами не сверхстоимость, а вымѣненный у другихъ капиталистовъ *постоянный капиталъ*. Поэтому народники, толкуя о невозможности реализовать сверхстоимость, логически должны придти къ признанію невозможности реализовать и постоянный *капиталъ*,—и, такимъ образомъ, они преблагополучно вернулись бы къ Адаму... Разумѣется, такое возвращеніе къ „отцу политической экономіи" было бы гигантскимъ прогрессомъ для писателей, преподносящихъ намъ старыя ошибки подъ видомъ истинъ, до которыхъ они „своимъ умомъ дошли"...

А внѣшній рынокъ? Не отрицаемъ ли мы необходимости внѣшняго рынка для капитализма? Конечно, нѣтъ. Но только вопросъ о внѣшнемъ рынкѣ не имѣетъ *абсолютно ничего общаго съ вопросомъ о реализаціи*, и попытка связать ихъ въ одно цѣлое характеризуетъ лишь романтическія пожеланія „задержать" капитализмъ и романтическую неспособность къ логикѣ. Теорія, разъяснившая вопросъ о реализаціи, показала это съ полной точностью. Романтикъ говоритъ: капиталисты не могутъ потребить сверхстоимость и потому должны сбывать ее за границу. Спрашивается, не даромъ ли уже отдаютъ капиталисты свои продукты иностранцамъ или не бросаютъ ли они ихъ въ море? Продаютъ—значитъ получаютъ эквивалентъ; вывозятъ одни продукты—значитъ ввозятъ другіе. Если мы говоримъ о реализаціи общественнаго продукта, то мы этимъ самымъ устраняемъ уже денежное обращеніе и предполагаемъ лишь обмѣнъ продуктовъ на продукты, ибо вопросъ о реализаціи въ томъ и состоитъ, чтобы анализировать *возмѣщеніе* всѣхъ частей общественнаго продукта по стоимости и по матеріальной формѣ. Поэтому, начать разсужденіе о реализаціи и кончить его тѣмъ, что „сбудутъ де продуктъ за деньги",—такъ же смѣшно, какъ если бы на вопросъ о реализаціи постояннаго капитала въ предметахъ потребленія былъ данъ отвѣтъ: „продадутъ". Это просто грубый логическій промахъ: люди сбиваются съ вопроса о реализаціи всего общественнаго продукта на точку зрѣнія единичнаго предпринимателя, котораго, кромѣ „продажи иностранцу", ничто дальше не интересуетъ. Припутывать внѣшнюю торговлю, вывозъ къ вопросу о реализаціи—это значитъ увертываться отъ вопроса, *отодвигая* его лишь на болѣе широкое поле, *но нисколько не выясняя его* *). Вопросъ о реализаціи ни на іоту не подвинется впередъ, если мы вмѣсто рынка одной страны возьмемъ рынокъ извѣстнаго комплекса странъ. Когда народники увѣряютъ, что внѣшній рынокъ есть „вы-

---

*) Это настолько ясно, что даже Сисмонди сознавалъ необходимость абстрагировать отъ внѣшней торговли при анализѣ реализаціи. „Чтобы прослѣдить точнѣе эти расчеты—говоритъ онъ о соотвѣтствіи производства съ потребленіемъ—и упростить вопросъ, мы до сихъ поръ совершенно абстрагировали отъ внѣшней торговли; мы предполагали изолированную націю; человѣческое общество само есть такая же изолированная нація, и все, что относится къ націи безъ внѣшней торговли, относится точно также и ко всему человѣческому роду" (I, 115).

ходъ изъ затрудненія“ *), которое ставитъ себѣ капитализмъ по реализаціи продукта, то они прикрываютъ этой фразой лишь то печальное обстоятельство, что для нихъ „внѣшній рынокъ“ есть „выходъ изъ затрудненія“, въ которое они попадаютъ, благодаря непониманію теоріи... Мало этого. Теорія, связывающая внѣшній рынокъ съ вопросомъ о реализаціи всего общественнаго продукта, не только показываетъ непониманіе этой реализаціи, но еще содержитъ въ себѣ къ тому же *крайне поверхностное пониманіе противорѣчій, свойственныхъ этой реализаціи*. „Рабочіе потребятъ заработную плату, а капиталисты не могутъ потребить сверхстоимости». Вдумайтесь въ эту „теорію“ съ точки зрѣнія внѣшняго рынка. Откуда знаемъ мы, что „рабочіе потребятъ заработную плату“? На какомъ основаніи можно думать, что продукты, предназначенные всѣмъ классомъ капиталистовъ данной страны на потребленіе всѣхъ рабочихъ данной страны, окажутся дѣйствительно *равными по стоимости ихъ заработной платѣ* и возмѣстятъ ее, что для *этихъ* продуктовъ не будетъ необходимости во внѣшнемъ рынкѣ? Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній такъ думать, и на дѣлѣ это вовсе не такъ. Не только продукты (или части продуктовъ), возмѣщающіе сверхстоимость, но и продукты, возмѣщающіе перемѣнный капиталъ; не только продукты, возмѣщающіе перемѣнный капиталъ, но и продукты, возмѣщающіе постоянный капиталъ (о которомъ забываютъ наши „экономисты“, непомнящіе родства... съ Адамомъ); не только продукты, существующіе въ формѣ предметовъ потребленія, но и продукты, существующіе въ формѣ средствъ производства,—всѣ одинаково реализуются лишь среди „затрудненій“, среди постоянныхъ колебаній, которыя становятся все сильнѣе по мѣрѣ роста капитализма, среди бѣшеной конкуренціи, которая *принуждаетъ* каждаго предпринимателя стремиться къ безграничному расширенію производства, выходя за предѣлы даннаго государства, отправляясь на поиски новыхъ рынковъ въ странахъ, еще не втянутыхъ въ капиталистическое обращеніе товаровъ. Мы подошли теперь и къ вопросу о томъ, почему необходимъ внѣшній рынокъ для капиталистической страны? Совсѣмъ не потому, что продуктъ вообще не можетъ быть реализованъ въ капиталистическомъ строѣ. Это—вздоръ. Внѣшній рынокъ необходимъ потому, что капиталистическому производству *присуще* стремленіе къ *безграничному* расширенію—въ противоположность всѣмъ старымъ способамъ производства, ограниченнымъ предѣлами общины, вотчины, племени, территоріальнаго округа или государства. Между тѣмъ какъ при всѣхъ старыхъ хозяйственныхъ режимахъ производство возобновлялось каждый разъ въ томъ же видѣ и въ тѣхъ же размѣрахъ, въ которыхъ шло раньше,—въ капиталистическомъ строѣ это возобновленіе въ томъ же видѣ становится *невозможнымъ*, и закономъ производства становятся *безграничное* расширеніе, вѣчное движеніе впередъ **).

Такимъ образомъ, различное пониманіе реализаціи (вѣрнѣе, пониманіе ея съ одной стороны и полное непониманіе съ другой романтиками) ведетъ къ двумъ діаметрально противоположнымъ воззрѣніямъ

---

*) Н.—онъ, с. 205.

**) Ср. *Зиберъ*, Дав. Рикардо и т. д. Спб. 1885, стр. 466, примѣчаніе.

на значеніе внѣшняго рынка. Для однихъ (романтиковъ) — внѣшній рынокъ есть показатель того „затрудненія", которое *ставитъ* капитализмъ общественному развитію. Для другихъ, наоборотъ, внѣшній рынокъ показываетъ, какъ капитализмъ *устраняетъ* тѣ затрудненія общественному развитію, которыя поставила исторія въ видѣ разныхъ перегородокъ, общинныхъ, племенныхъ, территоріальныхъ, національныхъ *).

Какъ видите, разница только въ „точкѣ зрѣнія"... Да, „только!" Отличіе романтическихъ судей капитализма отъ другихъ состоитъ вообще „только" въ „точкѣ зрѣнія", „только" въ томъ, что одни судятъ сзади, а другіе—спереди, одни—съ точки зрѣнія того строя, который капитализмомъ разрушается, другіе—съ точки зрѣнія того, который капитализмомъ создается **).

Неправильное пониманіе внѣшняго рынка соединяется обыкновенно у романтиковъ съ указаніями на „особенности" международнаго положенія капитализма въ данной странѣ, на невозможность найти рынокъ и т. п.; всѣ эти аргументы стремятся „отклонить" капиталистовъ отъ поисковъ внѣшняго рынка. Говоря „указанія", мы выражаемся, впрочемъ, неточно, ибо фактическаго анализа внѣшней торговли страны, ея поступательнаго движенія въ области новыхъ рынковъ, ея колонизаціи и т. п. романтикъ не даетъ. Его вовсе не интересуетъ изученіе дѣйствительнаго процесса и выясненіе его; ему нужна лишь *мораль противъ этого процесса*. Чтобы читатель могъ убѣдиться въ полной тождественности этой морали у современныхъ русскихъ романтиковъ и у французскаго романтика, приведемъ образчики разсужденій послѣдняго. Какъ Сисмонди грозилъ капиталистамъ, что они не найдутъ рынка, это мы уже видѣли. Но онъ утверждалъ не только это. Онъ утверждалъ, что „міровой рынокъ уже достаточно снабженъ" (II, 328), доказывая невозможность идти путемъ капитализма и необходимость избрать иной путь... Онъ увѣрялъ англійскихъ предпринимателей, что капитализмъ не сможетъ занять всѣхъ рабочихъ, освобождаемыхъ фермерскимъ хозяйствомъ въ земледѣліи (I, 255—256). „Тѣ, кому приносятъ въ жертву земледѣльцевъ, найдутъ ли сами какую-либо выгоду въ этомъ? Вѣдь земледѣльцы — самые близкіе и самые надежные потребители англійскихъ мануфактуръ. Прекращеніе ихъ потребленія нанесло бы индустріи ударъ, болѣе гибельный, чѣмъ закрытіе одного изъ самыхъ крупныхъ внѣшнихъ рынковъ" (I, 256). Онъ увѣрялъ англійскихъ фермеровъ, что имъ не выдержать конкуренціи бѣднаго польскаго крестьянина, которому хлѣбъ почти ничего не стоитъ (II, 257), что имъ грозитъ еще болѣе страшная конкуренція русскаго хлѣба изъ портовъ Чернаго моря. Онъ восклицалъ: „Американцы послѣдовали новому принципу: производить, не взвѣшивая вопроса о рынкѣ, и производить какъ можно больше", и вотъ „характеристическая черта торговли Соедин. Штатовъ, съ одного края страны до другого, — избытокъ товаровъ всякаго рода надъ нуждами потребленія... постоянныя банкротства

*) Ср. ниже: „Rede über die Frage des Freihandels".

**) Я говорю здѣсь лишь объ оцѣнкѣ капитализма, а не о пониманіи его. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи романтики стоятъ, какъ мы видѣли, не выше классиковъ.

суть результатъ этого излишества торговыхъ капиталовъ, которые не могутъ быть обмѣнены на доходъ". (I, 455—456). Добрый Сисмонди! Что сказалъ бы онъ объ Америкѣ современной, — объ Америкѣ, развившейся такъ колоссально на счетъ того самаго „внутренняго рынка", который, по теоріи романтиковъ, долженъ былъ „сокращаться!"

VII.

Кризисъ.

Третій ошибочный выводъ Сисмонди изъ перенятой имъ неправильной теоріи Ад. Смита есть ученіе о кризисахъ. Изъ воззрѣнія Сисмонди, что накопленіе (ростъ производства вообще) опредѣляется потребленіемъ, и изъ невѣрнаго объясненія реализаціи всего общественнаго продукта (сводимаго къ долѣ рабочихъ и долѣ капиталистовъ въ доходѣ) вытекло естественно и неизбѣжно то ученіе, что кризисы объясняются несоотвѣтствіемъ между производствомъ и потребленіемъ. Этой теоріи и держался цѣликомъ Сисмонди. Ее перенялъ и Родбертусъ, придавъ ей слегка измѣненную формулировку: онъ объяснялъ кризисы тѣмъ, что при ростѣ производства доля рабочихъ въ продуктѣ уменьшается, при чемъ весь общественный продуктъ онъ также неправильно, какъ и А. Смитъ, дѣлилъ на заработную плату и „ренту" (по его терминологіи „рента" есть сверхстоимость, т.-е. прибыль и поземельная рента вмѣстѣ). Научный анализъ накопленія въ капиталистическомъ обществѣ *) и реализаціи продукта подорвалъ всѣ основанія этой теоріи, указавъ также, что именно въ эпохи, предшествующія кризисамъ, потребленіе рабочихъ повышается, что недостаточное потребленіе (объясняющее будто бы кризисы) существовало при самыхъ различныхъ хозяйственныхъ режимахъ, а кризисы составляютъ отличительный признакъ только одного режима — капиталистическаго. Эта теорія объясняетъ кризисы другимъ противорѣчіемъ, именно противорѣчіемъ между общественнымъ характеромъ производства (обобществленнаго капитализмомъ) и частнымъ, индивидуальнымъ способомъ присвоенія. Глубокое различіе этихъ теорій, казалось бы, ясно само-собой, но мы должны остановиться подробнѣе на немъ, ибо именно русскіе послѣдователи Сисмонди стараются *стереть* это различіе и спутать дѣло. Двѣ теоріи кризисовъ, о которыхъ мы говоримъ, даютъ имъ совершенно различныя объясненія. Первая теорія объясняетъ ихъ противорѣчіемъ между производствомъ и потребленіемъ рабочаго класса, вторая—противорѣчіемъ между общественнымъ характеромъ производства и частнымъ характеромъ присвоенія. Первая, слѣд., видитъ корень явленія *внѣ* производства (отсюда у Сисмонди, напр., общія нападки на классиковъ, что они

---

*) Въ связи съ ученіемъ о томъ, что весь продуктъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ состоитъ изъ двухъ частей, находится у А. Смита и послѣдующихъ экономистовъ ошибочное пониманіе „накопленія единичнаго капитала". Именно, они учили, что накопляемая часть прибыли цѣликомъ расходуется на заработную плату, тогда какъ на дѣлѣ она расходуется: 1) на постоянный капиталъ и 2) на заработную плату. Сисмонди повторяетъ и эту ошибку классиковъ.

игнорирують потребленіе, занимаясь только производствомъ); вторая— именно въ условіяхъ производства. Говоря кратче, первая объясняетъ кризисы недостаточнымъ потребленіемъ (Unterkonsumtion), вторая — безпорядочностью производства. Итакъ, обѣ теоріи, объясняя кризисы *противорѣчіемъ* въ самомъ строѣ хозяйства, совершенно расходятся въ указаніи этого противорѣчія. Но спрашивается: отрицаетъ ли вторая теорія фактъ противорѣчія между производствомъ и потребленіемъ, фактъ недостаточнаго потребленія? *Разумѣется, нѣтъ.* Она вполнѣ признаетъ этотъ фактъ, но отводитъ ему надлежащее, подчиненное мѣсто, какъ факту, относящемуся лишь къ одному подраздѣленію всего капиталистическаго производства. Она учитъ, что этотъ фактъ не можетъ объяснить кризисовъ, вызываемыхъ другимъ, болѣе глубокимъ, основнымъ противорѣчіемъ современной хозяйственной системы, именно противорѣчіемъ между общественнымъ характеромъ производства и индивидуальнымъ способомъ присвоенія. Поэтому, что сказать о тѣхъ людяхъ, которые, придерживаясь въ сущности первой теоріи, прикрываются ссылками на то, какъ представители второй констатирують противорѣчіе между производствомъ и потребленіемъ? Очевидно, эти люди *не вдумались* въ основу различія двухъ теорій и не поняли, какъ слѣдуетъ, второй теоріи. Къ числу этихъ людей принадлежитъ, напр, г. Н—онъ (не говоря уже о г. В. В.). На принадлежность ихъ къ послѣдователямъ Сисмонди было уже указано въ нашей литературѣ г. Туганъ-Барановскимъ („Пром. кризисы", с. 477, съ странной оговоркой относительно г. Н.—она „повидимому"). Но г. Н.—онъ, толкуя о „сокращеніи внутренняго рынка" и о „пониженіи народной потребительной способности" (центральные пункты его воззрѣній), ссылается тѣмъ не менѣе на представителей второй теоріи, *констатирующихъ* фактъ противорѣчія между производствомъ и потребленіемъ, фактъ недостаточнаго потребленія. Понятно, что такія ссылки показываютъ только характерную вообще для этого автора способность приводить неумѣстныя цитаты, и ничего болѣе. Напр., всѣ читатели, знакомые съ его „Очерками", помнятъ, конечно, его „цитату" о томъ, что „рабочіе, какъ покупатели товара, важны для рынка, но капиталистическое общество имѣетъ стремленіе ограничить ихъ минимумомъ цѣны, какъ продавцовъ собственнаго товара—рабочей силы" („Очерки" с. 178), помнятъ также, что г. Н.—онъ хочетъ выводить отсюда и „сокращеніе внутренняго рынка" (ib., с. 203 и др.) и кризисы (с. 298 и др.). Но, приводя эту цитату (ничего не доказывающую, какъ мы разъяснили), нашъ авторъ сверхъ того *опускаетъ конецъ* той выноски, изъ которой взята его цитата. Эта цитата представляла изъ себя *замѣтку, вставленную въ рукопись* II-го отдѣла II тома „Капитала". Замѣтка эта была вставлена, „чтобы впослѣдствіи развить ее обстоятельнѣе", и издатель рукописи отнесъ ее въ примѣчаніе. *Послѣ приведенныхъ словъ въ этой замѣткѣ говорится: „Однако все это относится только къ слѣдующему отдѣлу* "*),— т.-е. къ третьему отдѣлу. А что это за третій отдѣлъ? Это именно тотъ отдѣлъ, который содержитъ критику теоріи А. Смита о двухъ частяхъ всего общественнаго продукта (вмѣстѣ съ вышеприведеннымъ

*) Das Kapital, II Band, S. 304. Рус. пер., с. 232.

отзывомъ о Сисмонди) и анализъ „воспроизводства и обращенія всего общественнаго капитала“, т.-е. реализаціи продукта. Итакъ, въ подтвержденіе своихъ воззрѣній, повторяющихъ Сисмонди, нашъ авторъ цитируетъ замѣтку, относящуюся „только къ отдѣлу“, опровергающему Сисмонди: „только къ отдѣлу“, въ которомъ показано, что капиталисты *могутъ* реализовать сверхстоимость, и что внесеніе внѣшней торговли въ анализъ реализаціи есть нелѣпость.

Другая попытка стереть различіе двухъ теорій и защитить старый романтическій хламъ ссылкой на новѣйшія ученія содержится въ статьѣ Эфруси. Приведя теорію кризисовъ Сисмонди, Эфруси указываетъ на ея невѣрность („Р. Б.“ № 7, с. 162). Указанія его крайне неотчетливы и противорѣчивы. Съ одной стороны, онъ повторяетъ доводы противоположной теоріи, говоря, что предметами непосредственнаго потребленія не исчерпывается національный спросъ. Съ другой стороны, онъ утверждаетъ, что объясненіе кризисовъ Сисмонди „указываетъ лишь на одно изъ многихъ обстоятельствъ, затрудняющихъ распредѣленіе національнаго производства соотвѣтственно спросу населенія и его покупательной способности“. Читателя приглашаютъ, слѣдовательно, думать, что объясненіе кризисовъ заключается именно въ „распредѣленіи“, и что ошибка Сисмонди ограничивается неполнымъ указаніемъ причинъ, затрудняющихъ это распредѣленіе! Но главное не въ этомъ... „Сисмонди, — говоритъ Эфруси, — не остановился на вышеприведенномъ объясненіи. Уже въ 1-омъ изданіи „Nouv. Prins.“ мы находимъ глубоко поучительную главу, озаглавленную „De la connaissance du marché“. Въ этой главѣ Сисмонди раскрываетъ намъ основныя причины нарушенія равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ (это замѣтьте!) съ такой ясностью, какую мы въ этомъ вопросѣ встрѣчаемъ лишь у немногихъ экономистовъ“. (ib.). И приведя цитаты о томъ, что фабрикантъ не можетъ знать рынка, Эфруси говоритъ: „Почти то же самое говоритъ Энгельсъ“ (с. 163)—слѣдуетъ цитата о томъ, что фабрикантъ не можетъ знать спроса. Приведя затѣмъ еще цитаты о „другихъ препятствіяхъ для установленія равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ“ (с. 164), Эфруси увѣряетъ, что „въ нихъ дается то самое объясненіе кризисовъ, которое все болѣе и болѣе становится господствующимъ!“ Даже болѣе: Эфруси находитъ, что „мы въ вопросѣ о причинахъ народно-хозяйственныхъ кризисовъ можемъ съ полнымъ правомъ смотрѣть на Сисмонди, какъ на родоначальника тѣхъ взглядовъ, которые позднѣе развиваются болѣе послѣдовательно и болѣе ясно“ (с. 168).

Но всѣмъ этимъ Эфруси обнаруживаетъ полное непониманіе дѣла! Что такое кризисы? — Перепроизводство, производство товаровъ, которые не могутъ быть реализованы, не могутъ найти спроса. Если товары не могутъ найти спроса, — значитъ, фабрикантъ, производя ихъ, не зналъ спроса. Спрашивается теперь: неужели указать это условіе возможности кризисовъ значитъ дать объясненіе кризисамъ? Неужели Эфруси не понималъ разницы между указаніемъ возможности и объясненіемъ необходимости явленія? Сисмонди говоритъ: кризисы возможны, ибо фабрикантъ не знаетъ спроса; они необходимы, ибо въ капиталистическомъ производствѣ не можетъ быть равновѣсія произ-

водства съ потребленіемъ (т.-е. не можетъ быть реализованъ продуктъ). Энгельсъ говоритъ: кризисы возможны, ибо фабрикантъ не знаетъ спроса; они необходимы совсѣмъ не потому, чтобы вообще не могъ быть реализованъ продуктъ. Это невѣрно: продуктъ можетъ быть реализованъ. Кризисы необходимы потому, что коллективный характеръ производства приходитъ въ противорѣчіе съ индивидуальнымъ характеромъ присвоенія. И вотъ находится экономистъ, который увѣряетъ, что Энгельсъ говоритъ „почти то же самое", что Сисмонди даетъ „то же самое объясненіе кризисовъ"! „Меня удивляетъ поэтому, — пишетъ Эфруси — что г. Туганъ-Барановскій... упустилъ изъ виду самое важное и цѣнное въ ученіи Сисмонди" (с. 168). Но г. Туганъ-Барановскій ничего не упустилъ изъ виду *). Напротивъ онъ съ полной точностью указалъ то основное противорѣчіе, къ которому сводитъ дѣло новая теорія (с. 455 и др.), и выяснилъ значеніе Сисмонди, который раньше указалъ на противорѣчіе, проявляющееся въ кризисахъ, но не сумѣлъ дать вѣрнаго объясненія ему (с. 457: Сисмонди до Энгельса указывалъ на то, что кризисы вытекаютъ изъ современной организаціи хозяйства; с. 491: Сисмонди излагалъ условія возможности кризисовъ, но „не всякая возможность осуществляется на дѣлѣ"). А Эфруси совершенно въ этомъ не разобрался и, сваливъ все въ одну кучу, „удивляется", что у него выходитъ путаница! „Мы, правда,—говоритъ экономистъ „Русск. Бог."—у Сисмонди не находимъ тѣхъ выраженій, которыя теперь получили всеобщее право гражданства, въ родѣ „анархіи производства", „отсутствія планомѣрности (Planlosigkeit) производства, но сущность, скрывающаяся подъ этими выраженіями, отмѣчена у него вполнѣ ясно" (с. 168). Съ какой легкостью романтикъ новѣйшій реставрируетъ романтика былыхъ дней! Вопросъ сводится къ различію въ словахъ! На дѣлѣ вопросъ сводится къ тому, что Эфруси не понимаетъ тѣхъ словъ, которыя повторяетъ. „Анархія производства", „отсутствіе планомѣрности производства"—о чемъ говорятъ эти выраженія? О противорѣчіи между общественнымъ характеромъ производства и индивидуальнымъ характеромъ присвоенія. И мы спрашиваемъ всякаго, знакомаго съ разбираемой экономической литературой: признавалъ ли это противорѣчіе Сисмонди или Родбертусъ? Выводили ли они кризисы изъ этого противорѣчія? Нѣтъ, не выводили и не могли выводить, ибо *ни одинъ изъ нихъ совершенно не понималъ этого противорѣчія.* Самая идея о томъ, что критику капитализма нельзя основывать на фразахъ о всеобщемъ благополучіи **) или о неправильности „обращенія, предоставленнаго самому себѣ" ***), а необходимо основывать на харак-

---

*) Въ „Развитіи капитализма" (стр. 16 и 19) я уже отмѣтилъ тѣ неточности и ошибки у г. Туганъ-Барановскаго, которыя привели его впослѣдствіи къ полному переходу въ лагерь буржуазныхъ экономистовъ. (Прим. къ наст. изд.).

**) Cf. Sismondi, l. c. I, 8.

***) Родбертусъ. Кстати отмѣтимъ, что Бернштейнъ, реставрируя вообще предразсудки буржуазной экономіи, внесъ путаницу и по данному вопросу, утверждая, что теорія кризисовъ Маркса не очень то отличается отъ Родбертусовской (Die Voraussetkungen ets. Stuttg. 1899, S. 67) и что Марксъ противорѣчитъ себѣ, признавая послѣдней причиной кризисовъ ограниченность потребленія массъ. (Прим. къ наст. изд.).

терѣ эволюціи производственныхъ отношеній,—была имъ абсолютно чужда.

Мы вполнѣ понимаемъ, почему наши россійскіе романтики употребляютъ всѣ усилія, чтобы стереть различіе между двумя указанными теоріями кризисовъ. Это потому, что съ указанными теоріями самымъ непосредственнымъ, самымъ тѣснымъ образомъ связаны принципіально различныя отношенія къ капитализму. Въ самомъ дѣлѣ, если мы объясняемъ кризисы невозможностью реализовать продукты, противорѣчіемъ между производствомъ и потребленіемъ, то мы тѣмъ самымъ приходимъ къ отрицанію дѣйствительности, пригодности того пути, по которому идетъ капитализмъ, объявляемъ его путемъ „ложнымъ" и обращаемся къ поискамъ „иныхъ путей". Выводя кризисы изъ этого противорѣчія, мы должны думать, что, чѣмъ дальше развивается оно, *тѣмъ труднѣе* выходъ изъ противорѣчія. И мы видѣли, какъ Сисмонди съ величайшей наивностью высказалъ именно это мнѣніе, говоря, что, если капиталъ накопляется медленно, то это еще можно снести; но если быстро, то это становится невыносимо.—Наоборотъ, если мы объясняемъ кризисы противорѣчіемъ между общественнымъ характеромъ производства и индивидуальнымъ характеромъ присвоенія, мы тѣмъ самымъ признаемъ дѣйствительность и прогрессивность капиталистическаго пути и отвергаемъ поиски „иныхъ путей", какъ вздорный романтизмъ. Мы тѣмъ самымъ признаемъ, что, чѣмъ дальше развивается это противорѣчіе, *тѣмъ легче* выходъ изъ него, и что выходъ заключается именно въ развитіи даннаго строя.

Какъ видитъ читатель, и тутъ мы встрѣчаемъ различіе „точекъ зрѣнія"...

Вполнѣ естественно, что наши романтики ищутъ теоретическихъ подтвержденій своимъ воззрѣніямъ. Вполнѣ естественно, что эти поиски приводятъ ихъ къ старому хламу, давнымъ давно выброшенному западной Европой. Вполнѣ естественно, что они, чувствуя это, пытаются реставрировать этотъ хламъ, то прямо прикрашивая романтиковъ западной Европы, то провозя романтизмъ подъ флагомъ неумѣстныхъ и извращенныхъ цитатъ. Но они жестоко заблуждаются, если думаютъ, что подобная контрабанда будетъ оставаться нераскрытой.

Заканчивая этимъ изложеніе *основной* теоретической доктрины Сисмонди и главнѣйшихъ теоретическихъ выводовъ, сдѣланныхъ имъ изъ нея, мы должны сдѣлать маленькое добавленіе, относящееся опять къ Эфруси. Въ другой своей статьѣ о Сисмонди (продолженіе первой) онъ говоритъ: „Еще болѣе интереснымъ (сравнительно съ ученіемъ о доходѣ съ капитала) являются воззрѣнія Сисмонди на различные виды доходовъ" („Р. Б." № 8, с. 42). Сисмонди, дескать, такъ же, какъ и Родбертусъ, дѣлитъ національный доходъ на двѣ части: „одна поступаетъ владѣльцамъ земли и орудій производства, другая—представителямъ труда" (ib). Слѣдуютъ цитаты, въ которыхъ Сисмонди говоритъ о такомъ дѣленіи не только національнаго дохода, но и всего продукта: „Годовое производство, или результатъ всѣхъ работъ, совершенныхъ народомъ въ теченіе года, также состоитъ изъ двухъ частей", и т. д. (N. Princ. I, 105, цит. въ „Р. Б." № 8, с. 43). Процитированныя мѣста, заключаетъ нашъ экономистъ,—ясно доказы-

ваютъ, что Сисмонди вполнѣ усвоилъ (!) ту самую классификацію народнаго дохода, которая играетъ у новѣйшихъ экономистовъ такую важную роль, именно дѣленіе народнаго дохода на доходъ, основанный на трудѣ, и на безтрудовой доходъ — arbeitsloses Einkommen. Хотя, вообще говоря, взгляды Сисмонди по вопросу о доходѣ не всегда ясны и опредѣленны, но въ нихъ все-таки проглядываетъ сознаніе различія, существующаго между частно-хозяйственнымъ и народно-хозяйственнымъ доходомъ" (с. 43).

Процитированное мѣсто,—скажемъ мы на это,—ясно доказываетъ, что Эфруси вполнѣ усвоилъ мудрость нѣмецкихъ учебниковъ, но, не смотря на это (а, можетъ быть, именно благодаря этому) совершенно проглядѣлъ теоретическую трудность вопроса о національномъ доходѣ въ отличіе отъ индивидуальнаго. Эфруси выражается очень неосторожно. Мы видѣли, что въ первой половинѣ своей статьи онъ называлъ „новѣйшими экономистами" теоретиковъ одной опредѣленной школы. Читатель вправѣ будетъ подумать, что и на этотъ разъ рѣчь идетъ о нихъ же. На самомъ же дѣлѣ авторъ разумѣетъ тутъ нѣчто совершенно иное. Въ качествѣ новѣйшихъ экономистовъ фигурируютъ теперь уже нѣмецкіе катедерсоціалисты. Защита Сисмонди состоитъ въ томъ, что авторъ сближаетъ его теорію съ ихъ ученіемъ. Въ чемъ же состоитъ ученіе этихъ „новѣйшихъ" авторитетовъ Эфруси?—Въ томъ, что національный доходъ дѣлится на двѣ части.

Да вѣдь это ученіе Ад. Смита, а вовсе не „новѣйшихъ экономистовъ"! Раздѣляя доходъ на заработную плату, прибыль и ренту (кн. I, гл. VI „Богатства народовъ"; кн. II, гл. II), А. Смитъ противополагалъ два послѣдніе первому, именно какъ безтрудовой доходъ, называя оба ихъ вычетомъ изъ труда (кн. I, гл. VIII) и оспаривая мнѣніе, что прибыль есть та же заработная плата за особаго рода трудъ (кн. I, гл. VI). И Сисмонди, и Родбертусъ, и „новѣйшіе" авторы нѣмецкихъ учебниковъ просто повторяютъ это ученіе Смита. Различіе между ними только то, что А. Смитъ сознавалъ, что ему не вполнѣ удается выдѣлить національный доходъ изъ національнаго продукта; сознавалъ, что онъ впадаетъ въ противорѣчіе, выкидывая изъ послѣдняго постоянный капиталъ (по современной терминологіи), который имъ включался однако въ единичный продуктъ. „Новѣйшіе" же экономисты, повторяя ошибку А. Смита, облекали его ученіе только въ болѣе напыщенную форму („классификація національнаго дохода") и утрачивали сознаніе того противорѣчія, передъ которымъ остановился А. Смитъ. Это—пріемы, быть можетъ, ученые, но вовсе не научные.

VIII.

Капиталистическая рента и капиталистическое перенаселеніе.

Продолжаемъ обзоръ теоретическихъ воззрѣній Сисмонди. Всѣ главныя его воззрѣнія—тѣ, которыя характеризуютъ его въ отличіе отъ всѣхъ другихъ экономистовъ, мы уже разсмотрѣли. Дальнѣйшія либо не играютъ столь важной роли въ общемъ его ученіи, либо составляютъ выводъ изъ предыдущихъ.

Отмѣтимъ, что Сисмонди точно такъ же, какъ и Родбертусъ, не раздѣлялъ теоріи ренты Рикардо. Не выдвигая своей собственной теоріи, онъ старался поколебать ученіе Рикардо соображеніями болѣе, чѣмъ слабыми. Онъ выступаетъ здѣсь чистымъ идеологомъ мелкаго крестьянина; онъ не столько опровергаетъ Рикардо, сколько опровергаетъ вообще перенесеніе на земледѣліе категорій товарнаго хозяйства и капитализма. Въ обоихъ отношеніяхъ его точка зрѣнія въ высшей степени характерна для романтика. Гл. XIII-я 3-ей книги *) посвящена „теоріи г. Рикардо о рентѣ съ земель". Заявивъ сразу о полномъ противорѣчіи доктрины Рикардо его собственной теоріи, Сисмонди приводитъ такія возраженія: общій уровень прибыли (на которомъ построена теорія Рикардо) никогда не устанавливается, свободнаго перемѣщенія капитала въ земледѣліи нѣтъ. Въ земледѣліи надо разсматривать внутреннюю цѣнность продукта (la valeur intrinsèque), не зависящую отъ колебаній рынка и представляющую владѣльцу „чистый продуктъ" (produit net), „трудъ природы" (I, 306). „Трудъ природы есть сила, источникъ чистаго продукта земли, разсматриваемаго въ его внутренней стоимости" (I, 316). „Мы разсматривали ренту, или вѣрнѣе, чистый продуктъ, какъ происходящій непосредственно изъ земли въ пользу собственника; онъ не отнимаетъ никакой доли ни у фермера, ни у потребителя" (I, 312). И это повтореніе старыхъ физіократическихъ предразсудковъ заключается еще моралью: „Вообще въ политической экономіи слѣдуетъ беречься абсолютныхъ предположеній, точно такъ же, какъ и абстракцій" (I, 312)! Въ такой „теоріи" нечего даже и разбирать, ибо одного маленькаго примѣчанія Рикардо противъ „труда природы" болѣе, чѣмъ достаточно **). Это просто отказъ отъ анализа и гигантскій шагъ назадъ сравнительно съ Рикардо. Съ полной наглядностью сказывается и тутъ романтизмъ

---

*) Характерна уже и самая система изложенія: 3-я книга трактуетъ о „богатствѣ территоріальномъ" (richesse territoriale), земельномъ, т.-е. земледѣліи. Слѣдующая 4-ая книга „о богатствѣ торговомъ" (de la richesse commerciale)—о промышленности и торговлѣ. Какъ будто бы земельный продуктъ и самая земля не становились тоже товаромъ при господствѣ капитализма! Поэтому между двумя этими книгами не оказывается и соотвѣтствія. Промышленность трактуется только въ ея капиталистической формѣ, современной Сисмонди. Земледѣліе же описывается въ видѣ разношерстнаго перечня всяческихъ системъ эксплоатаціи земли: эксплоатація патріархальная, рабская, половническая, барщинная, оброчная, фермерская, эмфитевтическая (сдача въ вѣчно-наслѣдственную аренду). Въ результатѣ полная путаница: авторъ не даетъ ни исторіи земледѣлія, ибо всѣ эти „системы" между собой не связаны, ни анализа земледѣлія въ капиталистическомъ хозяйствѣ, хотя это послѣднее—настоящій предметъ его сочиненія и хотя о промышленности онъ говоритъ только въ ея капиталистической формѣ.

**) *Рикардо.* Сочиненія, пер. Зибера, стр. 35: „Развѣ природа ничего не дѣлаетъ для человѣка въ мануфактурной промышленности? Развѣ силы вѣтра и воды, приводящія въ дѣйствіе наши машины и оказывающія пособіе мореплаванію, не имѣютъ никакого значенія? Давленіе атмосферы и упругость пара, посредствомъ которыхъ мы приводимъ въ движеніе самые удивительныя машины,—развѣ это не дары природы? Не говоря о дѣйствіи теплоты, размягчающей и расплавляющей металлы, и объ участіи воздуха въ процессахъ окрашиванія и броженія, нѣтъ ни одной отрасли мануфактуры, въ которой бы природа не оказывала помощи человѣку, и притомъ помощи даровой и щедрой".

Сисмонди, который спѣшитъ осудить данный процессъ, боясь прикоснуться къ нему анализомъ. Замѣтьте, что онъ вѣдь не отрицаетъ того факта, что земледѣліе развивается въ Англіи капиталистически, что крестьяне замѣняются фермерами и поденщиками, что на континентѣ дѣла развиваются въ томъ же направленіи. Онъ просто отворачивается отъ этихъ фактовъ (которые онъ обязанъ былъ разсмотрѣть, разсуждая о капиталистическомъ хозяйствѣ), предпочитая сентиментальные разговоры о предпочтительности системы патріархальной эксплоатаціи земли. Точь въ точь такъ же поступаютъ и наши народники-никто изъ нихъ и не пытался отрицать того факта, что товарное хозяйство проникаетъ въ земледѣліе, что оно не можетъ не производить радикальнаго измѣненія въ общественномъ характерѣ земледѣлія, но въ то же время никто, разсуждая о капиталистическомъ хозяйствѣ, не ставитъ вопроса о ростѣ торговаго земледѣлія, предпочитая отдѣлываться сентенціями о „народномъ производствѣ". Такъ какъ здѣсь мы ограничиваемся пока разборомъ теоретической экономіи Сисмонди, то болѣе подробное ознакомленіе съ этой „патріархальной эксплоатаціей" откладываемъ до дальнѣйшаго.

Другимъ теоретическимъ пунктомъ, около котораго вращается изложеніе Сисмонди, является ученіе о населеніи. Отмѣтимъ отношеніе Сисмонди къ теоріи Мальтуса и къ излишнему населенію, создаваемому капитализмомъ.

Эфруси увѣряетъ, что Сисмонди согласенъ съ Мальтусомъ лишь въ томъ, что населеніе можетъ размножаться съ чрезвычайной быстротой, служа источникомъ чрезвычайныхъ страданій. Въ дальнѣйшемъ они являются полнѣйшими антиподами. „Сисмонди ставитъ весь вопросъ о населеніи на соціально историческую почву". („Р. Б." № 7, с. 148). И въ этой формулировкѣ Эфруси совершенно затушевываетъ характерную точку зрѣнія Сисмонди (именно мелко-буржуазную) и его романтизмъ.

Что значитъ „ставить вопросъ о населеніи на соціально-историческую почву"? Это значитъ изслѣдовать законъ народонаселенія каждой исторической системы хозяйства отдѣльно и изучать его связь и соотношеніе съ данной системой. Какую систему изучалъ Сисмонди? Капиталистическую. Итакъ, сотрудникъ „Русск. Богатства" полагаетъ, что Сисмонди изучалъ капиталистическій законъ народонаселенія. Въ этомъ утвержденіи есть доля истины, но только *доля*. А такъ какъ Эфруси и не думалъ разбирать, чего недоставало Сисмонди въ его разсужденіяхъ о народонаселеніи, и такъ какъ Эфруси утверждаетъ, что „Сисмонди является здѣсь предшественникомъ самыхъ выдающихся новѣйшихъ экономистовъ" *) (с. 148),—то въ результатѣ получается совершенно такое же подкрашиваніе мелко-буржуазнаго романтика, какое мы видѣли по вопросу о кризисахъ и о національномъ доходѣ. Въ чемъ состояло сходство ученія Сисмонди съ новой теоріей по этимъ вопросамъ? Въ томъ, что Сисмонди указалъ на противорѣчія, свойственныя капиталистическому накопленію. Это сход-

*) Оговариваемся, впрочемъ, что мы не можемъ навѣрное знать, кто фигурируетъ тутъ у Эфруси въ качествѣ „самаго выдающагося новѣйшаго экономиста", представитель ли извѣстной, безусловно чуждой романтизму школы, или авторъ самаго толстаго хандбуха?

ство Эфруси отмѣтилъ. Въ чемъ состояло различіе Сисмонди отъ новой теоріи? Въ томъ, во 1-хъ, что онъ ни на іоту не двинулъ впередъ научнаго анализа этихъ противорѣчій и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сдѣлалъ даже шагъ назадъ сравнительно съ классиками — во-2-хъ, въ томъ, что онъ прикрывалъ свою неспособность къ анализу (отчасти свое нежеланіе производить анализъ) мелкобуржуазной моралью о необходимости соображать національный доходъ съ расходомъ, производство съ потребленіемъ и т. п. Этого различія Эфруси ни по одному изъ указанныхъ пунктовъ *не отмѣтилъ* и тѣмъ совершенно неправильно представилъ настоящее значеніе Сисмонди и его отношеніе къ новѣйшей теоріи. Совершенно то же самое видимъ мы и по данному вопросу. Сходство Сисмонди съ новѣйшей теоріей и здѣсь ограничивается *указаніемъ на противорѣчіе.* Различіе и здѣсь состоитъ въ отсутствіи научнаго анализа и въ мелко-буржуазной морали вмѣсто такого анализа. Пояснимъ это.

Развитіе капиталистической машинной индустріи съ конца прошлаго вѣка повело за собой образованіе излишняго населенія, и предъ политической экономіей встала задача объяснить это явленіе. Мальтусъ пытался, какъ извѣстно, объяснить его естественно-историческими причинами, совершенно отрицая происхожденіе его изъ извѣстнаго, исторически-опредѣленнаго строя общественнаго хозяйства и совершенно закрывая глаза на вскрываемыя этимъ фактомъ противорѣчія. Сисмонди указалъ на эти противорѣчія и на вытѣсненіе населенія машинами. Въ этомъ указаніи его неоспоримая заслуга, ибо въ ту эпоху, когда онъ писалъ, такое указаніе было новостью. Но посмотримъ, какъ онъ отнесся къ этому факту.

Въ 7-ой книгѣ („О населеніи") 7-ая глава спеціально говоритъ „о населеніи, сдѣлавшемся излишнимъ вслѣдствіе изобрѣтенія машинъ". Сисмонди констатируетъ, что „машины вытѣсняютъ людей" (p. 315, II, V), и сейчасъ же ставитъ вопросъ, есть ли изобрѣтеніе машинъ выгода для націи или несчастье? Понятно, что „рѣшеніе" этого вопроса для всѣхъ странъ и временъ вообще, а не для капиталистической страны состоитъ въ безсодержательнѣйшей банальности: выгода—тогда, когда „спросъ на потребленіе превышаетъ средства производства въ рукахъ населенія" (II, 317), и бѣдствіе—„когда производство вполнѣ достаточно для потребленія". Другими словами: констатированіе противорѣчія служитъ у Сисмонди лишь поводомъ для разсужденій о какомъ-то абстрактномъ обществѣ, въ которомъ уже нѣтъ никакихъ противорѣчій и къ которому примѣнима мораль расчетливаго крестьянина! Сисмонди и не пытается анализировать это противорѣчіе, разобрать, какъ оно складывается, къ чему ведетъ и т. д. въ данномъ капиталистическомъ обществѣ. Нѣтъ, онъ пользуется этимъ противорѣчіемъ, лишь какъ матеріаломъ для своего нравственнаго негодованія противъ такого противорѣчія. Все дальнѣйшее содержаніе главы не даетъ абсолютно ничего по данному теоретическому вопросу, исчерпываясь сѣтованіями, жалобами и невинными пожеланіями. Вытѣсняемые рабочіе были потребителями... сокращается внутренній рынокъ... что касается внѣшняго, то міръ уже достаточно снабженъ... умѣренное довольство крестьянъ лучше гарантировало бы сбытъ... нѣтъ болѣе поразительнаго, ужасающаго

примѣра, какъ Англія, которой слѣдуютъ государства континента— вотъ какія сентенціи даетъ Сисмонди, вмѣсто анализа явленія! Его отношеніе къ предмету точь въ точь таково, какъ и отношеніе нашихъ народниковъ. Народники тоже ограничиваются однимъ констатированіемъ факта избыточности населенія, и утилизируютъ этотъ фактъ лишь для сѣтованій и жалобъ на капитализмъ (ср. Н.—онъ, В. В. и т. под.). Какъ Сисмонди не пытается даже анализировать, въ какомъ отношеніи къ требованіямъ капиталистическаго производства находится это излишнее населеніе,—такъ и народники никогда и не ставили себѣ подобнаго вопроса.

Полная неправильность подобнаго пріема была выяснена научнымъ анализомъ этого противорѣчія. Этотъ анализъ установилъ, что избыточное населеніе, представляя изъ себя несомнѣнно противорѣчіе (рядомъ съ избыточнымъ производствомъ и избыточнымъ потребленіемъ) и будучи необходимымъ результатомъ капиталистическаго накопленія, является въ то же время *необходимой составной частью* капиталистическаго механизма *). Чѣмъ дальше развивается крупная индустрія, тѣмъ большимъ колебаніямъ подвергается спросъ на рабочихъ въ зависимости отъ кризисовъ или періодовъ процвѣтанія во всемъ національномъ производствѣ или въ каждой отдѣльной отрасли его. Эти колебанія—законъ капиталистическаго производства, которое *не могло бы существовать*, если бы не было избыточнаго населенія (т. е. превышающаго *средній* спросъ капитализма на рабочихъ), готоваго въ каждый данный моментъ доставить рабочія руки для любой отрасли промышленности или для любого предпріятія. Анализъ показалъ, что избыточное населеніе образуется во всѣхъ отрасляхъ промышленности, куда только проникаетъ капитализмъ—и въ земледѣліи точно такъ же, какъ въ промышленности,—и что избыточное населеніе существуетъ въ разныхъ формахъ. Главныхъ формъ три **): 1) *Перенаселеніе текучее.* Къ нему принадлежатъ незанятые рабочіе въ промышленности. Съ развитіемъ промышленности необходимо растетъ и число ихъ. 2) *Перенаселеніе скрытое.* Къ нему принадлежитъ

---

*) Впервые, насколько извѣстно, эта точка зрѣнія на избыточное населеніе была высказана Энгельсомъ въ „Die Lage der arbeitenden Klasse in England“ (1845). Описавши обычный промышленный циклъ англійской промышленности, авторъ говоритъ:

„Отсюда ясно, что англійская промышленность должна имѣть во всякое время, за исключеніемъ краткихъ періодовъ высшаго процвѣтанія, незанятую резервную армію рабочихъ,—для того, чтобы имѣть возможность производить массы товаровъ, требуемыхъ рынкомъ въ наиболѣе оживленные мѣсяцы. Эта резервная армія расширяется или суживается, смотря по состоянію рынка, дающаго занятіе большей или меньшей части ея членовъ. И если въ моментъ наибольшаго оживленія рынка земледѣльческіе округа и отрасли промышленности, наименѣе затронутыя общимъ процвѣтаніемъ, даютъ временно мануфактурамъ извѣстное количество рабочихъ, то таковыхъ небольшое меньшинство, и они принадлежатъ точно также къ резервной арміи, съ тѣмъ единственнымъ различіемъ, что именно быстрое процвѣтаніе требовалось для того, чтобы вскрыть ихъ принадлежность къ этой арміи“.

Въ послѣднихъ словахъ важно отмѣтить отнесеніе къ резервной арміи части *земледѣльческаго* населенія, временно обращающагося къ промышленности. Это именно то, что позднѣйшая теорія назвала *скрытой* формой избыточнаго населенія (см. „Капиталъ“ Маркса).

**) Ср. *Зибера.* Давидъ Рикардо и т. д., с. 552—3. Спб. 1885.

сельское населеніе, теряющее свое хозяйство съ развитіемъ капитализма и не находящее неземледѣльческихъ занятій. Это населеніе всегда готово доставить рабочія руки для любыхъ предпріятій. 3) *Перенаселеніе застойное.* Оно занято „въ высшей степени неправильно" при условіяхъ, стоящихъ ниже обычнаго уровня. Сюда относятся, главнымъ образомъ, работающіе дома на фабрикантовъ и на магазины, какъ сельскіе жители, такъ и городскіе. Совокупность всѣхъ этихъ слоевъ населенія и составляетъ *относительно избыточное населеніе*, или *резервную армію.* Послѣдній терминъ отчетливо показываетъ, о какомъ населеніи идетъ рѣчь. Это—рабочіе, которые необходимы капитализму для *возможнаго* расширенія предпріятій, но которые никогда не могутъ быть заняты постоянно.

Такимъ образомъ, и по данному вопросу теорія пришла къ выводу, который діаметрально противоположенъ выводу романтиковъ. Для послѣднихъ избыточное населеніе означаетъ невозможность капитализма или „ошибочность" его. На самомъ же дѣлѣ — какъ разъ наоборотъ: избыточное населеніе, являясь необходимымъ дополненіемъ избыточнаго производства, составляетъ необходимую принадлежность капиталистическаго хозяйства, *безъ которой оно не могло бы ни существовать, ни развиваться.* Эфруси и тутъ совершенно неправильно представилъ дѣло, умолчавъ объ этомъ положеніи новѣйшей теоріи.

Простого сопоставленія двухъ указанныхъ точекъ зрѣнія достаточно для сужденія о томъ, къ какой изъ нихъ примыкають наши народники. Вышеизложенная глава изъ Сисмонди могла бы съ полнѣйшимъ правомъ фигурировать въ „Очеркахъ нашего пореф. общ. хозяйства" г. Н.—она.

Констатируя образованіе избыточнаго населенія въ пореформенной Россіи, народники никогда не ставили вопроса о потребностяхъ капитализма въ резервной арміи рабочихъ. Могли ли быть построены желѣзныя дороги, еслибы не образовывалось постоянно избыточное населеніе? Извѣстно вѣдь, что спросъ на такого рода трудъ сильно колеблется по годамъ. Могла ли развиться промышленность безъ этого условія? (Въ періоды горячки она требуетъ массы строительныхъ рабочихъ для вновь воздвигаемыхъ фабрикъ, зданій, складовъ и т. п. и всякаго рода вспомогательной поденной работы, занимающей большую часть, такъ называемыхъ, отхожихъ неземледѣльческихъ промысловъ). Могло ли безъ этого условія создаться капиталистическое земледѣліе нашихъ окраинъ, требующее сотенъ тысячъ и милліоновъ поденщиковъ, при чемъ колебанія спроса на этотъ трудъ, какъ извѣстно, непомѣрно велики? Могло ли имѣть мѣсто безъ образованія избыточнаго населенія феноменально быстрое сведеніе лѣсовъ предпринимателями-лѣсопромышленниками на нужды фабрикъ? (лѣсныя работы принадлежатъ тоже къ числу наихудше оплачиваемыхъ и наихудше обставленныхъ, какъ и другія формы труда сельскихъ жителей на предпринимателей). Могла ли безъ этого условія развиться система раздачи работы на дома въ городахъ и деревняхъ купцами, фабрикантами, магазинами, составляющая столь распространенное явленіе въ т. наз. кустарныхъ промыслахъ? Во всѣхъ этихъ отросляхъ труда (развившихся главнымъ образомъ послѣ ре-

формы) колебанія спроса на наемный трудъ крайне велики. А вѣдь размѣръ колебаній такого спроса опредѣляетъ размѣръ избыточнаго населенія, *требуемаго* капитализмомъ. Экономисты-народники нигдѣ не показали, чтобы имъ былъ извѣстенъ этотъ законъ. Мы не намѣрены, конечно, входить здѣсь въ разборъ этихъ вопросовъ по существу *). Это не входитъ въ нашу задачу. Предметъ нашей статьи—западно-европейскій романтизмъ и его отношеніе къ русскому народничеству. И въ данномъ случаѣ отношеніе это оказывается такимъ же, какъ во всѣхъ предыдущихъ: по вопросу объ избыточномъ населеніи народники стоятъ цѣликомъ на точкѣ зрѣнія романтизма, которая діаметрально противоположна точкѣ зрѣнія новѣйшей теоріи. Капитализмъ не занимаетъ освобождаемыхъ рабочихъ,—говорятъ они. Значитъ, онъ невозможенъ, „ошибоченъ" и т. под. Вовсе еще это не „значитъ". Противорѣчіе не есть невозможность. (Widerspruch не то, что Widersinn). Капиталистическое накопленіе, это настоящее производство ради производства, есть тоже противорѣчіе. Но это не мѣшаетъ ему существовать и быть закономъ опредѣленной системы хозяйства. То же самое надо сказать и о всѣхъ другихъ противорѣчіяхъ капитализма. Приведенное народническое разсужденіе „значитъ" только, что въ россійскую интеллигенцію глубоко въѣлся порокъ отговариваться отъ всѣхъ этихъ противорѣчій фразами.

Итакъ, Сисмонди не далъ абсолютно ничего для *теоретическаго анализа* перенаселенія. Но какъ же онъ смотрѣлъ на него? Его взглядъ складывается изъ оригинальнаго сочетанія мелкобуржуазныхъ симпатій и мальтузіанства. „Великій порокъ современной соціальной организаціи,—говоритъ Сисмонди,—тотъ, что бѣдный не можетъ никогда знать, на какой спросъ труда онъ можетъ расчитывать" (II, 261), и Сисмонди вздыхаетъ о тѣхъ временахъ, когда „деревенскій сапожникъ" и мелкій крестьянинъ точно знали свои доходы. „Чѣмъ болѣе бѣднякъ лишенъ всякой собственности, тѣмъ болѣе подвергается онъ опасности ошибиться насчетъ своего дохода и содѣйствовать созданію такого населенія, которое, не будучи въ соотвѣтствіи со спросомъ на трудъ, не найдетъ средствъ къ жизни" (I, 263—264). Видите: этому идеологу мелкой буржуазіи мало того, что онъ желалъ бы задержать все общественное развитіе, ради сохраненія патріархальныхъ отношеній полудикаго населенія. Онъ готовъ предписывать какое угодно калѣченіе человѣческой природы, лишь бы оно служило сохраненію мелкой буржуазіи. Вотъ еще нѣсколько выписокъ, которыя не оставляютъ сомнѣнія насчетъ этого послѣдняго пункта.

Еженедѣльная расплата на фабрикѣ съ полунищимъ рабочимъ пріучила его не смотрѣть на будущее дальше слѣдующей субботы: „въ немъ притупили, такимъ образомъ, нравственныя качества и чувство симпатіи" (II, 266), состоящія, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ „супружескомъ благоразуміи"!..—„его семья будетъ становиться тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ болѣе она въ тягость обществу; и нація будетъ страдать подъ гнетомъ населенія, не приведеннаго въ соотвѣтствіе съ средствами его содержанія" (II, 267). Сохраненіе мелкой собствен-

*) Поэтому мы не касаемся здѣсь того весьма оригинальнаго обстоятельства, что основаніемъ *не считать* всѣхъ этихъ очень многочисленныхъ рабочихъ служитъ для народниковъ-экономистовъ отсутствіе регистраціи ихъ.

ности во что бы то ни стало—вотъ лозунгъ Сисмонди—хотя бы даже цѣной пониженія жизненнаго уровня и извращенія человѣческой природы! И Сисмонди, поговоривши, съ видомъ государственнаго человѣка, о томъ, когда „желателенъ“ ростъ населенія, посвящаетъ особую главу нападкамъ на религію за то, что она не осуждала „неблагоразумныхъ“ браковъ. Разъ только затронутъ его идеалъ—мелкій буржуа, Сисмонди является болѣе мальтузіанцемъ, чѣмъ самъ Мальтусъ. „Дѣти, рождающіяся лишь для нищеты,—поучаетъ Сисмонди религію,—рождаются также только для порока... Невѣжество въ вопросахъ соціальнаго строя заставило ихъ (представителей религіи) вычеркнуть цѣломудріе изъ числа добродѣтелей, свойственныхъ браку, и было одной изъ тѣхъ постоянно дѣйствующихъ причинъ, которыя разрушаютъ соотвѣтствіе, естественно устанавливающееся между населеніемъ и его средствами существованія“ (II, 294). „Религіозная мораль должна учить людей, что, возобновивъ семью, они не менѣе обязаны жить цѣломудренно со своими женами, чѣмъ холостяки съ женщинами, имъ не принадлежащими“ (II, 298). И Сисмонди, претендующій вообще не только на званіе теоретика-экономиста, но и на званіе мудраго администратора, тутъ же подсчитываетъ, что для „возобновленія семьи“ требуется „въ общемъ и среднемъ три рожденія“, и даетъ совѣтъ правительству „не обманывать людей надеждой на независимое положеніе, позволяющее заводить семью, когда это обманчивое учрежденіе оставитъ ихъ на произволъ страданій, нищеты и смертности“ (II, 299). „Когда соціальная организація не отдѣляла класса трудящагося отъ класса, владѣющаго какой-нибудь собственностью, одного общественнаго мнѣнія было достаточно для предотвращенія бича (le fléau) нищенства. Для земледѣльца—продажа наслѣдія его отцовъ, для ремесленника—растрата его маленькаго капитала всегда заключаютъ въ себѣ нѣчто постыдное... Но въ современномъ строѣ Европы... люди, осужденные не имѣть никогда никакой собственности, не могутъ чувствовать никакого стыда передъ обращеніемъ къ нищенству“ (II, 306—307). Трудно рельефнѣе выразить тупость и черствость мелкаго собственника! Изъ теоретика Сисмонди превращается здѣсь въ практическаго совѣтчика, проповѣдующаго ту мораль, которой, какъ извѣстно, съ такимъ успѣхомъ слѣдуетъ французскій крестьянинъ. Это не только Мальтусъ, но вдобавокъ Мальтусъ, выкроенный нарочито по мѣркѣ мелкаго буржуа. Читая эти главы Сисмонди, невольно вспоминаешь страстно-гнѣвныя выходки Прудона, доказывающаго, что мальтузіанство есть проповѣдь супружеской практики... нѣкотораго противоестественнаго порока *).

IX.

Машины въ капиталистическомъ обществѣ.

Въ связи съ вопросомъ объ избыточномъ населеніи стоитъ вопросъ о значеніи *машинъ* вообще.

Эфруси усердно толкуетъ о „блестящихъ замѣчаніяхъ“ Сисмонди насчетъ машинъ, о томъ, что „считать его противникомъ техниче-

---

*) См. приложеніе къ русскому переводу «Опыта о народонаселеніи» Мальтуса. (Пер. Бибикова, Спб. 1866). Отрывокъ изъ сочиненія Прудона «О справедливости».

скихъ усовершенствованій несправедливо“ (№ 7 с. 155), что „Сисмонди не былъ врагомъ машинъ и изобрѣтеній“ (с. 156). „Сисмонди неоднократно подчеркивалъ ту мысль, что не машины и изобрѣтенія сами по себѣ вредны для рабочаго класса, а они дѣлаются таковыми лишь благодаря условіямъ современнаго хозяйства, при которомъ возрастаніе производительности труда не ведетъ ни къ увеличенію потребленія рабочаго класса, ни къ сокращенію рабочаго времени“ (с. 155).

Всѣ эти указанія вполнѣ справедливы. И опять-таки *такая* оцѣнка Сисмонди замѣчательно рельефно показываетъ, какъ народникъ абсолютно не сумѣлъ *понять романтика*, понять свойственную романтизму *точку зрѣнія* на капитализмъ и ея радикальное отличіе отъ точки зрѣнія научной теоріи. Народникъ и не могъ этого понять, потому что народничество само не пошло дальше романтизма. Но если указанія Сисмонди на противорѣчивый характеръ капиталистическаго употребленія машинъ были крупнымъ прогрессомъ въ 1820-хъ годахъ, то въ настоящее время ограничиваться подобной примитивной критикой и не понимать ея мелко-буржуазной ограниченности уже совершенно непростительно.

Въ этомъ отношеніи (т.-е. въ вопросѣ о различіи ученія Сисмонди отъ новѣйшей теоріи) *) Эфруси твердо остается при своемъ. Онъ не умѣетъ даже поставить вопроса. Указавши, что Сисмонди видѣлъ противорѣчіе, онъ этимъ и удовлетворяется, какъ будто бы исторія не показывала самые разнородные пріемы и способы критиковать противорѣчія капитализма. Говоря, что Сисмонди считалъ вредными машины не сами по себѣ, а вслѣдствіе ихъ дѣйствія при данномъ соціальномъ строѣ, Эфруси и не замѣчаетъ, какая примитивная, поверхностно-сентиментальная точка зрѣнія сказывается уже въ одномъ этомъ разсужденіи. Сисмонди дѣйствительно разсуждалъ: вредны машины или не вредны? и „рѣшалъ“ вопросъ сентенціей: машины полезны лишь тогда, когда производство сообразуется съ потребленіемъ (Ср. цитаты въ „Р. Б.“ № 7, с. 156). Послѣ всего изложеннаго выше намъ нѣтъ надобности доказывать здѣсь, что подобное „рѣшеніе“ есть не что иное, какъ подстановка мелко-буржуазной утопіи на мѣсто научнаго анализа капитализма. Сисмонди нельзя винить въ томъ, что онъ не произвелъ такого анализа. Историческія заслуги судятся не потому, чего *не дали* историческіе дѣятели сравнительно съ современными требованіями, а потому, что они *дали новаго* сравнительно съ своими предшественниками. Но мы судимъ здѣсь уже не о Сисмонди и не о его примитивной, сентиментальной точкѣ зрѣнія, а объ экономистѣ „Р. Б-ва“, который до сихъ поръ не понимаетъ, что для характеристики этого отличія слѣдовало поставить вопросъ не о томъ, былъ ли Сисмонди врагомъ машинъ или нѣтъ, а о томъ, понималъ ли Сисмонди значеніе машинъ въ капиталистическомъ строѣ? понималъ ли онъ роль машинъ *въ этомъ строѣ*, какъ *фактора прогресса?* И тогда экономистъ „Р. Б-ва“ могъ бы замѣтить, что съ своей *мелко-буржуазной*, *утопической* точки

*) А мы видѣли уже неоднократно, что Эфруси *вездѣ* старался проводить это сравненіе Сисмонди съ современной теоріей.

зрѣнія Сисмонди и *не могъ поставить* такого вопроса, и что въ постановкѣ и разрѣшеніи его и состоитъ отличіе новой теоріи. Тогда Эфруси могъ бы понять, что, замѣняя вопросъ объ исторической роли машинъ въ данномъ капиталистическомъ обществѣ — вопросомъ объ условіяхъ „выгодности" и „пользы" машинъ вообще, Сисмонди, естественно, приходилъ къ ученію объ „опасности" капитализма и капиталистическаго употребленія машинъ, взывалъ о необходимости „задержать", „умѣрить", „регламентировать" ростъ капитализма, и становился въ силу этого *реакціонеромъ*. Непониманіе исторической роли машинъ, какъ фактора прогресса, и составляетъ одну изъ причинъ, по которой новѣйшая теорія признала ученіе Сисмонди *реакціоннымъ*.

Мы не будемъ здѣсь, разумѣется, излагать новѣйшее ученіе (т.-е. ученіе Маркса) о машинномъ производствѣ. Отсылаемъ читателя хоть къ вышеназванному изслѣдованію Н. Зибера, гл. X: „Машины и крупная промышленность" и особенно глава XI: „Разборъ теоріи машиннаго производства" *). Отмѣтимъ только въ самыхъ краткихъ чертахъ ея суть. Она сводится къ двумъ пунктамъ: во-1-хъ, къ историческому анализу, установившему мѣсто машиннаго производства въ ряду другихъ стадій развитія капитализма и отношеніе машинной индустріи къ этимъ предшествующимъ стадіямъ (капиталистической простой коопераціи и капиталистической мануфактурѣ); во-2-хъ, къ анализу роли машинъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ и особенно къ анализу того преобразованія всѣхъ условій жизни населенія, которое производитъ машинная индустрія. По первому пункту теорія установила, что машинная индустрія есть только одна стадія (именно высшая) капиталистическаго производства, и показала ея возникновеніе изъ мануфактуры. По второму пункту, теорія установила, что машинная индустрія является гигантскимъ прогрессомъ въ капиталистическомъ обществѣ не только потому, что она въ громадной степени повышаетъ производительныя силы и обобществляетъ трудъ во всемъ обществѣ **), но также потому, что она разрушаетъ мануфактурное раздѣленіе труда, дѣлаетъ необходимостью переходъ рабочихъ отъ однихъ занятій къ другимъ, разрушаетъ окончательно отсталыя патріархальныя отношенія, въ особенности въ деревнѣ ***), даетъ сильнѣйшій толчокъ прогрессивному движенію общества какъ по указаннымъ причинамъ, такъ и вслѣдствіе концентраціи индустріальнаго населенія. Прогрессъ этотъ сопровождается, какъ и всѣ другіе прогрессы капитализма, также и „прогрессомъ" противорѣчій, т.-е. обостреніемъ и расширеніемъ ихъ.

---

*) „Сказать по правдѣ,—говоритъ Зиберъ въ началѣ этой главы:—излагаемое ученіе о машинахъ и о крупной индустріи представляетъ такой неисчерпаемый источникъ новыхъ мыслей и оригинальныхъ изслѣдованій, что, если бы кто вздумалъ взвѣсить относительныя достоинства этого ученія вполнѣ, ему пришлось бы написать по одному этому предмету чуть не цѣлую книгу" (с. 473).

) Сравнивая «сочетаніе труда» въ общинѣ и въ капиталистическомъ обществѣ съ машинной индустріей, Зиберъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ: „Между «слагаемымъ» общины и «слагаемымъ» общества съ машинной продукціей существуютъ приблизительно такое же различіе, какъ напр., между *единицей*** 10 и ***единицей*** 100". (с. 495).

***) Зиберъ, н. с., с. 467.

Читатель спроситъ, можетъ быть, какой же интересъ имѣетъ разборъ взглядовъ Сисмонди по такому общеизвѣстному вопросу и такое суммарное указаніе на новую теорію, съ которой всѣ „знакомы", съ которой всѣ „согласны".

А вотъ, чтобы посмотрѣть на это „согласіе", мы и возьмемъ теперь наиболѣе виднаго народническаго экономиста, г. Н. —она, претендующаго на строгое примѣненіе новѣйшей теоріи. Въ своихъ „Очеркахъ", какъ извѣстно, г. Н. —онъ одной изъ своихъ спеціальныхъ задачъ поставилъ изученіе капитализаціи русской текстильной индустріи, которая характеризуется какъ разъ наибольшимъ приложеніемъ машинъ.

Спрашивается, на какой точкѣ зрѣнія стоитъ г. Н. —онъ въ этомъ вопросѣ, на точкѣ зрѣнія Сисмонди (съ которымъ, какъ мы видѣли, онъ раздѣляетъ точку зрѣнія на весьма многія стороны капитализма) или на точкѣ зрѣнія новѣйшей теоріи? Является ли онъ по такому важному вопросу романтикомъ или... реалистомъ? *).

Мы видѣли, что первымъ отличіемъ новѣйшей теоріи является историческій анализъ возникновенія машинной индустріи изъ капиталистической мануфактуры. Поставилъ ли г. Н.—онъ вопросъ о возникновеніи русской машинной индустріи? Нѣтъ. Онъ далъ, правда, указаніе, что ей предшествовала работа на дому на капиталиста и ручная „фабрика"**), но вопроса объ отношеніи машинной индустріи къ предшествующей стадіи не только не разъяснилъ, но даже не „замѣтилъ", что *фабрикой* по научной терминологіи нельзя было назвать *предшествующую стадію* (ручное производство на дому или въ мастерской капиталиста), которая должна быть несомнѣнно характеризована, какъ *капиталистическая мануфактура****).

Пусть не думаетъ читатель, что это „пробѣлъ" неважный. Напротивъ, онъ имѣетъ громадную важность. Во-1-хъ, г. Н. —онъ отождествляетъ такимъ образомъ *капитализмъ* съ *машинной индустріей.* Это — грубая ошибка. Значеніе научной теоріи въ томъ и состоитъ, что она выяснила настоящее мѣсто машинной индустріи, какъ *одной стадіи* капитализма. Если бы г. Н. —онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія *этой теоріи*, могъ-ли бы онъ изображать ростъ и побѣду *машинной индустріи «борьбой двухъ хозяйственныхъ формъ»*: какой-то неизвѣстной „формы, основанной на владѣніи крестьянствомъ орудіями производства"****), и „капитализма" (стр. 2, 3, 66, 198 и др.), тогда

*) Слово «реалистъ» поставлено здѣсь вмѣсто слова: *марксистъ* исключительно по цензурнымъ соображеніямъ. По той же причинѣ ссылки на «Капиталъ» замѣнены ссылками на книгу Зибера, пересказавшаго «Капиталъ» Маркса (прим. къ наст. изд.).

**) Стр. 108. Цитата изъ Сб. ст. св. по Моск. г., т. VII, в. III, с. 23 (статистики излагаютъ здѣсь Корсака «О формахъ промышленности»): «Самая организація промысла съ 1822 года совершенно измѣняется, вмѣсто самостоятельныхъ кустарныхъ производителей крестьяне становятся лишь исполнителями нѣкоторыхъ операцій крупнаго фабричнаго производства, они ограничиваются лишь полученіемъ задѣльной платы».

***) Зиберъ вполнѣ справедливо указывалъ на непригодность обычной терминологіи (фабрика, заводъ и т. п.) для научныхъ изслѣдованій и на необходимость выдѣлять машинную индустрію отъ капиталистической мануфактуры: стр. 474.

****) Н. — онъ, с. 322. Отличается ли это хоть на іоту отъ идеализаціи патріархальнаго крестьянскаго хозяйства у Сисмонди?

какъ на дѣлѣ мы видимъ *борьбу машинной индустріи* съ *капиталистической мануфактурой?* Объ этой *борьбѣ* г. Н. —онъ не сказалъ ни слова, хотя именно въ текстильной индустріи, имъ спеціально взятой для изученія (стр. 79), по указанію, имъ же приведенному, происходила именно такая смѣна *двухъ формъ капитализма*, извращенная г. Н. —ономъ въ смѣну „народнаго производства“ „капитализмомъ“. Не очевидно ли, что въ сущности его нимало не интересовалъ вопросъ о *дѣйствительномъ* развитіи машинной индустріи и что подъ „народнымъ производствомъ“ прячется утопія совершенно во вкусѣ Сисмонди? Во-2-хъ, если бы г. Н. —онъ поставилъ вопросъ объ историческомъ развитіи русской машинной индустріи, могъ ли бы онъ говорить о „насажденіи капитализма“ (331, 283, 323 и др. стр.), основываясь на фактахъ правительственной поддержки и помощи — фактахъ, которые имѣли мѣсто и въ Европѣ? Спрашивается, подражаетъ ли онъ Сисмонди, который вѣдь совершенно также говорилъ о „насажденіи“ — или представителю новѣйшей теоріи, изучавшему смѣну мануфактуры машинной индустріей? Въ 3-хъ, если бы г. Н. —онъ поставилъ вопросъ объ историческомъ развитіи формъ капитализма въ Россіи (въ текстильной промышленности), могъ ли бы онъ игнорировать существованіе капиталистической мануфактуры въ русскихъ „кустарныхъ промыслахъ“? *) А если бы онъ *дѣйствительно* слѣдовалъ теоріи и попытался прикоснуться научнымъ анализомъ хоть къ маленькому уголку этого тоже „народнаго производства“, — что сталось бы съ его столь суздальски намалеванной картиной русскаго общественнаго хозяйства, изображающей какое-то туманное „народное производство“ и оторванный отъ него „капитализмъ“, охватывающій лишь „горсть“ рабочихъ (с. 326 и др.)?

Резюмируемъ: по первому пункту, составляющему отличіе новѣйшей теоріи машинной индустріи отъ романтической, г. Н. —онъ *ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ послѣдователемъ первой*, ибо онъ не понимаетъ даже необходимости поставить вопросъ о возникновеніи машинной индустріи, какъ *особой стадіи капитализма*, и и замалчиваетъ существованіе капиталистической мануфактуры, этой предшествующей машинамъ стадіи капитализма. Вмѣсто историческаго анализа онъ подсовываетъ утопію „народнаго производства“.

Второй пунктъ касается ученія новѣйшей теоріи о преобразованіи общественныхъ отношеній машинной индустріей. Г. Н. —онъ и не пытался разобрать этотъ вопросъ **). Онъ много сѣтовалъ на капитализмъ, оплакивалъ фабрику (точь въ точь какъ оплакивалъ ее Сисмонди), но онъ не сдѣлалъ даже попытки изучить то преобра-

---

*) Мы предполагаемъ здѣсь, что нѣтъ нужды доказывать этотъ общеизвѣстный фактъ. Стоитъ вспомнить павловскій слесарный промыселъ, богородскій кожевенный, кимрскій сапожный, шапочный района Молвитина, гармонный и самоварный тульскіе, красносельскій и рыбнослободскій ювелирный, семеновскій ложкарный, роговой въ «Устьянщинѣ», валяльный въ Семеновск. уѣз. Нижег. г. и т. д. Мы цитируемъ на память: если взять любое изслѣдованіе кустарной промышленности, можно удлинить списокъ до безконечности.

**) Мы просимъ не забывать, что научное значеніе этого термина не то, что обыденное. Наука ограничиваетъ его примѣненіе только крупной машинной индустріей.

зованіе общественныхъ условій, которое совершила фабрика *). Для этого потребовалось бы вѣдь именно сравненіе машинной индустріи съ *предшествующими стадіями*, которыя у г. Н. —она отсутствуютъ. Точно также точка зрѣнія новѣйшей теоріи на машины, какъ на факторъ прогресса *даннаго капиталистическаго общества*,—ему совершенно чужда. Опять-таки онъ даже и не поставилъ вопроса объ этомъ, да *и не могъ поставить*, ибо этотъ вопросъ является лишь результатомъ историческаго изученія смѣны *одной формы капитализма* другою, а у г. Н. —она „капитализмъ" tout court смѣняетъ... „народное производство".

Если бы мы *на основаніи „изслѣдованія" г. Н.—она о капитализаціи текстильной индустріи въ Россіи* задали вопросъ: какъ смотритъ г. Н.—онъ на машины?—то мы не могли бы получить другого отвѣта, кромѣ того, съ которымъ знакомы уже по Сисмонди. Г. Н.—онъ признаетъ, что машины повышаютъ производительность труда (еще бы этого не признавать!),—какъ и Сисмонди это признавалъ. Г. Н.—онъ говоритъ, что вредны не машины, а капиталистическое употребленіе ихъ,—какъ и Сисмонди это говорилъ. Г. Н.—онъ полагаетъ, что „мы" упустили изъ виду, вводя машины, что производство должно соотвѣтствовать „народной потребительной способности",—какъ и Сисмонди это полагалъ.

И только. Больше г. Н.—онъ ничего не полагаетъ. О тѣхъ вопросахъ, которые поставила и разрѣшила новѣйшая теорія, г. Н.—онъ и знать не хочетъ, ибо онъ даже не попытался разсмотрѣть ни исторической смѣны разныхъ формъ капиталистическаго производства въ Россіи (хотя бы на взятомъ примѣрѣ текстильной индустріи), ни роли машинъ, какъ фактора прогресса въ *данномъ* капиталистическомъ строѣ.

Итакъ, и по вопросу о машинахъ—этому крупнѣйшему вопросу теоретической экономіи—г. Н.—онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Сисмонди. Г. Н.—онъ *разсуждаетъ совершенно какъ романтикъ*, что нисколько не мѣшаетъ ему, разумѣется, цитировать и цитировать.

Это относится не къ одному примѣру текстильной индустріи, а ко всѣмъ разсужденіямъ г-на Н.—она. Вспомните хоть вышеприведенный примѣръ мукомольнаго производства. Указаніе на введеніе машинъ служитъ г. Н.—ону только поводомъ къ сентиментальнымъ сѣтованіямъ о томъ, что это повышеніе производительности труда не соотвѣтствуетъ „народной потребительной способности". Тѣхъ преобразованій въ общественномъ строѣ, которыя вноситъ вообще машинная индустрія (и которыя она внесла дѣйствительно въ Россіи), онъ и не думалъ разобрать. Вопросъ о томъ, были ли эти машины прогрессомъ въ данномъ капиталистическомъ обществѣ ему совершенно не понятенъ **).

А сказанное о г. Н.—онѣ a fortiori относится къ остальнымъ экономистамъ-народникамъ: народничество въ вопросѣ о машинахъ

---

*) Какъ поставилъ его, напр., А. Волгинъ, „Обоснованіе народничества въ трудахъ г-на Воронцова" (В. В.). СПБ. 1896.

**) Въ текстѣ намѣчаются на основаніи теоріи Маркса, тѣ задачи критики взглядовъ г. Н.—она, которыя выполнены мною впослѣдствіи въ „Развитіи капитализма" (Примѣч. къ наст. изд.).

до сихъ поръ стоитъ на точкѣ зрѣнія мелко-буржуазнаго романтизма, замѣняя экономическій анализъ сентиментальными пожеланіями.

X.

Протекціонизмъ.

Послѣдній теоретическій вопросъ, интересующій насъ въ системѣ воззрѣній Сисмонди,—вопросъ о протекціонизмѣ. Въ „Nouvaeux Principes" удѣлено этому вопросу не мало мѣста, но онъ разбирается тамъ больше съ практической стороны—по поводу движенія противъ хлѣбныхъ законовъ въ Англіи. Этотъ послѣдній вопросъ мы разберемъ ниже, ибо онъ включаетъ въ себѣ еще другіе болѣе широкіе вопросы. Здѣсь же насъ интересуетъ пока лишь точка зрѣнія Сисмонди на протекціонизмъ. Интересъ этого вопроса заключается не въ какомъ-нибудь еще новомъ экономическомъ понятіи Сисмонди, не вошедшемъ въ предыдущее изложеніе, а въ пониманіи имъ связи между „экономикой" и „надстройкой". Эфруси увѣряетъ читателей „Русскаго Богатства", что Сисмонди—„одинъ изъ первыхъ и самыхъ талантливыхъ предшественниковъ современной исторической школы", что онъ возстаетъ „противъ изолированія экономическихъ явленій отъ всѣхъ другихъ спеціальныхъ факторовъ". „Въ трудахъ Сисмонди проводится тотъ взглядъ, что хозяйственныя явленія не должны быть изолируемы отъ другихъ соціальныхъ факторовъ, что они должны изучаться въ связи съ фактами соціально-политическаго характера. („Р. Б." № 8, 38—39). Вотъ мы и посмотримъ на взятомъ примѣрѣ, какъ понималъ Сисмонди связь хозяйственныхъ явленій съ соціально-политическими.

„Запрещенія ввоза,—говоритъ Сисмонди въ главѣ о „таможняхъ" (1. IV, ch. XI),—такъ же неразумны и такъ же гибельны, какъ и запрещеніе вывоза: они изобрѣтены для того, чтобы подарить націи мануфактуру, которой она еще не имѣла; и нельзя отрицать, что для начинающей индустріи они равняются самой сильной поощрительной преміи. Эта мануфактура производитъ, можетъ быть, едва сотую часть всего потребляемаго націей количества товаровъ даннаго рода: сто покупателей должны будутъ соперничать другъ съ другомъ, чтобы получить товаръ отъ единственнаго продавца, а девяносто девять, которымъ онъ откажетъ, будутъ вынуждены пробавляться контрабандными товарами. Въ этомъ случаѣ потеря для націи будетъ равна 100, а выгода—равна 1. Какія бы выгоды ни давала націи эта новая мануфактура,—нѣтъ сомнѣнія, что ихъ слишкомъ мало, чтобы оправдать столь большія жертвы. Всегда можно бы было найти менѣе расточительныя средства для того, чтобы вызвать къ дѣятельности такую мануфактуру" (1, 440—441).

Вотъ какъ просто разрѣшаетъ этотъ вопросъ Сисмонди: протекціонизмъ „неразуменъ", ибо „нація" отъ него теряетъ!

О какой „націи" говоритъ нашъ экономистъ? Съ какими хозяйственными отношеніями онъ сопоставляетъ данный соціально-политическій фактъ? Онъ не беретъ никакихъ опредѣленныхъ отношеній, онъ разсуждаетъ *вообще*, о націи, какой она *должна бы быть по его*

представленіямъ о должномъ. А эти представленія о должномъ, какъ мы знаемъ, построены на исключеніи капитализма и на господствѣ мелкаго самостоятельнаго производства.

Но вѣдь это же совершенная нелѣпость—сопоставлять соціально-политическій факторъ, относящійся къ данному хозяйственному строю и только къ нему, съ какимъ то воображаемымъ строемъ. Протекціонизмъ есть „соціально-политическій факторъ“ капитализма, а Сисмонди сопоставляетъ его не съ капитализмомъ, а съ какой-то націей *вообще* (или съ націей мелкихъ самостоятельныхъ производителей). Онъ могъ бы, пожалуй, сопоставить протекціонизмъ хоть съ индійской общиной, и получить еще болѣе наглядную „неразумность“ и „губительность“, но эта „неразумность“ относилась бы точно также къ его сопоставленію, а не къ протекціонизму. Сисмонди приводитъ дѣтскій расчетецъ, чтобы доказать, что покровительство выгодно очень немногимъ на счетъ массы. Но это нечего и доказывать, ибо это явствуетъ уже изъ самаго понятія протекціонизма (все равно будетъ ли это прямая ли выдача преміи или устраненіе иностранныхъ конкурентовъ). Что протекціонизмъ выражаетъ собой общественное противорѣчіе, это—безспорно. Но развѣ въ хозяйственной жизни того строя, который создалъ протекціонизмъ, нѣтъ противорѣчій. Напротивъ, она вся полна противорѣчій, и Сисмонди самъ отмѣчалъ эти противорѣчія во всемъ своемъ изложеніи. Вмѣсто того, чтобы *вывести* это противорѣчіе изъ тѣхъ противорѣчій хозяйственнаго строя, которыя онъ самъ же констатировалъ, Сисмонди *игнорируетъ* экономическія противорѣчія, превращая свое разсужденіе въ совершенно безсодержательное „невинное пожеланіе“. Вмѣсто того, чтобы сопоставить это учрежденіе, служащее, по его словамъ, выгодѣ небольшой группы, съ положеніемъ этой группы во всемъ хозяйствѣ страны и съ интересами этой группы, онъ сопоставляетъ его съ абстрактнымъ положеніемъ объ „общемъ благѣ“. Мы видимъ, слѣдовательно, что, въ противоположность утвержденію Эфруси, Сисмонди именно *изолируетъ* хозяйственныя явленія отъ остальныхъ (разсматривая протекціонизмъ внѣ связи съ хозяйственнымъ строемъ) и совершенно *не понимаетъ связи* между экономическими и соціально-политическими фактами. Приведенная нами тирада содержитъ *все*, что онъ можетъ дать, какъ теоретикъ, по вопросу о протекціонизмѣ: остальное—лишь пересказъ этого. „Сомнительно, чтобы правительства вполнѣ понимали, какой цѣной они покупаютъ эту выгоду (развитіе мануфактуръ), и тѣ странныя жертвы, какія они налагаютъ на потребителей“ (I, 442—443). „Правительства Европы желали насиловать природу“. Какую природу? не природу ли капитализма „насилуетъ“ протекціонизмъ? „Націю принудили, такъ сказать, къ ложной дѣятельности“ (I, 448). „Нѣкоторыя правительства дошли до того, что платятъ своимъ купцамъ, чтобы дать имъ возможность продавать дешавле; чѣмъ болѣе странна эта жертва, чѣмъ болѣе она противорѣчитъ самымъ простымъ расчетамъ, тѣмъ болѣе приписываютъ ее высшей политикѣ... Правительства платятъ своимъ купцамъ на счетъ своихъ поданныхъ“ (I, 421) и т. п., и т. п. Вотъ какими разсужденіями угощаетъ насъ Сисмонди! Въ другихъ мѣстахъ онъ, дѣлая какъ бы выводъ изъ этихъ разсужденій, называетъ капитализмъ „искусственнымъ“ и „насажденнымъ“ (I, 379).

„тепличнымъ“ (II, 456) и т. п. Начавши съ подстановки невинныхъ пожеланій на мѣсто анализа данныхъ противорѣчій, онъ приходитъ къ прямому извращенію дѣйствительности въ угоду этихъ пожеланій. Выходитъ, что капиталистическая промышленность, которую такъ усердно „поддерживаютъ“, слаба, безпочвенна и т. п., не играетъ преобладающей роли въ хозяйствѣ страны, что эта преобладающая роль принадлежитъ, *слѣдовательно*, мелкому производству, и т. д. Тотъ несомнѣнный и неоспоримый фактъ, что протекціонизмъ созданъ лишь опредѣленнымъ хозяйственнымъ строемъ и опредѣлеными противорѣчіями этого строя, что онъ выражаетъ реальные интересы реальнаго класса, играющаго *преобладающую* роль въ народномъ хозяйствѣ,—превращенъ въ ничто, даже въ свою противоположность посредствомъ нѣсколькихъ чувствительныхъ фразъ! Вотъ еще образчикъ (по поводу протекціонизма земледѣльческаго,—I, 265, глава о хлѣбныхъ законахъ):

„Англичане представляютъ намъ свои крупныя фермы единственнымъ средствомъ улучшить агрикультуру, т.-е. доставить себѣ большое изобиліе сельско-хозяйственныхъ продуктовъ по болѣе дешевой цѣнѣ,—а на самомъ дѣлѣ они, какъ разъ наоборотъ, производятъ ихъ дороже“...

Замѣчательно характеренъ этотъ отрывокъ, такъ рельефно показывающій тѣ пріемы романтическихъ разсужденій, которые усвоены цѣликомъ русскими народниками! Фактъ развитія фермерства и техническаго прогресса, связаннаго съ нимъ, изображается въ видѣ преднамѣренно введенной системы: англичане (т. е. англійскіе экономисты) представляютъ эту систему усовершенствованія агрикультуры единственнымъ средствомъ. Сисмонди хочетъ сказать, что „могли бы быть“ и другія средства поднять ее, помимо фермерства, т. е. опять таки „могли бы быть“ въ какомъ-нибудь абстрактномъ обществѣ, а не въ томъ реальномъ обществѣ опредѣленнаго историческаго періода, „обществѣ“, основанномъ на товарномъ хозяйствѣ, о которомъ говорятъ англійскіе экономисты и о которомъ долженъ бы былъ говорить и Сисмонди. „Улучшеніе агрикультуры, *то-есть* доставленіе себѣ (націи?) большаго обилія продуктовъ“. Вовсе не „то есть“. Улучшеніе агрикультуры и улучшеніе условій питанія массы вовсе не одно и то же; несовпаденіе того и другого не только возможно, но и необходимо въ такомъ строѣ хозяйства, отъ котораго Сисмонди съ такимъ усердіемъ хочетъ отговориться. Напр., увеличеніе посѣвовъ картофеля можетъ означать повышеніе производительности труда въ земледѣліи (введеніе корнеплодовъ) и увеличеніе сверхстоимости—наряду съ ухудшеніемъ питанія рабочихъ. Это все та же манера народника... то, бишь, романтика—отговариваться фразами отъ противорѣчій дѣйствительной жизни.

„На самомъ дѣлѣ,—продолжаетъ Сисмонди,—эти фермеры, столь богатые, столь интеллигентные, столь поддерживаемые всякимъ прогрессомъ наукъ, у которыхъ упряжка такъ красива, изгороди такъ прочны, поля такъ чисто вычищены отъ сорныхъ травъ,—не могутъ выдержать конкурренціи жалкаго польскаго крестьянина, невѣжественнаго, забитаго рабствомъ, ищущаго утѣшенія лишь въ пьянствѣ, агрикультура котораго находится еще въ дѣтскомъ состояніи искус-

ства. Хлѣбъ, собранный въ центрѣ Польши, заплативъ фрахтъ за много сотъ лье и по рѣкамъ, и по сушѣ, и по морю, заплативъ ввозныя пошлины въ 30 и 40% своей стоимости, — все-таки дешевле хлѣба самыхъ богатыхъ графствъ Англіи“ (I, 265). „Англійскихъ экономистовъ смущаетъ этотъ контрастъ“. Они ссылаются на подати и т. п. Но дѣло не въ этомъ. „Самая система эксплуатаціи дурна, основана на опасномъ базисѣ... Эту систему недавно всѣ писатели выставляли предметомъ, достойнымъ нашего восхищенія, но мы должны, наоборотъ, хорошенько ознакомиться съ ней, чтобы остеречься подражать ей“ (I, 266).

Не правда ли, какъ безконечно наивенъ этотъ романтикъ, выставляющій англійскій капитализмъ (фермерство) неправильной системой экономистовъ, воображающій, что „смущеніе“ экономистовъ, закрывающихъ глаза на противорѣчія фермерства, есть достаточный аргументъ *противъ* фермеровъ? Какъ поверхностно его пониманіе, ищущее объясненія хозяйственнымъ процессамъ не въ интересахъ различныхъ группъ, а въ заблужденіяхъ экономистовъ, писателей, правительствъ! Добрый Сисмонди хочетъ усовѣстить и устыдить англійскихъ фермеровъ, а съ ними и континентальныхъ, чтобы они не „подражали“ такимъ „дурнымъ“ системамъ!

Не забывайте, впрочемъ, что это писано 70 лѣтъ тому назадъ, что Сисмонди наблюдалъ первые шаги этихъ совершенно еще новыхъ тогда явленій. *Его* наивность еще извинительна, ибо и экономисты-классики (его современники) съ неменьшей наивностью считали эти новыя явленія продуктомъ вѣчныхъ и естественныхъ свойствъ человѣческой природы. Но мы спрашиваемъ, прибавили ли наши народники хоть одно оригинальное словечко къ аргументамъ Сисмонди въ своихъ „возраженіяхъ“ противъ развивающагося капитализма въ Россіи?

Итакъ, разсужденія Сисмонди о протекціонизмѣ показываютъ, что ему совершенно чужда историческая точка зрѣнія. Напротивъ, онъ разсуждаетъ такъ же, какъ и философы и экономисты XVIII-го вѣка, совершенно абстрактно, отличаясь отъ нихъ лишь тѣмъ, что нормальнымъ и естественнымъ объявляетъ не буржуазное общество, а общество мелкихъ самостоятельныхъ производителей. Поэтому онъ совершенно не понимаетъ связи протекціонизма съ опредѣленнымъ хозяйственнымъ строемъ и отдѣлывается отъ этого противорѣчія въ соціально-политической области такими же чувствительными фразами о „ложности“, „опасности“, ошибочности, неразумности и т. п., какими онъ отдѣлывался и отъ противорѣчій въ жизни хозяйственной. Поэтому онъ крайне поверхностно изображаетъ дѣло, представляя вопросъ о протекціонизмѣ и фритредерствѣ вопросомъ о „ложномъ“ и „правильномъ“ пути (т. е., по его терминологіи, вопросомъ о капитализмѣ или о некапиталистическомъ пути).

Новѣйшая теорія вполнѣ раскрыла эти заблужденія, показавъ связь протекціонизма съ опредѣленнымъ историческимъ строемъ общественнаго хозяйства, съ интересами главенствующаго въ этомъ строѣ класса, встрѣчающими поддержку правительствъ. Она показала, что вопросъ о протекціонизмѣ и свободѣ торговли есть вопросъ *между* предпринимателями (иногда между предпринимателями раз-

ныхъ странъ, иногда между различными фракціями предпринимателей данной страны).

Сравнивая съ этими двумя точками зрѣнія на протекціонизмъ отношеніе къ нему экономистовъ-народниковъ, мы видимъ, что они цѣликомъ стоятъ и въ этомъ вопросѣ на точкѣ зрѣнія романтиковъ, сопоставляя протекціонизмъ не съ капиталистической, а съ какой-то абстрактной страной, съ „потребителями“ tout court, объявляя его „ошибочной“ и „неразумной“ поддержкой „тепличнаго“ капитализма и т. д. Въ вопросѣ, напр., о безпошлинномъ ввозѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ, вызывающемъ конфликтъ индустріальныхъ и сельско-хозяйственныхъ предпринимателей, народники, *разумѣется*, горой стоятъ за сельскихъ... предпринимателей. Мы не хотимъ сказать, чтобы они были неправы. Но это—вопросъ факта, вопросъ даннаго историческаго момента, вопросъ о томъ, какая фракція предпринимателей выражаетъ болѣе общіе интересы развитія капитализма. Если народники и правы, то, конечно, уже не потому, что наложеніе пошлинъ означаетъ „искусственную“ „поддержку капитализма“, а сложеніе ихъ—поддержку „исконнаго“ народнаго промысла, а просто потому, что развитіе земледѣльческаго капитализма (нуждающагося въ машинахъ), ускоряя вымираніе средневѣковыхъ отношеній въ деревнѣ и созданіе внутренняго рынка для индустріи, означаетъ болѣе широкое, болѣе свободное и болѣе быстрое развитіе капитализма вообще.

Мы предвидимъ одно возраженіе по поводу этого причисленія народниковъ къ романтикамъ по данному вопросу. Скажутъ, пожалуй, что тутъ необходимо выдѣлить г. Н.—она, который, вѣдь, прямо говоритъ, что вопросъ о свободѣ торговли и протекціонизмѣ есть вопросъ капиталистическій, и говоритъ это не разъ, который даже „цитируетъ“... Да, да, г. Н.—онъ даже цитируетъ! Но если намъ приведутъ это мѣсто его „Очерковъ“, то мы приведемъ *другія мѣста*, гдѣ онъ объявляетъ поддержку капитализма „насажденіемъ“ (и притомъ въ „Итогахъ и выводахъ“! стр. 331, 323, также 283), объясняетъ поощреніе капитализма „гибельнымъ заблужденіемъ“, тѣмъ, что „мы упустили изъ виду“, „мы забыли“, „насъ омрачили“ и т. п. (стр. 298. Сравните Сисмонди!). Какимъ образомъ совмѣстить это съ утвержденіемъ, что поддержка капитализма (вывозными преміями) есть „одно изъ множества противорѣчій, которыми кишитъ наша хозяйственная жизнь*); оно, какъ и всѣ остальныя, обязано существованіемъ формѣ, принимаемой всѣмъ производствомъ“ (стр. 286)? Замѣтьте: *всѣмъ производствомъ*! Мы спрашиваемъ любого безпристрастнаго человѣка, на какой точкѣ зрѣнія стоитъ этотъ писатель, объясняющій поддержку *„формы, принимаемой всѣмъ производствомъ*,—„заблужденіемъ“? На точкѣ зрѣнія Сисмонди или научной теоріи? „Цитаты“ г. Н.—она и здѣсь (какъ и въ вышеразобранныхъ вопросахъ) оказываются сторонними, неуклюжими вставками, ничуть не выражающими дѣйствительнаго убѣжденія о примѣнимости этихъ „цитатъ“ къ русской дѣйствительности. „Цитаты г. Н.—она—это вывѣска но-

*) Точно такъ же, какъ «Очерки» «кишатъ» воззваніями къ «намъ», восклицаніями „мы“ и т. п. фразами, игнорирующими эти противорѣчія.

вѣйшей теоріи, вводящая лишь въ заблужденіе читателей. Это—неловко надѣтый костюмъ „реалиста“, за которымъ прячется чистокровный романтикъ *).

XI.

Общее значеніе Сисмонди въ исторіи политической экономіи.

Мы ознакомились теперь со всѣми главнѣйшими положеніями Сисмонди, относящимися къ области теоретической экономіи. Подводя итоги, мы видимъ, что Сисмонди остается вездѣ безусловно вѣренъ себѣ, что его точка зрѣнія неизмѣнна. По всѣмъ пунктамъ онъ отличается отъ классиковъ тѣмъ, что указываетъ противорѣчія капитализма. Это съ одной стороны. Съ другой стороны, ни по одному пункту онъ не можетъ (да и не хочетъ) провести дальше анализъ классиковъ и потому ограничивается сентиментальной критикой капитализма съ точки зрѣнія мелкаго буржуа. Такая замѣна научнаго анализа сентиментальными жалобами и сѣтованіями обусловливаетъ у него чрезвычайную поверхностность пониманія. Новѣйшая теорія, воспринявъ указанія на противорѣчія капитализма, распространила и на нихъ научный анализъ и пришла по всѣмъ пунктамъ къ выводамъ, которые кореннымъ образомъ расходятся съ выводами Сисмонди и потому приводятъ къ діаметрально противоположной точкѣ зрѣнія на капитализмъ.

Въ „Критикѣ нѣкоторыхъ положеній политической экономіи“ („Zur Kritik“. Русск. пер. М. 1896 г.) общее значеніе Сисмонди въ исторіи науки охарактеризовано такъ:

„Сисмонди уже освободился отъ представленія Буагильбера, что трудъ, составляющій источникъ мѣновой цѣнности, искажается деньгами, но онъ нападаетъ на крупный промышленный капиталъ точно такъ же, какъ Буагильберъ—на деньги“ (с. 36).

Авторъ хочетъ сказать: какъ Буагильберъ поверхностно смотрѣлъ на товарный обмѣнъ, какъ на естественный строй, возставая противъ денегъ, въ которыхъ онъ видѣлъ „чуждый элементъ“ (с. 30 ibid), такъ и Сисмонди смотрѣлъ на мелкое производство, какъ на естественный строй, возставая противъ крупнаго капитала, въ которомъ онъ видѣлъ чуждый элементъ. Буагильберъ не понималъ неразрывной и естественной связи денегъ съ товарнымъ обмѣномъ, не понималъ, что противополагаетъ, какъ чуждые элементы, двѣ формы „буржуазнаго труда“ (ibid., 30—31). Сисмонди не понималъ неразрывной и естественной связи крупнаго капитала съ мелкимъ самостоятельнымъ производствомъ, не понималъ, что это—двѣ формы

*) Мы подозрѣваемъ, не считаетъ ли г. Н.—онъ эти ‹цитаты› талисманомъ, защищающимъ его отъ всякой критики? Иначе трудно объяснить себѣ то обстоятельство, что г. Н.—онъ, зная отъ гг. Струве и Туганъ-Барановскаго о сопоставленіи его ученія съ доктриной Сисмонди, ‹цитировалъ› въ одной изъ статей своихъ въ „Р. Б—вѣ“ (1894 г. № 6, с. 88) отзывъ представителя новой теоріи, относящаго Сисмонди къ мелкобуржуазнымъ реакціонерамъ и утопистамъ. Должно быть, онъ глубоко увѣренъ, что подобной ‹цитатой› онъ опровергъ› сопоставленіе своей собственной особы съ Сисмонди.

товарнаго хозяйства. Буагильберъ, „возставая противъ буржуазнаго труда въ одной его формѣ“, „впадая въ утопію, возводитъ его въ апоѳеозъ въ другой“ (ibid). Сисмонди возставалъ противъ крупнаго капитала, т. е. противъ товарнаго хозяйства въ одной формѣ, именно наиболѣе развитой, впадая въ утопіи, возводилъ въ апоѳеозъ мелкаго производителя (особенно крестьянство), т. е. товарное хозяйство въ другой, только зачаточной формѣ.

„Если политическая экономія,—продолжаетъ авторъ „Критики“—въ видѣ Рикардо безпощадно выводитъ свое послѣднее заключеніе и этимъ завершается, то Сисмонди дополняетъ этотъ результатъ, представляя на себѣ самомъ ея сомнѣнія“ (с. 36).

Такимъ образомъ, авторъ „Критики“ сводитъ значеніе Сисмонди къ тому, что онъ *выдвинулъ вопросъ* о противорѣчіяхъ капитализма и, такимъ образомъ, поставилъ задачу дальнѣйшему анализу. Всѣ самостоятельныя воззрѣнія Сисмонди, который хотѣлъ также *отвѣтить* на этотъ вопросъ, признаются цитируемымъ авторомъ ненаучными, поверхностными и отражающими его реакціонную мелкобуржуазную точку зрѣнія (см. вышеприведенные отзывы и одинъ отзывъ ниже, въ связи съ „цитатой“ Эфруси).

Сравнивая доктрину Сисмонди съ народничествомъ, мы видимъ по всѣмъ почти пунктамъ (за исключеніемъ отрицанія теоріи ренты Рикардо и мальтузіанскихъ наставленій крестьянамъ) поразительное тождество, доходящее иногда до одинаковости выраженій. Экономисты-народники стоятъ цѣликомъ на точкѣ зрѣнія Сисмонди. Мы еще болѣе убѣдимся въ этомъ ниже, когда перейдемъ отъ теоріи къ воззрѣніямъ Сисмонди на практическіе вопросы.

Что касается, наконецъ, до Эфруси, то онъ ни по одному пункту не далъ правильной оцѣнки Сисмонди. Указывая на подчеркиваніе противорѣчій капитализма и осужденіе ихъ у Сисмонди, Эфруси совершенно не понялъ ни рѣзкаго отличія его теоріи отъ теоріи научнаго матеріализма, ни діаметральной противоположности романтической и научной точки зрѣнія на капитализмъ. Симпатія народника къ романтику, трогательное единодушіе ихъ помѣшало автору статей въ „Русск. Богат.“ правильно охарактеризовать этого классическаго представителя романтизма въ экономической наукѣ.

Мы привели сейчасъ отзывъ о Сисмонди, что „онъ въ себѣ самомъ представлялъ сомнѣнія“ классической экономіи.

Но Сисмонди и не думалъ ограничиваться такой ролью (которая даетъ ему почетное мѣсто среди экономистовъ). Онъ, какъ мы видѣли, пытался разрѣшать сомнѣнія и пытался крайне неудачно. Мало того, онъ обвинялъ классиковъ и ихъ науку не за то, что она остановилась передъ анализомъ противорѣчій, а за то, что она будто бы слѣдовала невѣрнымъ пріемамъ. „Старая наука не учитъ насъ ни понимать, ни предупреждать“ новыя бѣдствія (I, XV), говоритъ Сисмонди въ предисловіи ко 2-му изданію своей книги, объясняя этотъ фактъ не тѣмъ, что анализъ этой науки неполонъ и непослѣдователенъ, а тѣмъ, что она, будто бы „ударилась въ абстракціи“ (I 55: „новые ученики А. Смита въ Англіи бросились въ абстракціи, забывая о человѣкѣ“,—и „идутъ по ложному пути“ (II, 448). Въ чемъ же состоятъ обвиненія Сисмонди противъ классиковъ, позволяющія ему сдѣлать такой выводъ?

„Экономисты, наиболѣе знаменитые, слишкомъ мало обращали вниманія на потребленіе и на сбытъ“ (I, 124).

Это обвиненіе повторялось со временъ Сисмонди безчисленное множество разъ. Считали нужнымъ выдѣлять „потребленіе“ отъ „производства“, какъ особый отдѣлъ науки; говорили, что производство зависитъ отъ естественныхъ законовъ, тогда какъ потребленіе опредѣляется распредѣленіемъ, зависящимъ отъ воли людей, и т. п., и т. п. Какъ извѣстно, наши народники держатся тѣхъ же идей, выдѣляя на первое мѣсто распредѣленіе *).

Какой же смыслъ въ этомъ обвиненіи? Оно основано лишь на крайне ненаучномъ пониманіи самаго предмета политической экономіи. Ея предметъ вовсе не „производство матеріальныхъ цѣнностей“, какъ часто говорятъ (это—предметъ технологіи), а—общественныя отношенія людей по производству. Только понимая „производство“ въ первомъ смыслѣ, и можно выдѣлять отъ него особо „распредѣленіе“, и тогда въ „отдѣлѣ“ о производствѣ, вмѣсто категорій исторически опредѣленныхъ формъ общественнаго хозяйства, фигурируютъ категоріи, относящіяся къ процессу труда вообще: обыкновенно такія безсодержательныя банальности служатъ лишь потомъ къ затушевыванію историческихъ и соціальныхъ условій. (Примѣръ—хоть понятіе о капиталѣ). Если же мы послѣдовательно будемъ смотрѣть на „производство“, какъ на общественныя отношенія по производству, то и „распредѣленіе“ и „потребленіе“ потеряютъ всякое самостоятельное значеніе. Разъ выяснены отношенія по производству,—*тѣмъ самымъ* выяснилась и доля въ продуктѣ, приходящаяся отдѣльнымъ классамъ, а, слѣдовательно, „распредѣленіе“ и „потребленіе“. И, наоборотъ, при невыясненности производственныхъ отношеній (напр., при непониманіи процесса производства всего общественнаго капитала въ его цѣломъ) всякія разсужденія о потребленіи и распредѣленіи превращаются въ банальности или невинныя романтическія пожеланія. Сисмонди — родоначальникъ подобныхъ толковъ. Родбертусъ тоже много говорилъ о „распредѣленіи національнаго продукта“, „новѣйшіе“ авторитеты Эфруси созидали даже особыя „школы“, однимъ изъ принциповъ которыхъ было особое вниманіе къ распредѣленію **).

---

*) Само собою разумѣется, что Эфруси также не преминулъ выхвалять и за это Сисмонди. „Въ ученіи Сисмонди важны,—читаемъ мы въ *Р. Б.* № 8, с. 56.—не столько отдѣльныя, спеціальныя мѣры, предлагавшіяся имъ, сколько общій духъ, которымъ проникнута вся его система. Вопреки классической школѣ, онъ выдвигаетъ съ особенной силой интересы распредѣленія, а не интересы производства“. Вопреки своимъ повторнымъ „ссылкамъ“ на „новѣйшихъ“ экономистовъ, Эфруси абсолютно не понялъ ихъ ученія. Нашъ народникъ и здѣсь хочетъ спастись тѣмъ, что сопоставляетъ Сисмонди съ „многими видными представителями исторической школы“; оказывается, что „Сисмонди ушелъ дальше“ (ibid), и Эфруси совершенно этимъ удовлетворяется! „Ушелъ дальше“ нѣмецкихъ профессоровъ—чего же вамъ еще надо? Подобно всѣмъ народникамъ, Эфруси старается перенести центръ тяжести на то, что Сисмонди критиковалъ капитализмъ. О томъ, что критика капитализма бываетъ разная, что критиковать капитализмъ можно и съ сентиментальной, и съ научной точки зрѣнія,—экономистъ „*Р. Б—ва*“, видимо, не имѣетъ понятія.

**) Весьма справедливо Ингремъ сближаетъ Сисмонди съ „катедеръ-соціалистами“ (с. 212 „Исторіи пол. эк.“ М. 1901), заявляя наивно: „Мы уже (!!) примкнули къ воззрѣнію Сисмонди на государство, какъ на такую силу, ко-

И всѣ эти теоретики „распредѣленія“ и „потребленія“ не сумѣли разрѣшить даже основного вопроса объ отличіи общественнаго капитала отъ общественнаго дохода, всѣ продолжали путаться въ противорѣчіяхъ, передъ которыми остановился А. Смитъ *).—Проблемму удалось рѣшить лишь экономисту, никогда не выдѣлявшему особо распредѣленія, протестовавшему самымъ энергичнымъ образомъ противъ „вульгарныхъ“ разсужденій о „распредѣленіи“ (Ср. замѣчанія Маркса на Готскую программу, цитированныя у П. Струве въ „Кр. замѣткахъ“ с. 129, эпиграфъ къ IV гл.). Мало того. Самое разрѣшеніе проблемы состояло въ анализѣ *воспроизводства* общественнаго капитала. Ни о потребленіи, ни о распредѣленіи авторъ и не ставилъ особаго вопроса; но и то, и другое выяснилось вполнѣ само собой послѣ того, какъ доведенъ былъ до конца анализъ *производства.*

„Научный анализъ капиталистическаго способа производства доказываетъ, что... условія распредѣленія, по сущности своей тождественныя съ условіями производства, составляютъ оборотную сторону этихъ послѣднихъ, такъ что и тѣ и другія носятъ одинаково тотъ же самый исторически преходящій характеръ“. „Заработная плата предполагаетъ наемный трудъ, прибыль—капиталъ. Эти опредѣленныя формы распредѣленія предполагаютъ, слѣд., опредѣленныя общественныя черты (Charaktere) условій производства и опредѣленныя общественныя отношенія агентовъ производства. Опредѣленное отношеніе распредѣленія есть, слѣдовательно, лишь выраженіе исторически-опредѣленнаго отношенія производства“... „Каждая форма распредѣленія исчезаетъ вмѣстѣ съ опредѣленной формой производства, которой она соотвѣтствуетъ и изъ которой проистекаетъ.

„То воззрѣніе, которое разсматриваетъ исторически лишь отношенія распредѣленія, но не отношенія производства, съ одной стороны, есть лишь воззрѣніе зарождающейся, еще робкой (непослѣдовательной, befangen) критики буржуазной экономіи. Съ другой же стороны, оно основано на смѣшеніи и отождествленіи общественнаго процесса производства съ простымъ процессомъ труда, который долженъ совершать и искусственно изолированный человѣкъ безъ всякой общественной помощи. Поскольку процессъ труда есть лишь процессъ между человѣкомъ и природой,—его простые элементы остаются одинаковыми для всѣхъ общественныхъ формъ развитія. Но каждая опредѣленная историческая форма этого процесса развиваетъ далѣе матеріальныя основанія и общественныя формы его“ („Капиталъ“, т. III, 2, стр. 415, 410, 420 нѣмецк. ориг.).

торая должна заботиться... о распространеніи благъ общественнаго соединенія и новѣйшаго прогресса, по возможности, на всѣ классы общества“ (215). Какой глубиной отличаются эти „воззрѣнія“ Сисмонди, мы уже видѣли на примѣрѣ протекціонизма.

*) См., напр., статью „Доходъ“ *Р. Мейера* въ Handw. der St. (рус. пер въ сборникѣ „Промышленность“), излагающую всю безпомощную путаницу въ разсужденіяхъ „новѣйшихъ“ нѣмецкихъ профессоровъ объ этомъ предметѣ. Оригинально, что Р. Мейеръ, опираясь прямо на Ад. Смита и приводя въ указаніи литературы ссылку на *тѣ самыя главы* II-го тома „Капитала“, въ которыхъ содержится полное опроверженіе Смита, не упоминаетъ объ этомъ въ текстѣ.

Не болѣе посчастливилось Сисмонди и въ другого рода нападкахъ на классиковъ, занимающихъ еще больше мѣста въ его „Nouveaux Principes“. „Новые ученики А. Смита въ Англіи бросились въ абстракціи, забывая о человѣкѣ“... (I, 55). Для Рикардо „богатство—все, а люди ничто“ (II, 331). „Они (экономисты, защищающіе свободу торговли) часто приносятъ людей и реальные интересы въ жертву абстрактной теоріи“ (II, 457), и т. п.

Какъ стары эти нападки, и въ то же время какъ онѣ новы! Я имѣю въ виду обновленіе ихъ народниками, поднявшими такой шумъ по поводу открытаго признанія капиталистическаго развитія Россіи за настоящее, дѣйствительное и неизбѣжное развитіе ея. Не то же ли самое повторяли они на разные лады, крича объ „апологіи власти денегъ“, о „соціалбуржуазности“ и т. п.? И къ нимъ *еще въ гораздо большей степени*, чѣмъ къ Сисмонди, приложимо замѣчаніе, сдѣланное по адресу сентиментальной критики капитализма вообще: Man schreie nicht zu sehr über den Zynismus! Der Zynismus liegt in der Sache, nicht in den Worten, welche die Sache bezeichnen! Не кричите очень о цинизмѣ! цинизмъ заключается не въ словахъ, описывающихъ дѣйствительность, а въ самой дѣйствительности!

„Еще въ гораздо большей степени“,—говоримъ мы. Это—потому что романтики западно-европейскіе не имѣли передъ собой научнаго анализа противорѣчій капитализма, что они впервые указывали на эти противорѣчія, что они громили („жалкими словами“, впрочемъ) людей, *не видѣвшихъ* этихъ противорѣчій.

Сисмонди обрушивался на Рикардо за то, что тотъ съ безпощадной откровенностью дѣлалъ всѣ выводы изъ наблюденія и изученія буржуазнаго общества: онъ формулировалъ открыто и существованіе производства ради производства, и превращеніе рабочей силы въ товаръ, на который смотрятъ такъ же, какъ на всякій другой товаръ,— и то, что для „общества“ важенъ только чистый доходъ, т.-е. только величина прибыли *). Но Рикардо говорилъ совершенную правду: *на дѣлѣ все обстоитъ именно такъ.* Если эта истина казалась Сисмонди „низкой истиной“, то онъ долженъ бы былъ искать причинъ этой „низости“ совсѣмъ не въ теоріи Рикардо и нападать совсѣмъ не на „абстракціи“; его восклицанія по адресу Рикардо относятся цѣликомъ къ области „насъ возвышающаго обмана“.

---

*) Эфруси, напр., съ важнымъ видомъ повторяетъ сентиментальныя фразы Сисмонди о томъ, что увеличеніе чистаго дохода предпринимателя не есть выигрышъ для народнаго хозяйства, и т. п., упрекая его лишь въ томъ, что онъ „сознавалъ“ это „еще не вполнѣ ясно“ (с. 43, № 8).

Не угодно ли сравнить съ этимъ результаты научнаго анализа капитализма:

Валовой доходъ (Roheinkommen) общества состоитъ изъ заработной платы + прибыль + рента. Чистый доходъ (Reiheinkommen) это—сверхстоимость.

„Если разсматривать доходъ всего общества, то національный доходъ состоитъ изъ заработной платы, плюсъ прибыль, плюсъ рента, т. е. изъ валового дохода. Однако, такое воззрѣніе является лишь абстракціей въ томъ отношеніи, что все общество, на основѣ капиталистическаго производства, становится на капиталистическую точку зрѣнія и считаетъ чистымъ доходомъ лишь доходъ, состоящій изъ прибыли и ренты“ (III, 2, 375—6).

Ну, а наши современные романтики? Думаютъ ли они отрицать дѣйствительность „власти денегъ"? Думають ли они отрицать, что эта власть всемогуща не только среди промышленнаго населенія, но и среди земледѣльческаго, въ какой угодно „общинной", въ какой угодно глухой деревушкѣ? Думаютъ ли они отрицать необходимую связь этого *факта* съ товарнымъ хозяйствомъ? Они и не пытались подвергать это сомнѣнію. Они просто стараются не говорить объ этомъ. Они боятся назвать вещи ихъ настоящимъ именемъ.

И мы вполнѣ понимаемъ ихъ боязнь: открытое признаніе дѣйствительности отняло бы всякую почву у сентиментальной (народнической) критики капитализма. Неудивительно, что они такъ страстно бросаются въ бой, не успѣвъ даже вычистить заржавленное оружіе романтизма. Неудивительно, что они не разбираютъ средствъ и хотятъ враждебность къ *сентиментальной* критикѣ выставить враждебностью къ критикѣ вообще. Вѣдь они борются за свое право на существованіе.

Сисмонди пытался даже возвести свою сентиментальную критику въ *особый методъ соціальной науки*. Мы уже видѣли, что онъ попрекалъ Рикардо не тѣмъ, что его объективный анализъ остановился передъ противорѣчіями капитализма (этотъ упрекъ былъ бы основателенъ), а именно тѣмъ, что это — анализъ *объективный*. Сисмонди говорилъ, что Рикардо „забываетъ о человѣкѣ". Въ предисловіи ко второму изданію „Nouveaux Principes" встрѣчаемъ такую тираду:

„Я считаю необходимымъ протестовать противъ обычныхъ, столь часто легкомысленныхъ, столь часто важныхъ пріемовъ сужденія о сочиненіи, касающемся соціальныхъ наукъ. Проблема, подлежащая ихъ разрѣшенію, несравненно сложнѣе, чѣмъ всѣ проблемы наукъ естественныхъ; въ то же время эта проблема обращается къ сердцу точно такъ же, какъ къ разуму" (I, XVI). Какъ знакомы русскому читателю эти идеи о противоположности естественныхъ и соціальныхъ наукъ, объ обращеніи послѣднихъ „къ сердцу"! *). Сисмонди выска-

---

Такимъ образомъ авторъ вполнѣ примыкаетъ къ Рикардо и его опредѣленію „чистаго дохода" „общества"—къ тому самому опредѣленію, которое вызвало „знаменитое возраженіе" Сисмонди (*Р. Б.*, № 8, с. 44): Какъ? Богатство—все, а люди—ничто? (II, 331). Въ современномъ обществѣ—конечно, да.

*) „Политическая экономія—наука не простого расчета (n'est pas une science de calcul), а наука моральная. Она ведетъ къ цѣли лишь тогда, когда приняты во вниманіе чувства, потребности и страсти людей" (I, 313). Эти чувствительныя фразы, въ которыхъ Сисмонди точно такъ же, какъ русскіе соціологи субъективной школы въ своихъ совершенно аналогичныхъ восклицаніяхъ, видитъ новыя понятія о соціальной наукѣ, показываютъ на самомъ дѣлѣ, въ какомъ еще дѣтски-примитивномъ состояніи находилась критика буржуазіи. Развѣ научный анализъ противорѣчій, оставаясь строго объективнымъ „расчетомъ", не даетъ именно твердой основы для пониманія „чувствъ, потребностей и страстей" и притомъ страстей не „людей" вообще, — этой абстракціи, которую и романтикъ, и народникъ наполняетъ специфически мелко-буржуазнымъ содержаніемъ, — а *людей опредѣленныхъ классовъ*. Но дѣло въ томъ, что Сисмонди *не могъ теоретически опровергнуть* экономистовъ и потому ограничивался сентиментальными фразами. „Утопическій диллетантизмъ вынужденъ дѣлать теоретическія уступки всякому болѣе или менѣе ученому защитнику буржуазнаго порядка. Чтобы загладить возникающее у него сознаніе своего безсилія, утопистъ утѣшаетъ себя, упрекая своихъ противниковъ въ объективности: положимъ, дескать, вы ученѣе меня, но за то я добрѣе". (*Бельтовъ*, с. 43).

зываетъ здѣсь тѣ самыя мысли, которымъ предстояло черезъ нѣсколько десятилѣтій быть „вновь открытыми“ на дальнемъ востокѣ Европы „русской школой соціологовъ“ и фигурировать въ качествѣ особаго „субъективнаго метода въ соціологіи“... Сисмонди апеллируетъ, разумѣется,—какъ и наши отечественные соціологи,—„къ сердцу такъ же, какъ къ разуму“ *). Но мы видѣли уже, какъ по всѣмъ важнѣйшимъ проблемамъ „сердце“ мелкаго буржуа торжествовало надъ „разумомъ“ теоретика-экономиста.

Постъ-скриптумъ къ настоящему изданію.

Вѣрность данной здѣсь оцѣнки сентиментальнаго Сисмонди въ отношеніи его къ научно-„объективному“ Рикардо вполнѣ подтверждается отзывомъ Маркса во второмъ томѣ „Теорій прибавочной стоимости“, вышедшемъ въ 1905 году (Theorien über den Mehrwert, II B., I Th., S 304 u. ff. „Bemerkungen über die Geschichte der Entdeckung des sogenavuten Ricardoschen Gesetzes“). Противопоставляя Мальтуса, какъ жалкаго плагіатора, подкупленнаго адвоката имущихъ, безстыднаго сикофанта, — Рикардо, какъ человѣку науки, Марксъ говоритъ:

„Рикардо разсматриваетъ капиталистическій способъ производства, какъ самый выгодный для производства вообще, какъ самый выгодный для созданія богатства, и Рикардо вполнѣ правъ для своей эпохи. Онъ хочетъ *производства для производства* и онъ правъ. Возражать на это, какъ дѣлали сентиментальные противники Рикардо, указаніемъ на то, что производство, какъ таковое, не является же самоцѣлью, значитъ забывать, что производство ради производства есть не что иное, какъ развитіе производительныхъ силъ человѣчества, т. е. *развитіе богатства человѣческой природы, какъ самоцѣль.* Если противопоставить этой цѣли благо отдѣльныхъ индивидовъ, какъ дѣлалъ Сисмонди, то это значитъ утверждать, что развитіе всего человѣческаго рода должно быть *задержано* ради обезпеченія блага отдѣльныхъ индивидовъ, что, слѣдовательно, нельзя вести, къ примѣру скажемъ, никакой войны, ибо война ведетъ къ гибели отдѣльныхъ лицъ. Сисмонди правъ лишь противъ такихъ экономистовъ, которые *затушевываютъ* этотъ антагонизмъ, отрицаютъ его“. (S. 309). Съ своей точки зрѣнія, Рикардо имѣетъ полное право приравнивать пролетаріевъ къ машинамъ, къ товарамъ въ капиталистическомъ производствѣ. „Es ist dieses stoisch, objektiv, wissenschaftlich“, „это — стоицизмъ, это объективно, это научно“ (S. 313). Понятно, что эта оцѣнка относится лишь къ опредѣленной эпохѣ, къ самому началу 19-го вѣка.

---

*) Точно „проблемы“, вытекающія изъ естественныхъ наукъ, не обращаются тоже „къ сердцу“?!

ГЛАВА II.

Характеръ критики капитализма у романтиковъ.

„Разумомъ“ Сисмонди мы уже достаточно занимались. Посмотримъ теперь поближе на его „сердце“. Попытаемся собрать воедино всѣ указанія на его *точку зрѣнія* (которую мы изучали до сихъ поръ лишь какъ элементъ, соприкасающійся съ теоретическими вопросами), на его *отношеніе* къ капитализму, на его общественныя симпатіи, на его пониманіе „соціально-политическихъ“ задачъ той эпохи, которой онъ былъ участникомъ.

I.

Сентиментальная критика капитализма.

Отличительной чертой той эпохи, когда писалъ Сисмонди, было быстрое развитіе *обмѣна* (денежнаго хозяйства—по современной терминологіи), особенно рѣзко сказавшееся послѣ уничтоженія остатковъ феодализма французской революціей. Сисмонди, не обинуясь, осуждалъ это развитіе и усиленіе обмѣна, нападалъ на „роковую конкуренцію“, призывая „правительство защищать населеніе отъ послѣдствій конкуренціи“ (ch. VIII, 1. VII) и т. п. „Быстрые обмѣны портятъ добрые нравы народа. Постоянныя заботы о выгодной продажѣ не обходятся безъ покушеній запрашивать и обманывать, и чѣмъ труднѣе существовать тому, кто живетъ постоянными обмѣнами, тѣмъ болѣе подвергается онъ искушенію пустить въ ходъ обманъ“ (I, 169). Вотъ какая наивность требовалась для того, чтобы нападать на денежное хозяйство такъ, какъ нападаютъ наши народники! „...Богатство коммерческое есть лишь второе по важности въ экономическомъ строѣ; и богатство территоріальное (земельное), дающее средства существованія, должно возрастать первымъ. Весь этотъ многочисленный классъ, живущій торговлей, долженъ получать часть продуктовъ земли лишь тогда, когда эти продукты существуютъ; онъ

(этотъ классъ) долженъ возрастать лишь постольку, поскольку возрастаютъ также и эти продукты" (I, 322—323). Ушелъ ли хоть на шагъ впередъ отъ этого патріархальнаго романтика г. Н.—онъ, изливающій на цѣлыхъ страницахъ жалобы на то, что ростъ торговли и промышленности обгоняетъ развитіе земледѣлія? Эти жалобы романтика и народника свидѣтельствуютъ лишь о совершенномъ *непониманіи* капиталистическаго хозяйства. *Можетъ ли существовать* такой капитализмъ, при которомъ бы развитіе торговли и промышленности *не* обгоняло земледѣлія? Вѣдь ростъ капитализма есть ростъ товарнаго хозяйства, *то-есть* общественнаго раздѣленія труда, *отрывающаго* отъ земледѣлія одинъ за другимъ видъ обработки сырья, первоначально связанный съ добываніемъ сырья, обработкой и потребленіемъ его въ *одно* натуральное хозяйство. Поэтому *вездѣ и всегда* капитализмъ означаетъ *болѣе быстрое* развитіе торговли и промышленности сравнительно съ земледѣліемъ, *болѣе быстрый* ростъ торгово-промышленнаго населенія, *большій* вѣсъ и значеніе торговли и промышленности въ общемъ строѣ общественнаго хозяйства *). Иначе *не можетъ быть* И г. Н.—онъ, повторяя подобныя жалобы, доказываетъ этимъ еще и еще разъ, что онъ въ своихъ экономическихъ воззрѣніяхъ не пошелъ дальше поверхностнаго сентиментальнаго романтизма. „Этотъ неразумный духъ предпринимательства, этотъ излишекъ всякаго рода торговли, который вызываетъ такую массу банкротствъ въ Америкѣ, обязанъ своимъ существованіемъ, безъ всякаго сомнѣнія, увеличенію числа банковъ и той легкости, съ которой обманчивый кредитъ становится на мѣсто реальнаго имущества" (II, 111), и т. д. безъ конца. Во имя чего же нападалъ Сисмонди на денежное хозяйство (и капитализмъ)? Что онъ противопоставляетъ ему? Мелкое самостоятельное производство, натуральное хозяйство крестьянъ въ деревнѣ, ремесло—въ городѣ. Вотъ какъ говоритъ онъ о первомъ въ главѣ „О патріархальномъ сельскомъ хозяйствѣ" (ch. III, l. III, De l'exploitation patriarchale — о патріархальной эксплуатаціи земли. Книга 3-я трактуетъ о „территоріальномъ" или земельномъ богатствѣ):

„Первые собственники земли сами были пахарями, они исполняли всѣ полевыя работы трудомъ своихъ дѣтей и своихъ слугъ. Ни одна соціальная организація **) не гарантируетъ большаго участія и большихъ добродѣтелей наиболѣе многочисленному классу на-

*) Всегда и вездѣ при капиталистическомъ развитіи земледѣліе остается *позади* торговли и промышленности, всегда оно подчинено имъ и эксплуатируется ими, всегда оно лишь позднѣе *втягивается* ими на стезю капиталистическаго *производства*.

**) Замѣтьте, что Сисмонди—точь въ точь, какъ наши народники, превращаетъ сразу самостоятельное хозяйство крестьянъ въ „соціальную организацію". Явная передержка. Что же связываетъ вмѣстѣ этихъ крестьянъ разныхъ мѣстностей? Именно раздѣленіе общественнаго труда и товарное хозяйство, замѣнившее связи феодальныя. Сразу сказывается возведеніе въ утопію одного члена въ строѣ товарнаго хозяйства и непониманіе остальныхъ членовъ. Сравните у г. Н.—она, с. 322: „Форма промышленности, основанная на владѣніи крестьянствомъ орудіями производства". О томъ, что это владѣніе крестьянствомъ орудіями производства является—и исторически, и логически—*исходнымъ пунктомъ* именно *капиталистическаго* производства, г. Н.—онъ и не подозрѣваетъ!

ціи, большаго довольства всѣмъ, большей прочности общественному порядку... Въ странахъ, гдѣ земледѣлецъ есть собственникъ и гдѣ продукты принадлежатъ цѣликомъ тѣмъ самымъ людямъ, которые произвели всѣ работы, т. е. въ странахъ, сельское хозяйство которыхъ мы называемъ патріархальнымъ,—мы видимъ на каждомъ шагу слѣды любви земледѣльца къ дому, въ которомъ онъ живетъ, къ землѣ, за которой онъ ухаживаетъ... Самый трудъ для него удовольствіе... Въ счастливыхъ странахъ, гдѣ земледѣліе—патріархальное, изучается особая природа каждаго поля, и эти познанія переходятъ отъ отца къ сыну... Крупное фермерское хозяйство, руководимое болѣе богатыми людьми, поднимается, можетъ быть, выше предразсудковъ и рутины. Но познанія (т. е. познанія въ сельскомъ хозяйствѣ) не дойдутъ до того, кто самъ работаетъ, и будутъ примѣнены хуже... Патріархальное хозяйство улучшаетъ нравы и характеръ этой столь многочисленной части націи, на которой лежатъ всѣ земледѣльческія работы. Собственность создаетъ привычки порядка и бережливости, постоянное довольство уничтожаетъ вкусъ къ обжорству и къ лакомству... Вступая въ обмѣнъ почти съ одной только природой, онъ (земледѣлецъ) имѣетъ меньше, чѣмъ всякій другой промышленный рабочій, поводовъ не довѣрять людямъ и пускать въ ходъ противъ нихъ оружіе недобросовѣстности" (I, 165—170). „Первые фермеры были простыми пахарями; они своими руками исполняли большую часть земледѣльческихъ работъ; они соразмѣряли свои предпріятія съ силами своихъ семей... Они не переставали быть крестьянами: сами ходятъ за сохой; сами ухаживаютъ за скотомъ и въ полѣ, и въ конюшнѣ; живутъ на чистомъ воздухѣ, привыкая къ постоянному труду и къ скромной пищѣ, которые создаютъ крѣпкихъ гражданъ и бравыхъ солдатъ. Они почти никогда не употребляютъ, для совмѣстныхъ работъ, поденныхъ рабочихъ, а только слугъ, выбранныхъ всегда среди своихъ равныхъ, съ которыми обходятся какъ съ равными, ѣдятъ за однимъ столомъ, пьютъ то же вино, одѣваются въ то же платье. Такимъ образомъ, земледѣльцы съ своими слугами составляютъ одинъ классъ крестьянъ, одушевленныхъ тѣми же чувствами, раздѣляющихъ тѣ же удовольствія, подвергающихся тѣмъ же вліяніямъ, связанныхъ съ отечествомъ такими же узами" (I, 221).

Вотъ вамъ и пресловутое „народное производство"! И пусть не говорятъ, что у Сисмонди нѣтъ пониманія необходимости соединить производителей: онъ говоритъ прямо (см. ниже), что „онъ точно такъ же (какъ и Фурье, Овэнъ, Томпсонъ, Муиронъ) желаетъ ассоціаціи" (II, 365). Пусть не говорятъ, что онъ стоитъ именно за *собственность*: напротивъ, центръ тяжести у него мелкое хозяйство (ср. II, 355), а не мелкая собственность. Понятно, что эта идеализація мелкаго крестьянскаго хозяйства принимаетъ отличный видъ при другихъ историческихъ и бытовыхъ условіяхъ. Но и романтизмъ, и народничество возводятъ въ апоѳеозъ именно мелкое крестьянское хозяйство—это не подлежитъ сомнѣнію.

Точно также идеализируетъ Сисмонди и примитивное ремесло, и цехи.

„Деревенскій сапожникъ, который въ то же время и купецъ, и фабрикантъ, и работникъ, не сдѣлаетъ ни одной пары сапогъ, не

получивъ заказа" (II, 262), тогда какъ капиталистическая мануфактура, не зная спроса, можетъ потерпѣть крахъ. „Несомнѣнно, и съ теоретической и съ фактической стороны, что учрежденіе цеховъ препятствовало и должно было препятствовать образованію избыточнаго населенія. Точно также несомнѣнно, что такое населеніе существуетъ въ настоящее время и что оно есть необходимый результатъ современнаго строя" (I, 431). Подобныхъ выписокъ можно было бы привести очень много, но мы откладываемъ разборъ практическихъ рецептовъ Сисмонди до дальнѣйшаго. Здѣсь же ограничимся приведеннымъ, чтобы вникнуть въ точку зрѣнія Сисмонди. Приведенныя разсужденія можно резюмировать такъ: 1) денежное хозяйство осуждается за то, что оно разрушаетъ обезпеченное положеніе мелкихъ производителей и ихъ взаимное сближеніе (въ формѣ ли близости ремесленника къ потребителю или земледѣльца къ равнымъ ему земледѣльцамъ); 2) мелкое производство превозносится за то, что обезпечиваетъ самостоятельность производителя и устраняетъ противорѣчія капитализма.

Отмѣтимъ, что эти обѣ идеи составляютъ существенное достояніе народничества *) и попытаемся вникнуть въ ихъ содержаніе.

Критика денежнаго хозяйства романтиками и народниками сводится къ констатированію порождаемаго имъ индивидуализма **) и антагонизма (конкуренція), а также необезпеченности производителя и неустойчивости ***) общественнаго хозяйства.

Сначала объ „индивидуализмѣ". Обыкновенно противополагаютъ союзъ крестьянъ данной общины или ремесленниковъ (или кустарей) даннаго ремесла—капитализму, разрушающему эти связи, замѣняющему ихъ конкуренціей. Это разсужденіе повторяетъ типичную ошибку романтизма, именно: заключеніе отъ противорѣчій капитализма къ отрицанію въ немъ *высшей формы общественности*. Развѣ капитализмъ, разрушающій средневѣковыя общинныя, цеховыя, артельныя и т. п. связи, не ставитъ на ихъ мѣсто другихъ? Развѣ товарное хозяйство не есть уже *связь* между производителями, связь, устанавливаемая *рынкомъ?* ****). Антагонистическій, полный колебаній и противорѣчій, характеръ *этой связи* не даетъ права отрицать *ея существованія*. И мы знаемъ, что именно развитіе противорѣчій все сильнѣе и сильнѣе обнаруживаетъ силу этой связи, *вынуждаетъ* всѣ от-

---

*) Г. Н.—онъ и по данному вопросу наговорилъ такую кучу противорѣчій, что изъ нея можно выбрать *какія угодно* положенія, ничѣмъ между собой не связанныя. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію идеализація крестьянскаго хозяйства посредствомъ туманнаго термина: „народное производство". Туманъ—особенно удобная атмосфера для всякихъ переряживаній.

**) Ср. Н.—онъ с. 321 и др.

***) Ibid., с. 335. С. 184: капитализмъ „лишаетъ устойчивости". И мн. др.

****) „На самомъ дѣлѣ выраженія: *общество, ассоціація* это такія наименованія, которыя можно дать всяческимъ обществамъ, какъ феодальному обществу, такъ и буржуазному, которое есть ассоціація, основанная на конкуренціи. Какимъ же образомъ могутъ существовать писатели, которые считаютъ возможнымъ опровергать конкуренцію однимъ словомъ: *ассоціація*"? (Marx. Das Elend der Philosophie). Критикуя со всей рѣзкостью сентиментальное осужденіе конкуренціи, авторъ выдвигаетъ прямо ея *прогрессивную сторону*, ея движущую силу, толкающую впередъ „прогрессъ техническій и прогрессъ соціальный".

дѣльные элементы и классы общества стремиться къ соединенію, и притомъ соединенію уже не въ узкихъ предѣлахъ одной общины или одного округа, а къ соединенію всѣхъ представителей даннаго класса *во всей націи* и даже въ различныхъ государствахъ. Только романтикъ съ своей реакціонной точки зрѣнія можетъ отрицать существованіе этихъ связей и ихъ болѣе глубокое значеніе, основанное на общности ролей въ народномъ хозяйствѣ, а не на территоріальныхъ, профессіональныхъ, религіозныхъ и т. п. интересахъ. И если подобное разсужденіе заслужило названіе романтика для Сисмонди, писавшаго въ такую эпоху, когда существованіе этихъ новыхъ, порождаемыхъ капитализмомъ, связей было еще въ зародышѣ, то наши народники и подавно подлежатъ такой оцѣнкѣ, ибо *теперь* громадное значеніе такихъ связей могутъ отрицать лишь совсѣмъ слѣпые люди.

Что касается до необезпеченности и неустойчивости и т. п., то это—все та же старая пѣсенка, о которой мы говорили по поводу внѣшняго рынка. Въ подобныхъ нападкахъ и сказывается романтикъ, осуждающій съ боязливостью именно то, что выше всего цѣнитъ въ капитализмѣ научная теорія: присущее ему стремленіе къ развитію, неудержимое стремленіе впередъ, невозможность остановиться или воспроизводить хозяйственные процессы въ прежнихъ неизмѣнныхъ размѣрахъ. Только утопистъ, сочиняющій фантастическіе планы расширенія средневѣковыхъ союзовъ (въ родѣ общины) на все общество, можетъ игнорировать тотъ фактъ, что именно „неустойчивость“ капитализма и есть громадный прогрессивный факторъ, ускоряющій общественное развитіе, втягивающій все большія и большія массы населенія въ водоворотъ общественной жизни, заставляющій ихъ задумываться надъ ея строемъ, заставляющій ихъ самихъ „ковать свое счастье“.

Фразы г-на Н.—она о „неустойчивости“ капиталистическаго хозяйства, о непропорціальномъ развитіи обмѣна, о нарушеніи равновѣсія между промышленностью и земледѣліемъ, между производствомъ и потребленіемъ, о ненормальности кризисовъ и т. п. свидѣтельствуютъ самымъ неоспоримымъ образомъ о томъ, что онъ стоитъ еще цѣликомъ на точкѣ зрѣнія *романтизма*. Поэтому критика европейскаго романтизма относится и къ его теоріи *отъ слова до слова*. Вотъ доказательство:

Послушаемъ старика Буагильбера:

„Цѣна товаровъ,—говоритъ онъ,—должна всегда быть *пропорціальной*, ибо только такое взаимное соглашеніе даетъ возможность имъ въ каждый моментъ быть снова воспроизводимыми... Такъ какъ богатство есть не что иное, какъ этотъ постоянный обмѣнъ между человѣкомъ и человѣкомъ, между предпріятіемъ и предпріятіемъ, то было бы ужаснымъ заблужденіемъ искать причины нищеты въ чемъ-либо иномъ, а не въ томъ нарушеніи этого обмѣна, которое вызывается отклоненіями отъ пропорціальныхъ цѣнъ“.

Послушаемъ также одного новѣйшаго *) экономиста:

„Великій законъ, который долженъ быть примѣненъ къ производству, есть законъ *пропорціальности* (the law of proportion), кото-

---

*) Писано въ 1847 г.

рый одинъ только въ состоянiи удержать постоянство стоимости... Эквивалентъ долженъ быть гарантированъ... Всѣ нацiи въ различныя эпохи пытались посредствомъ многочисленныхъ торговыхъ регламентовъ и ограниченiй осуществить этотъ законъ пропорцiальности, хотя бы до извѣстной степени. Но эгоизмъ, присущiй человѣческой природѣ, довелъ до того, что вся эта система регулированiя была ниспровергнута. Пропорцiальное производство (proportionate production) есть осуществленiе истинной соцiально-экономической науки". (W. Aktinson. Principles of political economy. London. 1840, p. 170 и 194).

„Fuit Troja! Эта правильная пропорцiя между предложенiемъ и спросомъ, которая опять начинаетъ становиться предметомъ столь обильныхъ пожеланiй, давнымъ давно перестала существовать. Она пережила себя; она была возможна лишь въ тѣ времена, когда средства производства были ограничены, когда обмѣнъ происходилъ въ крайне узкихъ границахъ. Съ возникновенiемъ крупной индустрiи эта правильная пропорцiя должна была необходимо (musste) исчезнуть, и производство должно было съ необходимостью законовъ природы проходить постоянную послѣдовательную смѣну процвѣтанiя и упадка, кризиса, застоя, новаго процвѣтанiя и т. д.

„Тѣ, кто, подобно Сисмонди, хочетъ возвратиться къ правильной пропорцiональности производства и при этомъ сохранить современныя основы общества, суть реакцiонеры, такъ какъ они, чтобы быть послѣдовательными, должны бы были стремиться къ возстановленiю и другихъ условiй промышленности прежнихъ временъ.

„Что удерживало производство въ правильныхъ, или почти правильныхъ, пропорцiяхъ? Спросъ, который управлялъ предложенiемъ, предшествовалъ ему; производство слѣдовало шагъ за шагомъ за потребленiемъ. Крупная индустрiя, будучи уже самымъ характеромъ употребляемыхъ ею орудiй вынуждена производить постоянно все въ большихъ и большихъ размѣрахъ, не можетъ ждать спроса. Производство идетъ впереди спроса, предложенiе силой беретъ спросъ.

„Въ современномъ обществѣ, въ промышленности, основанной на индивидуальномъ обмѣнѣ, анархiя производства, будучи источникомъ столькихъ бѣдствiй, есть въ то же время причина прогресса.

„Поэтому одно изъ двухъ: либо желать правильныхъ пропорцiй прошлыхъ вѣковъ при средствахъ производства нашего времени,— и это значитъ быть реакцiонеромъ и утопистомъ вмѣстѣ въ одно и то же время.

„Либо желать прогресса безъ анархiи,— и тогда необходимо отказаться отъ индивидуальнаго обмѣна для того, чтобы сохранить производительныя силы". (Das Elend der Philosophie, S. 46—48).

Послѣднiя слова относятся къ Прудону, противъ котораго полемизируетъ авторъ, характеризуя, слѣдовательно, отличiе своей точки зрѣнiя и отъ взглядовъ Сисмонди, и отъ воззрѣнiя Прудона. Г-нъ Н.—онъ, конечно, не подошелъ бы во *всѣхъ* своихъ воззрѣнiяхъ ни къ тому, ни къ другому *). Но вникните въ содержанiе этого отрывка.

*) Хотя большой еще вопросъ, *отчего* не подошелъ бы? Не оттого ли столько, что эти писатели ставили вопросы шире, имѣя въ виду данный хозяйственный строй вообще, его мѣсто и значенiе въ развитiи всего человѣчества,- не ограничивая своего кругозора *одной страной*, для которой будто бы можно сочинить *особую* теорiю.

Въ чемъ состоитъ основное положеніе цитированнаго автора, его основная мысль, ставящая его въ непримиримое противорѣчіе съ его предшественниками? Безспорно, въ томъ, что онъ ставитъ вопросъ о неустойчивости капитализма (которую констатируютъ *всѣ эти три* писателя) на *историческую* почву и признаетъ эту неустойчивость *прогрессивнымъ факторомъ*. Другими словами: онъ признаетъ, во-первыхъ, данное капиталистическое развитіе, совершающееся путемъ диспропорцій, кризисовъ и т. п., *развитіемъ необходимымъ*, говоря, что уже самый характеръ средствъ производства (машины) вызываетъ безграничное стремленіе къ расширенію производства и постоянное предвареніе спроса предложеніемъ. Во-вторыхъ, онъ признаетъ въ этомъ данномъ развитіи *элементы прогресса*, состоящіе въ развитіи производительныхъ силъ, въ обобществленіи труда въ предѣлахъ цѣлаго общества, въ повышеніи подвижности населенія и его сознательности и пр. Этими двумя пунктами исчерпывается его отличіе отъ Сисмонди и Прудона, которые сходятся съ нимъ въ указаніяхъ на „неустойчивость" и порожденныя ею противорѣчія и въ искреннемъ стремленіи устранить эти противорѣчія. Непониманіе того, что эта „неустойчивость" есть *необходимая* черта всякаго капитализма и товарнаго хозяйства вообще, приводитъ ихъ къ *утопіи*. Непониманіе элементовъ прогресса, *присущихъ* этой неустойчивости, дѣлаетъ ихъ теоріи *реакціонными* *).

И теперь мы предлагаемъ гг. народникамъ отвѣтить на вопросъ: раздѣляетъ ли г. Н.—онъ воззрѣнія научной теоріи по двумъ указаннымъ пунктамъ? признаетъ ли онъ неустойчивость, какъ свойство даннаго строя и даннаго развитія? признаетъ ли онъ элементы прогресса въ этой неустойчивости? Всякій знаетъ, что нѣтъ, что г-нъ Н.—онъ, напротивъ, объявляетъ эту „неустойчивость" капитализма простой ненормальностью, уклоненіемъ и т. д. и считаетъ ее упадкомъ, регрессомъ (ср. выше: „*лишаетъ* устойчивости"), идеализируя тотъ самый экономическій застой (вспомните „вѣковые устои", „освященныя вѣками начала" и т. п.), въ разрушеніи котораго и состоитъ историческая заслуга „неустойчиваго" капитализма. Ясно поэтому, что мы были вполнѣ правы, относя его къ романтикамъ, и что никакія „цитаты" и „ссылки" съ его стороны не измѣнятъ *такого характера его собственныхъ разсужденій.*

Мы остановимся нѣсколько ниже еще разъ на этой „неустойчивости" (по поводу враждебнаго отношенія романтизма и народничества къ уменьшенію земледѣльческаго населенія на счетъ индустріальнаго), а теперь приведемъ одно мѣсто изъ „Критики нѣкоторыхъ положеній политической экономіи", посвященное разбору *сентиментальныхъ* нападокъ на денежное хозяйство.

„Эти опредѣленныя общественныя роли (именно: роли продавца и покупателя) не вытекаютъ изъ человѣческой индивидуальности во-

*) Этотъ терминъ употребляется въ *историко-философскомъ* смыслѣ, характеризуя только *ошибку* теоретиковъ, берущихъ въ *пережитыхъ* порядкахъ образцы своихъ построеній. Онъ вовсе не относится ни къ личнымъ качествамъ этихъ теоретиковъ, ни къ ихъ программамъ. Всякій знаетъ, что реакціонерами въ обыденномъ значеніи слова ни Сисмонди, ни Прудонъ не были. Мы разъясняемъ сіи азбучныя истины потому, что гг. народники, какъ увидимъ ниже, до сихъ поръ еще не усвоили ихъ себѣ.

обще, но изъ мѣновыхъ отношеній между людьми, производящими свои продукты въ формѣ товаровъ. Отношенія, существующія между покупателемъ и продавцомъ, настолько не индивидуальны, что они оба вступаютъ въ нихъ, лишь поскольку отрицается индивидуальный характеръ ихъ труда, именно поскольку онъ, какъ трудъ не индивидуальный, становится деньгами. Поэтому, настолько же безсмысленно считать эти экономически-буржуазныя роли покупателя и продавца вѣчными общественными формами человѣческаго индивидуализма, насколько несправедливо оплакивать эти роли, какъ причину уничтоженія этого индивидуализма.

„Какъ глубоко поражаетъ добрыхъ людей даже совершенно поверхностная форма антагонизма, проявляющаяся въ покупкѣ и продажѣ, показываетъ слѣдующее извлеченіе изъ книги Исаака Перейры: „Leçons sur l'industrie et les finances". Paris. 1832. То обстоятельство, что этотъ же самый Исаакъ, въ качествѣ изобрѣтателя и диктатора „Crédit mobilier", пріобрѣлъ печальную славу парижскаго биржевого волка, показываетъ, что содержится въ названной книгѣ на ряду съ сентиментальной критикой экономіи. Г. Перейра, въ то время апостолъ Сенъ-Симона, говоритъ: Вслѣдствіе того, что индивидуумы изолированы, отдѣлены другъ отъ друга, какъ въ производствѣ, такъ и въ потребленіи, между ними существуетъ обмѣнъ продуктовъ ихъ производства. Изъ необходимости обмѣна вытекаетъ необходимость опредѣлять относительную цѣнность предметовъ. Идеи цѣнности и обмѣна, такимъ образомъ, тѣсно связаны между собою, и въ своей дѣйствительной формѣ обѣ онѣ выражаютъ индивидуализмъ и антагонизмъ... Опредѣлять цѣнность продуктовъ можно только потому, что существуетъ продажа и покупка, другими словами, антагонизмъ между различными членами общества. Заботиться о цѣнѣ, цѣнности приходится только тамъ, гдѣ происходитъ продажа и покупка, словомъ, гдѣ каждый индивидуумъ долженъ *бороться*, чтобы получить предметы, необходимые для поддержанія его существованія" (Н. соч., стр. 69).

Спрашивается, въ чемъ состоитъ тутъ *сентиментальность* Перейры? Онъ говоритъ только объ индивидуализмѣ, антагонизмѣ, борьбѣ, свойственныхъ капитализму, говоритъ то самое, что говорятъ на разные лады наши народники, и притомъ говорятъ, казалось бы, правду, ибо „индивидуализмъ, антагонизмъ и борьба" дѣйствительно составляютъ необходимую принадлежность обмѣна, товарнаго хозяйства. Сентиментальность состоитъ въ томъ, что этотъ сен-симонистъ, увлеченный осужденіемъ противорѣчій капитализма, *просматриваетъ за этими противорѣчіями* тотъ фактъ, что *обмѣнъ* тоже выражаетъ особую форму *общественнаго хозяйства*, что обмѣнъ, слѣдовательно, *не только разъединяетъ* (это вѣрно лишь по отношенію къ средневѣковымъ союзамъ, которые капитализмъ разрушаетъ), *но и соединяетъ* людей, заставляя ихъ вступать въ сношенія между собой при посредствѣ рынка *). Вотъ эта-то поверхностность пониманія, вызванная

---

*) Замѣняя мѣстные, сословные союзы — единствомъ соціальнаго положенія и соціальныхъ интересовъ, въ предѣлахъ цѣлаго государства и даже всего міра.

увлеченіемъ „разнести" капитализмъ (съ точки зрѣнія утопической), и дала поводъ цитированному автору назвать критику Перейры *сентиментальной*.

Но что намъ Перейра, давно забытый апостолъ давно забытаго сен-симонизма? Не взять ли лучше новѣйшаго „апостола" народничества?

„Производство... лишилось народнаго характера и приняло характеръ индивидуальный, капиталистическій" (г. Н.—онъ, „Очерки", с. 321—2).

Видите, какъ разсуждаетъ этотъ костюмированный романтикъ: „народное производство стало индивидуальнымъ". А такъ какъ подъ „народнымъ производствомъ" авторъ хочетъ разумѣть общину, то онъ указываетъ, слѣдовательно, на упадокъ *общественнаго* характера производства, на суженіе *общественной* формы производства.

Такъ ли это? „Община" давала (*если давала;* впрочемъ, мы готовы сдѣлать какія угодно уступки автору) организацію производству только въ одной отдѣльной общинѣ, разъединенной отъ каждой другой общины. Общественный характеръ производства обнималъ *только членовъ одной общины* *). Капитализмъ же создаетъ общественный характеръ производства въ цѣломъ государствѣ. „Индивидуализмъ" состоитъ въ разрушеніи общественныхъ связей, но ихъ разрушаетъ *рынокъ*, ставя на ихъ мѣсто связи между *массами индивидовъ*, не связанныхъ ни общиной, ни сословіемъ, ни профессіей, ни узкимъ райономъ промысла и т. п. Такъ какъ связь, создаваемая капитализмомъ, проявляется въ формѣ противорѣчій и антагонизма, *поэтому* нашъ романтикъ не хочетъ видѣть этой связи (хотя и община, какъ организація производства, никогда не существовала безъ другихъ формъ противорѣчій и антагонизма, свойственныхъ старымъ способамъ производства). Утопическая точка зрѣнія превращаетъ и его критику капитализма въ критику *сентиментальную*.

II.

Мелкобуржуазный характеръ романтизма.

Идеализація мелкаго производства показываетъ намъ другую характерную черту романтической и народнической критики: ея *мелкобуржуазность*. Мы видѣли, какъ французскій и русскій романтикъ одинаково превращаютъ мелкое производство въ „соціальную организацію", въ „форму производства", *противополагая ее капитализму*. Мы видѣли также, что подобное противоположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ крайней поверхностности пониманія, что это есть искусственное и неправильное выдѣленіе одной формы товарнаго хозяйства (крупный промышленный капиталъ) и осужденіе ея, при утопической идеализаціи *другой формы того же* товарнаго хозяйства (мелкое производство). Въ томъ-то и бѣда какъ европейскихъ романтиковъ начала XIX вѣка, такъ и русскихъ романтиковъ конца XIX,

---

*) По даннымъ земской статистики („Сводный Сборникъ" Благовѣщенскаго) средній размѣръ *общины*, по 123 уѣздамъ, въ 22 губерніяхъ, равняется 53 дворамъ съ 313 душами обоего пола.

что они сочиняютъ себѣ какое-то абстрактное, внѣ общественныхъ отношеній производства стоящее, мелкое хозяйство, и *просматриваютъ* то маленькое обстоятельство, что это мелкое хозяйство въ дѣйствительности стоитъ въ обстановкѣ *товарнаго производства*,—какъ мелкое хозяйство европейскаго континента 1820-хъ годовъ, такъ и русское крестьянское хозяйство 1890-хъ годовъ. *Въ дѣйствительности* мелкій производитель, возводимый въ апоѳеозъ романтиками и народниками, есть поэтому *мелкій буржуа*, стоящій въ такихъ же противорѣчивыхъ отношеніяхъ, какъ и всякій другой членъ капиталистическаго общества, отстаивающій себя точно также борьбой, которая, съ одной стороны, выдѣляетъ небольшое меньшинство крупныхъ буржуа, съ другой стороны, выталкиваетъ большинство въ ряды пролетаріата. Въ дѣйствительности, какъ это всякій видитъ и знаетъ, нѣтъ такихъ мелкихъ производителей, которые бы не стояли *между* этими двумя противоположными классами, и это срединное положеніе обусловливаетъ необходимо специфическій характеръ мелкой буржуазіи, ея двойственность, двуличность, ея тяготѣніе къ меньшинству, счастливо выходящему изъ борьбы, ея враждебное отношеніе къ „неудачникамъ", т.-е. большинству. Чѣмъ дальше развивается товарное хозяйство, тѣмъ сильнѣе и рѣзче выступаютъ эти качества, тѣмъ явственнѣе становится, что идеализація мелкаго производства выражаетъ лишь реакціонную, *мелкобуржуазную* точку зрѣнія.

Не надо заблуждаться на счетъ значенія этихъ терминовъ, которые авторъ „Критики нѣкоторыхъ положеній политической экономіи" и прилагалъ именно къ Сисмонди. Эти термины вовсе не говорятъ, что Сисмонди *защищаетъ* отсталыхъ мелкихъ буржуа. *Сисмонди нигдѣ ихъ не защищаетъ*: онъ хочетъ стоять на точкѣ зрѣнія трудящихся классовъ вообще, онъ выражаетъ свое сочувствіе всѣмъ представителямъ этихъ классовъ, онъ радуется, напр., фабричному законодательству, онъ нападаетъ на капитализмъ и показываетъ его противорѣчія. Однимъ словомъ, его точка зрѣнія совершенно та же, что и точка зрѣнія современныхъ народниковъ.

Спрашивается, на чемъ же основана характеристика его, какъ мелкаго буржуа? Именно на томъ, что онъ не понимаетъ связи между мелкимъ производствомъ (которое онъ идеализируетъ), и крупнымъ капиталомъ (на который онъ нападаетъ). Именно на томъ, что онъ *не видитъ*, какъ излюбленный имъ мелкій производитель, крестьянинъ, становится, въ дѣйствительности, мелкимъ буржуа. Не надо никогда забывать слѣдующаго разъясненія по поводу сведенія теорій различныхъ писателей къ интересамъ и точки зрѣнія различныхъ классовъ:

„Не слѣдуетъ думать, что мелкая буржуазія принципіально стремится осуществить свои эгоистическіе классовые интересы. Она вѣритъ, напротивъ, что *специальныя* условія ея освобожденія суть въ то же время тѣ *общія* условія, при которыхъ только и можетъ быть спасено современное общество и устранена классовая борьба. Равнымъ образомъ, не слѣдуетъ думать, что всѣ представители демократіи—лавочники или поклонники лавочниковъ. По своему образованію и индивидуальному положенію они могутъ быть далеки отъ нихъ, какъ небо отъ земли. Представителями мелкаго буржуа дѣлаетъ ихъ то обстоятельство, что ихъ мысль не въ состояніи престу-

пить тѣхъ границъ, которыхъ не преступаетъ жизнь мелкихъ буржуа, и потому теоретически они приходятъ къ тѣмъ же самымъ задачамъ и рѣшеніямъ, къ которымъ мелкаго буржуа приводитъ практически его матеріальный интересъ и его общественное положеніе. Таково и вообще отношеніе между *политическими и литературными представителями* класса и тѣмъ классомъ, который они представляютъ“ (К. Марксъ, „Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта“, перев. Базарова и Степанова, стр. 179—180).

Поэтому весьма комичны тѣ народники, которые думаютъ, что указанія на мелкобуржуазность дѣлаются лишь съ цѣлью сказать что-либо особенно ядовитое, что это — простой полемическій пріемъ. Такимъ отношеніемъ они доказываютъ непониманіе общихъ воззрѣній ихъ противниковъ, а, главное, — непониманіе самыхъ основъ *той* критики капитализма, съ которой они всѣ „согласны“, и ея *отличія* отъ сентиментальной и мелкобуржуазной критики. Одно уже усиленное стремленіе обойти самый вопросъ объ этихъ послѣднихъ видахъ критики, о существованіи ихъ въ Зап. Европѣ, объ отношеніи ихъ къ критикѣ научной показываетъ наглядно, *почему* народники не хотятъ понять этого отличія *).

Пояснимъ сказанное примѣромъ. Въ библіографическомъ отдѣлѣ „Русск. Мысли“ за 1896 г. № 5 (стр. 229 и сл.) идетъ рѣчь о томъ, что „въ послѣднее время выступила и съ поразительной быстротой растетъ группа“ среди интеллигенціи, относящаяся съ принципіальной и безусловной враждебностью къ народничеству. Г. рецензентъ указываетъ въ самыхъ краткихъ чертахъ на причины и характеръ этой враждебности и нельзя не отмѣтить съ признательностью, что онъ излагаетъ при этомъ вполнѣ точно *суть* враждебной народничеству точки зрѣнія **). Г. рецензентъ не раздѣляетъ этой точки зрѣнія. Онъ не понимаетъ, чтобы идеи о классовыхъ интересахъ и т. д. обязывали насъ отрицать „народные идеалы“ („просто *народные*, а не народническіе“; ibid. с. 229), состоящіе де въ благосостояніи, свободѣ и сознательности крестьянства, т.-е. большинства населенія.

„Намъ возразятъ, конечно,—говоритъ г. рецензентъ,—какъ возражали и другимъ, что идеалы автора-крестьянина (рѣчь шла о высказанныхъ однимъ крестьяниномъ пожеланіяхъ) мелко-буржуазные, и что потому наша литература и явилась до сихъ поръ представительницей и защитницей интересовъ мелкой буржуазіи. Но вѣдь это

---

*) Напр., Эфруси написалъ двѣ статьи о томъ, „какъ смотрѣлъ на ростъ капитализма“ Сисмонди („Р. Б.“ № 7, с. 139) и все-таки **абсолютно не понялъ** именно того, **какъ** смотрѣлъ Сисмонди. Сотрудникъ „Русскаго Богатства“ **не замѣтилъ** мелкобуржуазной точки зрѣнія Сисмонди. А такъ какъ Эфруси, несомнѣнно, знакомъ съ Сисмонди; такъ какъ онъ (какъ увидимъ ниже) знакомъ именно съ тѣмъ представителемъ новѣйшей теоріи, который такъ охарактеризовалъ Сисмонди; такъ какъ онъ хочетъ тоже быть „согласнымъ“ съ этимъ представителемъ новой теоріи,—то его непониманіе пріобрѣтаетъ совершенно опредѣленное значеніе. Народникъ и не могъ замѣтить въ романтикѣ того, чего онъ не замѣчаетъ въ себѣ.

) Конечно, это звучитъ очень странно: хвалить человѣка за то, что онъ точно передаетъ чужія мысли!! Но что прикажете дѣлать? Среди обычныхъ полемистовъ „Русскаго Богатства“ и стараго „Нов. Слова“ гг. Кривенко и Воронцова **такая полемика дѣйствительно является необычайнымъ исключеніемъ.

же просто жупелъ, и кого, кромѣ лицъ, обладающихъ міровоззрѣніемъ и умственными навыками замоскворѣцкой купчихи, этимъ жупеломъ испугать можно?..“

Сильно сказано! Но послушаемъ дальше:

„...Основной критерій какъ условій человѣческаго общежитія, такъ и сознательныхъ общественныхъ мѣропріятій, состоитъ вѣдь не въ экономическихъ категоріяхъ, да притомъ еще заимствованныхъ изъ чуждыхъ странъ, при иныхъ обстоятельствахъ сложившихся условій, а въ счастьѣ и въ благосостояніи, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ большинства населенія. И если извѣстный укладъ жизни и извѣстныя мѣропріятія для поддержанія и развитія такого уклада ведутъ къ этому счастью, то называйте ихъ мелкобуржуазными или какъ-нибудь иначе, дѣло отъ этого не измѣнится: они— этотъ укладъ жизни и эти мѣропріятія—будутъ все-таки существенно прогрессивными и по тому самому и будутъ представлять *высшій идеалъ, доступный для общества при данныхъ условіяхъ и въ данномъ его состояніи*». (Ѣ. 229—230 стр., курсивъ автора).

Неужели г. рецензентъ не видитъ, что онъ, въ пылу полемическаго задора, перепрыгнулъ черезъ вопросъ?

Назвавши съ превеликой суровостью обвиненіе народничества въ мелкобуржуазности „просто жупеломъ“, онъ ничего не приводитъ въ доказательство такого утвержденія, кромѣ слѣдующаго, невѣроятно изумительнаго положенія: „Критерій... состоитъ не въ экономическихъ категоріяхъ, а въ счастьѣ большинства“. Вѣдь это все равно, что сказать: критерій погоды состоитъ не въ метеорологическихъ наблюденіяхъ, а въ самочувствіи большинства! Да что же такое, спрашивается, эти „экономическія категоріи“, какъ не *научная формулировка* условій хозяйства и жизни населенія и притомъ не „населенія“ вообще, а *опредѣленныхъ* группъ населенія, занимающихъ опредѣленное мѣсто въ *данномъ* строѣ общественнаго хозяйства? Противополагая „экономическимъ категоріямъ“ абстрактнѣйшее положеніе о счастьѣ большинства“, г. рецензентъ просто вычеркиваетъ все развитіе общественной науки съ конца прошлаго вѣка и возвращается къ наивной раціоналистической спекуляціи, игнорирующей опредѣленныя общественныя отношенія и ихъ развитіе. Однимъ почеркомъ пера онъ вычеркиваетъ все, чего добилась цѣной столѣтнихъ поисковъ человѣческая мысль, стремившаяся *понять* общественныя явленія! И, освободивши себя такимъ образомъ отъ всякаго научнаго багажа, г. рецензентъ *считаетъ уже вопросъ рѣшеннымъ*. Въ самомъ дѣлѣ, онъ прямо заключаетъ: „Если извѣстный укладъ... ведетъ къ этому счастью то, какъ его ни называйте, дѣло отъ этого не измѣнится“. Вотъ тебѣ разъ! Да вѣдь вопросъ въ томъ именно и состоялъ, *каковъ* этотъ укладъ. Вѣдь авторъ самъ же сейчасъ указалъ, что противъ людей, видящихъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ особый укладъ („народное производство“ или какъ тамъ хотите), выступили другіе, утверждающіе, что это вовсе не особый укладъ, а самый обыкновенный *мелкобуржуазный* укладъ, такой же, каковъ укладъ и всякаго другого мелкаго производства въ странѣ товарнаго хозяйства и капитализма. Вѣдь, если изъ перваго воззрѣнія само собой слѣдуетъ, что „этотъ укладъ“ („народное производство“) „ведетъ къ счастью“, то изъ

второго воззрѣнія тоже само собою слѣдуетъ, что „этотъ укладъ“ (мелкобуржуазный укладъ) ведетъ къ капитализму и не къ чему иному, ведетъ къ выталкиванію „большинства населенія“ въ ряды пролетаріата и превращенію меньшинства въ сельскую (или промышленную) буржуазію. Не очевидно ли, что г. рецензентъ выстрѣлилъ въ воздухъ и, подъ шумъ выстрѣла, принялъ за доказанное именно то, въ отрицаніи чего состоитъ второе воззрѣніе, столь немилостиво объявленное „просто жупеломъ“?

Если бы онъ хотѣлъ серьезно разобрать второе воззрѣніе, то долженъ бы былъ, очевидно, доказать одно изъ двухъ: или что „мелкая буржуазія“ есть неправильная научная категорія, что можно себѣ представить капитализмъ и товарное хозяйство *безъ* мелкой буржуазіи (какъ и представляютъ гг. народники, возвращаясь этимъ вполнѣ къ точкѣ зрѣнія Сисмонди); *или* же, что эта категорія *неприложима* къ Россіи, т. е. что у насъ нѣтъ ни капитализма, ни господства товарнаго хозяйства, что мелкіе производители не превращаются въ товаропроизводителей, что въ ихъ средѣ не происходитъ указаннаго процесса выталкиванія большинства и укрѣпленія „самостоятельности“ меньшинства. Теперь же, видя, какъ онъ принимаетъ указаніе на мелкобуржуазность народничества за пустое желаніе „обидѣть“ гг. народниковъ, и читая вслѣдъ за тѣмъ вышеприведенную фразу о „жупелѣ“, мы невольно вспоминаемъ извѣстное изреченіе: „помилуйте, Китъ Китычъ! кто васъ обидитъ?—Вы сами всякаго обидите!“

III.

Практическія пожеланія романтизма.

Теперь мы постараемся свести во едино общую точку зрѣнія Сисмонди на капитализмъ (задача, которую поставилъ себѣ, какъ помнитъ читатель, и Эфруси), и разсмотрѣть практическую программу романтизма.

Мы видѣли, что заслуга Сисмонди состояла въ томъ, что онъ одинъ изъ первыхъ *указалъ* на противорѣчія капитализма. Но указавши на нихъ, онъ не только не попытался анализировать ихъ и объяснить ихъ происхожденіе, развитіе и тенденцію, но даже взглянулъ на нихъ, какъ на противоестественныя или ошибочныя уклоненія отъ нормы. Противъ этихъ „уклоненій“ онъ наивно возставалъ сентенціями, обличеніями, совѣтами устранить ихъ и т. п., какъ будто бы эти противорѣчія не выражали *реальныхъ интересовъ* реальныхъ группъ населенія, занимающихъ опредѣленное мѣсто въ общемъ строѣ современнаго общественнаго хозяйства. Это—самая рельефная черта романтизма: принимать противорѣчіе интересовъ (глубоко коренящееся въ самомъ строѣ общественнаго хозяйства) за противорѣчіе или ошибку доктрины, системы, даже мѣропріятій и т. п. Узкій кругозоръ Kleinbürger'а, который самъ стоитъ въ сторонѣ отъ развитыхъ противорѣчій и занимаетъ промежуточное, переходное положеніе между двумя антиподами, соединяется тутъ съ наивнымъ идеализмомъ,—мы почти готовы сказать: бюрократизмомъ,—объясняющимъ

общественный строй мнѣніями людей (особенно людей, власть имущихъ), а не наоборотъ. Приведемъ примѣры всѣхъ подобныхъ сужденій Сисмонди.

„Забывая людей ради вещей, не принесла ли Англія цѣль въ жертву средствамъ?

„Примѣръ Англіи тѣмъ болѣе поразителенъ, что эта нація свободная, просвѣщенная, хорошо управляемая, и что всѣ ея бѣдствія происходятъ единственно оттого, что она послѣдовала *ложному* экономическому направленію" (I, p. IX). У Сисмонди Англія вообще играетъ роль устрашающаго примѣра для континента,—точь-въ-точь такъ, какъ у нашихъ романтиковъ, воображающихъ, что они даютъ нѣчто новое, а не самый старый хламъ.

„Обращая вниманіе моихъ читателей на Англію, я хотѣлъ показать... исторію нашего собственнаго будущаго, если мы будемъ продолжать поступать по тѣмъ принципамъ, которымъ она слѣдовала" (I, p. XVI).

„...Государства континента считаютъ нужнымъ слѣдовать Англіи въ ея мануфактурной карьерѣ" (II, 330). „Нѣтъ зрѣлища болѣе поразительнаго, болѣе ужасающаго, чѣмъ то, которое представляетъ Англія" (II, 322) *).

„Не надо забывать, что богатство есть лишь то, что представляетъ пріятности и удобства жизни" (на мѣсто буржуазнаго богатства здѣсь уже поставлено богатство вообще!), „и создавать искусственное богатство, осуждая націю на все то, что на дѣлѣ представляетъ бѣдность и страданія, это значитъ принимать названіе вещи за ея сущность" (I, 379).

„...Пока націи слѣдовали лишь указаніямъ природы и пользовались ихъ преимуществами, доставляемыми климатомъ, почвой, расположеніемъ, обладаніемъ сырыми матеріалами, онѣ не ставили себя *въ неестественное положеніе*, онѣ не искали *кажущагося богатства*, которое превращается для массы народа въ реальную нищету" (I, 411). Буржуазное богатство есть только кажущееся!! „Опасно для націи закрывать свои двери отъ внѣшней торговли: націю принуждаютъ этимъ, такъ сказать, *къ ложной дѣятельности*, которая поведетъ ее къ гибели" (I, 448) **).

---

*) Чтобы показать наглядно отношеніе *европейскаго* романтизма къ русскому, мы будемъ приводить подъ чертой цитаты изъ г. Н.—она. „Мы пожелали воспользоваться уроками, преподанными намъ хозяйственнымъ ходомъ развитія западной Европы. Насъ до такой степени поразилъ блескъ развитія капитализма въ Англіи и такъ поражаетъ неизмѣримо быстрѣе происходящее развитіе капитализма въ Американскихъ Штатахъ" и т. д. (323).—Какъ видите, даже врыаженія г. Н.—она не блещутъ новизной! Его „поражаетъ" то же самое, что „поражало" въ началѣ вѣка Сисмонди.

**) „...Невѣренъ тотъ хозяйственный путь, которымъ мы шли за послѣднія 30 лѣтъ" (281)... „Мы слишкомъ долго отождествляли интересы капитализма съ интересами народно-хозяйственными—заблужденіе крайне гибельное... *Видимые результаты* покровительства промышленности... до такой степени *насъ омрачили*, что мы совсѣмъ упустили изъ виду народно-общественную сторону... мы упустили изъ виду, на счетъ чего такое развитіе происходитъ, мы забыли и о цѣли какого бы то ни было производства" (298)—кромѣ капиталистическаго!

„Пренебрежительное отношеніе къ собственному прошлому... насажденіе капитализма"... (283)... „Мы... употребили всѣ средства для насажденія капитализма"... (323)... „Мы проглядѣли"... (Ibid)...

„...Въ заработной платѣ есть необходимая часть, которая должна поддерживать жизнь, силу и здоровье тѣхъ, кто ее получаетъ... Горе тому правительству, которое затронетъ эту часть,—оно приноситъ въ жертву все—и людей, и надежду на будущее богатство... Это различіе даетъ намъ понять, насколько является ложной политика тѣхъ правительствъ, которыя низвели рабочіе классы къ заработной платѣ, въ обрѣзъ необходимой, для увеличенія чистыхъ доходовъ фабрикантовъ, купцовъ и собственниковъ" (II, 169) *).

„Пришло наконецъ время спросить: куда мы идемъ?" (II, 328).

„Раздѣленіе ихъ (именно класса собственниковъ и трудящихся), противоположность ихъ интересовъ есть слѣдствіе современной искусственной организаціи, которую мы дали человѣческому обществу... Естественный порядокъ соціальнаго прогресса вовсе не стремился отдѣлить людей отъ вещей, или богатство отъ труда; въ деревнѣ—собственникъ могъ бы оставаться земледѣльцемъ; въ городѣ—капиталистъ могъ бы оставаться ремесленникомъ; отдѣленіе трудящагося класса отъ празднаго класса вовсе не было существенно необходимо для существованія общества или для производства; мы ввели его для наибольшей выгоды всѣхъ; отъ насъ зависитъ регулировать его, чтобы на самомъ дѣлѣ достичь этой высоты" (II, 348).

„Ставя такимъ образомъ производителей въ оппозицію другъ съ другомъ (т. е. хозяевъ къ рабочимъ), ихъ заставили идти путемъ, *діаметрально противоположнымъ* интересамъ общества... Въ этой постоянной борьбѣ за пониженіе заработной платы интересъ соціальный, въ которомъ, однако, каждый участвуетъ, всѣми забывается" (II, 359—360). И передъ этимъ тоже воспоминаніе о завѣщанныхъ исторіей путяхъ: „Въ началѣ общественной жизни *каждый человѣкъ владѣетъ капиталомъ*, посредствомъ котораго онъ прилагаетъ свой трудъ, и почти всѣ ремесленники живутъ доходомъ, который складывается одинаково изъ прибыли и заработной платы" (II, 359) **).

Кажется довольно... Можно быть увѣреннымъ, что читатель, незнакомый ни съ Сисмонди, ни съ г. Н.—ономъ, затруднится сказать, у котораго изъ двухъ романтиковъ, подъ чертой или надъ чертой, точка зрѣнія примитивнѣе и наивнѣе.

Вполнѣ соотвѣтствуютъ этому и практическія пожеланія Сисмонди, которымъ онъ удѣлилъ такъ много мѣста въ своихъ „Nouveaux Principes".

Наше отличіе отъ А. Смита,—говоритъ Сисмонди въ 1-й же книгѣ своего сочиненія,—состоитъ въ томъ, что „мы почти всегда призываемъ то самое вмѣшательство правительства, которое А. Смитъ

---

*) „...Мы не воспрепятствовали развитію капиталистическихъ формъ производства, не смотря на то, что онѣ основаны на экспропріаціи крестьянства" (323).

**) „Вмѣсто того, чтобы твердо держаться нашихъ вѣковыхъ традицій; вмѣсто того, чтобы развивать принципъ тѣсной связи средствъ производства съ непосредственнымъ производителемъ... вмѣсто того, чтобы увеличить производительность его (*крестьянства*) труда сосредоточеніемъ средствъ производства въ его рукахъ... вмѣсто всего этого мы стали на путь *совершенно противоположный*" (322—3). „Мы приняли развитіе капитализма за развитіе всего народнаго производства... мы *проглядѣли*, что развитіе одного можетъ произойти исключительно на счетъ другого" (323). Курсивъ нашъ.

отвергалъ“ (I, 52). „Государство не исправляетъ распредѣленія“ (I, 80)... „Законодатель могъ бы обезпечить бѣдняку нѣкоторыя гарантіи противъ всеобщей конкуренціи“ (I, 81). „Производство должно соразмѣряться съ соціальнымъ доходомъ, и тѣ, кто поощряетъ къ безграничному производству, не заботясь о томъ, чтобы узнать этотъ доходъ, толкаютъ націю къ гибели, думая открыть ей путь къ богатству“ (I, 82). „Когда прогрессъ богатства постепененъ, когда онъ соразмѣренъ самъ съ собой, когда ни одна изъ его частей не развивается непомѣрно быстро, тогда онъ распространяетъ всеобщее благосостояніе... Можетъ быть, обязанность правительствъ состоитъ въ томъ, чтобы замедлять это движеніе, для того, чтобы регулировать его“ (I, 409—410).

О томъ громадномъ историческомъ значеніи, которое имѣетъ развитіе производительныхъ силъ общества, совершающееся именно этимъ путемъ противорѣчій и непропорціональностей, Сисмонди не имѣетъ ни малѣйшаго представленія.

„Если правительство оказываетъ на стремленіе къ богатству дѣйствіе регулирующее и умѣряющее,—оно можетъ быть безконечно благодѣтельнымъ“ (I, 413). „Нѣкоторыя регламентаціи торговли, осужденныя нынѣ всеобщимъ мнѣніемъ, если онѣ и заслуживаютъ осужденія въ качествѣ поощреній промышленности, могутъ быть оправданы, можетъ быть, какъ узда“ (I, 415).

Уже въ этихъ разсужденіяхъ Сисмонди видна его поразительная историческая безтактность; онъ не имѣетъ ни малѣйшей идеи о томъ, что въ освобожденіи отъ средневѣковыхъ регламентацій состоялъ весь историческій смыслъ того періода, современникомъ котораго онъ былъ. Онъ не чувствуетъ, что его разсужденія—вода на мельницу тогдашнихъ защитниковъ ancien régime'а, которые были еще такъ сильны даже во Франціи, не говоря о другихъ государствахъ западно-европейскаго континента, гдѣ они господствовали *).

Итакъ исходная точка практическихъ пожеланій Сисмонди—опека, задержка, регламентація.

Такая точка зрѣнія вполнѣ естественно и неизбѣжно вытекаетъ изъ всего круга идей Сисмонди. Онъ жилъ какъ разъ въ то время, когда крупная машинная индустрія дѣлала первые свои шаги на континентѣ Европы, когда начиналось то крутое и рѣзкое преобразованіе всѣхъ общественныхъ отношеній подъ вліяніемъ машинъ (замѣтьте, именно подъ вліяніемъ машинной индустріи, а не „капитализма“ вообще **), преобразованіе, которое принято называть въ эконо-

---

*) Эфруси усмотрѣлъ въ этихъ сожалѣніяхъ и вожделѣніяхъ Сисмонди „гражданское мужество“ (№ 7, стр. 139). Высказыванія сентиментальныхъ пожеланій требуетъ гражданскаго мужества!! Загляните хоть въ любой гимназическій учебникъ исторіи, вы прочтете тамъ, что западно-европейскія государства 1-ой четверти XIX в. были организованы по тому типу, который наука государственнаго права означаетъ терминомъ: Polizeistaat. Вы прочтете тамъ, что историческая задача не только этой, но и слѣдующей четверти вѣка состояла именно въ борьбѣ противъ него. Вы поймете тогда, что точка зрѣнія Сисмонди такъ и отдаетъ тупостью мелкаго французскаго крестьянина временъ реставраціи; что Сисмонди представляетъ примѣръ сочетанія мелкобуржуазнаго сентиментальнаго романтизма съ феноменальной гражданской незрѣлостью.

**) Капитализмъ датируетъ въ Англіи не съ конца XVIII вѣка, а со временъ несравненно болѣе раннихъ.

мической наукѣ industrial revolution (промышленная революція). Вотъ какъ характеризуетъ ее одинъ изъ первыхъ экономистовъ, сумѣвшихъ оцѣнить всю глубину переворота, создавшаго на мѣсто патріархальныхъ полусредневѣковыхъ обществъ современныя европейскія общества.

...„Исторія англійскаго промышленнаго развитія въ послѣднія 60 лѣтъ (писано въ 1844 году) не имѣетъ ничего равнаго себѣ въ лѣтописяхъ человѣчества. 60—80 лѣтъ тому назадъ Англія была страной, похожей на всякую другую, съ маленькими городами, съ незначительной и простой промышленностью, съ рѣдкимъ, но относительно значительнымъ земледѣльческимъ населеніемъ. Теперь это — страна, не похожая *ни на какую* другую, съ столицей въ $2^1/_2$ милліона жителей; съ крупными промышленными городами; съ индустріей, которая доставляетъ продукты всему міру и производитъ почти все посредствомъ чрезвычайно сложныхъ машинъ; съ предпріимчивымъ, интеллигентнымъ, густымъ населеніемъ, двѣ трети котораго заняты въ промышленности и торговлѣ и состоятъ изъ совершенно различныхъ классовъ; это населеніе съ другими обычаями, другими нуждами составляетъ, на самомъ дѣлѣ, совершенно другую націю сравнительно съ Англіей того времени. Промышленная революція имѣетъ такое же значеніе для Англіи, какъ политическая революція—для Франціи, какъ философская революція — для Германіи. И различіе между Англіей 1760 года и Англіей 1844 года, по меньшей мѣрѣ, такъ же велико, какъ между Франціей при ancien régime и Франціей іюльской революціи“ *).

Это была „ломка“ всѣхъ старыхъ, укоренившихся отношеній, экономическимъ базисомъ которыхъ было мелкое производство. Понятно, что Сисмонди съ своей реакціонной, мелкобуржуазной точки зрѣнія не могъ понять значенія этой „ломки“. Понятно, что онъ прежде всего и больше всего желалъ, приглашалъ, взывалъ, требовалъ „прекратить ломку“ **).

Какимъ же образомъ „прекратить ломку“? Прежде всего, разумѣется, поддержкой народнаго... то бишь, „патріархальнаго производства“, крестьянства и мелкаго земледѣлія вообще. Сисмонди посвящаетъ цѣлую главу (I, VIII, ch. VIII) тому, „какъ правительство должно защищать населеніе отъ послѣдствій конкуренціи“.

По отношенію къ земледѣльческому населенію общая задача правительства состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить работникамъ часть собственности, или въ томъ, чтобы поддерживать то, что мы назвали патріархальнымъ земледѣліемъ предпочтительно передъ всякимъ другимъ“ (II, 340).

„Статутъ Елизаветы, который не былъ соблюденъ, запрещаетъ строить въ Англіи сельскую хижину иначе, какъ на условіи надѣлить ее землей въ размѣрѣ четырехъ акровъ. Еслибы этотъ законъ былъ исполненъ, ни одинъ бракъ не могъ бы быть заключенъ между поденщиками безъ того, чтобы они не получили свою cottage, и

---

*) Engels—Die Lage der arbeitenden Klasse in England.

**) Г. Н—онъ, смѣемъ надѣяться, не посѣтуетъ на насъ за то, что мы заимствуемъ у него (с. 345) это выраженіе, которое представляется намъ въ высшей степени удачнымъ и характернымъ.

ни одинъ cottager не былъ бы доведенъ до послѣдней степени нищеты. Это уже было бы шагомъ впередъ, но этого еще недостаточно; въ климатѣ Англіи крестьянское населеніе жило бы въ нуждѣ съ 2 акрами на семью. Теперь коттеры въ Англіи имѣютъ, большей частью, лишь $1^1/_2$—2 акра земли, за которые они платятъ довольно высокую аренду... Слѣдовало бы обязать закономъ... помѣщиковъ когда онъ раздѣляетъ свое поле между многими cottagers, давать каждому достаточное количество земли, чтобы онъ могъ жить„ (II, 342—3) *).

Читатель видитъ, что пожеланія романтизма совершенно *однородны* съ пожеланіями и программами народниковъ: они построены точно также на игнорированіи *дѣйствительнаго* экономическаго развитія и на безсмысленной подстановкѣ въ эпоху крупной машинной индустріи, бѣшеной конкуренціи и борьбы интересовъ—условій, воспроизводящихъ патріархальныя условія сѣдой старины.

IV.

Реакціонный характеръ романтизма.

Разумѣется, Сисмонди не могъ не сознавать того, *какъ* идетъ дѣйствительное развитіе. Поэтому, требуя „поощренія мелкаго земледѣлія" (II, 555), онъ прямо говоритъ, что слѣдовало бы „дать сельскому хозяйству направленіе, діаметрально противоположное тому, которымъ оно идетъ теперь въ Англіи" (II, 354—5).

„Англія имѣетъ, къ счастью, средство сдѣлать многое для своихъ сельскихъ бѣдняковъ, раздѣливъ между ними свои громадныя общинныя земли... Если бы ея общинныя земли были раздѣлены на свободные участки отъ 20 до 30 акровъ, то они (англичане) увидѣли бы, какъ возродится тотъ независимый и гордый классъ поселянъ, то yeomanry, о полномъ почти уничтоженіи котораго они жалѣютъ въ настоящее время" (II, 357—8).

---

*) «Держаться нашихъ вѣковыхъ традицій; (это ли не патріотизмъ?)... развивать принципъ тѣсной связи средствъ производства съ непосредственными производителями, унаслѣдованный нами»... (г. Н—онъ, 322). «Мы свернули съ пути, которымъ шли въ продолженіе многихъ вѣковъ; мы стали устранять производство, основанное на тѣсной связи непосредственнаго производителя со средствами производства, на тѣсной связи земледѣлія и обрабатывающей промышленности, и положили въ основаніе своей хозяйственной политики принципъ развитія производства капиталистическаго, основаннаго на экспропріаціи непосредственныхъ производителей отъ средствъ производства, со всѣми сопровождающими его бѣдствіями, которыми теперь страдаетъ западная Европа» (281). Пусть читатель сравнитъ съ этимъ вышеуказанный взглядъ самихъ «западно-европейцевъ» на эти «бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ» и т. д. «Принципъ... надѣленія крестьянъ землей или... доставленіе самимъ производителямъ орудій труда» (с. 2)... «вѣковые народные устои» (75)... «Въ этихъ цифрахъ (именно цифрахъ, показывающихъ, «какъ великъ minimum того количества земли, какое требуется при существующихъ хозяйственныхъ условіяхъ, для матеріальнаго обезпеченія сельскаго населенія») мы имѣемъ, слѣдовательно, одинъ изъ элементовъ рѣшенія хозяйственнаго вопроса, но только именно *одинъ* изъ элементовъ» (65). Западно-европейскіе романтики, какъ видите, не менѣе русскихъ, любили искать въ «вѣковыхъ традиціяхъ» «санкціи» народнаго производства.

„Планы“ романтизма изображаются очень легко осуществимыми—именно благодаря тому игнорированію реальныхъ интересовъ, которое составляетъ сущность романтизма. „Подобное предложеніе (раздавать земли мелкими участками поденщикамъ, возложивъ на землевладѣльцевъ обязанность попеченія о послѣднихъ) возмутитъ, вѣроятно, крупныхъ землевладѣльцевъ, которые въ настоящее время одни пользуются въ Англіи законодательной властью; но, тѣмъ не менѣе, оно справедливо... Крупные землевладѣльцы одни только имѣютъ надобность въ поденщикахъ; они ихъ создали—пусть они ихъ и содержатъ“ (II, 357).

Читая такія наивности, писанныя въ началѣ вѣка, не удивляешься: „теорія“ романтизма оказывается въ соотвѣтствіи съ тѣмъ примитивнымъ состояніемъ капитализма вообще, которое обусловливало столь примитивную точку зрѣнія. Фактическое развитіе капитализма—теоретическое пониманіе его—точка зрѣнія на капитализмъ, между всѣмъ этимъ въ то время существовало еще соотвѣтствіе, и Сисмонди, во всякомъ случаѣ, представляется писателемъ цѣльнымъ и вѣрнымъ самому себѣ.

„Мы указали уже,—говоритъ Сисмонди,—какое покровительство находилъ нѣкогда этотъ классъ (именно классъ ремесленниковъ) въ учрежденіи цеховъ и корпорацій... Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы возстановить ихъ старинную и притѣснительную организацію... Но законодатель долженъ поставить себѣ цѣлью поднять вознагражденіе за промышленный трудъ, вывести промышленниковъ изъ того неустойчиваго положенія, въ которомъ они живутъ, и, наконецъ, облегчить имъ возможность пріобрѣсти то, что они называютъ *положеніемъ* *). Теперь рабочіе родятся и умираютъ рабочими, тогда какъ прежде положеніе рабочаго было лишь приготовленіемъ, первой ступенью къ болѣе высшему положенію. Вотъ эту-то возможность повышаться и важно возстановить. Нужно сдѣлать такъ, чтобы хозяева имѣли интересъ переводить своихъ рабочихъ въ болѣе высшее положеніе; чтобы человѣкъ, нанимающійся въ мануфактуру, начиналъ дѣйствительно съ работы за простую наемную плату, но чтобы онъ всегда имѣлъ впереди надежду, при добромъ поведеніи, получить часть въ прибыляхъ предпріятія“ (II, 344—5).

Трудно рельефнѣе выразить точку зрѣнія мелкаго буржуа! Цехи — идеалъ Сисмонди, и его оговорка насчетъ нежелательности возстановленія ихъ имѣетъ, очевидно, лишь тотъ смыслъ, что слѣдуетъ взять принципъ, идею цеха (точно такъ же, какъ народники хотятъ брать принципъ, идею общины, а не современный фискальный союзъ, называемый общиной) и отбросить его средневѣковыя уродливости. Нелѣпость плана Сисмонди состоитъ не въ томъ, что онъ защищалъ цѣликомъ цехи, хотѣлъ возстановить ихъ цѣликомъ—этой задачи онъ не ставилъ. Нелѣпость заключается въ томъ, что онъ беретъ за образецъ *союзъ*, возникшій изъ узкихъ, примитивныхъ потребностей въ объединеніи мѣстныхъ ремесленниковъ, а хочетъ приложить эту мѣрку, этотъ образецъ къ капиталистическому обществу, въ которомъ объединяющимъ, обобществляющимъ элементомъ

*) Курсивъ автора.

является крупная машинная индустрія, ломающая средневѣковыя перегородки, стирающія мѣстныя, земляческія и профессіональныя различія. Сознавая необходимость союза, объединенія вообще, въ той или другой формѣ, романтикъ беретъ за образецъ союзъ, удовлетворявшій узкимъ потребностямъ въ объединеніи въ патріархальномъ, неподвижномъ обществѣ, и хочетъ прикладывать его къ обществу, совершенно преобразованному — съ подвижнымъ населеніемъ, съ обобществленіемъ труда не въ предѣлахъ какой-нибудь общины или какой-нибудь корпораціи, а въ предѣлахъ всего государства и даже внѣ предѣловъ одного государства *).

Вотъ эта-то ошибка и даетъ романтику совершенно заслуженную имъ квалификацію *реакціонера*, причемъ подъ этимъ терминомъ разумѣется не желаніе возстановить просто-на-просто средневѣковыя учрежденія, а именно попытка мѣрить новое общество на старый патріархальный аршинъ, именно желаніе искать образца въ старыхъ совершенно несоотвѣтствующихъ измѣнившимся экономическимъ условіямъ порядкахъ и традиціяхъ.

Этого обстоятельства абсолютно не понялъ Эфруси. Характеристика теоріи Сисмонди, какъ реакціонной, была понята имъ именно въ грубомъ вульгарномъ смыслѣ. Эфруси смутился... Какъ же такъ,— разсуждалъ онъ, — какой же Сисмонди реакціонеръ, когда онъ говоритъ вѣдь прямо, что вовсе не хочетъ возстановить цехи? И Эфруси рѣшилъ, что такое „обвиненіе" Сисмонди „въ ретроградствѣ" несправедливо; что Сисмонди, напротивъ, смотрѣлъ правильнымъ образомъ на цеховую организацію" и „вполнѣ оцѣнилъ ея историческое значеніе" (№ 7, стр. 147), какъ это, дескать, выяснено историческими изслѣдованіями такихъ-то и такихъ-то профессоровъ о хорошихъ сторонахъ цеховой организаціи.

Quasi-ученые писатели обладаютъ нерѣдко поразительной способностью изъ-за деревьевъ не видѣть лѣса! Точка зрѣнія Сисмонди на цехи характерна и важна именно потому, что онъ связываетъ съ ними свои практическія пожеланія **). *Именно поэтому* съ его ученіемъ и связана характеристика *реакціоннаго*. А Эфруси принимается, ни къ селу ни къ городу, толковать о новѣйшихъ историческихъ сочиненіяхъ, о цехахъ!

---

*) Совершенно аналогична ошибка народниковъ по отношенію къ другому союзу (*общинѣ*), который удовлетворялъ узкимъ потребностямъ объединенія мѣстныхъ крестьянъ, связанныхъ единствомъ землевладѣнія, выгона и т. п. (а главное единствомъ помѣщичьей и чиновничьей власти), но совершенно не отвѣчаетъ потребностямъ товарнаго хозяйства и капитализма, ломающаго всѣ мѣстныя, сословныя, разрядныя перегородки и вносящаго глубокую экономическую рознь интересовъ *внутри* общины. Потребность въ союзѣ, въ объединеніи въ капиталистическомъ обществѣ не ослабѣла, а, напротивъ, неизмѣримо возрасла. Но брать старую мѣрку для удовлетворенія этой потребности новаго общества совершено нелѣпо. Это новое общество требуетъ уже, во первыхъ, чтобъ союзъ не былъ мѣстнымъ, сословнымъ, разряднымъ; во-вторыхъ, чтобы его исходнымъ пунктомъ было то различіе положенія и интересовъ, которое создано капитализмомъ и разложеніемъ крестьянства. Мѣстный же, сословный союзъ, связывающій вмѣстѣ крестьянъ, рѣзко различающихся по своему экономическому положенію и по своимъ интересамъ, становится теперь, въ силу своей *обязательности*, *вреднымъ* и для самихъ крестьянъ, и для всего общественнаго развитія.

**) См. выше, хотя бы заглавіе той главы, изъ которой мы приводили разсужденія о цехахъ (приводимыя и Эфруси: с. 147).

Результатомъ этихъ неумѣстныхъ и quasi-ученыхъ разсужденій явилось то, что Эфруси обошелъ какъ разъ суть вопроса: справедливо или несправедливо характеризовать доктрину Сисмонди реакціонной? Онъ просмотрѣлъ именно то, что является самымъ главнымъ, — *точку зрѣнія* Сисмонди. „Меня выставляли,—говорилъ Сисмонди,— въ политической экономіи врагомъ общественнаго прогресса, партизаномъ учрежденій варварскихъ и принудительныхъ. Нѣтъ, я не хочу того, что уже было, но я хочу чего-нибудь лучшаго по сравненію съ современнымъ. Я не могу судить о настоящемъ иначе, какъ сравнивая его съ прошлымъ, и я далекъ отъ желанія возстановлять старыя развалины, когда я доказываю посредствомъ нихъ вѣчныя нужды общества“ (II, 433). *Желанія* у романтиковъ весьма хорошія (какъ и у народниковъ). Сознаніе противорѣчій капитализма ставитъ ихъ выше слѣпыхъ оптимистовъ, отрицающихъ эти противорѣчія. И реакціонеромъ признаютъ Сисмонди вовсе не за то, что онъ хотѣлъ вернуться къ среднимъ вѣкамъ, а именно за то, что въ своихъ практическихъ пожеланіяхъ онъ „сравнивалъ настоящее съ прошлымъ“, а не съ будущимъ, именно за то, что онъ „доказывалъ вѣчныя нужды общества“ *) *посредствомъ* „развалинъ“, а не *посредствомъ* тенденцій новѣйшаго развитія. Вотъ этой-то мелкобуржуазной точки зрѣнія Сисмонди, выдѣляющей его рѣзко отъ другихъ писателей, которые тоже доказывали и одновременно съ нимъ, и послѣ него „вѣчныя нужды общества“, и не сумѣлъ понять Эфруси.

Въ этой ошибкѣ Эфруси сказалось это же узкое пониманіе терминовъ „мелкобуржуазная“, „реакціонная“ доктрина, о которомъ мы говорили выше по поводу перваго термина. Эти термины вовсе не указываютъ на эгоистическія вожделѣнія мелкаго лавочника или на желаніе остановить общественное развитіе, вернуться назадъ: они говорятъ лишь объ *ошибочности* точки зрѣнія даннаго писателя, объ ограниченности его пониманія и кругозора, вызывающаго выборъ такихъ средствъ (для достиженія весьма хорошей цѣли), которыя на практикѣ не могутъ быть дѣйствительны, которыя могутъ удовлетворить лишь мелкаго производителя или сослужить службу защитникамъ старины. Сисмонди, напр., вовсе не фанатикъ мелкой *собственности*. Онъ понимаетъ необходимость объединенія, союза ничуть не менѣе, чѣмъ наши современные народники. Онъ выражаетъ пожеланіе, чтобы „половина прибыли“ въ промышленныхъ предпріятіяхъ „распредѣлялась между ассоціированными рабочими“ (II, 346). Онъ высказывается прямо за „систему ассоціаціи“, при которой бы всѣ „успѣхи производства шли на пользу тому, кто занятъ имъ“ (II, 438). Говоря объ отношеніи своего ученія къ извѣстнымъ въ то время ученіямъ Оуэна, Фурье, Томпсона, Мюирона (Muiron), Сисмонди заявляетъ: „Я желалъ бы такъ же, какъ они, чтобы осуществилась ассоціація между тѣми, кто производитъ сообща данный продуктъ, вмѣсто того, чтобы ставить ихъ въ оппозицію другъ съ другомъ. Но я не думаю, чтобы тѣ средства, которыя они предложили для этой цѣли, могли когда-нибудь привести къ ней“ (II, 365).

*) То́ обстоятельство, что онъ *доказывалъ* существованіе этихъ нуждъ, ставитъ его, повторяемъ, неизмѣримо выше узкихъ буржуазныхъ экономистовъ.

различіе между Сисмонди и этими писателями состоитъ именно въ *точкѣ зрѣнія.* Поэтому вполнѣ естественно, что Эфруси, не понявшій этой точки зрѣнія, совершенно невѣрно изобразилъ отношеніе Сисмонди къ этимъ писателямъ.

„Если Сисмонди оказалъ на своихъ современниковъ слишкомъ слабое вліяніе, —читаемъ мы въ *Русск. Богатствѣ* № 8, с. 57,—если предлагавшіяся имъ соціальныя реформы не получили осуществленія, то это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ значительно опередилъ свою эпоху. Онъ писалъ въ то время, когда буржуазія праздновала свой медовый мѣсяцъ... Понятно, что при такихъ условіяхъ голосъ человѣка, требовавшаго соціальныхъ реформъ, долженъ былъ оставаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Но вѣдь мы знаемъ, что и потомство относилось къ нему немногимъ лучше. Это объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что Сисмонди является, какъ мы уже сказали выше, писателемъ переходной эпохи; хотя онъ и желаетъ крупныхъ измѣненій, онъ, тѣмъ не менѣе, не можетъ вполнѣ отрѣшиться отъ стараго. Умѣреннымъ людямъ онъ казался поэтому слишкомъ радикальнымъ, а на взглядъ представителей болѣе крайнихъ направленій онъ былъ слишкомъ умѣреннымъ“.

Во-первыхъ, говорить, что Сисмонди предлагаемыми имъ реформами „опередилъ эпоху“—значитъ абсолютно не понять самой сути доктрины Сисмонди, который самъ говоритъ про себя, что онъ сравнивалъ настоящее съ прошлымъ. Требовалась безконечная близорукость (или безконечное пристрастіе къ романтизму), чтобы просмотрѣть общій духъ и общее значеніе теоріи Сисмонди изъ-за того только, что Сисмонди сочувствовалъ фабричному законодательству *) и т. п.

Во-вторыхъ, Эфруси полагаетъ такимъ образомъ, что различіе между Сисмонди и другими писателями состоитъ лишь въ *степени рѣшительности* предлагавшихся реформъ: они шли дальше, а онъ не вполнѣ отрѣшился отъ стараго.

Не въ этомъ дѣло. Различіе между Сисмонди и этими писателями лежитъ гораздо глубже — вовсе не въ томъ, что одни шли дальше, другіе были робки **), а въ томъ, что *самый характеръ* реформъ представлялся имъ съ двухъ *діаметрально противоположныхъ* точекъ зрѣнія. Сисмонди доказывалъ „вѣчныя нужды общества“, и эти писатели доказывали тоже вѣчныя нужды общества. Сисмонди былъ утопистомъ, основывалъ свои пожеланія на абстрактной идеѣ, а не на реальныхъ интересахъ, — и эти писатели были утопистами, основывали свои планы тоже на абстрактной идеѣ. Но именно *характеръ* ихъ плановъ совершенно различенъ вслѣдствіе того, что на

*) Да и въ этомъ вопросѣ Сисмонди не „опередилъ“ эпоху, ибо одобрялъ лишь то, что уже осуществлялось въ Англіи, не умѣя понять связь этихъ преобразованій съ крупной машинной индустріей и ея прогрессивной исторической работой.

**) Мы не хотимъ сказать, что въ этомъ отношеніи между указанными писателями нѣтъ различія, но оно *не объясняетъ дѣла* и неправильно представляетъ отношеніе Сисмонди къ другимъ писателямъ: выходитъ, будто они стояли на одинаковой точкѣ зрѣнія, различаясь лишь рѣшительностью и послѣдовательностью выводовъ. Не въ томъ дѣло, что Сисмонди „шелъ“ *не такъ далеко*, а въ томъ, что онъ „шелъ“ *назадъ*, а указанные писатели „шли“ *впередъ*.

новѣйшее экономическое развитіе, поставившее вопросъ о „вѣчныхъ нуждахъ“, они смотрѣли съ *діаметрально противоположныхъ* точекъ зрѣнія. Указанные писатели предвосхищали будущее, геніально угадывали тенденціи той „ломки“, которую продѣлывала на ихъ глазахъ прежняя машинная индустрія. Они смотрѣли въ ту же сторону, куда шло и дѣйствительное развитіе; они дѣйствительно *опережали* это развитіе. Сисмонди же поворачивался къ этому развитію *задомъ*; его утопія не предвосхищала будущее, а реставрировала прошлое; онъ смотрѣлъ не впередъ, а назадъ, мечтая „прекратить ломку“,—ту самую „ломку“, *изъ которой* выводили свои утопіи указанные писатели *). Вотъ почему утопія Сисмонди признается — и совершенно справедливо — реакціонной. Основаніе такой характеристики заключается, повторяемъ еще разъ *только въ томъ*, что Сисмонди не понималъ прогрессивнаго значенія той „ломки“ старыхъ, полусредневѣковыхъ, патріархальныхъ, общественныхъ отношеній западно-европейскихъ государствъ, которую съ конца прошлаго вѣка начала продѣлывать крупная машинная индустрія.

Эта специфическая точка зрѣнія Сисмонди проглядываетъ даже среди его разсужденій объ „ассоціаціи“ вообще. „Я желаю,—говоритъ онъ,—чтобы собственность на мануфактуры была раздѣлена между большимъ числомъ среднихъ капиталистовъ, а не соединялась въ рукахъ одного человѣка, владѣющаго многими милліонами“... (II, 365). Еще рельефнѣе точка зрѣнія мелкаго буржуа сказалась въ такой тирадѣ: „Нужно устранить не классъ бѣдныхъ, а классъ поденщиковъ; ихъ слѣдуетъ вернуть въ классъ собственниковъ“ (II, 308). „*Вернуть*“ въ классъ собственниковъ — въ этихъ словахъ вся суть доктрины Сисмонди!

Разумѣется, Сисмонди долженъ былъ самъ чувствовать неосуществимость своихъ благопожеланій, чувствовать рѣзкій диссонансъ между ними и современной рознью интересовъ. „Задача соединить снова интересы тѣхъ, кто участвуетъ вмѣстѣ въ одномъ и томъ же производствѣ... безъ сомнѣнія, трудна, но я не думаю, чтобы эта трудность была такъ велика, какъ предполагаютъ“ (II, 450) **). Сознаніе этого несоотвѣтствія своихъ пожеланій и чаяній, съ условіями дѣйствительности и ихъ развитіемъ вызываетъ, естественно, стремленіе доказать, что „еще не поздно“ „вернуться“ и т. п. Романтикъ пытается опереться на *неразвитость* противорѣчій современнаго строя, на *отсталость* страны. „Народы завоевали систему свободы, въ которую мы вступили (рѣчь шла о паденіи феодализма); но въ то время, когда они разрушили ярмо, которое они такъ долго носили, трудящіеся классы не были лишены всякой собственности. Въ деревнѣ

---

*) Робертъ Оуэнъ,—говоритъ Марксъ,—отецъ кооперативныхъ фабрикъ и кооперативныхъ лавокъ,—который однако, вовсе не раздѣлялъ иллюзій своихъ преемниковъ насчетъ значенія (Tragweite), этихъ изолированныхъ элементовъ преобразованія,—не только фактически исходилъ въ своихъ опытахъ изъ фабричной системы, но исторически объявлялъ ее исходнымъ пунктомъ „соціальнаго переворота“.

**) „Задача, которую предстоитъ рѣшить русскому обществу, съ каждымъ днемъ усложняется. Съ каждымъ днемъ захваты капитализма становятся обширнѣе“... (ibid.).

они, въ качествѣ половниковъ, чиншевиковъ, арендаторовъ, владѣли землей. Въ городахъ, въ качествѣ членовъ корпорацій, ремесленныхъ союзовъ, образованныхъ ими для взаимной защиты, они были самостоятельными промышленниками. Только въ наши дни, только въ самое послѣднее время прогрессъ богатства и конкуренціи ломаетъ всѣ эти ассоціаціи. Но эта ломка (revolution) еще на половину не закончена" (II, 437).

„Правда, только одна нація находится теперь въ этомъ неестественномъ положеніи; только въ одной націи мы видимъ этотъ постоянный контрастъ мнимаго богатства и ужасной нищеты десятой доли населенія, вынужденной жить на счетъ общественной благотворительности. Но эта нація, столь достойная подражанія въ другихъ отношеніяхъ, столь ослѣпительная даже въ своихъ ошибкахъ, соблазнила своимъ примѣромъ всѣхъ государственныхъ людей континента. И если эти размышленія не смогутъ уже принести пользы ей, то я окажу, по крайней мѣрѣ, думается мнѣ, услугу человѣчеству и моимъ соотечественникамъ, показывая опасности того пути, по которому она идетъ, и доказывая ея собственнымъ опытомъ, что основывать политическую экономію на принципѣ неограниченной конкуренціи—это значитъ приносить въ жертву интересъ человѣчества одновременному дѣйствію всѣхъ личныхъ страстей" (II, 368) *). Такъ заканчиваетъ Сисмонди свои „Nouveaux Principes".

Общее значеніе Сисмонди и его теоріи формулировалъ отчетливо Марксъ въ слѣдующемъ отзывѣ, дающемъ сначала очеркъ тѣхъ условій западно-европейской экономической жизни, которыя породили такую теорію (и притомъ породили именно въ ту эпоху, когда капитализмъ только еще начиналъ создавать тамъ крупную машинную индустрію), а затѣмъ и оцѣнку ея **).

„Средневѣковое мѣщанство и сословіе мелкихъ крестьянъ были предшественниками современной буржуазіи. Въ странахъ, менѣе развитыхъ въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, классъ этотъ до сихъ поръ еще прозябаетъ рядомъ съ развивающейся буржуазіей.

„Въ тѣхъ странахъ, гдѣ развилась современная цивилизація, образовалось—и какъ дополнительная часть капиталистическаго общества постоянно вновь образуется — буржуазное среднее сословіе (которое колеблется между пролетаріатомъ и буржуазіей). Но конкуренція постоянно сталкиваетъ принадлежащихъ къ этому классу лицъ въ ряды пролетаріата, и они начинаютъ даже предвидѣть приближеніе того момента, когда, съ развитіемъ крупной промышленности, они совершенно исчезнутъ, какъ самостоятельная часть современнаго общества, и въ торговлѣ, мануфактурѣ и земледѣліи замѣнятся надзирателями и наемными служащими.

„Въ такихъ странахъ, какъ Франція, гдѣ крестьянство составляетъ гораздо болѣе половины всего населенія, естественно было

---

*) „Русскому обществу предстоитъ рѣшеніе великой задачи, крайне трудной, но не невозможной—развить производительныя силы населенія въ такой формѣ, чтобы ими могло пользоваться не незначительное меньшинство, а весь народъ". (Н.—онъ, 343).

**) Ср. цитаты въ *Р. Б.* № 8, с. 57, а также *Р. Б—ѣ* '94, № 6, въ статьѣ г-на Н.—она.

появленіе писателей, которые, становясь на сторону пролетаріата, прикладывали къ капиталистическимъ условіямъ мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую мѣрку и защищали дѣло рабочихъ съ мелкобуржуазной точки зрѣнія. Такъ возникло мелкобуржуазное соціальное ученіе. Сисмонди стоитъ во главѣ этого рода литературы не только во Франціи, но даже и въ Англіи.

„Это ученіе прекрасно умѣло подмѣтить противорѣчія современныхъ условій производства. Оно разоблачило лицемѣрный оптимизмъ экономистовъ. Оно указало на разрушительное дѣйствіе машиннаго производства и раздѣленія труда, на концентрацію капиталовъ и поземельной собственности, на излишнее производство и кризисы, на неизбѣжную гибель мелкой буржуазіи и крестьянства, на нищету пролетаріата, анархію въ производствѣ, вопіющія несправедливости въ производствѣ, на разорительную промышленную войну націй между собой, разложеніе старыхъ нравовъ, старыхъ семейныхъ отношеній и старыхъ національностей *).

„Положительная сторона требованій этого направленія заключается или въ возстановленіи старыхъ способовъ производства и обмѣна, а вмѣстѣ съ ними старыхъ имущественныхъ отношеній и стараго общественнаго строя; или же оно стремится насильственно удержать современные способы производства и обмѣна въ рамкахъ старыхъ имущественныхъ отношеній, которыя они уже разбили и необходимо должны были разбить. Въ обоихъ случаяхъ оно является реакціоннымъ и утопическимъ одновременно.

„Цеховая организація промышленности и патріархальное сельское хозяйство являются послѣднимъ его словомъ“ **).

Справедливость этой характеристики мы старались показать при разборѣ каждаго отдѣльнаго члена въ доктринѣ Сисмонди. Теперь же отмѣтимъ лишь курьезный пріемъ, употребленный здѣсь Эфруси въ завершеніе всѣхъ промаховъ въ его изложеніи, критикѣ и оцѣнкѣ романтизма. Читатель помнитъ, что въ самомъ началѣ своей статьи (въ № 7 *Р. Б—ва*) Эфруси заявилъ, что причисленіе Сисмонди къ реакціонерамъ и утопистамъ „несправедливо“ и „неправильно“ (I, с., стр. 139). Чтобы доказать такой тезисъ, Эфруси, во первыхъ, ухитрился обойти полнымъ молчаніемъ самое главное, именно связь *точки зрѣнія* Сисмонди съ положеніемъ и интересами особаго класса капиталистическаго общества, мелкихъ производителей; во-вторыхъ, при разборѣ отдѣльныхъ положеній теоріи Сисмонди, Эфруси частью представлялъ его отношеніе къ новѣйшей теоріи въ совершенно неправильномъ свѣтѣ, какъ мы это показали выше, частью же просто игнорировалъ новѣйшую теорію, защищая Сисмонди ссылками на нѣмецкихъ ученыхъ, которые „не ушли дальше“ Сисмонди; въ третьихъ,

*) Этотъ отрывокъ приводитъ Эфруси, въ № 8 *Р. Б—ва*, на стр. 57 (отъ послѣдней красной строки).

**) Ср. *Р. Б—во*, указ. статья, 1894 г. № 6, с. 88. Г. Н.—онъ дѣлаетъ въ переводѣ этого отрывка двѣ неточности и одинъ пропускъ. Вмѣсто „мелкобуржуазный“ и „мелкокрестьянскій“ онъ переводитъ „узкомѣщанскій“ и „узкокрестьянскій“. Вмѣсто „дѣло рабочихъ“ онъ переводитъ „дѣло народа“, хотя въ оригиналѣ стоитъ der Arbeiter. Слова: „необходимо должны были разбить“ (gesprengt werden mussten) онъ пропускаетъ.

наконецъ, Эфруси пожелалъ резюмировать оцѣнку Сисмонди такимъ образомъ. „Нашъ (!) взглядъ на значеніе Сисмонда-де-Сисмонди,—говоритъ онъ,—мы можемъ (!!) резюмировать въ слѣдующихъ словахъ“ одного нѣмецкаго экономиста (*Р. Б.* № 8, стр. 57), и дальше цитируется отмѣченный выше отрывокъ, т. е. *только частичка* характеристики, данной этимъ экономистомъ, причемъ отброшена именно та часть, гдѣ выясняется связь теоріи Сисмонди съ особымъ классомъ новѣйшаго общества, и та часть, гдѣ окончательный выводъ гласитъ о реакціонности и утопизмѣ Сисмонди! Мало этого. Эфруси не ограничился тѣмъ, что выхватилъ *частичку* отзыва, не дающую никакого понятія о *цѣломъ* отзывѣ, и, такимъ образомъ, представилъ въ совершенно невѣрномъ свѣтѣ отношеніе этого экономиста къ Сисмонди. Онъ пожелалъ еще прикрасить Сисмонди, какъ будто бы оставаясь лишь передатчикомъ взглядовъ того же экономиста.

„Прибавимъ къ этому,—говоритъ Эфруси, что по нѣкоторымъ теоретическимъ воззрѣніямъ Сисмонди является предшественникомъ самыхъ выдающихся новѣйшихъ экономистовъ *): вспомнимъ его взгляды на доходъ съ капитала, на кризисъ, его классификацію національнаго дохода и т. д.“ (ibid.). Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы *прибавить* къ указанію заслугъ Сисмонди нѣмецкимъ экономистомъ указаніе того же экономиста на мелкобуржуазную точку зрѣнія Сисмонди, на реакціонный характеръ его утопіи,—Эфруси *прибавляетъ* къ числу *заслугъ* Сисмонди *именно тѣ части его ученія* (вродѣ „классификаціи національнаго дохода“), *въ которыхъ*, по отзыву все того же экономиста, *нѣтъ ни одного научнаго слова.*

V.

Вопросъ о пошлинахъ на хлѣбъ въ Англіи въ оцѣнкѣ романтизма и научной теоріи.

Сравненіе теоріи романтизма съ новѣйшей теоріей мы дополнимъ сравненіемъ ихъ сужденія объ одномъ *практическомъ* вопросѣ. Интересъ такого сравненія усиливается тѣмъ, что этотъ практическій вопросъ представляетъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ, принципіальныхъ вопросовъ капитализма, съ одной стороны; съ другой стороны, тѣмъ, что по этому вопросу высказались оба наиболѣе видные представители этихъ враждебныхъ теорій.

Мы говоримъ о *хлѣбныхъ законахъ* въ Англіи и объ отмѣнѣ ихъ. Вопросъ этотъ глубоко интересовалъ во второй четверти текущаго столѣтія экономистовъ не только англійскихъ, но и континентальныхъ: всѣ понимали, что это вовсе не частный вопросъ таможенной политики, а общій вопросъ о свободѣ торговли, о свободѣ конкуренціи, о судьбѣ капитализма“. Рѣчь шла именно о томъ, чтобы увѣнчать зданіе капитализма полнымъ проведеніемъ свободы конкуренціи, о томъ, чтобы расчистить дорогу для завершенія той „ломки“, которую начала продѣлывать въ Англіи крупная машинная индустрія съ конца

---

*) Вродѣ Адольфа Вагнера?

прошлаго вѣка, о томъ, чтобы устранить препятствія, задерживающія эту „ломку“ въ *земледѣліи*. Именно *такъ* и взглянули на этотъ вопросъ оба континентальные экономиста, о которыхъ мы собираемся говорить.

Сисмонди вставилъ во второе изданіе своихъ Nouveaux Principes особую главу „о законахъ относительно торговли хлѣбомъ“ (I. III, ch. X).

Онъ констатируетъ прежде всего жгучій характеръ вопроса: „Половина англійскаго народа требуетъ въ настоящее время отмѣны хлѣбныхъ законовъ, требуетъ съ глубокимъ раздраженіемъ противъ тѣхъ, кто ихъ поддерживаетъ; а другая половина требуетъ сохраненія ихъ, испуская крики негодованія противъ тѣхъ, кто хочетъ ихъ отмѣнить“ (I, 251).

Разбирая вопросъ, Сисмонди указываетъ, что интересы англійскихъ фермеровъ требуютъ пошлины на хлѣбъ для обезпеченія имъ remunerating price (выгодной или безубыточной цѣны). Интересы же мануфактуристовъ требуютъ отмѣны хлѣбныхъ законовъ, ибо мануфактуры не могутъ существовать безъ внѣшнихъ рынковъ, а дальнѣйшее развитіе англійскаго вывоза задерживалось законами, стѣсняющими ввозъ: „Мануфактуристы говорили, что переполненіе рынка, которое они встрѣчаютъ на мѣстахъ сбыта, есть результатъ тѣхъ же хлѣбныхъ законовъ,—что богатые люди континента не могутъ покупать ихъ товаровъ, такъ какъ они не находятъ сбыта своему хлѣбу“ (I, 254)*).

„Открытіе рынковъ иностранному хлѣбу разоритъ, вѣроятно, англійскихъ землевладѣльцевъ и уронитъ до несравненно болѣе низкой цѣны арендную плату. Это—большое бѣдствіе, безъ сомнѣнія, но это не было бы несправедливостью“ (I, 254). И Сисмонди принимается наивнѣйшимъ образомъ доказывать, что доходъ землевладѣльцевъ долженъ соотвѣтствовать услугѣ (sic!!), которую они оказываютъ „обществу“ (капиталистическому?) и т. д. Фермеры,—продолжаетъ Сисмонди,—вынутъ свой капиталъ—отчасти, по крайней мѣрѣ,—изъ земледѣлія“.

Въ этомъ разсужденіи Сисмонди (а онъ этимъ разсужденіемъ и удовлетворяется) сказывается основной порокъ романтизма, не обращающаго достаточно вниманія на тотъ процессъ экономическаго развитія, который имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. Мы видѣли, что Сисмонди самъ указалъ на постепенное развитіе и ростъ фермерства въ Англіи. Но онъ торопится перейти къ осужденію этого процесса вмѣсто того, чтобы изучать его причины. Только этой торопливостью, желаніемъ навязать исторіи свои невинныя пожеланія и можно объяснить то обстоятельство, что Сисмонди просматриваетъ общую тенденцію развитія капитализма въ земледѣліи и неизбѣжное *ускореніе*

*) Какъ ни односторонне это объясненіе англійскихъ фабрикантовъ, игнорирующихъ болѣе глубокія причины кризисовъ и неизбѣжность ихъ при слабомъ расширеніи рынка, но въ немъ есть несомнѣнно вполнѣ справедливая мысль, что реализація продукта сбытомъ за границу требуетъ, *въ общемъ и цѣломъ*, соотвѣтствующаго привоза изъ-за границы.—Рекомендуемъ это указаніе англійскихъ фабрикантовъ къ свѣдѣнію тѣхъ экономистовъ, которые отъ вопроса о реализаціи продукта въ капиталистическомъ обществѣ отдѣлываются глубокомысленнымъ замѣчаніемъ: „сбудутъ за границу“.

этого процесса при отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, т.-е. капиталистическій прогрессъ земледѣлія вмѣсто упадка, который пророчитъ Сисмонди.

Но Сисмонди вѣренъ себѣ. Какъ только онъ подошелъ къ противорѣчію этого капиталистическаго процесса, такъ немедленно онъ обращается къ наивному „опроверженію" его, стремясь во что бы то ни стало доказать ошибочность того пути, которымъ идетъ „англійское отечество".

Что будетъ дѣлать поденщикъ?.. Работа прекратится; поля превращены будутъ въ пастбища... Что станется съ 540.000 семей, которымъ будетъ отказано въ работѣ?*). Предположивъ даже, что они будутъ годны ко всякой промышленной работѣ, имѣется ли въ настоящее время такая индустрія, которая была бы въ состояніи принять ихъ?... Найдется ли такое правительство, которое бы добровольно рѣшилось подвергнуть половину націи, имъ управляемой подобному кризису?.. Тѣ, кому принесутъ, такимъ образомъ, въ жертву землевладѣльцевъ извлекутъ ли сами какую-либо пользу изъ этого? Вѣдь эти землевладѣльцы—самые близкіе и самые надежные потребители англійскихъ мануфактуръ. Прекращеніе ихъ потребленія нанесло бы индустріи болѣе гибельный ударъ, чѣмъ закрытіе одного изъ самыхъ крупныхъ заграничныхъ рынковъ" (255—6). Выступаетъ на сцену пресловутое „сокращеніе внутренняго рынка". „Сколько потеряютъ мануфактуры отъ прекращенія потребленія всего класса англійскихъ землевладѣльцевъ, который составляетъ почти половину націи? Сколько потеряютъ мануфактуры отъ прекращенія потребленія богатыхъ людей, землевладѣльческіе доходы которыхъ будутъ почти уничтожены?" (267). Романтикъ изъ кожи лѣзетъ, доказывая фабрикантамъ, что противорѣчія, свойственныя развитію ихъ производства и ихъ богатства, выражаютъ лишь ихъ ошибку, ихъ неразсчетливость. И чтобы „убѣдить" фабрикантовъ въ „опасности" капитализма, Сисмонди подробно рисуетъ грозящую конкуренцію польскаго и русскаго хлѣба (р. 257—261). Онъ пускаетъ въ ходъ всяческіе аргументы, хочетъ повліять даже на самолюбіе англичанъ. „Что станется съ честью Англіи, если русскій императоръ будетъ въ состояніи, лишь только пожелаетъ получить отъ нея какую-нибудь уступку уморить ее съ голоду, заперевъ порты Балтійскаго моря?"(268). Вспомните читатель, какъ Сисмонди доказывалъ ошибочность „апологіи власти денегъ" тѣмъ, что при продажахъ легко бываютъ обманы... Сисмонди хочетъ „опровергнуть" теоретичекихъ толмачей фермерства, указывая, что богатые фермеры не могутъ выдержать конкуренціи жалкихъ крестьянъ (цит. выше), и въ концѣ концовъ приходитъ-таки къ своему любимому выводу, убѣжденный, видимо, что онъ доказалъ „ошибочность" того пути, которымъ идетъ „англійское отечество". „Примѣръ Англіи показываетъ намъ, что эта практика (развитіе денежнаго хозяйства, которому Сисмонди противопоставляетъ l'habitu-

---

*) Сисмонди для „доказательства" негодности капитализма сочиняетъ сейчасъ же примѣрный расчетъ (которые такъ любитъ, напр., нашъ русскій романтикъ г. В. В.). 600.000 семей,—говоритъ онъ,—заняты въ земледѣліи. При замѣнѣ полей пастбищами „потребуется" не больше одной десятой этого числа... Чѣмъ меньше пониманія процесса во всей его сложности обнаруживаетъ писатель, тѣмъ охотнѣе прибѣгаетъ онъ къ дѣтскимъ расчетамъ „на глазъ".

de de se fournir soi-même, „жизнь трудами рукъ своихъ") не лишена опасности" (263). „Самая система хозяйства (именно фермерство) дурна основывается на опасномъ базисѣ, и ее-то слѣдуетъ постараться измѣнить" (266).

Конкретный вопросъ, вызванный столкновеніемъ опредѣленныхъ интересовъ въ опредѣленной системѣ хозяйства, потопленъ, такимъ образомъ, въ потокѣ невинныхъ пожеланій! Но вопросъ былъ поставленъ самими заинтересованными сторонами такъ рѣзко, что ограничиться подобнымъ „рѣшеніемъ" (какъ ограничивается имъ романтизмъ относительно всѣхъ другихъ вопросовъ), было уже совершенно невозможно.

Что же дѣлать, однако?—спрашиваетъ въ отчаяніи Сисмонди,—открыть ли порты Англіи или запереть ихъ? осудить ли на голодъ и смертность мануфактурныхъ или сельскихъ рабочихъ Англіи? Поистинѣ, вопросъ ужасный; положеніе, въ которомъ находится англійское министерство,—одно изъ самыхъ щекотливыхъ, въ которомъ только могли оказаться государственные люди" (260). И Сисмонди паки и паки возвращается къ „общему выводу" объ „опасности"системы фермерства, объ „опасности подчинять все земледѣліе системѣ спекуляціи". Но „какимъ образомъ можно въ Англіи принять такія мѣры—серьезныя, но въ же время постепенныя, которые бы подняли значеніе (remettraient en honneur) мелкихъ фермъ, когда половина націи, занятая въ мануфактурахъ, страдаетъ отъ голода, а требуемыя ею мѣры угрожаютъ голодомъ другой половинѣ націи, занятой въ земледѣліи, я не знаю. Я считаю необходимымъ подвергнуть законы о торговлѣ хлѣбомъ значительнымъ измѣненіямъ; но я совѣтую тѣмъ, кто требуетъ полной отмѣны ихъ тщательно изслѣдовать слѣдующіе вопросы" (267),—слѣдуютъ старыя жалобы и опасенія насчетъ упадка земледѣлія, сокращенія внутренняго рынка и т. п.

Такимъ образомъ, при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью романтизмъ потерпѣлъ полное фіаско. Онъ принужденъ былъ самъ себѣ выдать testimonium paupertatis и самолично расписаться въ его полученіи. Вспомните, какъ легко и просто „разрѣшалъ" романтизмъ всѣ вопросы въ „теоріи"! Протекціонизмъ—неразуменъ, капитализмъ—гибельное заблужденіе, путь Англіи—ошибоченъ и опасенъ, производство должно идти въ ногу съ потребленіемъ, промышленность и торговля—въ ногу съ земледѣліемъ, машины выгодны лишь тогда, когда ведутъ къ повышенію платы или сокращенію рабочаго дня, средства производства не слѣдуетъ отдѣлять отъ производителей, обмѣнъ не долженъ опережать производство, не долженъ вести къ спекуляціи и т. д., и т. д. Каждое противорѣчіе романтизмъ заткнулъ соотвѣтствующей сентиментальной фразой, на каждый вопросъ отвѣтилъ соотвѣтствующимъ невиннымъ пожеланіемъ и наклеиваніе этихъ ярлычковъ на всѣ факты текущей жизни называлъ „рѣшеніемъ" вопросовъ. Неудивительно, что эти рѣшенія были такъ умилительно просты и легки: они игнорировали лишь одно маленькое обстоятельство—тѣ реальные интересы въ конфликтѣ которыхъ и состояло противорѣчіе. И когда развитіе этого противорѣчія поставило романтика лицомъ къ лицу передъ однимъ изъ такихъ особенно сильныхъ конфликтовъ, каковымъ была борьба партій въ Англіи,

предшествовавшая отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, — нашъ романтикъ совсѣмъ потерялся. Онъ прекрасно чувствовалъ себя въ туманѣ мечтаній и добрыхъ пожеланій, онъ такъ мастерски сочинялъ сентенціи, подходящія къ „обществу“ вообще (но не подходящія ни къ какому исторически-опредѣленному строю общества),—а когда попалъ изъ своего міра фантазій въ водоворотъ дѣйствительной жизни и борьбы интересовъ,—у него не оказалось въ рукахъ даже критерія для разрѣшенія конкретныхъ вопросовъ. Привычка къ отвлеченнымъ настроеніямъ и абстрактнымъ рѣшеніямъ свела вопросъ къ голой формулѣ: какое населеніе слѣдуетъ разорить, земледѣльческое или мануфактурное ?—И романтикъ не могъ, конечно, не заключить, что никакого не слѣдуетъ разорять, что нужно „свернуть съ пути“... но реальныя противорѣчія обступили его уже такъ плотно, что не пускаютъ его подняться опять въ туманъ добрыхъ пожеланій, и романтикъ вынужденъ *дать отвѣтъ*. Сисмонди далъ даже цѣлыхъ два отвѣта: первый „я не знаю“; второй—„съ одной стороны, нельзя не сознаться, съ другой стороны, надо признаться“.

9-го января 1847 года въ Брюсселѣ Карлъ Марксъ говорилъ въ публичномъ собраніи „рѣчь о свободѣ торговли“*). Въ противоположность романтизму, заявлявшему, что „политическая экономія не наука разсчета, а наука морали“, онъ поставилъ исходнымъ пунктомъ своего изложенія именно простой трезвый *подсчетъ интересовъ*. Вмѣсто того, чтобы взглянуть на вопросъ о хлѣбныхъ законахъ какъ на вопросъ „системы“, избираемой націей, или какъ на вопросъ законодательства (такъ смотрѣлъ Сисмонди), ораторъ началъ съ того, что представилъ этотъ вопросъ столкновеніемъ интересовъ фабрикантовъ и землевладѣльцевъ, и показалъ, какимъ образомъ англійскіе фабриканты пытались выставить вопросъ общенароднымъ дѣломъ, пытались увѣрить рабочихъ въ томъ, что они дѣйствуютъ въ интересахъ народнаго блага. Въ противположность романтику, излагавшему вопросъ въ формѣ соображеній, которыя долженъ имѣть въ виду законодатель при осуществленіи реформы,— ораторъ свелъ вопросъ къ столкновенію реальныхъ интересовъ различныхъ классовъ англійскаго общества. Онъ показалъ необходимость удешевленія сырыхъ матеріаловъ для фабрикантовъ, какъ основаніе всего вопроса. Онъ охарактеризовалъ недовѣрчивое отношеніе англійскихъ рабочихъ, видѣвшихъ „въ людяхъ, полныхъ самоотверженія, въ какомъ-нибудь Боурингѣ (Bowring), Брайтѣ (Bright) и ихъ сотоварищахъ—своихъ величайшихъ враговъ“.

„Фабриканты строятъ съ большими издержками дворцы, въ которыхъ Anti-corn law-league (лига противъ хлѣбныхъ законовъ) устраиваетъ въ нѣкоторомъ родѣ свою резиденцію, они разсылаютъ во всѣ пункты Англіи цѣлую армію апостоловъ для проповѣди религіи

---

*) „Discours sur le libre échange“. Мы пользуемся нѣмецкимъ переводомъ: Rede über die Frage des Freihandels“.

свободной торговли. Они печатаютъ въ тысячахъ экземпляровъ брошюры и раздаютъ ихъ даромъ, чтобы просвѣтить работника насчетъ его собственныхъ интересовъ. Они тратятъ громадныя суммы, чтобы привлечь на свою сторону прессу. Чтобы руководить фритредерскимъ движеніемъ, они организуютъ величественный административный аппаратъ и на публичныхъ митингахъ развертываютъ всѣ дары своего краснорѣчія. На одномъ изъ такихъ митинговъ одинъ рабочій воскликнулъ: „Если бы землевладѣльцы продавали наши кости, то вы, фабриканты, первые купили бы ихъ, чтобы отправить на паровую мельницу и сдѣлать изъ нихъ муку!" Англійскіе работники прекрасно поняли значеніе борьбы между землевладѣльцами и фабрикантами. Они прекрасно знаютъ, что цѣну хлѣба хотятъ понизить для того, чтобы понизить заработную плату, и что прибыль на капиталъ поднимется настолько же, насколько упадетъ рента".

Такимъ образомъ уже самая *постановка вопроса* дается совсѣмъ иначе, чѣмъ у Сисмонди. Задачей ставится, во 1-хъ, объяснить отношеніе къ вопросу различныхъ классовъ англійскаго общества съ точки зрѣнія ихъ интересовъ; во 2-хъ, освѣтить значеніе реформы въ общей эволюціи англійскаго общественнаго хозяйства.

По этому послѣднему пункту взгляды оратора сходятся съ взглядами Сисмонди въ томъ отношеніи, что онъ точно также видитъ тутъ не частный, а *общій вопросъ* о развитіи капитализма вообще, о „свободной торговлѣ", какъ системѣ. „Отмѣна хлѣбныхъ законовъ въ Англіи была величайшимъ тріумфомъ, котораго добилась свободная торговля въ XIX вѣкѣ". „Съ отмѣной хлѣбныхъ законовъ свободная конкуренція, современный строй общественнаго хозяйства доводится до своего крайняго развитія" *). Данный вопросъ представляется, слѣдовательно, для этихъ авторовъ вопросомъ о томъ, *слѣдуетъ ли желать дальнѣйшаго развитія капитализма* или же задержки его, поисковъ „иныхъ путей" и т. п. И мы знаемъ, что утвердительный отвѣтъ ихъ на этотъ вопросъ былъ именно рѣшеніемъ общаго принципіальнаго вопроса о „судьбахъ капитализма", а не частнаго вопроса о хлѣбныхъ законахъ въ Англіи, ибо установленная здѣсь точка зрѣнія примѣнялась и гораздо позже по отношенію къ другимъ государствамъ. Авторы держались такихъ воззрѣній въ 1840-хъ годахъ и относительно Германіи, и относительно Америки **), объявляя прогрессивность свободной конкуренціи для этой страны; по отношенію къ Германіи еще въ 60-хъ годахъ одинъ изъ нихъ писалъ, что

---

*) „Die Lage der arbeitenden Klasse in England" (1845). Это сочиненіе писано съ совершенно такой же точки зрѣнія *до* отмѣны хлѣбныхъ законовъ (1846), тогда какъ излагаемая въ текстѣ рѣчь относится къ періоду *послѣ* ихъ отмѣны. Но различіе во времени не имѣетъ для насъ значенія: достаточно сравнить вышеприведенныя разсужденія Сисмонди, относящіяся къ 1827-му году, съ этой рѣчью 1849 года, чтобы видѣть полное тожество *элементовъ вопроса* у обоихъ авторовъ. Самая идея сравнить Сисмонди съ позднѣйшимъ нѣмецкимъ экономистомъ заимствована нами изъ „Handwörterbuch der Statswissenschaften", Artik.: „Sismondi" von *Lippert*, Seite 679. Параллель оказалась представляющей такой животрепещущій интересъ, что изложеніе г. Липперта сразу потеряло всю свою деревянность... то бишь „объективность" и стало интереснымъ, живымъ и даже страстнымъ.

**) Ср. въ „Neue Zeit" открытыя недавно статьи Маркса въ „Westphälisches Dampfboot".

она страдаетъ не только отъ капитализма, но и отъ недостаточнаго развитія капитализма.

Возвратимся къ излагаемой рѣчи. Мы указали на принципіально иную точку зрѣнія оратора, сведшаго вопросъ къ интересамъ различныхъ классовъ англійскаго общества. Такое же глубокое различіе видимъ мы и въ постановкѣ имъ чисто-теоретическаго вопроса о значеніи отмѣны хлѣбныхъ законовъ въ общественномъ хозяйствѣ. Для него это не абстрактный вопросъ о томъ, какой *системѣ* должна слѣдовать Англія, какой путь ей избрать (какъ ставитъ вопросъ Сисмонди, забывая о томъ, что у Англіи есть прошлое и настоящее, которыя уже опредѣляютъ этотъ путь). Нѣтъ, онъ ставитъ вопросъ сразу на почву *даннаго общественно-хозяйственнаго строя*; онъ спрашиваетъ себя, каковъ *долженъ быть слѣдующій шагъ* въ развитіи этого строя послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ.

Трудность этого вопроса состояла въ опредѣленіи того, какъ повліяетъ отмѣна хлѣбныхъ законовъ на *земледѣліе*, — ибо относительно промышленности вліяніе это было для всѣхъ ясно.

Чтобы доказать пользу такой отмѣны и для земледѣлія, Anti-corn-law-league назначила преміи за три лучшія сочиненія о благотворномъ вліяніи уничтоженія хлѣбныхъ законовъ на англійское земледѣліе. Ораторъ излагаетъ вкратцѣ взгляды всѣхъ трехъ лавреатовъ, Гопа (Hope), Морза (Morse) и Грега (Greg), и сразу выдѣляетъ послѣдняго, сочиненіе котораго наиболѣе научно, наиболѣе строго проводитъ принципы, установленные классической политической экономіей.

Грегъ, самъ крупный фабрикантъ, писавшій преимущественно для крупныхъ фермеровъ, доказываетъ, что отмѣна хлѣбныхъ законовъ вытолкнетъ изъ земледѣлія мелкихъ фермеровъ, которые обратятся къ индустріи, но послужитъ къ выгодѣ крупныхъ фермеровъ, которые получатъ возможность снимать землю на болѣе долгіе сроки, вкладывать въ землю больше капитала, употреблять больше машинъ, обходясь меньшимъ количествомъ труда, который долженъ подешевѣть съ удешевленіемъ хлѣба. Землевладѣльцамъ же придется довольствоваться болѣе низкой рентой, вслѣдствіе изъятія изъ обработки земель худшаго качества, неспособныхъ выдержать конкуренціи дешеваго привознаго хлѣба.

Ораторъ оказался вполнѣ правъ, признавъ наиболѣе научными это предсказаніе и открытую защиту капитализма въ земледѣліи. Исторія оправдала предсказаніе. „Отмѣна хлѣбныхъ законовъ дала англійскому земледѣлію громадный толчокъ... Абсолютное уменьшеніе сельскаго рабочаго населенія шло рука объ руку съ расширеніемъ обработанной площади, съ интенсификаціей культуры, съ неслыханнымъ накопленіемъ капитала, вкладываемаго въ землю и посвящаемаго ея обработкѣ, съ увеличеніемъ земельнаго продукта, не имѣющимъ параллели въ исторіи англійской агрономіи, съ увеличеніемъ ренты землевладѣльцевъ, съ ростомъ богатства капиталистическихъ арендаторовъ... Основнымъ условіемъ новыхъ методовъ была большая затрата капитала на акръ земли, а, слѣдовательно, ускоренная концентрація фермъ“ *).

*) Писано въ 1867 г. — Что касается до увеличенія ренты, то для объясненія этого явленія, надо принять во вниманіе законъ, установленный но

Но ораторъ не ограничился, разумѣется, этимъ признаніемъ наибольшей правильности разсужденій Грега. Это разсужденіе было въ устахъ Грега доводомъ фритредера, толкующаго объ англійскомъ земледѣліи вообще, стремящагося доказать общую выгоду для націи отъ отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Послѣ изложеннаго нами выше ясно, что не таковъ былъ взглядъ оратора.

Онъ разъяснилъ, что пониженіе цѣны хлѣба, столь прославляемое фритредерами, означаетъ неминуемое сокращеніе заработной платы, удешевленіе товара „трудъ" (точнѣе: рабочей силы); что удешевленіе хлѣба никогда не въ состояніи будетъ уравновѣсить для рабочаго это пониженіе платы, во-первыхъ, потому, что при пониженіи цѣны хлѣба работнику труднѣе будетъ сдѣлать сбереженіе на употребленіи хлѣба, съ цѣлью доставить себѣ возможность купить другіе предметы; во-вторыхъ, потому, что прогрессъ индустріи удешевляетъ предметы потребленія, замѣняя пиво водкой, хлѣбъ — катофелемъ, шерсть и ленъ — хлопчатой бумагой, понижая всѣмъ этимъ уровень потребностей и жизни работника.

Такимъ образомъ мы видимъ, что ораторъ устанавливаетъ элементы вопроса, *повидимому*, такъ же, какъ и Сисмонди: онъ *тоже* признаетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ свободной торговли разореніе мелкихъ фермеровъ, нищету рабочихъ въ промышленности и въ земледѣліи. Наши народники, отличающіеся также неподражаемымъ искусствомъ „цитировать", вотъ тутъ-то и останавливаютъ обыкновенно свои „выписки", заявляя съ полнымъ удовлетвореніемъ что они вполнѣ „согласны". Но такіе пріемы показываютъ лишь, что они не понимаютъ, во-первыхъ, громадныхъ различій въ постановкѣ вопроса, на которыя мы указали выше; что они просматриваютъ, во-вторыхъ, то обстоятельство, что коренное отличіе новой теоріи отъ романтизма *тутъ только и начинается*: романтикъ поворачиваетъ отъ конкретныхъ вопросовъ дѣйствительнаго развитія къ мечтаніямъ, реалистъ же беретъ установленные факты за критерій для опредѣленнаго рѣшенія конкретнаго вопроса.

Указавъ на предстоящее улучшеніе положенія рабочихъ, ораторъ продолжалъ.

„Экономисты возразятъ намъ на это:

Ну, хорошо, мы согласны, что конкуренція между работниками, которая, навѣрное, не уменьшится при господствѣ свободной тор-

---

вѣйшимъ анализомъ дифференціальной ренты, именно, что *повышеніе ренты возможно на ряду съ пониженіемъ цѣны хлѣба*. „Когда англійскія хлѣбныя пошлины были отмѣнены въ 1846 г., то англійскіе фабриканты думали, что они превратили этимъ землевладѣльческую аристократію въ пауперовъ. Вмѣсто этого, она стала еще богаче, чѣмъ была когда-либо прежде. Какъ это случилось? Очень просто. Во первыхъ, отъ фермеровъ стали требовать по контракту, чтобы они вкладывали по 12 ф. стерл. вмѣсто 8 ф. стерл. на акръ въ годъ, а во 2-хъ, землевладѣльцы, имѣя очень много представителей въ нижней палатѣ, добились себѣ крупной государственной субсидіи для дренированія своихъ земель и для другихъ прочныхъ улучшеній. Такъ какъ полнаго вытѣсненія даже самой худшей земли нигдѣ не было, а случалось—самое большее—лишь употребленіе ея для другихъ цѣлей, да и то, въ большинствѣ случаевъ, только временное, — то ренты поднялись пропорціонально увеличеннымъ вложеніямъ капитала въ землю, и землевладѣльческая аристократія оказалась еще въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ прежде". („Das Kapital" III, 2, 259).

говли, очень скоро приведетъ заработную плату въ соотвѣтствіе съ болѣе низкой цѣной товаровъ. Но, съ другой стороны, пониженіе цѣны товаровъ поведетъ къ большему потребленію; большее потребленіе потребуетъ усиленнаго производства, которое повлечетъ за собою усиленіе спроса на рабочую силу; результатомъ этого усиленія спроса на рабочую силу будетъ повышеніе заработныхъ платъ.

Вся эта аргументація сводится къ слѣдующему: *свободная торговля увеличиваетъ производительныя силы.* Если промышленность возрастаетъ, если богатство, производительныя силы, однимъ словомъ производительный капиталъ повышаетъ спросъ на трудъ, то цѣна труда, а слѣд., и заработная плата повышается. *Возрастаніе капитала является обстоятельствомъ, наиболѣе благопріятнымъ для рабочаго. Съ этимъ необходимо согласиться* *). Если капиталъ останется неподвижнымъ, то промышленность не останется неподвижной, а станетъ падать, и работникъ въ этомъ случаѣ окажется первой жертвой ея паденія. Работникъ погибнетъ раньше капиталиста. Ну, а въ томъ случаѣ, когда капиталъ возрастаетъ, то есть, какъ уже сказано, въ *лучшемъ* для работника случаѣ, какова будетъ его судьба? Онъ точно также погибнетъ...“ И ораторъ подробно объяснилъ, пользуясь данными англійскихъ экономистовъ, какъ концентрація капитала усиливаетъ раздѣленіе труда, удешевляющее рабочую силу, благодаря замѣнѣ искуснаго труда простымъ, какъ машины вытѣсняютъ рабочихъ, какъ крупный капиталъ разоряетъ мелкихъ промышленниковъ и мелкихъ рантье и ведетъ къ усиленію кризисовъ, увеличивающихъ еще болѣе число безработныхъ. Выводъ изъ его анализа былъ тотъ, что свобода торговли означаетъ не что иное, какъ свободу развитія капитала.

Итакъ ораторъ сумѣлъ найти критерій для разрѣшенія вопроса, приводящаго на первый взглядъ къ той же безвыходной дилеммѣ, передъ которой остановился Сисмонди: и свободная торговля, и задержка ея одинаково ведутъ къ разоренію рабочихъ. *Критерій этотъ — развитіе производительныхъ силъ.* Постановка вопроса на историческую почву сразу проявила себя: вмѣсто сравненія капитализма съ какимъ-то абстрактнымъ обществомъ, каковымъ оно должно быть (т. е. въ сущности съ утопіей), авторъ сравнилъ его *съ предшествовавшими стадіями* общественнаго хозяйства, сравнилъ разныя стадіи капитализма въ ихъ послѣдовательной смѣнѣ *и констатировалъ фактъ развитія производительныхъ силъ общества, благодаря развитію капитализма.* Отнесшись къ аргументаціи фритредеровъ съ научной критикой, онъ сумѣлъ избѣжать обычной ошибки романтиковъ, которые, отрицая за ней всякое значеніе, „выплескиваютъ изъ ванны вмѣстѣ съ водой и ребенка“, сумѣлъ выдѣлить ея здоровое зерно, т. е. не подлежащій сомнѣнію фактъ гигантскаго техническаго прогресса. Наши народники съ свойственнымъ имъ остроуміемъ заключили бы, конечно, что этотъ авторъ, становящійся такъ открыто *на сторону крупнаго капитала противъ мелкаго производителя,*—„апологетъ власти денегъ“, тѣмъ болѣе, что онъ говорилъ передъ лицомъ континентальной Европы, что онъ распространялъ выводы изъ англійской жизни и на свою родину,

*) Курсивъ нашъ.

въ которой крупная машинная индустрія дѣлала въ то время свои первые, еще робкіе шаги. А между тѣмъ именно на этомъ примѣрѣ (какъ и на массѣ подобныхъ примѣровъ изъ западно-европейской исторіи) они могли бы изучить то явленіе, котораго они никакъ не могутъ (можетъ быть, не хотятъ?) понять, именно, что признаніе прогрессивности крупнаго капитала противъ мелкаго производства очень и очень далеко еще отъ „апологіи".

Достаточно вспомнить вышеизложенную главу изъ Сисмонди и данную рѣчь, чтобы убѣдиться въ превосходствѣ послѣдней и въ теоретическомъ отношеніи и въ отношеніи враждебности къ какой бы то ни было „апологіи". Ораторъ охарактеризовалъ противорѣчія, сопровождающія развитіе крупнаго капитала, гораздо точнѣе, полнѣе, прямѣе, откровеннѣе, чѣмъ это дѣлали когда-либо романтики. Но онъ нигдѣ не опустился ни до одной сентиментальной фразы, оплакивающей это развитіе. Онъ нигдѣ не проронилъ ни словечка о какой бы то ни было возможности „свернуть съ пути". Онъ понималъ, что подобной фразой люди прикрываютъ лишь то обстоятельство, что они сами „сворачиваютъ" въ сторону отъ вопроса, который ставитъ передъ ними жизнь, т. е. данная экономическая дѣйствительность, данное экономическое развитіе, данные, вырастающіе на его почвѣ, интересы.

Вышеуказанный, вполнѣ научный, критерій далъ ему возможность разрѣшить этотъ вопросъ, оставаясь послѣдовательнымъ реалистомъ.

„Не думайте, однако, господа,—говорилъ ораторъ,—что, критикуя свободную торговлю, мы намѣрены защищать покровительственную систему". И ораторъ указалъ на одинаковое основаніе свободной торговли и протекціонизма въ современномъ строѣ общественнаго хозяйства, указалъ вкратцѣ на тотъ процессъ „ломки" старой хозяйственной жизни и старыхъ полупатріархальныхъ отношеній въ западно-европейскихъ государствахъ, который совершалъ капитализмъ въ Англіи и на континентѣ, указалъ на тотъ общественный фактъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, свободная торговля *ускоряетъ* эту „ломку" *). „И вотъ, господа,—заключилъ ораторъ,—только въ этомъ смыслѣ и подаю я свой голосъ за свободу торговли".

---

*) На это прогрессивное значеніе отмѣны хлѣбныхъ законовъ указывалъ ясно и авторъ „Die Lage" *еще до этой отмѣны* (I. c., p. 179), подчеркивая особенно вліяніе ея на самосознаніе производителей.

Кустарная перепись 1894—5 года въ Пермской губерніи и общіе вопросы «кустарной» промышленности.

Пермскія ученыя общества предприняли, при участіи земства, обширный трудъ къ выставкѣ 1896 года въ Нижнемъ-Новгородѣ, носящій общее заглавіе: „Обзоръ Пермскаго края". Матеріаловъ собрано болѣе чѣмъ на 200 листовъ; все изданіе должно составить восемь томовъ. Къ выставкѣ его, какъ водится, не успѣли закончить, и пока изданъ только первый томъ, содержащій очеркъ кустарной промышленности губерніи *). „Очеркъ" представляетъ выдающійся интересъ по новизнѣ, богатству и полнотѣ положеннаго въ его основаніе матеріала. Матеріалъ собранъ былъ спеціальной *кустарной переписью*, произведенной на земскія средства въ 1894—5 году, причемъ перепись была подворная, опрашивался каждый домохозяинъ въ отдѣльности. Свѣдѣнія собирались земскими начальниками. Программа подворнаго изслѣдованія была очень обширная, обнимая и личный составъ семей кустарей-хозяевъ, и наемный трудъ, употребляемый кустарями, и сельское хозяйство, и свѣдѣнія о заготовкѣ сырья, о техникѣ производства, о распредѣленіи работъ по мѣсяцамъ года, о сбытѣ продуктовъ, о времени возникновенія заведеній, о задолженности кустарей. Насколько намъ извѣстно, столь богатыя свѣдѣнія опубликовываются въ нашей литературѣ едва-ли не впервые. Но кому много дано, съ того много и спросится. Богатство матеріала даетъ намъ право предъявлять къ изслѣдователямъ требованіе обстоятельной разработки этого матеріала, а этимъ требованіямъ „Очеркъ" удовлетворяетъ далеко не вполнѣ. И въ табличныхъ данныхъ, и въ способѣ группировки и обработки ихъ есть много пробѣловъ, восполнять которые приходилось отчасти автору посредствомъ выборки изъ книги и подсчета соотвѣтственныхъ данныхъ.

Мы намѣрены познакомить читателя съ матеріаломъ, собраннымъ переписью, съ пріемами его обработки, съ выводами, которые слѣду-

---

*) „Обзоръ Пермскаго края". Очеркъ состоянія кустарной промышленности въ Пермской губерніи". Издано на средства Перм. губ. земства. Пермь. 1896. Стр. II+365+232 страницы таблицъ, 16 діаграммъ и карта Пермской губерніи. Ц. 1 р. 50 коп.

ютъ изъ данныхъ относительно *экономической дѣйствительности* нашихъ „кустарныхъ промысловъ". Мы подчеркиваемъ слова: „экономической дѣйствительности", ибо мы ставимъ вопросъ только о томъ, что есть въ дѣйствительности, и почему эта дѣйствительность именно такова, а не иная. Что же касается до распространенія выводовъ изъ данныхъ о Пермской губерніи на всѣ „наши кустарные промыслы" вообще, то читатель убѣдится изъ нижеслѣдующаго въ законности такого распространенія, ибо въ Пермской губерніи виды „кустарничества" чрезвычайно разнообразны и охватываютъ *всевозможные* виды его, о какихъ только сообщалось когда-либо въ литературѣ кустарныхъ промысловъ.

Усиленно просимъ только читателя—какъ можно строже различать двѣ стороны дальнѣйшаго изложенія: изученіе и обработку фактическихъ данныхъ, съ одной стороны, и оцѣнку народническихъ воззрѣній авторовъ „Очерка", съ другой.

I.

Общія данныя.

Кустарная перепись 1894—5 года охватила во всѣхъ уѣздахъ губерніи 8.991 семью кустарей (не считая семей наемныхъ рабочихъ), т.-е. около 72% всего числа пермскихъ кустарей, какъ полагаютъ изслѣдователи, насчитывая по другимъ даннымъ еще 3.484 семьи. Основное подраздѣленіе кустарей по типамъ ихъ, принятое въ „Очеркѣ, состоитъ въ различеніи двухъ *группъ* кустарей (въ таблицахъ группы означены римскими цифрами I и II), именно имѣющихъ земледѣльческое хозяйство (I) и не имѣющихъ его (II); затѣмъ трехъ *подгруппъ* каждой группы (арабскія цифры: 1, 2, 3), именно 1) кустари, работающіе на вольную продажу; 2) кустари, работающіе на заказчиковъ-потребителей и 3) кустари, работающіе на заказчиковъ-скупщиковъ. Въ двухъ послѣднихъ подгруппахъ сырье преимущественно дается кустарю заказчикомъ. Остановимся нѣсколько на этой группировкѣ. Дѣленіе кустарей на земледѣльцевъ и не-земледѣльцевъ, разумѣется, вполнѣ основательно и необходимо. Обиліе беземельныхъ кустарей въ Пермской губерніи, сосредоточенныхъ часто въ заводскихъ селеніяхъ, заставило авторовъ произвести эту группировку систематически и ввести ее въ таблицы. Мы узнаемъ такимъ образомъ, что 1/3 всего числа кустарей (въ 8.991 заведеніи 19.970 семейныхъ и наемныхъ рабочихъ) именно 6.638 человѣкъ принадлежатъ къ неимѣющимъ земледѣльческаго хозяйства *). Уже отсюда видна, слѣд., неточность обычныхъ предположеній и утвержденій о связи кустарной промышленности съ земледѣліемъ, какъ общемъ явленіи,—связи, возводимой иногда даже въ особенность Россіи. Если исключить изъ числа „кустарей" неправильно причисляемыхъ къ нимъ сельскихъ (и городскихъ)

*) На дѣлѣ больше, чѣмъ треть промышленниковъ беземельныхъ, ибо въ перепись вошелъ лишь одинъ городъ. Объ этомъ ниже.

ремесленниковъ, то изъ остальныхъ 5.556-ти семей — безземельныхъ 2.268, т.-е. болѣе $^2/_5$ всего числа работающихъ на рынокъ промышленниковъ. Къ сожалѣнію, и эта основная группировка не выдержана въ „Очеркѣ“ послѣдовательно. Во-1-хъ, она приведена лишь относительно кустарей-хозяевъ, относительно же наемныхъ рабочихъ нѣтъ такихъ данныхъ. Этотъ пробѣлъ — результатъ того, что кустарная перепись вообще обошла наемныхъ рабочихъ и ихъ семьи, регистрируя только заведенія, только хозяевъ. Въ „Очеркѣ“ очень неточно употребляется вмѣсто этихъ словъ выраженіе: „занимающіяся кустарными промыслами семейства“, ибо семейства, отпускающія наемныхъ рабочихъ къ кустарямъ, разумѣется, не менѣе „занимаются кустарными промыслами“, чѣмъ семейства, нанимающія рабочихъ. Отсутствіе подворныхъ данныхъ о семьяхъ наемныхъ рабочихъ (число ихъ равно $^1/_4$ всего числа рабочихъ)—важный пробѣлъ переписи. Пробѣлъ этотъ весьма характеренъ для народниковъ, становящихся сразу на точку зрѣнія мелкаго производителя и оставляющихъ въ тѣни наемный трудъ. Ниже мы встрѣтимъ еще не разъ пробѣлы въ свѣдѣніяхъ о наемныхъ рабочихъ, а пока ограничимся замѣчаніемъ, что хотя отсутствіе данныхъ о семьяхъ наемныхъ рабочихъ и составляетъ обычное явленіе въ литературѣ кустарныхъ промысловъ, но есть и исключенія. Въ трудахъ московской земской статистики встрѣчаются иногда данныя, систематически собранныя о семьяхъ наемниковъ; еще больше такихъ данныхъ въ извѣстномъ изслѣдованіи гг. Харизоменова и Пругавина „Промыслы Владимірской губерніи“, гдѣ есть и подворныя переписи, регистрирующія семьи наемныхъ рабочихъ наравнѣ съ семьями хозяевъ. Во-2-хъ, включивъ въ число кустарей массу безземельныхъ промышленниковъ, изслѣдователи, естественно, подорвали основаніе обычнаго, совершенно неправильнаго, пріема—исключать изъ числа „кустарей“ *городскихъ* промышленниковъ. И мы видимъ, дѣйствительно, что въ кустарную перепись 1894—5 года вошелъ одинъ городъ Кунгуръ (с. 33 таблицъ), но *только одинъ*. Никакихъ поясненій въ „Очеркѣ“ нѣтъ, и остается неизвѣстнымъ, почему въ перепись вошелъ только одинъ и именно этотъ городъ, случайно или по какимъ-либо основаніямъ. Получается не малая путаница, сильно портящая общія данныя. Въ общемъ и цѣломъ, кустарная перепись повторяетъ, слѣд., обычную народническую ошибку выдѣленія деревни („кустаря“) и города, хотя извѣстный промышленный районъ сплошь да рядомъ обнимаетъ городъ и окрестныя селенія. Давно бы пора отбросить это выдѣленіе, основанное на предразсудкѣ и на преувеличеніи отжившихъ свое время сословныхъ перегородокъ.

Мы упоминали уже не разъ о ремесленникахъ, сельскихъ и городскихъ, то выдѣляя ихъ изъ кустарей, то включая въ число ихъ. Дѣло въ томъ, что эти колебанія свойственны всей литературѣ „кустарныхъ“ промысловъ, доказывая негодность такого термина, какъ „кустарь“, для научныхъ изслѣдованій. Общепринятымъ считается мнѣніе, что къ кустарямъ слѣдуетъ относить только работающихъ на рынокъ, только товаропроизводителей, но на дѣлѣ нелегко найти такое изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ, гдѣ бы въ число кустарей не попадали и ремесленники, т. е. работающіе на заказчиковъ-потребителей (2-ая подгруппа, по „Очерку“). И въ „Трудахъ комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности“ и въ „Промыслахъ

Московской губерніи“ вы встрѣтите ремесленниковъ въ числѣ „кустарей“. Мы считаемъ безполезнымъ спорить о смыслѣ слова „кустарь“, ибо, какъ мы увидимъ ниже, *нѣтъ той формы промышленности* (кромѣ развѣ машинной индустріи), которая бы не включалась подъ этотъ традиціонный терминъ, абсолютно негодный для научныхъ изслѣдованій. Несомнѣнно, что надо строго отличать товаропроизводителей, работающихъ на рынокъ (1-ая подгруппа) отъ ремесленниковъ, работающихъ на потребителей (2-ая подгруппа), ибо эти формы промышленности представляютъ совершенно разнородные типы по своему общественно - хозяйственному значенію. Очень неудачны попытки „Очерка“ сгладить эти различія (ср. стр. 13, 177); гораздо правильнѣе было замѣчено въ другомъ земско-статистическомъ изданіи о пермскихъ кустаряхъ, что „у ремесленниковъ очень мало точекъ соприкосновенія съ областью кустарной промышленности,—менѣе, чѣмъ у этой послѣдней съ промышленностью фабричной“ *). И фабричная промышленность и 1-ая подгруппа „кустарей“ относится къ *товарному производству*, котораго нѣтъ во 2-й подгруппѣ. Также строго надо отличать 3-ю подгруппу, кустарей, работающихъ на скупщиковъ (и фабрикантовъ), которые *существенно* различаются отъ „кустарей“ двухъ первыхъ подгруппъ. Нельзя не пожелать, чтобы всѣ излѣдователи такъ-называемой „кустарной“ промышленности строго выдержали это дѣленіе и употребляли точные политико-экономическіе термины вмѣсто подкладыванія произвольнаго смысла подъ термины разговорные.

Приведемъ данныя о распредѣленіи „кустарей“ по группамъ и подгруппамъ.

		Группа I. Подгруппы. 1	2	3	Всего.	Группа II. Подгруппы. 1	2	3	Всего.	Итого.
Число заведеній		2.285	2.821	1.013	6.119	935	604	1.333	2.872	8.991
		37,3	46,1	16,6	100	32,6	21,0	46,4	100	—
Число рабоч.	Семейн.	4.201	4.146	1.957	10.304	1.648	881	2.233	4.762	15.066
	Наемн. .	1.753	681	594	3.028	750	282	844	1.876	4.904
	Всего . .	5.954	4.827	2.551	13.332	2.328	1.163	3.077	6.638	19.970
Число заведеній съ наемными рабочими . .		700	490	251	1.441	353	148	482	983	2.424

*) „Кустарная промышленность Пермской губерніи на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставкѣ въ гор. Екатеринбургѣ въ 1887 году“. Е. Красноперова. 3 выпуска. Пермь 1888—9. Вып. I, с. 8. Мы будемъ цитировать это полезное изданіе, означая кратко: „Куст. пром.“, выпускъ и страница.

Прежде чѣмъ дѣлать выводы изъ этихъ данныхъ, напомнимъ, что городъ Кунгуръ вошелъ во II-ую группу, содержащую такимъ образомъ смѣшанныя данныя о сельскихъ и городскихъ промышленникахъ. Мы видимъ изъ таблицы, что земледѣльцы (I группа), преобладая значительно въ числѣ *сельскихъ* промышленниковъ и ремесленниковъ, являются болѣе отсталыми въ развитіи формъ промышленности, чѣмъ неземледѣльцы (II группа). У земледѣльцевъ гораздо больше развито примитивное ремесло сравнительно съ производствомъ на рынокъ. Большее развитіе капитализма среди неземледѣльцевъ выражается большимъ процентомъ наемныхъ рабочихъ, заведеній съ наемными рабочими и кустарей, работающихъ на скупщиковъ. Можно заключить, слѣд., что связь съ земледѣліемъ задерживаетъ болѣе отсталыя формы промышленности и, наоборотъ, что развитіе капитализма въ промышленности ведетъ къ разрыву съ земледѣліемъ. Къ сожалѣнію, точныхъ свѣдѣній по этому предмету мы не имѣемъ и должны довольствоваться такими наводящими указаніями. Напр., мы не узнаемъ изъ „Очерка", какъ распредѣляется вообще сельское населеніе Пермской губерніи между земледѣльцами и безземельными, и потому не можемъ сравнить, въ какомъ изъ этихъ разрядовъ сильнѣе развиты промыслы. Остался въ пренебреженіи также крайне интересный вопросъ о районахъ промышленности (данныя объ этомъ были у изслѣдователей самыя точныя, о каждомъ селеніи отдѣльно), о концентраціи промышленниковъ въ неземледѣльческихъ, заводскихъ, вообще торговопромышленныхъ селеніяхъ, о центрахъ каждой отрасли промышленности, о распространеніи промысловъ изъ этихъ центровъ на окрестныя селенія. Если добавить къ этому, что подворныя данныя о времени возникновенія заведеній (о нихъ ниже, § III) давали возможность опредѣлить характеръ развитія промысловъ, т. е. распространяются ли они отъ центровъ къ окрестнымъ селеніямъ или наоборотъ, распространяются ли сильнѣе среди земледѣльцевъ или среди неземледѣльцевъ и т. д., то нельзя будетъ не пожалѣть о недостаточной разработкѣ данныхъ. Все, что мы можемъ получить по этому вопросу, это—свѣдѣнія о размѣщеніи промысловъ по уѣздамъ. Для ознакомленія читателя съ этими свѣдѣніями воспользуемся раздѣленіемъ уѣздовъ на группы, предложеннымъ въ „Очеркѣ" (с. 31): 1) „уѣзды съ наибольшимъ процентомъ кустарей, работающихъ на рынокъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ относительно высокимъ уровнемъ развитія кустарной промышленности"—5 уѣздовъ. 2) „Уѣзды съ относительно слабой степенью развитія кустарныхъ промысловъ, но съ преобладающимъ числомъ кустарей, работающихъ на рынокъ"—5 уѣздовъ и 3) „уѣзды также съ невысокимъ уровнемъ развитія кустарной промышленности, но въ которыхъ частенько преобладаютъ кустари, работающіе по заказу потребителей"—2 уѣзда. Сводя важнѣйшія данныя по этимъ группамъ уѣздовъ, получаемъ слѣдующую таблицу:

Группы уѣздовъ.	ЧИСЛО КУСТАРЕЙ работающихъ: На вольную продажу. Семейныхъ.	Наемныхъ.	Всего.	На скупщиковъ. Семейныхъ.	Наемныхъ.	Всего.	На потребителей. Семейныхъ.	Наемныхъ.	Всего.	ВСЕГО. Семейныхъ.	Наемныхъ.	Всего.	Процентъ кустарей. Работающихъ на рынокъ.	Зависимыхъ (см. прим.).	Число лицъ об. п. въ семьяхъ кустарей. Имѣющихъ свое землед. хозяйство.	Не имѣющихъ запашки.	Всего.
1) Наибольшее развитіе кустарной промышленности. . . 5 уѣздовъ . .	4.160 —	1.702 —	5.862 —	3.930 27,4	1.397 —	5.327 —	2.501 —	623 —	3.124 21,8	10.591 —	3.722 26,0	14.313 100	78,2 —	53,4 —	21.320 57,6	15.483 42,4	36.803 100
2) Болѣе слабое развитіе кустарн. промышленности . . . 5 уѣздовъ . .	1.436 —	904 —	2.340 —	259 6,3	158 —	417 —	1.077 —	252 —	1.329 32,5	2.772 —	1.314 32,1	4.086 100	67,5 —	38,4 —	7.335 66,2	3.740 33,8	11.075 100
3) Преобладаніе ремесла . . . . . . 2 уѣзда . . .	340 —	59 —	399 —	56 2,7	— —	56 —	1.499 —	88 —	1.587 77,7	1.895 —	147 7,2	2.042 100	22,3 —	9,9 —	5.998 94,2	364 5,8	6 362 100
Итого . .	5.936 —	2.665 —	8.601 —	4.245 20,8	1.155 —	5.800 —	5.077 —	963 —	6.040 29,5	15.258 —	5.183 25,3	20.441 100	70,5 —	46,1 —	34.653 63,9	19.587 36,1	54.240 100

1) Въ 1-й группѣ уѣзды Шадринскій, Кунгурскій, Красноуфимскій, Екатеринбургскій и Осинскій; во 2-й—Верхотурскій, Пермскій, Ирбитскій, Оханскій и Чердынскій; въ 3-й—Соликамскій и Камышловскій.

2) „Зависимыми“ кустарями мы называемъ: а) наемныхъ рабочихъ и б) семьянъ, работающихъ на скупщиковъ.

3) Число кустарей здѣсь не то, что было приведено выше, ибо поуѣздныя цифры въ „Очеркѣ“ (с. 30—31) отличаются отъ итоговъ таблицы, помѣщенной въ приложеніи.

Эта таблица даетъ намъ слѣдующіе интересные выводы: чѣмъ болѣе развита сельская промышленность въ группѣ уѣздовъ, тѣмъ 1) меньше процентъ сельскихъ ремесленниковъ, т.-е. тѣмъ болѣе ремесло оттѣсняется товарнымъ производствомъ; 2) тѣмъ большій процентъ кустарей принадлежитъ къ неземледѣльческому населенію; 3) тѣмъ сильнѣе развиваются капиталистическія отношенія, тѣмъ больше процентъ зависимыхъ кустарей. Въ третьей группѣ уѣздовъ преобладаютъ сельскіе ремесленники (77,7% всѣхъ кустарей); рядомъ съ этимъ здѣсь преобладаютъ земледѣльцы (только 5,8% неземледѣльцевъ) и капитализмъ развитъ ничтожно: всего 7,2% наемныхъ рабочихъ и 2,7% кустарей-семьянъ, работающихъ на скупщиковъ, т. е. всего 9,9% зависимыхъ кустарей. Во второй группѣ уѣздовъ преобладаетъ, наоборотъ, товарное производство, которое уже оттѣсняетъ ремесло: только 32,1% ремесленниковъ. Процентъ кустарей-земледѣльцевъ понижается съ 94,2% до 66,2%; процентъ наемныхъ рабочихъ возрастаетъ болѣе чѣмъ въ четыре раза: съ 7,2% до 32,1%; повышается, хотя не такъ значительно, и процентъ семьянъ, работающихъ на скупщиковъ, такъ что общій процентъ зависимыхъ кустарей составляетъ 38,4%—почти ²/₅ всего числа. Наконецъ, въ первой группѣ уѣздовъ ремесло еще болѣе оттѣсняется товарнымъ производствомъ, занимая лишь ¹/₅ всего числа „кустарей“ (21,8%), и рядомъ съ этимъ число неземледѣльцевъ промышленниковъ повышается до 42,4%; процентъ наемныхъ рабочихъ нѣсколько понижается (съ 32,1% до 26%), но за то въ громадныхъ размѣрахъ возростаетъ процентъ зависимыхъ отъ скупщиковъ семьянъ, именно съ 6,3% до 27,4%, такъ что всего зависимыхъ кустарей оказывается болѣе половины—53,4%. Районъ наибольшаго (абсолютно и относительно) числа „кустарей“ оказывается райономъ наибольшаго развитія капитализма: ростъ товарнаго производства оттѣсняетъ на задній планъ ремесло, ведетъ къ развитію капитализма и къ переходу промысла въ руки неземледѣльцевъ, т. е. къ отдѣленію промышленности отъ земледѣлія (или, быть можетъ, къ концентраціи промысловъ въ неземледѣльческомъ населеніи). У читателя можетъ возникнуть сомнѣніе, правильно-ли считать болѣе развитымъ капитализмъ въ первой группѣ уѣздовъ, гдѣ меньше наемныхъ рабочихъ, чѣмъ во второй, но больше работающихъ на скупщиковъ. Работа на дому,—могутъ возразить,—есть низшая форма капитализма. Мы увидимъ, однако, ниже, что изъ этихъ скупщиковъ многіе состоятъ фабрикантами, владѣютъ крупными капиталистическими заведеніями. Работа на дому является здѣсь *придаткомъ фабрики*, означая большую концентрацію производства и капитала (на нѣкоторыхъ скупщиковъ работаетъ 200—500, до тысячи и болѣе человѣкъ), большее раздѣленіе труда и будучи, слѣд., болѣе высокой по степени развитія формой капитализма. Эта форма относится къ мелкой мастерской хозяйчика съ наемными

рабочими, какъ капиталистическая мануфактура относится къ капиталистической простой коопераціи.

Приведенныя данныя достаточно опровергаютъ попытки составителей „Очерка“ противопоставить принципіально „кустарную форму производства“ — „капиталистической“, — разсужденіе, повторяющее традиціонные предразсудки всѣхъ россійскихъ народниковъ съ гг. В. В. и Н.—ономъ во главѣ. „Основное различіе“ между этими двумя формами пермскіе народники полагаютъ въ томъ, что въ первой „труду принадлежатъ орудія и матеріалы производства и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ результаты труда въ видѣ продуктовъ производства“ (с. 3). Мы теперь уже можемъ совершенно опредѣленно констатировать, что это—фальшь. Даже если мы включимъ въ число кустарей и ремесленниковъ, всетаки *большая часть „кустарей“ не подходитъ подъ эти условія*: не подходятъ, во 1-хъ, наемные рабочіе, а ихъ 25,3%; не подходятъ, во 2-хъ, семьяне, работающіе на скупщиковъ, ибо ни матеріалы производства, ни результаты труда имъ не принадлежатъ и они получаютъ лишь задѣльную плату; такихъ 20,8%; не подходятъ, въ-3-хъ, семьяне 1-ой и 2-ой подгрупы, держащіе наемныхъ рабочихъ, ибо имъ принадлежатъ „результаты“ не одного только своего труда. Такихъ, вѣроятно, около 10% (изъ 6645 заведеній 1-ой и 2-ой подгруппы 1691, т. е. 25,4% держитъ наемныхъ рабочихъ; въ 1.691 заведеніи, вѣроятно, не менѣе 2.000 семьянъ). Итого вотъ уже 25,3 + 20,8 + 10 = 56,1% „кустарей“ т. е. болѣе половины не подходятъ подъ эти условія. Другими словами, даже въ такой глухой и отсталой въ хозяйственномъ отношеніи губерніи, какъ Пермская, *уже теперь преобладаетъ* „кустарь“, либо нанимающійся въ наймы, либо нанимающій другихъ, либо эксплоатирующій, либо эксплоатируемый. Но гораздо правильнѣе для такого разсчета исключить ремесло и взять одно товарное производство. Ремесло—настолько архаическая форма промышленности, что даже среди отечественныхъ народниковъ, не разъ изрекавшихъ, что отсталость есть счастье Россіи (à la гг. В. В., Южаковъ и К°), не находилось человѣка, который бы открыто и прямо рѣшился защищать ее и выставлять „залогомъ“ своихъ идеаловъ. Въ пермской губерніи ремесло еще очень развито, сравнительно съ центральной Россіей: достаточно сослаться на такой промыселъ какъ синильный (или красильный). Это—исключительно ремесленное окрашиваніе домашнихъ тканей крестьянъ, которые въ менѣе захолустныхъ мѣстахъ Россіи давно уже уступили мѣсто фабричнымъ ситцамъ. Но и въ Пермской губерніи ремесло оттѣснено уже далеко на второй планъ: даже въ сельской промышленности только 29,5%, т.-е. менѣе трети принадлежатъ къ ремесленникамъ. Исключая же ремесленниковъ, мы получаемъ 14.401 работающихъ на рынокъ; изъ нихъ 29,3% наемныхъ рабочихъ, да 29,5% семьянъ, работающихъ на скупщиковъ, т.-е. 58,4% зависимыхъ „кустарей“ да процентовъ 7 — 8 хозяйчиковъ съ наемными рабочими, т.-е. всего около 66%, *двѣ трети* „кустарей“, имѣющихъ *два* основныхъ *сходства,* а не различія съ капитализмомъ, именно: во-1-хъ, они всѣ товаропроизводители, а капитализмъ есть лишь развитое до конца товарное хозяйство; во-2-хъ, изъ нихъ *большая часть* стоитъ въ свойственныхъ капитализму отношеніяхъ купли-продажи рабочей силы.

Составители „Очерка“ усиливаются увѣрить читателя, что наемный трудъ въ „кустарномъ“ производствѣ имѣетъ особое значеніе и объясняется, будто бы, „уважительными“ причинами; мы разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ (§ VII) эти увѣренія и приводимые ими примѣры. Здѣсь же достаточно констатировать, что тамъ, гдѣ господствуетъ товарное производство, и наемный трудъ употребляется не случайно, а систематически, на лицо есть всѣ признаки капитализма. Можно говорить о его неразвитости, зачаточности, объ особыхъ формахъ его, но полагать „основное различіе“ между тѣмъ, что на дѣлѣ обнаруживаетъ *основное сходство*, значитъ извращать дѣйствительность.

Отмѣтимъ кстати еще одно извращеніе. На стр. 5-ой въ „Очеркѣ“ говорится, что „произведенія кустаря... приготовляются изъ матеріаловъ, пріобрѣтаемыхъ главнымъ образомъ на мѣстѣ же“. Какъ разъ по этому пункту имѣются въ „Очеркѣ“ данныя для провѣрки, именно сопоставленіе того, какъ распредѣляются по уѣздамъ губерніи кустари, обработывающіе животные продукты сравнительно съ продуктами скотоводства и земледѣлія; кустари, обработывающіе растительные продукты, сравнительно съ распредѣленіемъ лѣса; кустари, обработывающіе металлы, сравнительно съ распредѣленіемъ чугуна и желѣза, добываемаго въ губерніи. Оказывается изъ этого сопоставленія, что по обработкѣ животныхъ продуктовъ въ трехъ уѣздахъ сосредоточено 68,9% кустарей этого рода, между тѣмъ какъ головъ скота въ этихъ же уѣздахъ только 25,1%, а десятинъ посѣва только 29,5%, т.-е. оказывается какъ разъ обратное, и въ „Очеркѣ“ тутъ же констатируется, что „высокая степень развитія производствъ, основанныхъ на переработкѣ животныхъ продуктовъ, обезпечивается главнымъ образомъ ввознымъ сырьемъ, напр., въ Кунгурскомъ и Екатеринбургскомъ уѣздахъ — сырыми кожами, обрабатываемыми мѣстными кожевенными заводами и кустарными кожевнями, откуда собственно и получается матерьялъ для чеботарнаго производства,—главнѣйшаго изъ кустарныхъ промысловъ этихъ уѣздовъ“ (24—5). Кустарничество основано здѣсь, слѣд., не только на крупныхъ оборотахъ мѣстныхъ капиталистовъ по торговлѣ кожами, но и на пріобрѣтеніи отъ заводчиковъ полуфабриката, т.-е. кустарничество явилось результатомъ, придаткомъ развитаго товарнаго обращенія и капиталистическихъ кожевенныхъ заведеній. „Въ Шадринскомъ уѣздѣ ввознымъ сырьемъ является шерсть, дающая матеріалъ для главнаго промысла уѣзда—пимокатнаго“. Далѣе, по обработкѣ растительныхъ продуктовъ 61,3% кустарей сосредоточено въ 4-хъ уѣздахъ. Между тѣмъ въ этихъ же 4-хъ уѣздахъ всего 20,7% общаго въ губерніи количества десятинъ лѣса. Наоборотъ, въ 2-хъ уѣздахъ, въ которыхъ сосредоточено 51,7% лѣса, находится всего 2,6% кустарей, обработывающихъ растительные продукты (с. 25), т.-е. и здѣсь оказывается какъ разъ обратное, и здѣсь „Очеркъ“ констатируетъ, что сырье—ввозное (с. 26) *). Мы наблюдаемъ, слѣд., весьма интересный фактъ,

*) Эти два рода кустарей, т. е. обработывающіе животные продукты и растительные матеріалы, составляютъ 33%+28%=61% всего числа кустарей. работкой металловъ занято 25% кустарей (с. 20).

что развитію кустарныхъ промысловъ предшествуетъ (являясь условіемъ этого развитія) пустившее уже глубокіе корни *товарное обращеніе.* Это обстоятельство весьма важно, ибо оно, во 1-хъ, указываетъ какъ давно уже сложилось товарное хозяйство, въ которомъ кустарничество является лишь однимъ изъ членовъ и какъ нелѣпо поэтому изображать нашу кустарную промышленность въ видѣ какой-то tabula rasa, которая будто бы „можетъ" пойти еще разными путями. Изслѣдователи сообщаютъ, напр., что пермская „кустарная промышленность по прежнему отражаетъ на себѣ вліяніе тѣхъ путей сообщенія, которые опредѣляли торгово-промышленную физіономію края не только въ дожелѣзнодорожную, но даже и въ дореформенную эпоху" (с. 39). Дѣйствительно, городъ Кунгуръ былъ узломъ путей сообщенія въ Доуральѣ: черезъ него идетъ сибирскій трактъ, связывающій Кунгуръ съ Екатеринбургомъ, а вѣтвями и съ Шадринскомъ; черезъ Кунгуръ же идетъ другой коммерческій трактъ—гороблагодатскій, соединяющій Кунгуръ съ Окой. Наконецъ, сибирскій трактъ соединяетъ Кунгуръ съ Красноуфимскомъ. „Такимъ образомъ мы видимъ, что кустарная промышленность губерніи концентрировалась въ районахъ, опредѣляемыхъ узлами путей сообщенія: въ Доуральѣ— въ уѣздахъ Кунгурскомъ, Красноуфимскомъ и Омскомъ; а въ Зауральѣ— въ уѣздахъ Екатеринбургскомъ и Шадринскомъ" (с. 39). Напомнимъ читателю, что именно эти 5 уѣздовъ составляютъ первую по развитію кустарной промышленности группу уѣздовъ и что въ нихъ сосредоточено 70% всего числа кустарей. Во 2-хъ, это обстоятельство указываетъ намъ, что та „организація обмѣна" въ кустарной промышленности, о которой такъ легкомысленно болтаютъ кустарные радѣтели мужичка, въ дѣйствительности *уже создана* и создана никѣмъ инымъ, какъ всероссійскимъ купечествомъ. Ниже мы увидимъ еще не мало подтвержденій этому. Только по третьему разряду кустарей (обработывающіе металлы) оказывается соотвѣтствіе въ распредѣленіи добычи сырья и его обработки кустарями: въ 4-хъ уѣздахъ, въ которыхъ добываютъ 70,6% чугуна и желѣза, сосредоточено 70% кустарей этого разряда. Но здѣсь сырье является уже само продуктомъ крупной горнозаводской промышленности, имѣющей, какъ увидимъ, „свои взгляды" на „кустаря".

II.

«Кустарь» и наемный трудъ.

Перейдемъ къ изложенію данныхъ о наемномъ трудѣ въ кустарныхъ промыслахъ Пермской губерніи. Не повторяя приведенныхъ выше абсолютныхъ цифръ, ограничимся указаніемъ на наиболѣе интересныя процентныя отношенія:

	Группа I.				Группа II.				Итого.
	Подгруппы.			Всего.	Подгруппы.			Всего.	
	1	2	3		1	2	3		
Проценты заведеній. Съ наемными рабочими.	30,6	17,4	24,1	23,6	37,8	24,4	36,1	34,2	26,9
Проценты заведеній. Только съ наемными рабочими	1,3	1,2	0,7	1,1	1,6	1,4	0,3	1,0	1,1
Проценты заведеній. Съ 6 и болѣе наемными рабочими.	2,0	0,1	1,4	1,1	1,3	0,8	0,4	0,8	0,9
Наемныхъ рабочихъ	29,4	14,1	23,2	22,7	31,2	29,3	27,4	28,3	24,5
Число рабочихъ въ средн. на 1 заведеніе. Семейныхъ	1,8	1,5	1,9	1,6	1,7	1,4	1,6	1,6	1,6
Число рабочихъ въ средн. на 1 заведеніе. Наемныхъ	0,75	0,23	0,57	0,48	0,78	0,43	0,63	0,63	0,52
Число рабочихъ въ средн. на 1 заведеніе. Всего	2,6	1,7	2,5	2,1	2,5	1,8	2,2	2,2	2,1
Процентъ заведеній, имѣющихъ 3 и болѣе семейныхъ рабочихъ	20,3	20,9	20,9	15,1	18,5	8,6	14,3	14,6	14,9

Мы видимъ, слѣд., что процентъ наемныхъ рабочихъ *больше* у неземледѣльцевъ, чѣмъ у земледѣльцевъ, и что различіе это *главнымъ образомъ* зависитъ отъ 2-ой подгруппы: у ремесленниковъ-земледѣльцевъ процентъ наемныхъ рабочихъ — 14%, а у неземледѣльцевъ — 29,3%, т.-е. болѣе чѣмъ въ два раза больше. По остальнымъ двумъ подгруппамъ процентъ наемныхъ рабочихъ немногимъ выше во II-ой группѣ сравнительно съ I-й. Было уже замѣчено, что это явленіе есть результатъ большей неразвитости капитализма въ земледѣльческомъ населеніи. Пермскіе народники, какъ и всѣ другіе народники, объявляютъ это, разумѣется, преимуществомъ земледѣльцевъ. Не вступая здѣсь въ споръ по общему вопросу, можно-ли неразвитость и отсталость данныхъ общественно-хозяйственныхъ отношеній считать преимуществомъ, мы замѣтимъ лишь, что изъ данныхъ, приводимыхъ ниже, будетъ видно, что это преимущество земледѣльцевъ состоитъ въ полученіи низкаго заработка.

Интересно отмѣтить, что разница *между группами* по употребленію наемнаго труда оказывается меньше, чѣмъ разница *между подгруппами одной группы*. Другими словами, экономическій строй промышленности (ремесленники—товаропроизводители—рабочіе скупщиковъ) сильнѣе вліяетъ на степень употребленія наемнаго труда, чѣмъ

связь съ земледѣліемъ или отсутствіе этой связи. Напр., мелкій товаропроизводитель-земледѣлецъ болѣе походитъ на мелкаго товаропроизводителя—неземледѣльца, чѣмъ на земледѣльца—ремесленника. Процентъ наемныхъ рабочихъ въ 1-й подгруппѣ равенъ для I-ой группы—29,4%, а для II-ой—31,2%, тогда какъ во 2-ой подгруппѣ I-й группы только 14,1%. Точно также работающій на скупщика земледѣлецъ болѣе походитъ на неземледѣльца, работающаго на скупщика (23,2% наемныхъ рабочихъ и 27,4%), чѣмъ на земледѣльца—ремесленника. Это указываетъ намъ на то, какъ общее господство въ странѣ товарно-капиталистическихъ отношеній нивеллируетъ земледѣльца и неземледѣльца, участвующихъ въ промышленности. Данные о доходахъ кустарей укажутъ эту нивеллировку еще рельефнѣе. 2-ая подгруппа является, какъ уже замѣчено, исключеніемъ; но если вмѣсто данныхъ о процентѣ наемныхъ рабочихъ взять данныя о числѣ наемныхъ рабочихъ, приходящемся въ среднемъ на 1 заведеніе, то мы увидимъ, что ремесленники — земледѣльцы ближе стоятъ къ ремесленникамъ — неземледѣльцамъ (0,23 и 0,43 наемныхъ рабочихъ на 1 заведеніе), чѣмъ къ земледѣльцамъ другихъ подгруппъ. Средній составъ одного заведенія у ремесленниковъ въ обѣихъ группахъ почти одинаковъ (1,7 и 1,8 человѣкъ на заведеніе), тогда какъ по подгруппамъ каждой группы этотъ составъ колеблется очень сильно (I : 2,6 и 1,7; II : 2,5 и 1,8).

Данныя о среднемъ составѣ заведенія въ каждой подгруппѣ указываютъ также на тотъ интересный фактъ, что у ремесленниковъ обѣихъ группъ этотъ составъ наименьшій: 1,7 и 1,8 рабочихъ на мастерскую. Среди ремесленниковъ, значитъ, преобладаетъ наиболѣе разрозненное производство, наибольшая обособленность единичныхъ производителей, наименьшее примѣненіе коопераціи въ производствѣ. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стоятъ въ обѣихъ группахъ первыя подгруппы, т.-е. хозяйчики, работающіе на вольную продажу. Составъ мастерской здѣсь наибольшій (2,6 и 2,5 чел.); многосемейныхъ кустарей здѣсь всего больше (именно съ 3-мя и болѣе семейными рабочими 20,3% и 18,5%; маленькое исключеніе 3-я подгруппа I-ой группы съ 20,9%); рядомъ съ этимъ употребленіе наемнаго труда всего больше (0,75 и 0,78 наемниковъ на мастерскую); крупныхъ заведеній всего больше (2,0% и 1,3% заведеній съ 6 и болѣе наемн. раб.). Слѣд., кооперація въ производствѣ примѣняется здѣсь въ наиболѣе обширныхъ размѣрахъ, и достигается это наибольшимъ употребленіемъ наемнаго труда при наибольшемъ семейномъ составѣ (1,8 и 1,7 семейныхъ рабочихъ на заведеніе; небольшое исключеніе 3-я подгруппа 1-й группы съ 1,9 чел.).

Это послѣднее обстоятельство подводитъ насъ къ весьма важному вопросу о взаимоотношеніи семейнаго и наемнаго труда у „кустарей“, заставляя усомниться въ правильности господствующихъ народническихъ доктринъ, будто наемный трудъ въ кустарномъ производствѣ только „восполняетъ“ семейный. Пермскіе народники поддерживаютъ это мнѣніе, разсуждая на стр. 55-й, что „отождествленіе интересовъ кустарничества и кулачества“ опровергается тѣмъ, что самые зажиточные кустари (1-я группа) имѣютъ наибольшій семейный составъ, тогда какъ, „еслибы кустарь тяготѣлъ только къ наживѣ, единственному импульсу кулачества, а не къ упроченію и развитію своего про-

изводства, пользуясь всѣми силами своей семьи, то мы вправѣ были-бы ожидать въ этой подгруппѣ заведеній наименьшаго процента, опредѣляющаго число семьянъ, отдавшихъ свой трудъ производству" (?!). Странное заключеніе! Какъ же можно дѣлать выводы о роли „личнаго трудового участія", не касаясь данныхъ о наемномъ трудѣ? Еслибы зажиточность многосемейныхъ кустарей не выражала кулаческихъ тенденцій, тогда мы видѣли бы у нихъ *наименьшій* процентъ наемныхъ рабочихъ, *наименьшій* процентъ заведеній съ наемными рабочими, *наименьшій* процентъ заведеній съ крупнымъ числомъ рабочихъ (болѣе пяти), *наименьшее* число рабочихъ, приходящееся въ среднемъ на одно заведеніе. На самомъ дѣлѣ самые зажиточные кустари (1 подгруппа) занимаютъ *во всѣхъ этихъ отношеніяхъ первое* мѣсто, *а не послѣднее*, и это при наибольшемъ составѣ семей и семейныхъ рабочихъ, при наибольшемъ процентѣ кустарей съ 3-мя и болѣе семейными рабочими! Ясно, что факты говорятъ какъ разъ обратное тому, что хочетъ навязать имъ народникъ: кустарь стремится именно къ наживѣ путемъ кулачества; онъ пользуется большой зажиточностью (однимъ изъ условій которой является многосемейность) для *бо́льшаго* употребленія наемнаго труда. Будучи поставленъ лучше другихъ кустарей по числу семейныхъ рабо́чихъ, онъ пользуется этимъ для вытѣсненія остальныхъ, прибѣгая къ *наибольшему* найму рабочихъ. „Семейная кооперація", о которой такъ елейно любятъ говорить гг. В. В. и другіе народники (ср. „Куст. пром." I, с. 14), является залогомъ развитія капиталистической коопераціи. Это покажется, конечно, парадоксомъ для читателя, привыкшаго къ народническимъ предразсудкамъ, но это—фактъ. Чтобы имѣть точныя данныя по этому вопросу, надо бы знать не только распредѣленіе заведеній по числу семейныхъ и по числу наемныхъ рабочихъ (что дано въ „Очеркѣ"), но также *комбинацію* семейнаго и наемна́го труда. Подворныя свѣдѣнія давали полную возможность произвести такую комбинацію, подсчитать число заведеній съ 1, 2 и т. д. наемными рабочими въ каждомъ разрядѣ заведеній по числу семейныхъ рабочихъ. Къ сожалѣнію, этого не сдѣлано. Чтобы восполнить хотя нѣсколько этотъ пробѣлъ, обратимся къ вышеуказанному сочиненію: „Куст. пром. и т. д.". Здѣсь приведены именно комбинаціонныя таблицы заведеній по числу семейныхъ и наемныхъ рабочихъ. Таблицы даны по 5 промысламъ, обнимая всего 749 заведеній съ 1945 рабочими (н. соч. I, с. 59, 78, 160; III, с. 87 и 109). Чтобы проанализировать эти данныя по интересующему насъ вопросу о взаимоотношеніи семейнаго и наемнаго труда, мы должны разбить всѣ заведенія на группы по общему числу рабочихъ (ибо именно общее число рабочихъ показываетъ величину мастерской и степень примѣненія коопераціи въ производствѣ) и опредѣлить роль семейнаго и наемнаго труда въ каждой группѣ. Беремъ 4 группы: 1) заведенія съ 1 рабочимъ; 2) съ 2—4 раб.; 3) съ 5—9 раб.; 4) съ 10 и болѣе рабочими. Такое дѣленіе, по общему числу рабочихъ, тѣмъ болѣе необходимо, что заведенія, напр., съ 1 рабочимъ и съ 10 представляютъ изъ себя, очевидно, совершенно различные экономическіе типы; соединять ихъ вмѣстѣ и выводить „среднія" было бы совершенно нелѣпымъ пріемомъ, какъ это мы увидимъ ниже на данныхъ „Очерка". Указанна́я группировка даетъ такія данныя: (см. таблицу на слѣдующей страницѣ).

Группы заведеній по общему числу рабочихъ:	Число заведеній.	Число рабочихъ.			Число заведеній съ наемн. рабоч.	% ихъ.	На 1 заведеніе приходится рабочихъ.		
		Семейныхъ.	Наемныхъ.	Всего.			Семейныхъ.	Наемныхъ.	Всего.
Заведенія съ 1 раб.	345	343	2	345	2	0,5	0,995	0,005	1,00
„ съ 2—4 „	319	559	251	810	143	44,8	1,76	0,78	2,54
„ „ 5—9 „	59	111	249	360	53	89,8	1,88	4,22	6,10
„ съ 10 и бол. „	26	56	374	430	26	100	2,15	14,38	16,53
Всего . . .	749	1.069	876	1.945	224	29,9	1,43	1,16	2,59

Такимъ образомъ эти детальныя данныя вполнѣ подтверждаютъ высказанное выше, парадоксальное съ перваго взгляда, положеніе: чѣмъ больше размѣръ заведенія по общему числу рабочихъ, тѣмъ больше семейныхъ рабочихъ приходится на 1 заведеніе, тѣмъ шире, слѣд., „семейная кооперація", но вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется и капиталистическая кооперація и расширяется несравненно быстрѣе. Болѣе зажиточные кустари, несмотря на обладаніе большимъ числомъ семейныхъ рабочихъ, нанимаютъ еще по многу наемныхъ рабочихъ: „семейная кооперація" является залогомъ и основаніемъ *капиталистической коопераціи.*

Посмотримъ на данныя переписи 1894—5 года о семейномъ и наемномъ трудѣ. По числу семейныхъ рабочихъ заведенія распредѣляются такъ:

		Въ %
Заведеній съ 0 семейныхъ рабочихъ . . .	97	1,1
„ „ 1 „ „ . .	4.787	53,2
„ „ 2 „ „ . .	2.770	30,8
„ „ 3 „ „ . .	898	10,0
„ „ 4 „ „ . .	279	3,1
„ „ 5 и больше „ . .	160	1.8
Всего	8.991	100

Надо отмѣтить здѣсь преобладаніе одиночекъ: ихъ болѣе половины. Еслибы мы допустили даже, что всѣ заведенія, соединяющія семейный и наемный трудъ, имѣютъ не болѣе одного семейнаго рабочаго, то и тогда оказалось бы, что полныхъ одиночекъ $2^1/_2$ тысячи. Это—представители самыхъ разрозненныхъ производителей, представители наибольшаго разобщенія мелкихъ мастерскихъ, — разобщенія

свойственнаго вообще хваленому „народному производству“. Посмотримъ на противоположный полюсъ, на самыя крупныя мастерскія:

			Въ %.		Число наемныхъ рабочихъ *).		На 1 заведеніе наемныхъ рабочихъ.	
Заведенія съ 0 наем. раб.	6.567		73,1		—		—	
„ „ 1 „ „	1.537		17,2		1.537		1	
„ „ 2 „ „	457		5,1		914		2	
„ „ 3 „ „	213		2,3		639		3	
„ „ 4 „ „	88		0,9		352		4	
„ „ 5 „ „	44		0,5		220		5	
„ „ 6—9 „ „	41	} 85	0,4	} 0,9	290	} 1.242	7.7	} 14.6
„ „ 10 и болѣе „	44		0,5		952		21.7	
Всего . .	8.991		100		4.094		0,5	

Такимъ образомъ „мелкія“ заведенія кустарей достигаютъ иногда внушительныхъ размѣровъ: въ 85 наиболѣе крупныхъ заведеніяхъ сосредоточена почти четвертая часть всего числа наемныхъ рабочихъ; въ среднемъ одно такое заведеніе имѣетъ по 14,6 частныхъ рабочихъ. Это уже фабриканты, владѣльцы капиталистическихъ заведеній**). Кооперація на капиталистическихъ началахъ находитъ себѣ здѣсь солидное примѣненіе: при 15-ти рабочихъ на заведеніе возможно и раздѣленіе труда въ болѣе или менѣе значительномъ размѣрѣ, достигается большая экономія въ помѣщеніи и инструментахъ при болѣе богатомъ и разнообразномъ количествѣ ихъ. Заготовка сырья и сбытъ продукта необходимо совершается здѣсь въ крупныхъ размѣрахъ, что въ значительной степени удешевляетъ сырые матеріалы, расходы на доставку, облегчаетъ сбытъ, даетъ возможность правильныхъ коммерческихъ сношеній. Ниже, приводя свѣдѣнія о доходахъ, мы увидимъ подтвержденіе этого переписью 1894/5 года. Здѣсь же достаточно указать на эти общеизвѣстныя теоретическія положенія. Понятно отсюда, что и техническая и экономическая физіономія такихъ заведеній радикально отличается отъ мастерскихъ одиночекъ, и нельзя не подивиться тому, что пермскіе статистики рѣшились тѣмъ не менѣе *соединять* ихъ вмѣстѣ и выводить общія „среднія“. Уже а priori можно сказать, что такія среднія будутъ совершенно фиктивны, и что разработка подворныхъ данныхъ необходимо должна была, помимо раздѣленія кустарей на группы и подгруппы, привести раздѣленіе ихъ на категоріи по числу рабочихъ въ заведеніи (и семейныхъ и наемныхъ вмѣстѣ). Безъ такого раздѣленія немыслимо получить точныя данныя ни о доходахъ, ни объ условіяхъ закупки сырья и сбыта продуктовъ, ни о техникѣ производства, ни о положеніи наемныхъ рабочихъ сравнительно съ одиночками, ни о соотношеніи крупныхъ и мелкихъ мастерскихъ,—а это все важнѣйшіе вопросы по изученію экономики „кустарничества“. Пермскіе изслѣдователи пытаются, разумѣется, ослабить значеніе капиталистическихъ мастерскихъ. Если есть заведенія съ 5 и болѣе семейными рабочими, — разсуждаютъ они,—значитъ, конкуренція „капиталистической“ и „ку-

---

*) Вычислено по даннымъ „Очерка“ (стр. 54 и общее число наемныхъ рабочихъ).

**) Изъ нашихъ „фабрикъ и заводовъ“ (такъ называемыхъ въ оффиціальной статистикѣ) громадное большинство имѣетъ менѣе 16 рабочихъ, именно 15 тыс. изъ 21 тыс. См. „Указатель фабрикъ и заводовъ за 1890 г.“.

старной формы производства“ (sic!) можетъ имѣть значеніе лишь тогда, когда въ заведеніи болѣе пяти наемныхъ рабочихъ, а такихъ заведеній всего 1%. Разсужденіе чисто искусственное: во 1-хъ, заведенія съ 5 сем. и съ 5 наемн. рабочими—пустая абстракція, обязанная своимъ существованіемъ недостаточной разработкѣ данныхъ, ибо наемный трудъ комбинируется съ семейнымъ. Заведеніе съ 3 сем. рабочими, нанимая еще 3-хъ рабочихъ, будетъ имѣть болѣе 5 рабочихъ и стоять совсѣмъ въ особыхъ условіяхъ конкуренціи сравнительно съ одиночками. Во 2-хъ, если статистики дѣйствительно желали изслѣдовать вопросъ о „конкуренціи“ отдѣльныхъ заведеній, различающихся по употребленію наемнаго труда, то отчего бы имъ не обратиться къ даннымъ подворной переписи? отчего бы не сгруппировать заведенія по числу рабочихъ и привести цифры доходности? не умѣстнѣе ли было бы со стороны статистиковъ, имѣющихъ въ рукахъ богатѣйшій матеріалъ, фактическое изученіе вопроса, чѣмъ преподнесеніе читателю всякой отсебятины и торопливость перейти отъ фактовъ къ „сраженію“ враговъ народничества?

„...Съ точки зрѣнія сторонниковъ капитализма этотъ процентъ, быть можетъ, будетъ признанъ достаточнымъ для предсказаній о неминуемомъ вырожденіи кустарной формы въ капиталистическую, но въ дѣйствительности онъ никакого въ данномъ отношеніи угрожающаго симптома не представляетъ, въ особенности въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ“ (с. 57)...

Неправда-ли, какъ это мило! Вмѣсто того, чтобы потрудиться выбрать изъ имѣющагося подъ руками матеріала точныя данныя *о капиталистическихъ* заведеніяхъ, авторы *сложили* эти заведенія вмѣстѣ съ одиночками и пускаются возражать какимъ-то предсказателямъ!“ — Не знаемъ, что стали бы „предсказывать“ какіе-то непріятные для пермскихъ статистиковъ „сторонники капитализма“, а мы, съ своей стороны, скажемъ лишь, что всѣ эти фразы только прикрываютъ попытку отвернуться отъ фактовъ. А факты говорятъ, что никакой особой „кустарной формы производства“ нѣтъ (это вымыселъ „кустарныхъ“ экономистовъ), что изъ мелкихъ товаропроизводителей выростаютъ крупныя капиталистическія заведенія (въ таблицахъ мы встрѣтили кустаря съ 65 наемными рабочими! стр. 169), что обязанностью изслѣдователей было такъ группировать данныя, чтобы мы могли изслѣдовать этотъ процессъ, сравнить различныя заведенія *по мѣрѣ приближенія ихъ къ капиталистическимъ*. Пермскіе статистики не только сами этого не сдѣлали, но и насъ лишили возможности это сдѣлать, ибо въ таблицахъ всѣ заведенія данной подгруппы сложены вмѣстѣ, и выдѣлить фабриканта отъ одиночки нельзя. Свой пробѣлъ составители прикрываютъ пустяковинными сентенціями. Крупныхъ заведеній, изволите видѣть, всего 1%, и за исключеніемъ ихъ выводы, сдѣланные на основаніи 99%, не измѣнятся (с. 56).—Но вѣдь этотъ одинъ процентъ, эта одна сотая не равна другимъ сотымъ! Одно крупное заведеніе покрываетъ болѣе 15-ти заведеній тѣхъ одиночекъ, которые даютъ болѣе 30-ти „сотыхъ“ (отъ всего числа заведеній)! Это расчетъ по числу рабочихъ. А если бы взять данныя о валовомъ производствѣ, или о чистой доходности, то оказалось бы, что одно крупное заведеніе покрываетъ не 15. а, мо-

жетъ быть, 30 заведеній *). Въ этой „одной сотой“ заведеній сосредоточена *четверть* всѣхъ наемныхъ рабочихъ, что даетъ въ среднемъ на 1 заведеніе 14,6 рабочихъ. Чтобы иллюстрировать нѣсколько для читателя эту послѣднюю цифру, возьмемъ цифры „Свода данныхъ о фабричной заводской промышленности въ Россіи“ (изданіе департамента торговли и мануфактуръ) по Пермской губерніи. Такъ какъ цифры сильно колеблются по годамъ, то беремъ среднее за 7 лѣтъ (1885—1891). Получаемъ цифру „фабрикъ и заводовъ“ (въ смыслѣ нашей оффиціальной статистики) въ Пермской губерніи 885 съ производствомъ на сумму 22.645 тыс. р. и съ 13.006 рабочими, что даетъ въ „среднемъ“ на 1 фабрику именно 14,6 рабочихъ.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія, что крупныя заведенія не имѣютъ важнаго значенія, составители „Очерка“ ссылаются на то, что изъ числа наемныхъ рабочихъ у кустарей очень немного годовыхъ рабочихъ (8%), большинство же задѣльщики (37%), сроковые (30%) и поденные (25%, стр. 51). Задѣльщики „обыкновенно работаютъ у себя на дому, своими собственными инструментами, на своихъ харчахъ“, а поденщики приглашаются „временно“, подобно сельскохозяйственнымъ рабочимъ. При такихъ условіяхъ, „относительно большое число наемныхъ рабочихъ не служитъ еще для насъ несомнѣннымъ признакомъ капиталистическаго типа этихъ заведеній“ (56)... „Ни задѣльщикъ, ни поденщикъ вообще, по нашему убѣжденію, не создаютъ кадровъ рабочаго класса, подобнаго западно-европейскому пролетаріату; такими кадрами могутъ быть только постоянные годовые рабочіе“.

Мы не можемъ не похвалить пермскихъ народниковъ за то, что они интересуются вопросомъ объ отношеніи русскихъ наемныхъ рабочихъ къ „западно-европейскому пролетаріату“. Вопросъ интересный, что и говорить! Но мы всетаки предпочли бы слышать отъ статистиковъ утвержденія, основанныя на фактахъ, а не на „убѣжденіи“. Не всегда вѣдь заявленіе своего „убѣжденія“ можетъ убѣдить другихъ... Не лучше ли было бы, вмѣсто того, чтобы разсказывать читателю объ „убѣжденіи“ гг. NN и ММ., сообщить побольше фактовъ? А то вотъ фактовъ о положеніи наемныхъ рабочихъ, объ условіяхъ труда, о рабочемъ днѣ въ заведеніяхъ разной величины, о семьяхъ наемныхъ рабочихъ и т. д. сообщено въ „Очеркѣ“ до невѣроятія мало. Если бы разсужденія объ отличіи русскихъ рабочихъ отъ западно-европейскаго пролетаріата служили только для прикрытія этого пробѣла, то намъ пришлось бы взять назадъ свою похвалу...

Все, что мы знаемъ изъ „Очерка“ о наемныхъ рабочихъ, это — дѣленіе ихъ на 4 категоріи: годовые, сроковые, задѣльщики и поденщики. Для ознакомленія съ этими категоріями приходится обратиться къ даннымъ, разбросаннымъ по книгѣ. По 29 промысламъ (изъ 43) указано число рабочихъ каждой категоріи и заработокъ ихъ. Въ этихъ 29 промыслахъ 4,795 наемныхъ рабочихъ съ заработкомъ въ 233.784 рубля. Во всѣхъ же 43 промыслахъ 4.904 наем. рабочихъ

*) Ниже будутъ приведены данныя о распредѣленіи заведеній по чистой доходности. По этимъ даннымъ, въ 2.376 заведеніяхъ съ минимальнымъ доходомъ (до 50 руб.) чистый доходъ=77.900 руб., а въ 80 заведеніяхъ съ максимальнымъ доходомъ=83.150 руб. На 1 „заведеніе“ это даетъ 32 р. и 1.039 р.

съ заработкомъ въ 238.992 руб. Значитъ, наша сводка обнимаетъ 98% наемныхъ рабочихъ и ихъ заработка. Вотъ en regard, цифры „Очерка“ *) и нашей сводки:

	Число наемныхъ рабочихъ по «Очерку».	%.	Цифры сводки. число наем. рабочихъ.	%	Заработокъ ихъ всего руб.	на 1-го рабочаго.	%**).
Годовые	379	8	351	7,4	26,978	76,8	100
Сроковые	1,496	30	1,432	29,8	40,958	28,6	37
Задѣльные	1,812	37	1,577	32,9	92,357	58,5	76,1
Поденные	1,217	35	1,435	29,9	73,491	51,2	66,7
Всего	4,904	100	4,975	100	233,684	48,7	

Оказывается, что въ сводкѣ „Очерка“ есть либо ошибки, либо опечатки. Но это—мимоходомъ. Главный интересъ — данныя о заработкѣ. Заработокъ задѣльщиковъ, про которыхъ въ „Очеркѣ“ говорится, что „задѣльный трудъ въ сущности есть ближайшая стадія на пути къ хозяйской самостоятельности“ (с. 51—тоже, вѣроятно, „по нашему убѣжденію“?),—оказывается *значительно ниже* заработка годового рабочаго. Если утвержденіе статистиковъ, что годовой рабочій обыкновенно живетъ на хозяйскихъ харчахъ, а задѣльщикъ на своихъ, основано не только на ихъ „убѣжденіи“, но и на фактахъ, то эта разница будетъ еще больше. Страннымъ же образомъ пермскіе кустари-хозяева обезпечиваютъ своимъ рабочимъ „путь къ самостоятельности!“ Это обезпеченіе состоитъ въ *пониженіи заработной платы*... Колебанія рабочаго періода, какъ увидимъ, не такъ велики, чтобы объяснить эту разницу. Далѣе, весьма интересно отмѣтить, что заработокъ поденщика составляетъ 66,7% заработка годового рабочаго. Слѣд., каждый поденщикъ занятъ, въ среднемъ, около 8 мѣсяцевъ въ году. Очевидно, что тутъ гораздо правильнѣе было бы говорить о „временномъ“ отвлеченіи отъ промышленности (если поденщики дѣйствительно сами отвлекаются отъ промышленности. а не хозяинъ оставляетъ ихъ безъ работы), чѣмъ о „господствующемъ временномъ элементѣ наемнаго труда“ (с. 52).

III.

„Общинно-трудовя преемственность“.

Большой интересъ представляетъ собранныя кустарной переписью почти о всѣхъ изслѣдованныхъ заведеніяхъ свѣдѣнія о времени возникновенія ихъ. Вотъ общія данныя объ этомъ:

Число заведеній, основанныхъ до 1845 года	640
въ 1845 -55 гг.	251
„ 1855—65 „	533
„ 1865—75 „	1,339
„ 1875—85 „	2,652
„ 1885—95 „	3,469
Всего	8,884

*) с. 50. Въ „Очеркѣ“ не сведены данныя о величинѣ заработка.
**) Заработокъ годового рабочаго принятъ за 100.

Мы видимъ, слѣд., что пореформенная эпоха вызвала особое развитіе кустарной промышленности. Условія, благопріятствующія этому развитію дѣйствовали и дѣйствуютъ, видимо, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе, ибо въ каждое послѣдующее десятилѣтіе открывается все больше и больше заведеній. Это явленіе наглядно свидѣтельствуетъ о той силѣ, съ которой идетъ въ крестьянствѣ развитіе товарнаго производства, отдѣленіе земледѣлія отъ промышленности, ростъ торговли и промышленности вообще. Мы говоримъ: „отдѣленіе земледѣлія отъ промышленности“, ибо это отдѣленіе начинается раньше, чѣмъ отдѣленіе земледѣльцевъ отъ промышленниковъ: всякое предпріятіе, производящее продукты на рынокъ, вызываетъ обмѣнъ между земледѣльцами и промышленниками. Слѣдовательно, появленіе такого предпріятія означаетъ прекращеніе домашней выдѣлки продукта земледѣльцами и покупку его на рынкѣ, а эта покупка требуетъ продажи крестьяниномъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Ростъ числа торговопромышленныхъ предпріятій знаменуетъ такимъ образомъ растущее общественное раздѣленіе труда, это общее основаніе товарнаго хозяйства и капитализма *).

Въ народнической литературѣ высказывалось мнѣніе, что быстрое развитіе послѣ реформы *мелкаго производства* въ промышленности означаетъ явленіе некапиталистическаго характера. Разсуждали такъ, что ростъ мелкаго производства доказываетъ его силу и жизненность по сравненію съ крупными (г. В. В.). Разсужденіе это совершенно неправильно. Ростъ мелкаго производства въ крестьянствѣ означаетъ появленіе новыхъ производствъ, выдѣленіе новыхъ отраслей обработки сырья въ самостоятельныя сферы промышленности, прогрессъ въ общественномъ раздѣленіи труда, начальный процессъ капитализма, тогда какъ поглощеніе мелкихъ заведеній крупными означаетъ уже дальнѣйшій шагъ капитализма, ведущій къ побѣдѣ высшихъ формъ его. Распространеніе мелкихъ заведеній въ крестьянствѣ расширяетъ товарное хозяйство, подготовляетъ почву для капитализма (создавая мелкихъ хозяйчиковъ и наемныхъ рабочихъ), а поглощеніе мелкихъ заведеній мануфактурой и фабрикой есть утилизація крупнымъ капиталомъ этой подготовленной почвы. Совмѣщеніе въ одной странѣ въ одно время двухъ этихъ, повидимому, противорѣчивыхъ процессовъ на самомъ дѣлѣ не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія: вполнѣ естественно, что капитализмъ въ болѣе развитой области страны или въ болѣе развитой области промышленности прогрессируетъ тѣмъ, что стягиваетъ мелкихъ кустарей на механическую фабрику, тогда какъ въ захолустныхъ мѣстностяхъ или въ отсталыхъ отрасляхъ промышленности процессъ развитія капитализма только начинается, проявляясь въ возникновеніи новыхъ производствъ и промысловъ. Капиталистическая мануфактура „овладѣваетъ національнымъ производствомъ лишь очень постепенно, основываясь всегда на городскомъ ремеслѣ и сельскихъ домашнихъ побочныхъ промыслахъ, какъ на широкомъ базисѣ (Hintergrund). Уничтожая эти побочные промыслы

*) Поэтому, если бы нападки г. Н—она на отдѣленіе промышленности отъ земледѣлія не были платоническими воздыханіями романтика, то онъ долженъ бы былъ оплакивать и появленіе каждаго кустарнаго заведенія.

въ одной ихъ формѣ, въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности, на извѣстныхъ пунктахъ, она вызываетъ ихъ снова къ жизни на другихъ“ (Das Kapital, I², s. 779).

Въ „Очеркѣ“ данныя о времени возникновенія заведеній разработаны тоже недостаточно: даны лишь поуѣздныя свѣдѣнія, а по группамъ и подгруппамъ свѣдѣній о времени возникновенія заведеній не сообщено; нѣтъ также и другихъ группировокъ (по размѣру заведеній, по мѣсту нахожденія заведеній въ центрѣ промысла или въ окрестныхъ селеніяхъ и т. п.). Не разработавъ данныхъ переписи даже по принятымъ ими самими группамъ и подгруппамъ, пермскіе народники и здѣсь сочли нужнымъ преподнести читателю сентенціи, поражающія своей ультра-народнической елейностью и... вздорностью. Пермскіе статистики сдѣлали открытіе, что въ „кустарной формѣ производства“ существуетъ особая „форма преемственности“ заведеній, именно „общинно-трудовая“, тогда какъ въ капиталистической промышленности господствуетъ „наслѣдственно-имущественная преемственность“, что „общинно-трудовая преемственность органически превращаетъ наемнаго рабочаго въ самостоятельнаго хозяина“ (sic!), выражаясь въ томъ, что когда умираетъ хозяинъ заведенія, не оставляя среди наслѣдниковъ семейныхъ рабочихъ, то промыселъ переходитъ въ другую семью, „быть можетъ, наемному рабочему въ томъ же заведеніи“, а также въ томъ, что „общинное землевладѣніе и хозяину кустарно-промышленнаго предпріятія и его наемному рабочему одинаково гарантируетъ трудовую промышленную самостоятельность“ (с. 7, 68 и др.).

Мы не сомнѣваемся, что это сочиненное пермскими народниками „общинно-трудовое начало преемственности кустарныхъ промысловъ“ займетъ надлежащее мѣсто въ будущей исторіи литературы рядомъ съ такой же сладенькой теоріей гг. В. В., Н.—она и пр. о „народномъ производствѣ“. Обѣ теоріи—одного пошиба, обѣ подкрашиваютъ и извращаютъ дѣйствительность посредствомъ маниловскихъ фразъ. Всякій знаетъ, что и у кустарей заведенія, матерьялы, орудія и пр. составляютъ находящееся въ частной собственнности *имущество*, переходящее по *наслѣдству*, а вовсе не по какому-то общинному праву, что община нисколько не гарантируетъ самостоятельности не только въ промышленности, но даже въ земледѣліи, что внутри общины идетъ такая же хозяйственная борьба и эксплоатація, какъ и внѣ ея. Въ особую теорію „общинно-трудового начала“ превращенъ тотъ простой фактъ, что мелкій хозяйчикъ, при небольшомъ капитальцѣ, долженъ трудиться и самъ, что наемный рабочій *можетъ* сдѣлаться хозяиномъ (конечно, если будетъ бережливъ и воздерженъ), чему и бываютъ примѣры, сообщаемые въ „Очеркѣ“ на стр. 69. ...Всѣ теоретики мѣщанства всегда утѣшались тѣмъ, что въ мелкомъ производствѣ рабочій *можетъ* стать хозяиномъ, и всѣ они никогда не шли въ своихъ идеалахъ дальше того, чтобы превратить рабочихъ въ хозяйчиковъ. Въ „Очеркѣ“ дѣлается даже попытка указать „статистическія данныя, констатирующія начало общинно-трудовой преемственности“ (45). Данныя относятся къ кожевенному промыслу. Изъ 149 заведеній 90 (т.-е. 70%) основаны послѣ 1870 года, между тѣмъ въ 1869 г. кустарныхъ кожевенъ считалось 161 (по списку на-

селенныхъ мѣстъ"), а въ 1895—153. Значитъ, промыселъ переходилъ изъ однѣхъ семей въ другія, въ чемъ и усматривается „принципъ общинно-трудовой преемственности". Само собой разумѣется, что смѣшно и спорить противъ этого желанія видѣть особый „принципъ"въ томъ, что мелкія заведенія легко открываются и закрываются, легко переходятъ изъ рукъ въ руки и т. д. Добавимъ только въ частности о кожевенномъ промыслѣ, что во 1-хъ, данныя о времени возникновенія заведеній въ немъ показываютъ, что онъ развивался значительно *медленнѣе*, чѣмъ остальные промыслы; во 2-хъ, совершенно ненадежно сравненіе 1869-го и 1895-го годовъ, такъ какъ понятіе „кустарной кожевни" постоянно путаютъ съ понятіемъ „кожевенный заводъ". Въ 1860-хъ годахъ громадное большинство „дубильныхъ заводовъ (по статистикѣ фабрикъ и заводовъ) имѣли въ Пермской губерніи сумму производства менѣе 1000 р. (См. „Ежегодникъ М-ва Финансовъ". Вып. 1, Спб. 1869. Таблицы и примѣчанія), тогда какъ въ 1890-хъ годахъ, съ одной стороны, заведенія съ производствомъ менѣе 1000 р. исключались изъ числа фабрикъ и заводовъ; съ другой стороны, въ число „кустарныхъ кожевенъ" попало много заведеній съ производствомъ болѣе 1000 р., попали заводы съ производствомъ въ 5—10 тысячъ руб. и болѣе (стр. 70 „Очерка". Стр. 149, 150 таблицъ). При такой абсолютной неопредѣленности различія между кустарной и заводской кожевней, какое значеніе можетъ имѣть сравненіе данныхъ 1869 и 1895-го года? Въ 3-хъ, если бы даже вѣрно было, что число кожевенъ уменьшилось, развѣ это не могло бы значить, что позакрывалось много мелкихъ заведеній, въ замѣнъ которыхъ пооткрывались постепенно болѣе крупныя? Неужели подобная „смѣна" тоже подтвердила бы „принципъ общинно-трудовой преемственности"?

И въ довершеніе курьеза, всѣ эти сладенькія фразы о „общинно-трудовомъ принципѣ", о „гарантіи общиной трудовой самостоятельности" и т. д. говорится какъ разъ о томъ кожевенномъ промыслѣ, въ которомъ земледѣльцы-кустари представляютъ изъ себя чистѣйшій типъ мелкихъ буржуа (см. ниже) и который гигантски концентрированъ въ *трехъ* крупныхъ заведеніяхъ (заводахъ), попавшихъ въ число кустарей наряду съ одиночками-кустарями и ремесленниками. Вотъ данныя объ этой концентраціи:

Всего въ промыслѣ 148 заведеній. Рабочихъ 267 семейныхъ+172 наемныхъ=439. Сумма производства=151.022 р. Чистый доходъ= =26.207 р. Въ томъ числѣ—3 заведенія, въ коихъ рабочихъ 0 семейныхъ+65 наемныхъ = 65. Сумма производства = 44.275 р. Чистый доходъ=3391 р. (Стр. 70 текста и стр. 149 и 150 таблицъ).

То-есть *три* заведенія изъ 148 („только 2,1%", какъ успокоительно говорится въ „Очеркѣ", стр. 76) концентрируетъ *почти треть* всего производства „кустарнаго кожевеннаго промысла", давая своимъ хозяевамъ тысячные доходы безъ всякаго участія ихъ въ производствѣ. Мы увидимъ ниже много примѣровъ такихъ курьезовъ и по другимъ промысламъ. Но въ описаніи этого промысла авторы „Очерка", въ видѣ исключенія остановились на указанныхъ трехъ заведеніяхъ. Объ одномъ изъ нихъ сообщается, что хозяинъ (земледѣлецъ!) „занятъ, очевидно, только торговыми операціями, имѣя свои кожевенныя лавки въ селѣ Бѣлоярскомъ и г. Екатеринбургѣ" (с.76). Примѣрчикъ

того, какъ капиталъ вложенный въ производство, соединяется съ капиталомъ, вложеннымъ въ торговлю. Къ свѣдѣнію авторовъ „Очерка“, изображающихъ „кулачество“ и торговыя операціи какъ нѣчто наносное, оторванное отъ производства! Въ другомъ заведеніи семья состоитъ изъ 5 человѣкъ мужчинъ, но ни одинъ изъ нихъ не работаетъ: „отецъ занятъ торговыми операціями по своему производству, а сыновья (въ возрастѣ отъ 18 до 53 лѣтъ), всѣ грамотные, пошли, очевидно, по другимъ колеямъ, болѣе привлекательнымъ, чѣмъ перекладываніе кожъ изъ чана въ чанъ и переполаскиваніе ихъ“ (с. 77). Авторы великодушно соглашаются, что эти заведенія „характеръ имѣютъ капиталистическій“, „но на вопросъ о томъ, въ какой степени будущность этихъ предпріятій обезпечена на началахъ наслѣдственно-имущественной передачи, рѣшительный отвѣтъ можетъ дать только само будущее“ (76). О глубокомысліе! „На вопросъ о будущемъ можетъ дать отвѣтъ только будущее“. Святая истина! Но неужели это—достаточное основаніе для того, чтобы извращать настоящее?

IV.

Земледѣліе „кустарей“.

Подворная перепись кустарей-хозяевъ и хозяйчиковъ собрала интересныя данныя о земледѣліи ихъ. Вотъ эти данныя, сведенныя въ „Очеркѣ“ по подгруппамъ:

Подгруппы:	Приходится на 1 дворъ: десятинъ посѣва.	лошадей. *)	коровъ. *)	Процентъ дворовъ. безлошадныхъ.	безкоровныхъ.
1. Товаропроизводители	7,1	2,1	2,2	7,4	5
2. (Ремесленники) .	6,2	1,9	2,1	9,0	6
3. (Работающіе на скупщик.) . . .	4,5	1,4	1,3	61,0	13
Всего	6,3	1,8	2,0	9,5	6

Итакъ, чѣмъ зажиточнѣе кустари, какъ промышленники, тѣмъ состоятельнѣе они, какъ земледѣльцы. Чѣмъ ниже они стоятъ по роли въ производствѣ, тѣмъ ниже они, какъ земледѣльцы. Данныя кустарной переписи вполнѣ подтверждаютъ, слѣдовательно, высказанное уже въ литературѣ мнѣніе, что разложеніе кустарей въ промышленности идетъ рука объ руку съ разложеніемъ тѣхъ же крестьянъ, какъ земледѣльцевъ (*А. Волгинъ.* Обоснованіе народничества и т. д. Стр. 211 и сл.). Такъ какъ наемные рабочіе у кустарей стоятъ еще ниже (или не выше), чѣмъ работающіе на скупщиковъ кустари, то мы вправѣ заключить, что среди нихъ еще больше разоренныхъ земледѣльцевъ. Подворная перепись, какъ уже было замѣчено, не коснулась наемныхъ рабочихъ. Во всякомъ случаѣ и приведенныя данныя наглядно показываютъ, какъ забавно утвержденіе „Очерка“, будто „общинное

---

*) Въ „Очеркѣ“ въ этихъ цифрахъ, видимо, опечатка (см. стр. 58), исправленная нами.

землевладѣніе одинаково гарантируетъ трудовую промышленную самостоятельность и хозяину кустарно-промышленнаго заведенія, и его наемному рабочему".

Отсутствіе детальныхъ данныхъ о земледѣліи одиночекъ, мелкихъ и крупныхъ хозяевъ сказывается на разбираемыхъ данныхъ особенно рѣзко. Чтобы пополнить хотя отчасти этотъ пробѣлъ, мы должны обратиться къ даннымъ по отдѣльнымъ промысламъ; иногда попадаются свѣдѣнія о числѣ земледѣльческихъ рабочихъ у хозяевъ *), но общей сводки этихъ свѣдѣній въ „Очеркѣ" нѣтъ.

Вотъ кожевники-земледѣльцы—131 хозяйство. У нихъ 124 земледѣльческихъ наемныхъ работника; 16,9 дес. посѣва на дворъ и 4,6 лошадей; коровъ по 4,1 (стр. 71). Наемные рабочіе (73 годовыхъ и 51 срочный) получаютъ 2,494 руб. заработной платы, т.-е. по 20,7 р. на одного, тогда какъ средняя плата рабочему въ кожевенномъ промыслѣ составляетъ 52 руб. И здѣсь, слѣд., наблюдается общее всѣмъ капиталистическимъ странамъ явленіе болѣе низкаго положенія рабочихъ въ земледѣліи, чѣмъ въ промышленности. „Кустари"—кожевники, очевидно, чистѣйшій типъ крестьянской буржуазіи, и пресловутое, столь расхваленное народниками, „соединеніе промысла съ земледѣліемъ" состоитъ въ томъ, что зажиточные хозяева торгово-промышленныхъ заведеній переносятъ *капиталъ* изъ торговли и промышленности въ земледѣліе, платя своимъ батракамъ неимовѣрно низкія платы **).

Вотъ кустари-маслобойщики. Земледѣльцевъ изъ нихъ 173. На одно хозяйство приходится 10,1 дес. посѣва, 3,5 лошади и 3,3 коровы. Безлошадныхъ и безкоровныхъ дворовъ нѣтъ. Земледѣльческихъ рабочихъ 98 (годовыхъ и сроковыхъ) съ платою 3.438 руб., т.-е. по 35,1 руб. на одного. „Выбой или жмыхи, получаемые при маслобойномъ производствѣ какъ отбросы, служатъ лучшимъ кормомъ для скота, благодаря чему является возможность вести унавоживаніе полей въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Такимъ образомъ отъ промысла для хозяйства получается тройная выгода: доходъ непосредственно отъ промысла, доходъ отъ скота и лучшіе урожаи въ поляхъ" (164). „Земледѣліе ведется у нихъ (маслобойщиковъ) въ широкихъ размѣрахъ, причемъ многіе не довольствуются душевыми надѣлами, но арендуютъ еще землю у малосильныхъ хозяйствъ" (168). Данныя о распространеніи по уѣздамъ посѣвовъ льна и конопли показываютъ „нѣкоторую связь между величиной посѣвовъ льна и конопли и распространеніемъ маслобойнаго промысла по уѣздамъ губерніи" (170). Торгово-промышленныя предпріятія являются здѣсь, слѣд., т.-назыв.

---

*) Извѣстно, что у крестьянъ нерѣдко и промышленные рабочіе принуждаются исполнять земледѣльческія работы. Ср. „Куст. пром. и т. д." III, стр. 7.

**) Сроковой рабочій въ земледѣліи получаетъ всегда больше половины годовой платы. Положимъ, что здѣсь сроковые рабочіе получаютъ лишь половину платы годового рабочаго. Тогда плата годового рабочаго будетъ $\left(2492:(73+\frac{2}{51}\right)=25{,}5$ руб. По даннымъ д—та земледѣлія, средняя за 10 лѣтъ (1881—1891) зараб. плата сельскому годовому рабочему на хозяйскихъ харчахъ составляетъ въ Пермской губерніи 50 руб.

техническими сельско-хозяйственными производствами, развитіемъ которыхъ всегда характеризуется прогрессъ торговаго и капиталистическаго земледѣлія.

Вотъ мельники-хозяева. Большинство изъ нихъ — земледѣльцы: 385 изъ 421. На одинъ дворъ приходится 11,0 дес. посѣва, 3,0 лошади и 3,5 коровы. Земледѣльческихъ наемныхъ рабочихъ 307 человѣкъ съ платою 6.211 руб. Подобно маслобойному, „мукомольное производство является для хозяевъ мельницъ орудіемъ рыночнаго сбыта продуктовъ ихъ собственнаго хозяйства въ формѣ наиболѣе для нихъ выгодной“ (178).

Кажется, этихъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы показать, какъ нелѣпо понимать подъ „кустаремъ-земледѣльцемъ“ нѣчто однородное, само себѣ равное. Всѣ приведенные земледѣльцы — представители мелкаго буржуазнаго земледѣлія, и соединять такіе типы съ остальнымъ крестьянствомъ, въ томъ числѣ и съ разоренными хозяйствами, значитъ затушевывать самыя характерныя черты дѣйствительности.

Въ заключеніи описанія маслобойнаго промысла составители пытаются возражать противъ „капиталистической доктрины“, объявляющей разслоеніе крестьянъ эволюціей капитализма. Такое положеніе основывается, будто бы, на „совершенно произвольномъ утвержденіи, что указываемое разслоеніе есть фактъ позднѣйшаго времени и представляетъ собой очевидный признакъ быстраго роста въ крестьянской средѣ капиталистическаго режима de facto, не смотря на существованіе общиннаго землевладѣнія de jure“ (176). Составители возражаютъ, что община никогда не исключала и не исключаетъ имущественныхъ разслоеній, но она „не закрѣпляетъ ихъ, не создаетъ классовъ“; „эти переходящія разслоенія съ теченіемъ времени не обострялись, а, напротивъ, постепенно сглаживались“ (177). Разумѣется, подобное утвержденіе, въ доказательство котораго приводятся артели (о нихъ ниже, § VII), семейные раздѣлы (sic!) и земельные передѣлы (!), можетъ вызвать только улыбку. Называть „произвольнымъ“ положеніе о ростѣ и увеличеніи крестьянской дифференціаціи, значитъ, игнорировать общеизвѣстные факты массоваго обезлошадѣнія крестьянъ и забрасыванія земли наряду съ фактами техническаго прогресса въ крестьянскомъ хозяйствѣ“ (ср. „Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ“ г-на В. В.), развитіе здачи и заклада надѣловъ наряду съ ростомъ аренды, увеличеніе числа торгово-промышленныхъ предпріятій наряду съ увеличеніемъ числа отхожихъ промышленниковъ, этихъ бродячихъ наемныхъ рабочихъ и т. д., и т. д.

Подворная перепись кустарей должна была дать богатый матеріалъ по крайне интересному вопросу объ отношеніи доходовъ и заработковъ кустарей-земледѣльцевъ къ доходамъ кустарей неземледѣльцевъ. Всѣ данныя этого рода въ таблицахъ есть, но сводки въ „Очеркѣ“ не дано, и намъ пришлось самимъ предпринять эту сводку по даннымъ книги. Такая сводка основывалась, во-1-хъ, на сводкахъ „Очерка“ по отдѣльнымъ промысламъ. Намъ оставалось лишь складывать данныя о разныхъ промыслахъ. Но эта сводка дана въ табличной формѣ не по всѣмъ промысламъ. Иногда приходилось убѣ-

ждаться, что въ нее вкрались ошибки или опечатки, — естественный результатъ отсутствія провѣрочныхъ итоговъ. Во 2-хъ, сводка основывалась на выборкѣ числовыхъ данныхъ изъ описаній нѣкоторыхъ промысловъ. Въ 3-хъ, при отсутствіи и того и другого источника, приходилось обращаться прямо къ таблицамъ (напр., по послѣднему промыслу: „добыча ископаемыхъ"). Понятно само собой, что подобная разнохарактерность матеріала въ нашей сводкѣ не могла не вести къ ошибкамъ и неточностямъ. Мы полагаемъ, однако, что хотя общіе итоги нашей сводки и не могли сойтись съ итогами таблицы, тѣмъ не менѣе выводы изъ сводки вполнѣ могутъ служить цѣли, ибо среднія величины и отношенія (которыми мы только и пользуемся для выводовъ) измѣнились бы при всякомъ исправленіи крайне незначительно. Напр., по итогамъ таблицъ въ „Очеркѣ" размѣръ валоваго дохода на 1 рабочаго равенъ 134,8 р., а по нашей сводкѣ—133,3 р. Чистый доходъ на 1 семейнаго рабочаго 69,0 р. и 68,0 р. Заработокъ 1 наемнаго рабочаго 48,7 р. и 48,6 р.

Вотъ результаты этой сводки, опредѣляющіе величину валового дохода, чистаго дохода и заработка наемныхъ рабочихъ по группамъ и подгруппамъ: (см. таблицу на слѣдующей страницѣ).

Вотъ главные результаты этой таблицы:

1) Неземледѣльческое промышленное населеніе принимаетъ несравненно большее участіе въ промыслѣ (по сравненію съ своей численностью), чѣмъ земледѣльческое. По числу рабочихъ, неземледѣльцевъ вдвое меньше, чѣмъ земледѣльцевъ. По валовому же производству, они составляютъ почти половину, давая 1.276.772 руб. изъ 2.645.007, т. е. 48,1%. По доходу же отъ производства, т. е. по размѣру чистаго дохода хозяевъ плюсъ заработная плата наемныхъ рабочихъ, неземледѣльцы даже преобладаютъ надъ земледѣльцами, давая 647.666 руб. изъ 1.260.335, т. е. 51,4%. Оказывается, слѣдовательно, что будучи въ меньшинствѣ по числу, неземледѣльцы—промышленники не уступаютъ земледѣльцамъ по величинѣ производства. Фактъ этотъ весьма важенъ для оцѣнки традиціоннаго народническаго ученія о земледѣліи, какъ „главномъ устоѣ", т.-наз. кустарной промышленности.

Изъ этого факта естественно слѣдуютъ и другіе выводы:

2) Валовое производство неземледѣльцевъ (валовой доходъ), по разсчету на 1 рабочаго, значительно выше, чѣмъ земледѣльцевъ: 192, 2 руб. противъ 103,8, т. е. безъ малаго *вдвое* больше. Какъ увидимъ ниже, рабочій періодъ неземледѣльцевъ длиннѣе, чѣмъ земледѣльцевъ, но эта разница далеко не такъ велика, такъ что большая производительность труда у неземледѣльцевъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Меньше всего эта разница въ 3-й подгруппѣ, у кустарей, работающихъ на скупщиковъ, что вполнѣ естественно.

3) Чистый доходъ хозяевъ и хозяйчиковъ у неземледѣльцевъ *болѣе чѣмъ вдвое* выше, чѣмъ у земледѣльцевъ: 113,0 руб. противъ 47,1 руб. (почти въ 1½ раза). Различіе это проходитъ по всѣмъ подгруппамъ, но всего выше оно въ 1-й подгруппѣ, у кустарей, работающихъ на вольную продажу. Само собою разумѣется, что эта разница тѣмъ менѣе можетъ быть объяснена различіемъ рабочихъ періодовъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что эта разница зависитъ отъ

того, что *связь съ землей понижаетъ доходъ промышленниковъ*; рынокъ усчитываетъ доходъ кустарей отъ земледѣлія, и земледѣльцы вынуждены довольствоваться низшимъ заработкомъ. Сюда присоединяются, вѣроятно и бóльшія потери на сбытѣ у земледѣльцевъ, и бóльшіе расходы на закупку матеріаловъ, и бóльшая зависимость отъ торговцевъ. Фактъ во всякомъ случаѣ тотъ, что *связь съ землей понижаетъ заработокъ кустаря*. Намъ нечего распространяться о громадномъ зна-

Группы.	Подгруппы.	Число заведеній.	Число рабочихъ.			Валовой доходъ въ руб.		Чистый доходъ хозяйст. въ руб.		Заработная плата въ руб.		Чистый доходъ и зараб. плата вмѣстѣ.	Число задолжен хозяйствъ.
			Семейныхъ.	Наемныхъ.	Всего.	Всего.	На 1 рабоч.	Всего.	На 1 семейн. р.	Всего.	На 1 наемн. р.		
I	1	2.239	4.122	1.726	5.848	758.493	129,7	204.004	49,5	74.558	43,2	278.562	225
„	2	2.841	4.249	712	4.961	383.441	77,3	186.719	43,9	34.937	49,0	221.656	93
„	3	1.016	1.878	586	2.464	236.301	95,9	91.916	48,9	20.535	35,0	112.451	304
Итого по группѣ . .		6.096	10.249	3.024	13.273	1.378.235	103,8	482.639	47,1	130.030	43,0	612.669	622
II	1	959	1.672	738	2.410	605.509	251,2	220,713	13,2	45.949	62,2	266,662	176
„	2	595	876	272	1.148	178.916	155,0	90.203	102,9	18.404	67,6	108.607	51
„	3	1.320	2.231	852	3.083	492.347	159,0	229.108	102,7	43.289	50,8	272.397	262
Итого по II группѣ. .		2.874	4.779	1.862	6.641	1.276.772	192,2	540.024	113,0	107.642	57,8	647.666	489
ВСЕГО. .		8.970	15.028	4.886	19.914	2.655.007	133,3	1.022.663	68,0	237.672	48,6	1.260.335	1.111

ченіи этого факта, выясняющаго характеръ „власти земли“ въ современномъ обществѣ *).

4) Заработная плата наемныхъ рабочихъ тоже вездѣ выше у неземледѣльцевъ, чѣмъ у земледѣльцевъ, но разница эта далеко не такъ велика, какъ въ доходѣ хозяевъ. Вообще по всѣмъ тремъ подгруппамъ наемный рабочій у хозяина-земледѣльца зарабатываетъ 43,0 руб., а у неземледѣльца—57,8 руб., т. е. на 1/3 больше. Эта разница *можетъ* въ значительной степени (*но и то не вполнѣ*) зависѣть отъ различій работъ періода. Объ отношеніи же этой разницы къ связи съ землей мы не можемъ судить, ибо не имѣемъ данныхъ о наемныхъ рабочихъ земледѣльцахъ и неземледѣльцахъ. Кромѣ вліянія рабочаго періода сказывается, конечно, и тутъ вліяніе разнаго уровня потребностей.

5) Разница между величиной дохода хозяевъ и заработной платой наемнымъ рабочимъ несравненно больше у неземледѣльцевъ, чѣмъ у земледѣльцевъ: по всѣмъ тремъ подгруппамъ у неземледѣльцевъ доходъ хозяина почти вдвое выше заработка наемника (113 руб. противъ 57,8) тогда какъ у земледѣльцевъ доходъ хозяина выше на незначительную сумму *4,1 рубля* (47,1 и 43,0)! Если эти цифры поразительны, то еще болѣе приходится сказать это о ремесленникахъ земледѣльцахъ (I, 2), у которыхъ доходъ хозяевъ *ниже* заработной платы наемныхъ рабочихъ! Однако это явленіе станетъ вполнѣ понятнымъ, когда мы приведемъ ниже данныя о громадныхъ различіяхъ величины дохода въ крупныхъ и мелкихъ заведеніяхъ. Повышая производительность труда, крупныя заведенія даютъ возможность платить наемную плату, превосходящую доходъ бѣдноты,—одиночекъ кустарей, „самостоятельность“ которыхъ оказывается, при подчиненіи ихъ рынку, совершенно фиктивной. Эта громадная разница между доходами крупныхъ и мелкихъ заведеній сказывается въ обѣихъ группахъ, но у земледѣльцевъ гораздо сильнѣе (вслѣдствіе бо́льшаго приниженія мелкихъ кустарей). Ничтожная разница между доходомъ хозяйчика и заработкомъ наемника показываетъ наглядно, что доходъ *мелкаго* кустаря-земледѣльца, не держащаго наемниковъ, *не выше, а зачастую и ниже* заработной платы наемному рабочему. Въ самомъ дѣлѣ, величина чистаго дохода хозяина (47,1 руб. на 1 семейнаго рабочаго) есть *средняя* величина для всѣхъ заведеній, крупныхъ и мелкихъ, для фабрикантовъ и одиночекъ. Понятно, что у крупныхъ хозяевъ разница между чистыми доходами хозяина и заработкомъ наемника составляетъ не 4 рубля, а въ 10—100 разъ больше, а это означаетъ, что доходъ мелкаго кустаря, одиночки, значительно ниже 47-ми руб-

*) Замѣтимъ, что въ „Очеркѣ“, къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ объ уровнѣ жизни земледѣльцевъ и неземледѣльцевъ. Но другіе изслѣдователи отмѣтили и для Пермской губ. обычное явленіе. несравненно болѣе высокаго уровня жизни у промышленниковъ-неземледѣльцевъ сравнительно съ „сѣрыми“ земледѣльцами. Ср. „Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи“ изд. М—ва З. и Г. Им. т. III, статья Егунова. Авторъ указываетъ на совершенно „городской“ уровень жизни въ нѣкоторыхъ безземельныхъ селахъ, на стремленіе кустаря-неземледѣльца одѣваться и жить „по людски“ (европейская одежда до крахмальной сорочки включительно; самоваръ; большое потребленіе чая, сахара, бѣлаго хлѣба, говядины и т. д.). Авторъ опирается на бюджеты земско-статистическихъ изданій.

лей, т. е. этотъ доходъ *не выше, а часто и ниже* заработной платы наемному рабочему. Данныя кустарной переписи о распредѣленіи заведеній по чистой доходности (см. ниже, § V) вполнѣ подтверждаютъ этотъ, повидимому, парадоксальный выводъ. Но эти данныя касаются всѣхъ заведеній вообще, безъ различенія земледѣльцевъ и неземледѣльцевъ, и вотъ почему для насъ особенно важенъ данный результатъ вышеприведенной таблицы: мы узнали, что самые низкіе заработки принадлежатъ именно земледѣльцамъ, что „связь съ землей“ громадно понижаетъ заработки.

Говоря о различіи доходовъ у земледѣльцевъ и неземледѣльцевъ, мы уже упомянули, что нельзя объяснить его различіемъ рабочихъ періодовъ. Посмотримъ же на данныя кустарной переписи по этому вопросу. Въ программу переписи, какъ мы узнали изъ „введенія“, вошло изслѣдованіе „напряженности производства въ теченіи года, на основаніи числа семьянъ и наемныхъ рабочихъ, занятыхъ производствомъ по мѣсяцамъ“ (с. 14). Такъ какъ перепись была подворная, т. е. каждое заведеніе изслѣдовалось отдѣльно (къ сожалѣнію, къ „Очерку“ не приложена форма подворнаго бланка), то надо предположить, что о каждомъ заведеніи собирались данныя о числѣ рабочихъ по мѣсяцамъ или о продолжительности рабочихъ мѣсяцевъ въ году въ каждомъ заведеніи. Эти данныя сведены въ „Очеркѣ“ въ одну таблицу, въ которой для каждой подгруппы обѣихъ группъ указано число рабочихъ (семьянъ и наемныхъ вмѣстѣ), *занятыхъ въ каждый мѣсяцъ года.*

Попытка кустарной переписи 1894/5 года опредѣлить съ такой точностью число рабочихъ мѣсяцевъ у кустарей чрезвычайно поучительна и интересна. Дѣйствительно, безъ такихъ свѣдѣній данныя о доходахъ и заработкахъ были бы не полны, и статистическія выкладки были бы лишь приблизительны. Но, къ сожалѣнію, данныя о рабочемъ періодѣ обработаны весьма недостаточно: кромѣ этой общей таблицы даны лишь свѣдѣнія для нѣкоторыхъ промысловъ о числѣ рабочихъ по мѣсяцамъ, иногда съ раздѣленіемъ по группамъ, иногда безъ такого раздѣленія; раздѣленія же по подгруппамъ нѣтъ ни по одному промыслу. Выдѣленіе крупныхъ заведеній было бы по этому вопросу особенно важно, ибо мы вправѣ предположить,—и a priori и по даннымъ другихъ изслѣдователей кустарной промышленности,—что рабочіе періоды у крупныхъ и мелкихъ кустарей не одинаковы. Кромѣ того, самая таблица на стр. 57 составлена, видимо, не безъ ошибокъ или опечатокъ (напр., въ мѣсяцахъ: февраль, августъ, ноябрь; столбецъ 2-ой и 3-ій во II-ой группѣ, видимо, перепутаны, ибо число рабочихъ въ 3-ой подгруппѣ больше, чѣмъ во второй). Даже по исправленіи этихъ неточностей (исправленіи, иногда приблизительномъ), эта таблица возбуждаетъ не мало сомнѣній, которыя дѣлаютъ пользованіе ею рискованнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая данныя этой таблицы по подгруппамъ, мы видимъ, что въ подгруппѣ 3-й (гр. I) maximum занятыхъ рабочихъ приходится на декабрь, составляя 2911 рабочихъ. Между тѣмъ всего въ 3-й подгруппѣ „Очеркъ“ считаетъ 2551 рабочаго. Тоже въ 3-й подгруппѣ II-й группы: maximum—3221, а дѣйствительное число рабочихъ—3077. Наоборотъ, по подгруппамъ maxima занятыхъ въ одинъ изъ мѣсяцевъ

рабочихъ *меньше* дѣйствительнаго числа рабочихъ. Какъ объяснить это явленіе? Тѣмъ-ли, что по данному вопросу собраны свѣдѣнія не о всѣхъ заведеніяхъ? Это очень вѣроятно, но въ „Очеркѣ“ ни слова объ этомъ. По 2-й подгруппѣ II-й группы не только maximum рабочихъ (февраль) больше дѣйствительнаго числа рабочихъ (1882 противъ 1163), но и *среднее число* рабочихъ, занятыхъ въ одинъ мѣсяцъ (т. е. частное полученное отъ дѣленія суммы рабочихъ, занятыхъ въ 12 мѣсяцевъ, на 12) *больше* дѣйствительнаго числа рабочихъ (1265 противъ 1163)!! Спрашивается, какое же число рабочихъ регистраторы считали дѣйствительнымъ: среднее-ли за годъ, среднее-ли за какой-нидудь періодъ (напр., за зиму), или наличное число въ одинъ опредѣленный мѣсяцъ года? Разсмотрѣніе данныхъ о помѣсячномъ числѣ рабочихъ въ отдѣльныхъ промыслахъ не помогаетъ разрѣшить всѣ эти недоумѣнія. По большинству изъ тѣхъ 23-хъ промысловъ, о которыхъ даны эти свѣдѣнія, maximum занятыхъ въ одинъ изъ мѣсяцевъ года рабочихъ *ниже* дѣйствительнаго числа рабочихъ. По 2-мъ промысламъ этотъ maximum *выше* дѣйствительнаго числа рабочихъ: по мѣдноиздѣльному (239 противъ 233) и кузнечному (II-я группа—1811 противъ 1269). По двумъ промысламъ, maximum равенъ дѣйствительному числу рабочихъ (веревочный и маслобойный, II-ыя группы).

При такихъ условіяхъ, пользоваться данными о помѣсячномъ распредѣленіи рабочихъ для сравненія ихъ съ суммами заработка, съ дѣйствительнымъ числомъ рабочихъ и т. п. оказывается невозможнымъ. Остается только брать эти данныя безотносительно къ другимъ, сравнивать maxima и minima занятыхъ по мѣсяцамъ рабочихъ. Такъ и дѣлается въ „Очеркѣ“, но при этомъ сравниваются отдѣльные мѣсяцы. Мы находимъ болѣе правильнымъ сравнивать зиму и лѣто: тогда мы можемъ прослѣдить насколько земледѣліе отвлекаетъ рабочихъ отъ промысла. Мы брали среднее число рабочихъ, занятыхъ зимой (октябрь—мартъ) за норму и, прилагая эту норму къ числу рабочихъ, занятыхъ лѣтомъ, получали число лѣтнихъ рабочихъ мѣсяцевъ. Сумма зимнихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ давала число рабочихъ мѣсяцевъ въ году. Пояснимъ примѣромъ: Въ 1-й подгруппѣ I-й группы въ шесть зимнихъ мѣсяцевъ занято 18.060 рабочихъ; значитъ въ одинъ зимній мѣсяцъ занято въ среднемъ (18.060:6=) 3.010 рабочихъ. Лѣтомъ занято 12.345 рабочихъ, т. е. рабочій періодъ лѣтомъ составляетъ (12.345:3010) 4,1 мѣсяца. Слѣд., рабочій періодъ въ 1-й подгруппѣ I-й группы составляетъ 10,1 мѣсяцевъ въ году.

Такой пріемъ обработки данныхъ казался намъ и самымъ правильнымъ и самымъ удобнымъ. Самымъ правильнымъ,—потому что онъ основанъ на сравненіи зимнихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ, слѣд., на точномъ опредѣленіи того, насколько отвлекаетъ рабочихъ отъ промысла земледѣліе. Что зимніе мѣсяцы взяты правильно, это подтверждается тѣмъ, что именно съ октября и именно по мартъ по обѣимъ группамъ число рабочихъ выше средняго въ году. Именно съ сентября по октябрь число рабочихъ всего сильнѣе повышается, именно съ марта по апрѣль оно всего сильнѣе падаетъ. Впрочемъ выборъ другихъ мѣсяцевъ измѣнилъ бы выводы весьма незначительно. Самымъ удобнымъ мы считаемъ взятый пріемъ потому, что онъ выра-

жаетъ рабочій періодъ точнымъ числомъ, позволяя сравнивать въ этомъ отношеніи группы и подгруппы.

Вотъ полученныя по этому способу данныя:

	Группа I. подгруппы. 1	2	3	Всего.	Группа II. подгруппы. 1	2	3	Всего.	По обѣимъ группамъ.
Рабочій періодъ въ мѣсяцахъ.	10,1	9,6	19,5	10,0	10,0	10,4	10,9	10,5	10,2

Эти данныя приводятъ къ выводу, что разница въ рабочемъ періодѣ у земледѣльцевъ и неземледѣльцевъ *крайне мала*: у неземледѣльцевъ рабочій періодъ всего на 5% длиннѣе. Ничтожность этой разницы вызываетъ сомнѣніе въ правильности цифръ. Мы предприняли нѣкоторыя вычисленія и сводки разбросаннаго въ книгѣ матеріала для провѣрки ихъ и пришли къ слѣдующимъ выводамъ:

Изъ 43-хъ промысловъ по 23-мъ даны въ „Очеркѣ" свѣдѣнія о помѣсячномъ распредѣленіи рабочихъ, причемъ по 12 (13) *) промысламъ эти свѣдѣнія проведены по группамъ, а по 10 не проведены. Оказывается, что по тремъ промысламъ (смоло-дегтярному, синильному и кирпичному) число рабочихъ лѣтомъ больше, чѣмъ зимой: въ шесть зимнихъ мѣсяцевъ занято всего 1.953 человѣка по всѣмъ этимъ тремъ промысламъ, а въ 6 лѣтнихъ—4.918 человѣкъ. Число земледѣльцевъ въ этихъ промыслахъ громадно преобладаетъ надъ неземледѣльцами, составляя 85,9% всего числа рабочихъ. Понятно, что соединеніе въ общихъ итогахъ по группамъ этихъ лѣтнихъ, такъ сказать, промысловъ съ остальными было совершенно неправильно, ибо это значило соединять разнородныя вещи и искусственно повышать число лѣтнихъ рабочихъ во всѣхъ промыслахъ. Чтобы исправить происходящую отъ этого ошибку, есть два средства. Первое—вычесть данныя по этимъ тремъ промысламъ изъ итоговъ „Очерка" по І-й и II-й группамъ **). Получаемъ рабочій періодъ для І-й группы 9,6 мѣсяцевъ, для II-й—10,4 мѣсяца. Здѣсь разница между обѣими группами больше, но всетаки она очень не велика: 8,3%. Второе средство исправить ошибку состоитъ въ сводкѣ данныхъ по тѣмъ 12-ти промысламъ, для которыхъ даны въ „Очеркѣ" свѣдѣнія о помѣсячномъ распредѣленіи рабочихъ въ І-й и во II-й группѣ отдѣльно. Такая сводка охватитъ 70% всего числа кустарей, причемъ сравненіе между І-й и II-й группой будетъ правильнѣе. Оказалось, что по этимъ 12-ти промысламъ рабочій періодъ для І-й группы равенъ лишь 8,9 мѣсяцамъ, а для II-ой—10,7 мѣсяцамъ, а по обѣимъ группамъ вмѣстѣ 9,7 мѣсяцевъ. Здѣсь рабочій періодъ у неземледѣльцевъ на 20,2% длиннѣе, чѣмъ у земледѣльцевъ. Земледѣльцы прекращаютъ работы лѣтомъ на 3,1 мѣсяца, а неземледѣльцы только на 1,3 мѣсяца. Если мы возьмемъ максимальное отношеніе рабочихъ періодовъ въ II-й и І-й группѣ за норму, то и тогда окажется, что не только различій въ валовомъ производствѣ рабочихъ І-й и II-й группы или въ частной

*) Роговой промыселъ имѣетъ лишь одну 1-ю группу.

**) Распредѣленіе рабочихъ этихъ трехъ промысловъ между I и II группой дѣлается приблизительно, взявъ за норму 85,9% для I.

доходности ихъ заведенiй, но даже различiй въ заработной платѣ наемныхъ рабочихъ у земледѣльцевъ и неземледѣльцевъ *нельзя объяснить различiемъ рабочихъ перiодовъ.* Слѣд., сдѣланный выше выводъ, что связь съ землей понижаетъ заработки кустарей, остается въ полной силѣ.

Поэтому слѣдуетъ признать ошибкой мнѣнiе составителей „Очерка", желающихъ объяснить различие въ заработкѣ земледѣльцевъ и неземледѣльцевъ различiемъ рабочихъ перiодовъ. Ошибка ихъ произошла оттого, что они не пытались выразить различiй рабочихъ перiодовъ точными цифрами, и потому впали въ заблужденiе. Напр., на стр. 106-й въ „Очеркѣ" говорится, что различiе заработковъ скорняковъ земледѣльцевъ и скорняковъ неземледѣльцевъ „опредѣляется главнымъ образомъ количествомъ рабочихъ дней, которые посвящаются промыслу". Между тѣмъ доходы неземледѣльцевъ превышаютъ доходы земледѣльцевъ по этому промыслу въ 2—4 раза (на одного семейнаго рабочаго въ 1-й подгруппѣ 65 и 280 руб.; во 2-й—27 и 62 руб.), а рабочiй перiодъ у неземледѣльцевъ длиннѣе всего на 28,7% (8,5 мѣсяцевъ противъ 6,6).

Фактъ пониженiя заработка вслѣдствiе связи съ землей не могъ ускользнуть и отъ составителей „Очерка", которые однако выразили его обычной народнической формулой о „преимуществѣ" кустарной формы передъ капиталистической: „соединяя земледѣлiе съ промысломъ, кустарь... можетъ продавать свои издѣлiя дешевле фабричныхъ" (с. 4), можетъ, другими словами, довольствоваться меньшимъ заработкомъ. Только въ чемъ же тутъ „преимущество" связи съ землей, если рынокъ настолько уже владычествуетъ надъ всѣмъ производствомъ страны, что усчитываетъ эту связь, понижая заработокъ кустаря — земледѣльца? если капиталъ умѣетъ пользоваться этой „связью" для большаго давленiя кустаря-земледѣльца, менѣе способнаго къ самозащитѣ, къ выбору другого хозяина, другого покупателя, другого занятiя? Пониженiе заработной платы (и промышленнаго заработка вообще) при наличности у рабочаго (и мелкаго промышленника) клочка земли есть явленiе, общее всѣмъ капиталистическимъ странамъ, явленiе, прекрасно извѣстное всѣмъ предпринимателямъ, давнымъ давно оцѣнившимъ громадныя „преимущества" привязанныхъ къ землѣ рабочихъ. Только на гниломъ Западѣ вещи прямо и называютъ ихъ именемъ, а у насъ пониженiе заработка, пониженiе жизненнаго уровня трудящихся, задержку введенiя машинъ, укрѣпленiе всяческой кабалы называютъ „преимуществомъ" „народнаго производства", „соединяющаго земледѣлiе съ промысломъ"...

Въ заключенiе обзора данныхъ кустарной переписи 1894/5 года о рабочемъ перiодѣ нельзя опять таки не выразить сожалѣнiя по поводу необработанности полученныхъ данныхъ и не пожелать, чтобы эта неудача не смутила другихъ изслѣдователей этого интереснаго вопроса. Прiемъ изслѣдованiя—опредѣленiе помѣсячнаго распредѣленiя рабочихъ силъ—нельзя не признать выбраннымъ весьма удачно. Выше мы привели данныя о рабочемъ перiодѣ по группамъ и подгруппамъ. Данныя по группамъ мы могли еще нѣсколько провѣрить. Данныя по подгруппамъ совершенно не провѣримы, ибо въ книгѣ нѣтъ еще абсолютно никакихъ свѣдѣнiй о различiи въ рабочемъ перiодѣ по разнымъ подгруппамъ. Поэтому, излагая эти данныя, оговоримся что нельзя ручаться за полную надежность ихъ, и если мы дѣлаемъ

дальнѣйшіе выводы, то лишь для того, чтобы поставить вопросъ и обратить на него вниманіе изслѣдователей. Важнѣйшій выводъ тотъ, что наименьшая разница въ рабочихъ періодахъ I-й и II-й группы оказывается въ 1-й подгруппѣ (всего на 1%: 10,1 и 10,0 мѣсяцевъ), т. е. *всего меньше отвлекаются отъ земледѣлія* самые зажиточные кустари и самые крупные и *состоятельные земледѣльцы*. Всего больше различіе у ремесленниковъ (2-я подгруппа: 9,5 и 10,4 мѣсяца), т. е. у наименѣе затронутыхъ товарнымъ хозяйствомъ промышленниковъ и *среднихъ* земледѣльцевъ. Выходитъ, какъ будто, что у зажиточныхъ земледѣльцевъ малое отвлеченіе отъ земледѣлія зависитъ либо отъ большаго состава ихъ семей, либо отъ большей эксплоатаціи наемнаго труда въ промыслѣ, либо отъ найма ими земледѣльческихъ работниковъ, и что наибольшее отвлеченіе отъ земледѣлія ремесленниковъ стоитъ въ связи съ наименьшимъ разложеніемъ ихъ какъ земледѣльцевъ, съ наибольшимъ сохраненіемъ патріархальныхъ отношеній и непосредственной работы на потребителей — земледѣльцевъ, которые сокращаютъ свои заказы лѣтомъ *).

— „Связь съ земледѣліемъ", по даннымъ переписи, отражается чрезвычайно рельефно на *грамотности* кустарей;—грамотность наемныхъ рабочихъ, *къ сожалѣнію*, не изслѣдована. Оказывается, что неземледѣльческое населеніе **) *значительно грамотнѣе* земледѣльческаго, причемъ это отношеніе наблюдается безъ исключенія по всѣмъ подгруппамъ и для мужчинъ, и для женщинъ. Вотъ данныя переписи по этому вопросу въ процентныхъ отношеніяхъ (стр. 62):

		Группа I. (земледѣльцы). подгруппы. 1	2	3	Итого.	Группа II. (неземледѣльцы). подгруппы. 1	2	3	Итого.	По обѣимъ группамъ.
„Процентное отношеніе грамотныхъ къ наличному числу лицъ".	муж. п.	32	33	20	31	41	45	33	39	33
	жен. п.	9	6	4	7	17	22	14	17	9
„Процентъ грамотныхъ изъ числа тѣхъ, которые принимаютъ личное трудовое участіе въ производствѣ".	муж. п.	39	37	26	36	44	57	51	49	40
	жен. п.	13	17	4	10	53	21	23	30	19
Процентъ семей съ грамотными.		49	43	34	44	55	63	50	55	47

*) Есть исключеніе: синильный промыселъ—исключительно ремесленный, и въ немъ преобладаетъ лѣтняя работа надъ зимней.

**) Напомнимъ, что городъ (и то уѣздный) вошелъ сюда лишь одинъ по исключенію: изъ числа 4762 семейныхъ рабочихъ II-й группы, горожанъ только 412, т. е. 29,6%.

Интересно отмѣтить, что въ неземледѣльческомъ населенiи грамотность гораздо быстрѣе распространяется среди женщинъ, чѣмъ среди мужчинъ. Процентъ грамотныхъ мужчинъ во II-ой группѣ въ $1\frac{1}{2}$—2 раза больше, чѣмъ въ I-ой, а процентъ грамотныхъ женщинъ въ $2\frac{1}{2}$—$5\frac{3}{4}$ раза.

Резюмируя тѣ выводы, которые дала кустарная перепись $189^4/_5$ года о „земледѣлiи въ связи съ промысломъ", мы можемъ констатировать, что связь съ земледѣлiемъ

1) задерживаетъ наиболѣе отсталыя формы промышленности и тормозитъ экономическое развитiе;

2) понижаетъ заработки и доходы кустарей, такъ что *наиболѣе* обезпеченныя подгруппы земледѣльцевъ-хозяевъ получаютъ, въ общемъ и среднемъ, меньше, чѣмъ *наихудше* поставленныя подгруппы *наемныхъ рабочихъ* у неземледѣльцевъ, не говоря уже о неземледѣльцахъ-хозяевахъ. Даже сравнительно съ наемными рабочими въ I-й группѣ хозяевъ этой же группы получаются весьма низкiе доходы, лишь очень немногимъ перевышающiе заработки наемныхъ рабочихъ, а иногда даже спускающiеся ниже ихъ;

3) задерживаетъ культурное развитiе населенiя, имѣющаго болѣе низкiй уровень потребностей и далеко отстающаго въ грамотности отъ неземледѣльцевъ.

Эти выводы пригодятся намъ ниже, при оцѣнкѣ народнической программы промышленной политики.

4) Среди кустарей-земледѣльцевъ констатируется разложенiе, параллельное разложенiю промышленниковъ. При этомъ высшiя (по обезпеченности) категорiи земледѣльцевъ представляютъ изъ себя чистый типъ крестьянской буржуазiи, основывающей свое хозяйство на наймѣ сельскихъ батраковъ и поденщиковъ.

5) Рабочiй перiодъ у земледѣльцевъ короче, чѣмъ у неземледѣльцевъ, но разница эта очень не велика (5%—20%).

V.

Крупныя и мелкiя заведенiя.—Доходы кустарей.

На данныхъ кустарной переписи $189^4/_5$ года о *доходахъ* кустарей необходимо остановиться по-подробнѣе. Попытка собрать подворныя данныя о доходахъ слишкомъ поучительна, и ограничиться общими „средними" по подгруппамъ (приведенными выше) было бы совершенно неправильнымъ прiемомъ. Мы уже говорили не разъ о фиктивности „среднихъ", выводимыхъ изъ сложенiя вмѣстѣ одиночекъ-кустарей и хозяевъ крупныхъ заведенiй и дѣленiя суммы на число слагаемыхъ. Постараемся же собрать имѣющiяся въ „Очеркѣ" данныя по этому вопросу, чтобы наглядно показать и доказать эту фиктивность, доказать необходимость при научныхъ изслѣдованiяхъ и при обработкѣ данныхъ подворныхъ переписей группировать кустарей на разряды по числу рабочихъ (и семейныхъ и наемныхъ) въ мастерской и приводить всѣ данныя переписи по этимъ разрядамъ.

Составители „Очерка“ не могли не замѣтить бросающагося въ глаза факта большей доходности крупныхъ заведеній и постарались ослабить его значеніе. Вмѣсто точныхъ данныхъ переписи о крупныхъ заведеніяхъ (выдѣлить эти данныя было бы не трудно), они опять ограничились общими разсужденіями, соображеніями, доводами противъ непріятныхъ для народничества выводовъ. Посмотримъ на эти доводы.

„Если въ подобныхъ (крупныхъ) заведеніяхъ мы встрѣчаемъ непропорціонально большій, сравнительно съ мелкими, доходъ семьи, то не должны упускать изъ виду, что значительная часть этого дохода есть, главнымъ образомъ, воспроизведеніе стоимости, во 1-хъ, нѣкоторой части основного капитала, перешедшей въ продукты, во 2-хъ, труда и издержекъ торгово-транзитнаго характера, не причастныхъ производству и, въ 3-хъ, стоимости пищевого довольствія тѣхъ наемныхъ рабочихъ, которые содержатся на хозяйскихъ харчахъ. Этими фактами (! хороши факты!) ограничивается возможность нѣкоторыхъ иллюзій относительно преувеличеннаго представленія о выгодахъ въ кустарномъ производствѣ наемнаго труда или, что тоже, капиталистическаго элемента“ (с. 15). Что „ограничить“ возможность иллюзій весьма желательно для изслѣдованія, въ этомъ, конечно, никто не усомнится, но для этого нужно „иллюзіямъ“ противопоставить именно *факты*, собранные подворной переписью, а не свои соображенія, которыя иногда цѣликомъ относятся къ „иллюзіямъ“. Въ самомъ дѣлѣ, не иллюзія-ли разсужденіе авторовъ о торгово-транзитныхъ расходахъ? Кто же не знаетъ, что для крупнаго промышленника эти расходы на единицу продукта неизмѣримо ниже, чѣмъ для мелкаго*), что первый закупаетъ матерьялъ дешевле, продаетъ продуктъ дороже, умѣя (и будучи въ состояніи) выбирать время и мѣсто? Кустарная перепись даетъ тоже указанія на эти общественные факты: ср. напр., стр. 204 и 163, и нельзя не пожалѣть, что въ „Очеркѣ“ нѣтъ *фактовъ* о расходахъ на закупку сырья и сбытъ продукта у промышленниковъ крупныхъ и мелкихъ, у кустарей и скупщиковъ. Далѣе, что касается до снашиваемой части основного капитала, то авторамъ опять пришлось впасть въ иллюзію, воюя противъ иллюзіи. Извѣстно изъ теоріи, что крупные расходы на основной капиталъ понижаютъ снашиваемую и переходящую на продуктъ часть стоимости по разсчету на единицу продукта. „Сравнительный анализъ цѣнъ ручныхъ или мануфактурныхъ товаровъ и тѣхъ же товаровъ, произведенныхъ машинами, даетъ въ общемъ тотъ результатъ, что въ машинномъ продуктѣ часть стоимости, переходящая отъ орудій труда относительно возрастаетъ, но абсолютно уменьшается. То-есть ея абсолютная величина въ отношеніи ко всей стоимости продукта, напр., фунта пряжи, увеличивается“. (Das kapital, I², s. 406). Перепись считала и расходы производства, въ число которыхъ входитъ (с. 14, п. 7-й) „ремонтъ инструментовъ и приспособленій“. Гдѣ основанія думать, что пробѣлы въ регистраціи этого пункта чаще встрѣчаются у крупыхъ, чѣмъ у мелкихъ

---

*) Само собою разумѣется, что сравнивать можно только кустарей *одной подгруппы*, а не товаропроизводителя съ ремесленникомъ или съ работающимъ на скупщика.

хозяевъ? Не скорѣе ли наоборотъ? Что касается до содержанія наемныхъ рабочихъ, то *фактовъ* по этому вопросу въ „Очеркѣ“ нѣтъ никакихъ: мы не знаемъ, сколько именно рабочихъ получаютъ хозяйское содержаніе, какъ часты пробѣлы переписи по этому пункту, какъ часто хозяева-земледѣльцы содержатъ наемниковъ продуктами своего хозяйства, какъ часто хозяева заносили содержаніе рабочихъ въ „расходы производства“. Точно также нѣтъ никакихъ *фактовъ* о неодинаковой продолжительности рабочихъ періодовъ въ крупныхъ и мелкихъ заведеніяхъ. Мы нисколько не отрицаемъ, что рабочій періодъ въ крупныхъ заведеніяхъ по всей вѣроятности длиннѣе, чѣмъ въ мелкихъ, но во-1-хъ, различія въ доходности несравненно больше различій рабочаго періода; во-2-хъ же, остается констатировать, что противъ точныхъ *фактовъ* подворной переписи (которые приводятся ниже) пермскіе статистики не сумѣли привести ни одного вѣскаго, основаннаго на точныхъ данныхъ возраженія въ защиту народническихъ „иллюзій“.

Данныя о крупныхъ и мелкихъ заведеніяхъ мы получали такимъ образомъ: просматривались таблицы, приложенныя къ „Очерку“, отмѣчались крупныя заведенія (когда ихъ можно выдѣлить, т.-е. когда они не слиты съ массой заведеній въ общій итогъ) и сравнивались съ общими итогами „Очерка“ о всѣхъ заведеніяхъ *той же* группы и подгруппы. Вопросъ такъ важенъ, что, мы надѣемся, читатели не посѣтуютъ на насъ за обиліе табличекъ, приводимыхъ ниже: въ табличкахъ данныя выступаютъ рельефнѣе и компактнѣе.

Пимокатный промыселъ.

Группа I. Подгруппа I.	Число заведеній.	Число рабочихъ: Семейныхъ.	Наемныхъ.	ВСЕГО.	Валовой доходъ: ВСЕГО.	На 1 рабочаго.	Зараб. плата наемн. раб.: ВСЕГО.	На 1 наемнаго рабочаго.	Чистый доходъ: ВСЕГО.	На 1 семейнаго рабочаго.	Ссылки на страницы „Очерка“.
Всего	58	99	95	194	22.769	117.3	4.338	45.6	7.410	75.0	Стран. 112 текста.
Крупныя заведенія.	10	14	65	79	13.291	168.0	3.481	53.5	3.107	22.2	Стр. 214, 215 и 154 табл.
Остальныя заведенія безъ этихъ крупныхъ.	48	85	115	130	9.478	82.4	857	28.5	4.303	41.2	

Итакъ „средній“ доходъ на одного семейнаго рабочаго въ 75 р. получился изъ сложенія доходовъ въ 222 р. и въ 41 р. Оказывается, что за вычетомъ 10-ти крупныхъ заведеній *) съ 14-ю семейными рабочими, остальныя заведенія даютъ *чистый доходъ, уступающій* заработной платѣ наемному рабочему (41,2 р. противъ 45,6), а въ крупныхъ заведеніяхъ заработная плата еще повышается. Производительность труда въ крупныхъ заведеніяхъ болѣе чѣмъ вдвое выше (168,0 и 82,4), заработная плата наемному рабочему почти вдвое (53 и 28), чистый доходъ впятеро (222 и 41). Ясно, что ни различіями рабочаго періода, ни другими какими-либо соображеніями нельзя устранить того факта, что крупныя заведенія имѣютъ высшую производительность труда **) и высшую доходность, а мелкіе кустари— получаютъ меньше наемныхъ рабочихъ при всей своей „самостоятельности“ (1-ая подгруппа: самостоятельно работаютъ на рынокъ) и связи съ землей (I группа).

Въ столярномъ промыслѣ въ 1-й подгруппѣ I-й группы „чистый доходъ“ семей равенъ „въ среднемъ“ 37,4 руб. на 1 семейнаго работника, тогда какъ средній заработокъ одного наемнаго рабочаго въ этой же подгруппѣ равенъ 56,9 р. (с. 131). Выдѣлить крупныя заведенія по таблицамъ нельзя, но врядъ ли можно сомнѣваться, что эта „средняя“ величина дохода на 1 семейнаго рабочаго есть результатъ сложенія высокодоходныхъ заведеній съ наемными рабочими (которымъ платятъ же за что-нибудь по 56 рублей) и крохотныхъ мастерскихъ мелкихъ „самостоятельныхъ“ кустарей, получающихъ много меньше наемнаго рабочаго.

Далѣе, рогожный промыселъ.

Группа I. Подгруппа 1.	Число заведеній.	Число рабочихъ.			Валовой доходъ.		Заработная плата.		Чистый доходъ.		Ссылки на страницы „Очерка“.
		Семейныхъ.	Наемныхъ.	ВСЕГО.	ВСЕГО.	На 1 рабочаго.	ВСЕГО.	На 1 наемнаго рабочаго.	ВСЕГО.	На 1 семейнаго рабочаго.	
Всего . .	99	206	252	458	38.681	84.4	6.664	26.4	10.244	49.7	Стран. 151 текста.
Крупныя заведенія .	11	11	95	106	18.170	171.4	2.520	26.5	3.597	32.7	Стр. 95, 97 и 136 табл.
Остальныя.	88	195	157	352	20.511	58.2	4.144	26.4	6.647	34.0	

*) Это однако далеко еще не самыя крупныя заведенія. Изъ распредѣленія заведеній по числу наемныхъ рабочихъ (с. 113) можно подсчитать, что въ 3-хъ заведеніяхъ—163 наемныхъ рабочихъ, т.-е. въ среднемъ по 54 наемныхъ работника на заведеніе. И это „кустари“, которыхъ складываютъ съ одиночками (одиночекъ въ промыслѣ не менѣе 460) и выводятъ общія „среднія“!

**) „Въ одномъ изъ заведеній“ отмѣчено введеніе шерстобитной машины (с. 119).

Итакъ, 11 заведеній изъ 99 концентрируютъ почти половину всего производства. Производительность труда въ нихъ выше болѣе, чѣмъ вдвое; заработная плата наемнымъ рабочимъ также; чистый доходъ болѣе чѣмъ вшестеро выше „средняго" и почти вдесятеро, выше дохода остальныхъ, т. е. болѣе мелкихъ кустарей. Доходы этихъ послѣднихъ уже не многимъ выше заработка наемниковъ (34 и 26).

Веревочно-канатный промыселъ *):

Группа I. Подгруппа I.	Число заведеній.	Число рабочихъ			Валовой доходъ.		Заработная плата.		Чистый доходъ.		Ссылки на страницы „Очерка".
		Семейныхъ.	Наемныхъ.	ВСЕГО	ВСЕГО.	На 1 рабочаго.	ВСЕГО.	На 1 наемнаго рабочаго.	ВСЕГО.	На 1 семейнаго рабочаго.	
Всего . .	58	179	106	285	81.672	286	6.946	65.6	16.127	90.1	Стр. 158 текста **).
Крупныя заведенія .	4	5	56	61	48.912	800	4.695	83.8	5.599	111.9	Стр. 40 и 188 таблицъ.
Остальныя.	54	174	50	224	32.760	146	2.251	45.0	10.528	60.5	

Итакъ, общія „среднія" и здѣсь показываютъ высшіе доходы у семейныхъ рабочихъ противъ наемныхъ (90 противъ 65,6). Но изъ 58 заведеній 4 концентрируютъ *больше половины* всего производства. Въ этихъ заведеніяхъ (капиталистическихъ мануфактурахъ чистаго типа **) производительность труда почти втрое выше средняго (800 и 286) и болѣе чѣмъ впятеро выше, чѣмъ у остальныхъ, т. е. болѣе мелкихъ заведеній (800 и 146). Заработная плата наемнымъ рабочимъ на фабрикахъ значительно выше, чѣмъ у мелкихъ хозяйчиковъ (84 и 45). Чистый доходъ фабрикантовъ составляетъ выше 1000 р. на семью противъ 90 р. „въ среднемъ" и 60,5 р. у мелкихъ кустарей. Мелкіе кустари получаютъ такимъ образомъ доходъ, уступающій заработной платѣ наемникамъ (60,5 и 65,6).

*) Въ таблицѣ на стр. 158, видимо опечатка или ошибка, ибо въ Ирбитскомъ уѣздѣ чистый доходъ больше показанныхъ въ итогѣ 9.827 рублей. Пришлось передѣлать эту табличку по даннымъ, приложеннымъ къ „Очерку" таблицъ.

**) Ср. „Куст. пром.", с. 47—46, а также описаніе производства въ „Очеркѣ", ст. 162 и сл. Прехарактерно, что „эти предприниматели были когда-то дѣйствительными кустарями, почему они всегда любили и любятъ называть себя кустарями".

Смолодегтярный промыселъ:

Группа I. Подгруппа 1.	Число заведеній.	Число рабочихъ			Валовой доходъ.		Заработная плата.		Чистый доходъ.		Ссылки на страницы „Очерка“.
		Семейныхъ.	Наемныхъ.	ВСЕГО.	ВСЕГО.	На 1 рабочаго.	ВСЕГО.	На 1 наемнаго рабочаго.	ВСЕГО.	На 1 семейнаго рабочаго.	
ВСЕГО .	167	319	80	399	22 076	55,3	2.150	26,8	10.979	34,4	Стр. 189 текста.
Крупныя заведенія.	9	10	16	26	4.440	170,7	654	40,8	2.697	269,7	Стр. 100, 101, 137, 160, 161 и 220 табл.
Остальныя.	158	309	64	373	17.636	47,3	1.496	23,2	8.282	26,8	

Итакъ, и въ этомъ производствѣ, вообще очень мелкомъ, съ очень небольшимъ числомъ наемныхъ рабочихъ (20%), въ земледѣльческой группѣ, у самостоятельныхъ кустарей наблюдается то же чисто капиталистическое явленіе превосходства крупныхъ (сравнительно) заведеній. А смолодегтярное производство типичный крестьянскій, „народный“ промыселъ! Въ крупныхъ заведеніяхъ производительность труда болѣе чѣмъ втрое выше, заработная плата наемныхъ рабочихъ раза въ полтора выше, чистый доходъ разъ въ восемь выше „средняго“ и вдесятеро выше заработка остальныхъ кустарей — семьянъ, которые зарабатываютъ не больше средняго наемнаго рабочаго и *меньше наемнаго рабочаго въ болѣе крупныхъ заведеніяхъ*. Отмѣтимъ, что смолодегтярное производство ведется, главнымъ образомъ, лѣтомъ, такъ что различія въ рабочемъ періодѣ не могутъ быть значительны *). (См. таблицу на слѣд. стр.).

То-есть опять таки среднія для всей подгруппы цифры оказываются совершенно фиктивными. Крупныя заведенія (мелкихъ капиталистовъ) концентрируютъ большую половину всего производства, даютъ чистую доходность вшестеро выше средняго и въ 14 разъ больше, чѣмъ у мелкихъ хозяйчиковъ и выплачиваютъ наемнымъ рабочимъ *заработную плату, превышающую доходъ мелкихъ кустарей*. Мы не говоримъ о производительности труда, въ 3—въ 4 крупныхъ заведеніяхъ производятъ болѣе цѣнный продуктъ—патоку.

*) Изъ «Очерка» видно, что въ смолодегтярномъ производствѣ употребляются и первобытные *ямные* способы гонки смолы и болѣе совершенные — *казанное* и даже *съ цилиндрическими котлами* (с. 195). Подворная перепись дала матерьялъ о распредѣленіи тѣхъ и другихъ, но матерьялъ этотъ не утилизированъ, ибо не выдѣлены крупныя заведенія.

Пекарный промыселъ:

Группа I. Подгруппа 1.	Число заведеній.	Число рабоч. Семейныхъ.	Наемныхъ.	ВСЕГО.	Валовой доходъ. ВСЕГО.	На 1 рабочаго.	Заработная плата. ВСЕГО.	На 1 наемнаго рабочаго.	Чистый доходъ. ВСЕГО.	На 1 семейнаго рабочаго.	Ссылки на стр. «Очерка»
ВСЕГО. .	27	63	55	118	44.619	378,1	2.497	45,4	7.484	118,8	Стр. 215 текста.
Крупныя заведенія .	4	7	42	49	25.740	525	2.050	48,8	4.859	694	Стр. 68 и 229 табл.
Остальныя.	23	56	13	69	18.879	273	447	34,4	2.625	46,8	

Гончарное производство. Опять типичный мелкій крестьянскій промыселъ, съ ничтожнымъ числомъ наемныхъ рабочихъ (13%), съ весьма мелкими заведеніями (менѣе 2 рабочихъ на заведеніе), съ преобладающимъ числомъ земледѣльцевъ. И здѣсь видимъ мы то же самое:

Группа I. Подгруппа 1.	Число заведеній.	Число рабоч. Семейныхъ	Наемныхъ.	ВСЕГО.	Валовой доходъ. ВСЕГО.	На 1 рабочаго.	Заработная плата. ВСЕГО.	На 1 наемнаго рабочаго.	Чистый доходъ. ВСЕГО.	На 1 семейнаго рабочаго.	Ссылки на стр. «Очерка».
ВСЕГО. .	97	163	31	194	12.414	63,9	1.830	59	6,657	41	Стр. 291 текста.
Крупныя заведенія .	7	9	17	26	4.187	16,1	1.400	80,2	1.372	152	Стр. 168 и 206 табл.
Остальныя	90	154	14	168	8.227	48,9	430	30,0	5.285	34,3	

Здѣсь, слѣд., сразу оказывается, что по „среднимъ“ цифрамъ заработокъ наемнаго рабочаго *выше* дохода семейнаго рабочаго. Выдѣленіе крупныхъ заведеній разъясняетъ это противорѣчіе, которое мы констатировали уже выше на массовыхъ данныхъ. Въ крупныхъ заведеніяхъ несравненно выше и производительность труда, и заработная плата, и доходъ хозяевъ, мелкіе же кустари получаютъ меньше наемныхъ рабочихъ *и болѣе чѣмъ вдвое меньше противъ наемныхъ рабочихъ въ наилучше поставленныхъ мастерскихъ:*

Кирпичное производство.

Группа I. Подгруппа 1	Число заведеній.	Число рабоч.			Валовой доходъ.		Заработная плата.		Чистый доходъ.		Ссылки на стр. „Очерка“.
		Семейныхъ.	Наемныхъ.	Всего.	Всего.	На 1 рабочаго.	Всего.	На 1 наемнаго рабочаго.	Всего.	На 1 семейнаго рабочаго.	
Всего . .	229	558	218	776	17.606	22,6	4.560	20,9	10.126	18,1	Стр. 299 текста.
Крупныя заведенія .	8	9	45	54	3.130	57,9	1.415	31,4	1.298	144	Стр. 46, 120, 169 и 183 таблицъ.
Остальныя.	221	549	173	722	14.476	20,0	3.145	18,2	8.828	16,0	

Итакъ, и здѣсь „средній“ доходъ одного семейнаго рабочаго оказывается ниже заработной платы наемника. И здѣсь объясненіе этого явленія заключается въ соединеніи крупныхъ заведеній, отличающихся несравненно большей производительностью труда, высшей платой наемнымъ рабочимъ и очень высокой (сравнительно) доходностью,—съ мелкими заведеніями, хозяйчики которыхъ получаютъ доходъ почти вдвое меньшій противъ заработной платы наемныхъ рабочихъ въ крупныхъ мастерскихъ.

Мы могли бы привести данныя еще и по другимъ промысламъ *), но думаемъ, что и этихъ болѣе, чѣмъ достаточно.

Сведемъ теперь тѣ выводы, которые слѣдуютъ изъ разсмотрѣнныхъ данныхъ:

1) Соединеніе крупныхъ и мелкихъ заведеній вмѣстѣ даетъ совершенно фиктивныя „среднія“ цифры, не дающія никакого понятія

*) Ср. экипажный промыселъ, с. 308 текста и с. 11 и 12 таблицъ; сундучный промыселъ, с. 335; портняжный промыселъ, с. 344 и др.

о дѣйствительности, затушевывающія кардинальныя различія, изображающія однороднымъ нѣчто совершенно разнородное, разносоставное.

2) Данныя по цѣлому ряду промысловъ свидѣтельствуютъ о томъ, что крупныя (по общему числу рабочихъ) заведенія отличаются отъ среднихъ и мелкихъ.

а) несравненно болѣе высокой производительностью труда;

б) болѣе высокой платой наемнымъ рабочимъ;

в) несравненно болѣе высокой чистой доходностью.

3) Всѣ безъ исключенія выдѣленныя нами крупныя заведенія употребляютъ въ несравненно большихъ размѣрахъ наемный трудъ (сравнительно съ средними заведеніями даннаго промысла), который значительно превосходитъ по своей роли семейный. Производительность ихъ достигаетъ десятка тысячъ рублей, а число наемныхъ рабочихъ—десяти и свыше человѣкъ на заведеніе. Эти крупныя заведенія представляютъ изъ себя такимъ образомъ капиталистическія мастерскія. Данныя кустарной переписи доказываютъ, слѣд., въ пресловутомъ „кустарномъ" производствѣ *наличность чисто капиталистическихъ законовъ и отношеній;* доказываютъ полное превосходство капиталистическихъ мастерскихъ, основанныхъ на коопераціи наемныхъ рабочихъ, надъ одиночками и вообще мелкими кустарями,—превосходство и по производительности труда и по оплатѣ труда даже наемныхъ рабочихъ.

4) По цѣлому ряду промысловъ заработокъ мелкихъ *самостоятельныхъ* кустарей оказывается не выше, а зачастую даже ниже заработка наемныхъ рабочихъ въ томъ же промыслѣ. Эта разница должна еще усилиться, если къ заработку наемниковъ прибавить получаемое нѣкоторыми изъ нихъ содержаніе.

Этотъ послѣдній выводъ мы выдѣляемъ отъ первыхъ трехъ въ томъ отношеніи, что тѣ выводы выражаютъ явленія всеобщія и обязательныя по законамъ товарнаго производства, тогда какъ здѣсь мы не можемъ видѣть общеобязательнаго явленія. Мы формулируемъ, слѣд., такъ: при болѣе низкой производительности труда мелкихъ заведеній и при беззащитномъ положеніи ихъ хозяйчиковъ (особенно земледѣльцевъ) на рынкѣ, вполнѣ возможно такое явленіе, что заработокъ самостоятельнаго кустаря оказывается ниже заработной платы наемника, и данныя говорятъ, что это явленіе очень часто имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности.

Доказательное значеніе приведенныхъ выкладокъ не можетъ подлежать сомнѣнію, ибо мы взяли цѣлый рядъ промысловъ, выбрали ихъ не случайно, а приводили всѣ, по которымъ только таблицы позволяли выдѣлить крупныя заведенія, брали не отдѣльныя заведенія, а всѣ заведенія даннаго рода, сравнивая съ ними всегда по нѣскольку крупныхъ заведеній изъ различныхъ уѣздовъ. Но желательно было бы дать описываемымъ явленіямъ болѣе общее и болѣе точное выраженіе. Къ счастью, въ „Очеркѣ" есть данныя, позволяющія осуществить *отчасти* такое желаніе Это—данныя *о распредѣленіи заведеній по чистой доходности ихъ.* По отдѣльнымъ промысламъ въ „Очеркѣ" указано, сколько заведеній имѣютъ чистый доходъ до 50 р., до 100 р., до 200 р. и т. п. Вотъ эти-то данныя мы и свели

вмѣстѣ. Оказалось, что имѣются они по 28 промысламъ *), охватывая 8.364 заведенія, т. е. 93,2% всего числа (8.991). Всего въ этихъ 28 промыслахъ 8.377 заведеній (13 заведеній не распредѣлены по доходности) съ 14.135 семейными + 4.625 наемными рабочими, всего съ 18.760 рабочими, что составляетъ 93,9% всего числа рабочихъ. Понятно, что по этимъ даннымъ о 93% кустарей мы имѣемъ полное право заключать обо всѣхъ, ибо нѣтъ никакихъ основаній предполагать несходство остальныхъ семи процентовъ съ этими 93-мя. Прежде, чѣмъ приводить данныя нашей сводки, необходимо замѣтить слѣдующее:

1) Составители „Очерка", приводя эту группировку, не всегда строго выдерживали одинаковость и однородность наименованій каждой группы. Напр., говорятъ: „до 100 р.", „менѣе 100 р.", иногда даже „по 100 р." Не всегда указываютъ начальный и конечный предѣлъ разряда, т. е. иногда начинаютъ группировать съ разряда „до 100 р.", иногда съ разряда „до 50 р.", „до 10 р." и т. п.; иногда заканчиваютъ группировку разрядомъ „1.000 р. и болѣе", иногда приводятъ разряды „2.000 — 3.000 р." и т. п. Всѣ эти неточности никакого серьезнаго значенія имѣть не могутъ. Мы свели всѣ разряды, приводимые въ „Очеркѣ" (ихъ 15: до 10 р., до 20 р., до 50 р., до 100 р., до 200 р., до 300 р., до 400 р., до 500 р., до 600 р., до 700 р., до 800 р., до 900 р., до 1.000 р., 1.000 р. и болѣе, 2.000—3.000 р.), и всѣ маленькія неточности и недоумѣнія разрѣшали подведеніемъ подъ одинъ изъ этихъ разрядовъ.

2) Въ „Очеркѣ" дано только *число заведеній*, имѣющихъ доходы, такихъ-то и такихъ-то разрядовъ, но не указана *величина дохода*, приходящаяся на долю всѣхъ заведеній каждаго разряда. А между тѣмъ для насъ именно послѣднія данныя и необходимы. Мы приняли поэтому, что величина дохода въ заведеніяхъ даннаго разряда опредѣлится съ достаточной точностью умноженіемъ числа заведеній въ разрядѣ на среднюю величину дохода, т. е. ариѳметическую среднюю изъ maximum'a и minimum'a въ разрядѣ (напр., 150 р. въ разрядѣ 100—200 р. и т. д.). Только для двухъ низшихъ разрядовъ (до 10 р. и до 20 р.) приняли вмѣсто среднихъ максимальныя величины дохода (10 р. и 20 р.). Провѣрка показала, что подобный пріемъ (вообще допустимый въ статистическихъ вычисленіяхъ) даетъ весьма близкія къ дѣйствительности цифры. Именно, весь чистый доходъ кустарныхъ семей въ этихъ 28 промыслахъ составляетъ, по даннымъ „Очерка", 951.653 р., а по нашимъ приблизительнымъ даннымъ, основаннымъ на разрядахъ по доходности, получилось 955.150 р., т. е. больше на 3.497 р. = 0,36%. Разница или ошибка, слѣд., меньше четырехъ копѣекъ на 10 руб.

3) Изъ нашей сводки мы узнаемъ среднюю величину дохода на семью (въ каждомъ разрядѣ), а не на одного семейнаго рабочаго. Для опредѣленія послѣдней величины пришлось опять-таки сдѣлать примѣрный расчетъ. Зная распредѣленіе семей по числу семейныхъ ра-

*) По промысламъ кружевному, слесарному и гармонному тоже есть эти свѣдѣнія, но мы опустили эти промыслы, ибо по нимъ нѣтъ данныхъ о распредѣленіи заведеній по числу семейныхъ рабочихъ.

бочихъ (и отдѣльно—по числу наемныхъ рабочихъ), мы предположили, что, чѣмъ меньше величина дохода на семью, тѣмъ меньше семейный составъ (т. е. число семейныхъ рабочихъ на 1 заведеніе) и тѣмъ меньше заведеній съ наемными рабочими. Наоборотъ, чѣмъ выше доходъ на 1 семью, тѣмъ больше заведеній съ наемными рабочими, тѣмъ больше семейный составъ, т. е. число семейныхъ рабочихъ на одно заведеніе. Очевидно, что это предположеніе—самое благопріятное съ точки зрѣнія того, кто пожелалъ бы опровергать наши выводы. Другими словами: еслибы было сдѣлано *какое угодно* другое предположеніе, то наши выводы отъ этого только усилились бы.

Приводимъ теперь сводку данныхъ о распредѣленіи кустарей по доходности заведеній (стр. 133).

Эти данныя слишкомъ дробны, такъ что надо свести ихъ въ болѣе простыя и ясныя рубрики. Возьмемъ пять категорій кустарей по доходности: а) бѣдныхъ—съ доходомъ до 50 р. на семью; б) малосостоятельныхъ—съ доходомъ 50—100 р. на семью; в) среднихъ—съ доходомъ 100—300 р. на семью; г) зажиточныхъ — съ доходомъ 300—500 р. на семью и д) богатыхъ—съ доходомъ болѣе 500 р. на семью.

По даннымъ о доходности заведеній къ этимъ категоріямъ присоединимъ примѣрное распредѣленіе заведеній по числу семейныхъ и наемныхъ рабочихъ *). Получаемъ такую таблицу: (стр. 134).

Эти данныя приводятъ къ очень интереснымъ выводамъ, которые мы и разсмотримъ по категоріямъ кустарей:

а) Болѣе четверти кустарныхъ семей (28,4%) принадлежатъ къ *бѣднотѣ*, получающей на семью въ среднемъ около 33-хъ рублей дохода. Допустимъ, что весь этотъ доходъ достается одному семейному работнику, что въ этой категоріи всѣ—одиночки. Во всякомъ случаѣ заработки этихъ кустарей оказываются *значительно ниже* среднихъ заработковъ наемныхъ рабочихъ у кустарей (45 р. 85 к.). Если большинство этихъ одиночекъ принадлежитъ къ низшей (3-й) подгруппѣ, т. е. работаетъ на скупщиковъ, то это значитъ, что „хозяева" платятъ работающимъ на дому меньше, чѣмъ наемнымъ рабочимъ въ мастерской. Если мы даже примемъ, что эта категорія кустарей имѣетъ наименьшій рабочій періодъ, все таки заработокъ ихъ представляется совершенно нищенскимъ.

б) Болѣе двухъ пятыхъ всего числа кустарей (41,8%) принадлежатъ къ малосостоятельнымъ, имѣя въ среднемъ по 75 р. дохода на семью. Эти кустари уже не всѣ—одиночки (если предыдущая категорія состояла только изъ одиночекъ): въ ней примѣрно до половины семей имѣютъ по 2 семейныхъ работника, и, слѣдов., средній заработокъ одного семейнаго работника составляетъ лишь около 50 руб., *т. е. не больше или даже меньше заработка наемнаго рабочаго у кустаря* (кромѣ денежной платы, 45 р. 85 к., часть наемныхъ рабо-

---

*) 8 377 заведеній въ 28 промыслахъ такъ распредѣляются по числу семейныхъ и наемныхъ рабочихъ: съ 0 сем. рабочихъ 95 заведеній, съ 1 раб.—4.362 заведенія, съ 2 раб.—2.642; съ 3—870; съ 4 - 275; съ 5 и болѣе—143. Заведеній съ наемными рабочими 2.228, въ томъ числѣ съ 1 наемн. раб - 1.359; съ 2—447; съ 3—201; съ 4—96; съ 5 и болѣе—125. Всего наемныхъ рабочихъ 4.625 съ заработкомъ въ 212.096 р. (на одного—45,85 р.).

РАЗРЯДЫ.	Число заведеній.	Средній доходъ одного заведенія. (при	Доходъ всѣхъ заведеній. мѣрно)	РАЗРЯДЫ.	Число заведеній.	Средній доходъ одного заведенія. (при	Доходъ всѣхъ заведеній. мѣрно)	РАЗРЯДЫ.	Число заведеній.	Средній доходъ одного заведенія. (при	Доходъ всѣхъ заведеній. мѣрно)
До 10 р.	127	10	1.270	До 300 р.	602	250	150.050	До 800 р.	22	750	16.500
„ 20 „	139	20	2.780	„ 400 „	208	350	72.800	„ 900 „	20	850	17.000
„ 50 „	2.110	35	73.850	„ 500 „	112	450	50.400	„ 1.000 „	17	950	16.150
„ 100 „	3.494	75	262.050	„ 600 „	40	550	22.000	„ 1.000 „ и болѣе.	19	1.500	28.500
„ 100 „	1.414	150	212.100	„ 700 „	38	650	24.700	2000—3000 р.	2	2.500	5.000
Всего заведеній									8.364	—	955.150

Категорiи кустарей по величинѣ дохода.	Число		Чистый доходъ		Среднiй доходъ		ПРИМѢРНОЕ РАСПРЕДѢЛЕНIЕ СЕМЕЙ. по числу семейныхъ рабочихъ.						по числу наемн. рабочихъ.				
	Семей.	%	У нихъ Руб.	%	На 1 сем.	На 1 семейн. раб. (прибл.)	По 1	По 2	По 3	По 4	По 5 и бол.	6	По 1	По 2	По 3	По 4	По 5 и бол.
а) Бѣдные. . .	2.376	28,4	77.900	8,2	32,7	32,7	2.376	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
б) Малосостоятельные . .	3.494	41,8	262.050	27,4	75,0	50	1.986	1.508	—	—	—	—	—	—	—	—	—
в) Среднiе . .	2.016	24,1	362.150	37,9	179,6	72,0	—	1.124	870	22	—	—	1.359	392	—	—	—
г) Зажиточные.	320	3,8	123.200	12,9	385,0	100,0	—	—	—	253	67	—	—	55	201	64	—
д) Богатые . .	158	1,9	129.850	13,6	821,8	348	—	—	—	—	76	82	—	—	—	32	125
Всего . .	8.364	100	955.150	100	114,2	67,5	4.362	2.632	870	275	143	82	1.359	447	201	96	125

чихъ получаетъ содержаніе отъ хозяевъ). *Итакъ, семь десятыхъ всего числа кустарей стоятъ, по своимъ заработкамъ, на уровнѣ наемныхъ рабочихъ у кустарей, отчасти даже ниже ихъ.* Какъ ни поразителенъ этотъ выводъ, но онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ вышеприведеннымъ даннымъ о превосходствѣ крупныхъ заведеній надъ мелкими. До какой степени низокъ уровень дохода этихъ кустарей, можно судить по тому, что средняя заработная плата земледѣльческаго годоваго работника въ Пермской губерніи составляетъ 50 рублей на хозяйскихъ харчахъ *). Слѣд., семь десятыхъ „самостоятельныхъ“ кустарей стоятъ, по жизненному уровню, не выше земледѣльческихъ батраковъ!

Народники скажутъ, конечно, что это лишь подсобный заработокъ при земледѣліи, но, во 1-хъ, не установлено-ли давнымъ давно, что лишь меньшинству крестьянъ земледѣліе можетъ дать необходимое на содержаніе семьи за вычетомъ платежей, да арендныхъ денегъ, да расходовъ по хозяйству? А вѣдь мы сравниваемъ заработокъ кустаря съ платой батраку на хозяйскихъ харчахъ Во 2-хъ, въ семь десятыхъ всего числа кустарей должны были войти и неземледѣльцы. Въ 3-хъ, если бы и оказалось, что земледѣліе оплачиваетъ содержаніе кустарей-земледѣльцевъ этихъ категорій, то все таки остается внѣ сомнѣнія фактъ чрезвычайнаго пониженія заработковъ благодаря связи съ землей.

Еще сравненіе: въ Красноуфимскомъ уѣздѣ средній заработокъ одного наемнаго рабочаго у кустаря равенъ 33,2 руб. (стр. 149 таблицъ), а средній заработокъ одного лица, имѣющаго работу у себя на заводѣ, т. е. горнозаводскаго рабочаго изъ заводскихъ крестьянъ, земская статистика опредѣлила въ 78,7 руб. (по „Матеріаламъ для статистики Пермской губерніи, Красноуфимскій уѣздн. заводскій районъ“. Пермь 1894 г.), т. е. въ два слишкомъ раза больше. А заработки горнозаводскихъ мастеровыхъ, имѣющихъ работу у себя на заводѣ, какъ извѣстно, всегда ниже заработка „вольныхъ“ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Можно судить поэтому, какимъ пониженіемъ потребностей, пониженіемъ жизненнаго уровня до нищенскаго состоянія покупается пресловутая „самостоятельность“ русскаго кустаря „на началахъ органической связи промысла съ земледѣліемъ!“

в) Къ „среднимъ“ кустарямъ отнесены нами семьи, владѣющія доходами отъ 100 до 300 р., въ среднемъ около 180 рублей на семью. Такихъ около четверти всего числа кустарей (24,1%). И ихъ доходъ абсолютно очень и очень не великъ: считая по 2½ семейныхъ работника на заведеніе, это составитъ около 72 руб. на одного семейнаго работника—сумма очень недостаточная, которой не позавидуетъ ни одинъ фабрично-заводской рабочій. Но по сравненію съ массой кустарей эта сумма представляется довольно значительной! Оказывается, что и этотъ столь скудный „достатокъ“ пріобрѣтается лишь на чужой счетъ: въ этой категоріи кустарей большинство уже держатъ наемныхъ рабочихъ (примѣрно около 85% хозяевъ имѣютъ наемниковъ, и въ среднемъ на каждое изъ 2.016 заведеній придется болѣе

---

*) Стоимость харчей 45 рублей въ годъ. Данныя — среднія за 10 лѣтъ (1881—91), по свѣдѣніямъ департамента земледѣлія. (См. С. А. Короленко, «Вольнонаемный трудъ» и т. д.).

одного наемнаго работника). Чтобы выбиться изъ массы задавленныхъ бѣдностью кустарей, приходится, слѣд., на почвѣ данныхъ товарно-капиталистическихъ отношеній, отвоевывать себѣ „достатокъ“ у другихъ, вступать въ экономическую борьбу, оттѣснять еще болѣе назадъ массу мелкихъ промышленниковъ, превращаться въ мелкаго буржуа. Либо нищета и пониженіе до nec plus ultra жизненнаго уровня,—либо (*для меньшинства*) созиданіе своего (абсолютно крайне скуднаго) благополучія на чужой счетъ,—вотъ какова дилемма, которую ставитъ передъ мелкимъ промышленникомъ товарное производство. Такъ говорятъ факты.

г) Къ категоріи зажиточныхъ кустарей относятся лишь 3,8% семей съ среднимъ доходомъ около 385 рублей и около 100 р. на одного семейнаго работника (считая, что сюда относятся хозяева съ 4 и 5 семейными работниками на заведеніе). Этотъ доходъ, превышающій раза въ два денежный доходъ наемнаго рабочаго, основанъ уже на значительномъ употребленіи наемнаго труда: всѣ заведенія этой категоріи держатъ наемныхъ рабочихъ, въ среднемъ около 3-хъ человѣкъ на заведеніе.

д) Богатыхъ кустарей, съ среднимъ доходомъ на семью въ 820 р., всего 1,9%. Сюда приходится отнести частью заведенія съ 5 семейными рабочими, частью заведенія вовсе безъ семейныхъ рабочихъ, т. е. основанныя исключительно на наемномъ трудѣ. По разсчету на одного семейнаго работника это даетъ ок. 350 р. дохода. Получаемый этими „кустарями“ высокій доходъ зависитъ отъ большого числа наемныхъ рабочихъ, которыхъ приходится въ среднемъ на 1 заведеніе около 10 человѣкъ *). Это уже мелкіе фабриканты, владѣльцы капиталистическихъ мастерскихъ, включеніе которыхъ въ число „кустарей“ наряду съ одиночками-промышленниками, съ сельскими ремесленниками и даже съ работающими у себя дома на фабрикантовъ (иногда, какъ увидимъ ниже, на этихъ же самыхъ богатыхъ кустарей!) — показываетъ только, какъ уже замѣчено, полную неопредѣленность и расплывчатость термина „кустарь“.

Въ заключеніе изложенія данныхъ кустарной переписи о доходахъ кустарей необходимо замѣтить еще слѣдующее. Могутъ сказать, что концентрація доходовъ оказывается въ кустарныхъ промыслахъ не очень значительной: 5,7% заведеній имѣютъ 26,5% дохода, 29,8% заведеній имѣютъ 64,4% дохода. Мы отвѣтимъ на это, во 1-хъ, что и такая концентрація доказываетъ полную непригодность и ненаучность огульныхъ сужденій о „кустарѣ“ и „среднихъ“ цифръ о немъ. Во 2-хъ, нельзя упускать изъ виду, что въ эти данныя *не вошли скупщики*, отчего распредѣленіе доходовъ представлено крайне неточно. Мы видѣли, что 2,346 семей и 5,628 рабочихъ работаютъ на скупщиковъ (3-я подгруппа), слѣд. главные доходы получаютъ здѣсь скупщики. Выдѣленіе ихъ изъ числа промышленниковъ есть совершенно искусственный и ничѣмъ не оправдываемый пріемъ. Какъ изображеніе экономическихъ отношеній въ крупной фабрично-заводской промышленности было бы неправильно безъ указанія на размѣръ

*) Изъ 2228 заведеній съ наемными рабочихъ въ этихъ 28 промыслахъ, 46 заведеній имѣютъ по 10 и болѣе наемныхъ рабочихъ, всего 887 наемныхъ рабочихъ, т. е. въ среднемъ по 19,2 наемн. раб. на заведеніе.

доходовъ фабрикантовъ, такъ изображенie экономики „кустарной" промышленности неправильно безъ указанія на доходы скупщиковъ,— доходы, получаемые отъ того же самаго производства, которымъ заняты и кустари; доходы, составляющіе часть стоимости тѣхъ продуктовъ, которые изготовляются кустарями. Мы вправѣ, слѣд., и обязаны заключить, что дѣйствительное распредѣленіе доходовъ въ кустарной промышленности несравненно болѣе неравномѣрно, чѣмъ вышепоказанное, ибо въ послѣднемъ отсутствуютъ категоріи самыхъ крупныхъ промышленниковъ.

VI.

Что такое скупщикъ?

Мы назвали выше скупщиковъ самыми крупными промышленниками. Съ обычной народнической точки зрѣнія это—ересь. Скупщика у насъ привыкли изображать, какъ нѣчто внѣ производства стоящее, нѣчто наносное, чуждое самой промышленности, зависящеее „только" отъ обмѣна.

Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на теоретическихъ невѣрностяхъ этого взгляда, основаннаго на непониманіи общей и основной подкладки, базиса, фона современной промышленности (и кустарной въ томъ числѣ), именно *товарнаго хозяйства*, въ которомъ торговый капиталъ есть необходимая составная часть, а не случайная и сторонняя вставка. Здѣсь мы должны держаться фактовъ и данныхъ кустарной переписи, и наша задача теперь будетъ состоять въ томъ, чтобы разсмотрѣть и проанализировать эти данныя о скупщикахъ. Благопріятнымъ условіемъ для этого разсмотрѣнія является выдѣленіе кустарей, работающихъ на скупщиковъ, въ особую подгруппу (3-ью). Но гораздо больше по этому вопросу есть пробѣловъ и неизслѣдованныхъ пунктовъ, что дѣлаетъ разсмотрѣніе его довольно затруднительнымъ. Нѣтъ данныхъ о числѣ скупщиковъ, о крупныхъ и мелкихъ скупщикахъ, о связи ихъ съ зажиточными кустарями (связь по происхожденію; связи торговыхъ операцій скупщика съ производствомъ въ своей мастерской и т. п.), о *хозяйствѣ* скупщиковъ. Народническіе предразсудки, выдѣляющіе скупщика, какъ нѣчто внѣшнее, помѣшали большинству изслѣдователей кустарной промышленности поставить вопросъ о хозяйствѣ скупщиковъ, а между тѣмъ очевидно, что для экономиста это первый и главный вопросъ. Необходимо подробно и тщательно изучить, какъ *хозяйничаетъ* скупщикъ, какъ складывается его капиталъ, какъ оперируетъ этотъ капиталъ въ сферѣ закупки сырья, сбыта продукта, каковы условія (общественно-хозяйственныя) дѣятельности капитала въ этихъ сферахъ, какъ велики расходы скупщика на организацію закупки и сбыта, какъ примѣняются эти расходы въ зависимости отъ размѣровъ торговаго капитала и отъ размѣровъ закупки и сбыта, какія условія вызываютъ иногда частичную обработку сырья въ мастерскихъ скупщика и отдачу затѣмъ рабочимъ на домъ для дальнѣйшей обработки (причемъ окончательная отдѣлка иногда дѣлается опять скупщикомъ) или продажу сырья мелкимъ промышленникамъ съ тѣмъ, чтобы купить у нихъ потомъ издѣлія на рынкѣ. Необходимо сравнить стои-

мость производства продукта у мелкаго кустаря, у крупнаго промышленника въ мастерской, объединяющей нѣсколько наемныхъ рабочихъ, и у скупщика, раздающаго матеріалъ на выдѣлку по домамъ. Необходимо взять за единицу изслѣдованія каждое *предпріятіе*, т. е. каждаго отдѣльнаго скупщика, опредѣлить размѣръ его оборотовъ, число работающихъ на него въ мастерской или въ мастерскихъ и на дому, число рабочихъ, занятыхъ имъ въ заготовкѣ сырья, храненія его и продукта и въ сбытѣ. Необходимо сравнить технику производства (количество и качество инструментовъ и приспособленій, *раздѣленіе труда* и т. д.) у мелкаго хозяйчика, у хозяина мастерской съ наемными рабочими и у скупщика. Только такое *экономическое изслѣдованіе* можетъ дать точный научный отвѣтъ на вопросъ о томъ, что такое скупщикъ, на вопросъ о значеніи его въ хозяйствѣ, о значеніи его въ историческомъ развитіи формъ промышленности товарнаго производства. Отсутствіе такихъ данныхъ въ итогахъ подворной переписи, подробно изслѣдовавшей всѣ эти вопросы относительно каждаго кустаря, нельзя не признать крупнымъ пробѣломъ. Даже если бы регистрація и изслѣдованіе хозяйства каждаго скупщика оказались (по разнымъ причинамъ) невозможными,— большое количество намѣченныхъ свѣдѣній можно бы извлечь изъ подворныхъ данныхъ о кустаряхъ, работающихъ на скупщиковъ. Вмѣсто этого мы находимъ въ „Очеркѣ" только избитыя народническія фразы о томъ, что „кулакъ" „чуждъ по существу самому производству" (стр. 7), причемъ къ кулакамъ отнесены и скупщики и сборныя мастерскія, съ одной стороны, и ростовщики, съ другой; что „наемнымъ трудомъ владѣетъ не техническая его концентрація, на подобіе фабрики, (?) а денежная зависимость кустарей... одинъ изъ видовъ кулачества" (309—310), что „источникъ эксплуатаціи труда... заключается не въ функціи производства, а въ функціи мѣны" (101), что въ кустарныхъ промыслахъ встрѣчается часто не „капитализація производства, а „капитализація мѣноваго процесса" (265). Мы, конечно, не думаемъ обвинять изслѣдователей „Очерка" въ самостоятельности: они просто заимствовали цѣликомъ тѣ сентенціи, которыя въ такомъ обиліи разбросаны, напр., по сочиненіямъ „нашего извѣстнаго" г. В. В.

Чтобы оцѣнить настоящее значеніе такихъ фразъ, стоитъ вспомнить хотя бы, что въ одной изъ главныхъ отраслей нашей промышленности, именно въ текстильной промышленности, „скупщикъ" былъ непосредственнымъ предшественникомъ, отцомъ крупнаго фабриканта, ведущаго крупное машинное производство. Раздача пряжи на домъ кустарямъ для обработки — таковъ былъ вчерашній день всѣхъ нашихъ текстильныхъ производствъ; это была, слѣд., работа на „скупщика", на „кулака", который, не имѣлъ своей мастерской („былъ чуждъ производства"), а „только" раздавалъ пряжу, да принималъ готовыя издѣлія. Наши добрые народники и не пытались изслѣдовать происхожденіе этихъ скупщиковъ, ихъ преемственную связь съ владѣльцами небольшихъ мастерскихъ, ихъ роль какъ организаторовъ, закупки сырья и сбыта продукта, роль ихъ капитала, концентрирующаго средства производства, собирающаго во-едино массы раздробленныхъ мелкихъ кустарей, вводящаго раздѣленіе труда и подготовляющаго элементы тоже крупнаго, но уже машиннаго производства. До-

брые народники ограничивались нытьемъ и сѣтованіемъ обо этомъ „печальномъ", „искусственномъ" и пр. и пр. явленіи, утѣшались тѣмъ, что это „капитализація" не производства, а „только" мѣнового процесса, разговаривали сладенькіе разговоры объ „иныхъ путяхъ для отечества",—а въ это время „искусственные" и „безпочвенные" „кулаки" шли-себѣ, да шли своимъ старымъ путемъ, продолжали концентрировать капиталъ, „собирать" средства производства и производителей, расширять размѣръ закупки сырья, углублять раздѣленія производства на отдѣльныя операціи (снованіе, тканье, окраска, отдѣлка и т. п.) и преобразовывать раздробленную, технически отсталую, основанную на ручномъ трудѣ и кабалѣ *капиталистическую мануфактуру* въ *капиталистическую машинную индустрію*.

Совершенно такой же процессъ происходитъ теперь въ массѣ нашихъ т.-н. „кустарныхъ" промысловъ, и народники такъ же точно отворачиваются отъ изслѣдованія дѣйствительности въ ея развитіи, такъ же точно замѣняютъ вопросъ о происхожденіи данныхъ отношеній и эволюціи ихъ вопросомъ о томъ, что могло *бы* быть (если *бы* не было того, что есть), такъ же точно утѣшаютъ себя тѣмъ, что это пока „только" скупщики, такъ же точно идеализируютъ и подкрашиваютъ самые худшіе виды капитализма, худшіе и въ смыслѣ технической отсталости и экономическаго несовершенства и соціальнаго и культурнаго положенія трудящихся массъ.

Обратимся къ даннымъ Пермской кустарной переписи. Вышеуказанные пробѣлы въ этихъ данныхъ постараемся восполнять, по мѣрѣ надобности, матеріаломъ выше цитированной книги „Куст. промышленность Пермской губерніи и т. д.". Выдѣлимъ прежде всего тѣ промыслы, которые даютъ главную массу кустарей, работающихъ на скупщиковъ (3-я подгруппа). При этомъ намъ придется обратиться къ нашей собственной сводкѣ, результаты которой (какъ замѣчено выше) не сходятся съ цифрами „Очерка".

Промыслы:	Число семей, работ. на скупщик.		
	I группа.	II группа.	Итого.
Чеботарный	31	605	636
Пимокатный	607	12	619
Кузнечный	70	412	482
Рогожный	132	10	142
Меб.-столярный	38	49	87
Экипажный	32	28	60
Портняжный	4	42	46
Всего по 7 промысламъ	914	1.158	2.072
А всего кустарей 3-й подгруппы	1.016	1.320	2.336

Итакъ, около 9/10 кустарей, работающихъ на скупщиковъ, сосредоточены въ перечисленныхъ семи промыслахъ. Къ этимъ промысламъ мы прежде всего и обратимся.

Начнемъ съ чеботарнаго промысла. Громадное большинство работающихъ на скупщиковъ чеботарей сосредоточено въ Кунгурскомъ уѣздѣ, который является центромъ кожевеннаго производства въ Пермской губерніи. Масса кустарей работаетъ на кожевенныхъ завод-

чиковъ: на стр. 87 „Очерка“ указано 8 скупщиковъ, на которыхъ работаетъ 445 заведеній *). Всѣ эти скупщики „исконные“ кожевенные заводчики, имена которыхъ можно найти и въ „Указателѣ фабрикъ и заводовъ“ за 1890 и за 1879 годъ и въ примѣчаніяхъ къ „Ежегоднику м-ва финансовъ. Вып. I“ за 1867 годъ. Кожевенные заводчики кроятъ кожи и отдаютъ ихъ въ кроеномъ видѣ на шитье „кустарямъ“. Вытяжка передковъ исполняется особо, по заказу заводчиковъ, нѣсколькими семействами. Вообще съ заводскимъ кожевеннымъ производствомъ связанъ цѣлый рядъ „кустарныхъ“ промысловъ, т. е. цѣлый рядъ операцій производится на дому. Таковы 1) отдѣлка кожъ; 2) шитье обуви; 3) клейка кожаной стружки въ пласты для подборовъ; 4) мытье шуруповъ для сапогъ; 5) приготовленіе шпильки для сапогъ; 6) приготовленіе колодокъ для сапогъ; 7) приготовленіе золы для кожевенныхъ заводовъ; 8) приготовленіе „дуба“ (ивовой коры) для нихъ же. Отбросы кожевеннаго производства обрабатываютъ промыслы войлокатный и клееварный („Куст. пром. III, с. 3—4 и др.). Помимо детальнаго раздѣленія труда (т. е. раздѣленія производства одной вещи на нѣсколько операцій, исполняемыхъ разными лицами) въ этомъ производствѣ развилось и потоварное раздѣленіе труда: каждая семья (иногда даже каждая улица кустарнаго села) производитъ одинъ родъ обуви. Какъ курьезъ, отмѣтимъ, что въ книгѣ „Куст. пром. и т. д.“. „Кунгурское кожевенное производство“ объявляется „типичнымъ выразителемъ идеи органической связи фабричной и кустарной промышленности къ обоюдной выгодѣ“ (sic!)... фабрика вступаетъ въ правильный (sic!) союзъ съ кустарной промышленностью, имѣя цѣлью въ своихъ интересахъ (именно!) не подавленіе..., а развитіе ея силъ (III, с. 3). Напр., заводчикъ Ѳоминскій получилъ на Екатеринбургской выставкѣ 1887 года золотую медаль не только за отличную выдѣлку кожъ, но и „за большое производство, *доставляющее заработокъ окрестному населенію*“ (ibid, с. 4 курсивъ автора). Именно, изъ 1.450 его рабочихъ 1.300 работаютъ на дому; у другого заводчика, Сартакова, 100 чел. изъ 120 работаютъ на дому и т. д. Пермскіе заводчики, слѣд., весьма успѣшно состязаются съ народнической интеллигенціей въ дѣлѣ насажденія и развитія кустарныхъ промысловъ...

Совершенно аналогична организація чеботарнаго промысла въ Красноуфимскомъ уѣздѣ („Куст. пром.“, I, 148—9): кожевенные заводчики тоже перешиваютъ кожи въ сапоги, частью въ своихъ швальняхъ, частью раздавая на дома; одинъ изъ крупныхъ владѣльцевъ кожевенно-чеботарныхъ заведеній имѣетъ до 200 постоянныхъ рабочихъ.

Теперь мы можемъ съ достаточной ясностью представить себѣ экономическую организацію чеботарнаго и многихъ другихъ, связанныхъ съ нимъ, „кустарныхъ“ промысловъ. Это—ни что иное, какъ *отдѣленія* крупныхъ капиталистическихъ мастерскихъ („фабрикъ“ по терминологіи нашей оффиціальной статистики), ни что иное, какъ *частичныя операціи* крупныхъ капиталистическихъ операцій по обра-

*) Въ томъ числѣ на 2 скупщиковъ (Пономарева и Ѳоминскаго) 217 заведеній. Всего въ Кунгурскомъ уѣздѣ 470 заведеній чеботарей работаетъ на скупщиковъ.

боткѣ кожъ. Предприниматели организовали въ широкихъ размѣрахъ закупку матеріала, устроили заводы для выработки кожъ и завели цѣлую систему дальнѣйшей переработки ихъ, — систему, основанную на раздѣленіи труда (какъ условіи техническомъ) и работѣ по найму (какъ условіи экономическомъ): они производятъ однѣ операціи въ своихъ мастерскихъ (кройку обуви), другія операціи производятся у себя на дому „кустарями", работающими на нихъ; предприниматели опредѣляютъ размѣръ производства, размѣры задѣльной платы, виды изготовляемыхъ товаровъ и количество издѣлій каждаго вида. Они же организовали и оптовый сбытъ продукта. Очевидно, что по научной терминологіи это—одна *капиталистическая мануфактура,* отчасти переходящая уже въ высшую форму, въ *фабрику* (именно, поскольку къ производству примѣняются машины и системы машинъ: крупные кожевенные заводы имѣютъ паровые двигатели). Выдѣленіе нѣкоторыхъ частей этой мануфактуры въ особую „кустарную" форму производства есть очевидная нелѣпость, затушевывающая основной фактъ господства наемнаго труда и подчиненія *всего* кожевенно-чеботарнаго дѣла крупному капиталу. Вмѣсто комичныхъ разсужденій о желательности для этого промысла „кооперативной организаціи обмѣна" (с. 93 „Очерка") не мѣшало бы пообстоятельнѣе изучать дѣйствительную организацію производства, изучать тѣ условія, которыя заставляютъ заводчиковъ предпочесть раздачу работы на дома. Заводчики находятъ это, несомнѣнно, болѣе выгоднымъ для себя, и выгодность эта будетъ понятна для насъ, если мы вспомнимъ низкіе заработки кустарей вообще, особенно кустарей-земледѣльцевъ и кустарей 3-й подгруппы. Раздавая матеріалъ на дома, предприниматели удешевляютъ такимъ образомъ заработную плату, сберегаютъ расходы на помѣщеніе, отчасти на орудія, на надзоръ, освобождаются отъ не всегда пріятныхъ требованій къ фабрикантамъ (они не фабриканты, а торговцы!), пріобрѣтаютъ рабочихъ болѣе разрозненныхъ, раздробленныхъ, менѣе способныхъ къ самозащитѣ, пріобрѣтаютъ безплатныхъ погонщиковъ для этихъ рабочихъ—своего рода „заглодовъ" или „мастерковъ" (термины нашей текстильной промышленности при системѣ раздачи пряжи на дома) въ лицѣ тѣхъ работающихъ на нихъ кустарей, которые *отъ себя нанимаютъ еще наемныхъ рабочихъ* (въ 636 семьяхъ чеботарей, работающихъ на скупщиковъ, сочтено 278 наемныхъ рабочихъ). Мы видѣли уже по общей таблицѣ, что эти наемные робочіе (въ 3 подгруппѣ) получаютъ самые низкіе заработки. Это и неудивительно, ибо они подвергаются двойной эксплуатаціи: эксплуатаціи своего нанимателя, который выжимаетъ себѣ „пользицу" изъ рабочаго, и эксплуатаціи кожевника-заводчика, раздающаго матеріалъ хозяйчикамъ. Извѣстно, что эти мелкіе мастерки, хорошо знающіе мѣстныя условія и личныя особенности рабочихъ, особенно неистощимы въ изобрѣтеніи разныхъ прижимокъ, въ практикованіи кабальнаго найма, truck-system и т. д. Извѣстна чрезмѣрная продолжительность рабочаго дня въ подобныхъ мастерскихъ и „кустарныхъ избахъ", и нельзя не пожалѣть, что кустарная перепись 1894/5 года не дала почти вовсе матеріаловъ по этимъ важнѣйшимъ вопросамъ для освѣщенія нашей самобытной Sweating system съ массой посредниковъ, усиливающихъ давленіе на рабочихъ, съ самой безконтрольной и беззастѣнчивой эксплуатаціей.

Объ организаціи пимокатнаго промысла (второй по абсолютному количеству семей, работающихъ на скупщиковъ) „Очеркъ“ не даетъ, къ сожалѣнію, почти никакихъ свѣдѣній. Мы видѣли, что въ этомъ промыслѣ есть кустари съ десятками наемныхъ рабочихъ, но раздаютъ ли они работу на дома, производятъ ли часть операцій внѣ своей мастерской *),—осталось неразъясненнымъ. Отмѣтимъ только констатируемый изслѣдователями фактъ, что гигіеническія условія пимокатнаго промысла крайне неудовлетворительны („Очеркъ“, с. 119. „Куст. пром.“ III, 16)—невыносимая жара, масса пыли, удушливая атмосфера. И это въ жилыхъ избахъ кустарей! Естественнымъ результатомъ является то, что кустари выдерживаютъ не болѣе 15 лѣтъ работы и кончаютъ чахоткой. И. И. Моллесонъ, изслѣдовавшій санитарныя условія работы, говоритъ: „Рабочіе отъ 13 до 30 лѣтъ составляютъ главный контингентъ пимокатовъ. И почти всѣ они рѣзко выдѣляются блѣдностью, матовымъ цвѣтомъ кожи и своимъ вялымъ, *какъ бы истощеннымъ болѣзнью видомъ*“ (III, с. 145, курсивъ автора). Практическій выводъ изслѣдователя таковъ: „Необходимо поставить въ обязанность хозяевамъ строить мастерскую (пимокатню) значительно большихъ размѣровъ, такъ чтобы на каждаго рабочаго приходился заранѣе опредѣленный постоянный объемъ воздуха“; „мастерская должна быть назначена исключительно для работы. Ночевки рабочихъ въ ней должны быть безусловно запрещены“ (ibid). Итакъ, санитарные врачи требуютъ для этихъ кустарей устройства фабрикъ, запрещенія работы на дому. Нельзя не пожелать осуществленія этой мѣры, которая двинула бы впередъ техническій прогрессъ, устранивъ массу посредниковъ, расчистила дорогу для регулированія рабочаго дня и условій труда, однимъ словомъ, устранила бы наиболѣе вопіющія злоупотребленія въ нашей „народной“ промышленности.

Въ рогожномъ промыслѣ въ числѣ скупщиковъ фигурируетъ осинскій купецъ Бутаковъ, который, по свѣдѣніямъ за 1879 годъ, имѣлъ въ гор. Осѣ рогожную фабрику съ 180 рабочими **). Неужели этотъ фабрикантъ долженъ быть признанъ „чуждымъ самому производству“ за то, что онъ нашелъ болѣе выгоднымъ раздавать работу на дома? Интересно бы также знать, чѣмъ отличаются скупщики, изгнанные изъ числа кустарей, отъ тѣхъ „кустарей“, которые, не имѣя семейныхъ рабочихъ, „закупаютъ мочало и передаютъ его на выдѣлку задѣльщикамъ, которые и перерабатываютъ его въ рогожи и кули на своихъ станахъ“ („Очеркъ“, 152)?—наглядный примѣръ той путаницы, въ которую завели изслѣдователей народническіе предразсудки. Гигіеническія условія въ этомъ промыслѣ тоже ниже всякой критики—тѣснота, грязь, пыль, сырость, вонь, продолжительный рабочій день (12—15 часовъ въ сутки)—все это дѣлаетъ изъ центровъ промысла настоящіе „источники голоднаго тифа“ ***), который и возникалъ здѣсь нерѣдко.

---

*) Такова организація валяльнаго промысла въ Арзамасскомъ и Семеновскомъ уѣздахъ Нижегородской губерніи. См. „Труды комиссіи по изслѣдованію кустарныхъ промысловъ“ и „Матеріалы“ Нижегородской земской статистики“.

**) „Указатель фабрикъ и заводовъ“ за 1879 годъ. Рогожники, работающіе на скупщиковъ, сосредоточены всего болѣе въ Осинскомъ уѣздѣ.

***) „Очеркъ“, с. 158.

Объ организаціи работы на скупщиковъ въ кузнечномъ промыслѣ мы опять-таки ничего не узнаемъ изъ „Очерка“ и должны обратиться къ книгѣ „Куст. пром. и т. д.“, дающей весьма интересное описаніе Нижне-Тагильскаго кузнечнаго промысла. Производство подносовъ и др. издѣлій раздѣлено между нѣсколькими заведеніями: *клепальныя* мастерскія куютъ желѣзо, *лудильныя* лудятъ его, *красильныя* — окрашиваютъ. Нѣкоторые кустари-хозяева имѣютъ заведенія всѣхъ этихъ видовъ, будучи, слѣд., чистаго типа мануфактуристами. Другіе—производятъ въ своей мастерской одну изъ операцій, раздавая затѣмъ издѣлія въ полуду и окраску кустарямъ на домъ. Здѣсь, слѣд., съ особенной рельефностью выступаетъ однородность экономической организаціи промысла при раздачи работы на дома и при принадлежности хозяину нѣсколькихъ детальныхъ мастерскихъ. Кустари-скупщики, раздающіе работу на дома, принадлежатъ къ самымъ крупнымъ хозяевамъ (ихъ 25 человѣкъ), организовавшимъ наиболѣе выгодно закупку сырья и сбытъ продукта въ широкихъ размѣрахъ: эти 25 кустарей (и только они) ѣздятъ на ярмарку или имѣютъ свои лавки. Кромѣ нихъ скупщиками являются уже крупные „фабриканты-торговцы“, экспонировавшіе свои издѣлія на Екатеринбургской выставкѣ въ фабрично-заводскомъ отдѣлѣ: ихъ авторъ книги относитъ къ „фабрично-кустарной (sic!) промышленности“ („Куст. пром.“, I, стр. 98—99). Въ общемъ и цѣломъ мы получимъ такимъ образомъ чрезвычайно типичную картину капиталистической мануфактуры, самыми разнообразными и причудливыми способами переплетающейся съ мелкими заведеніями. Чтобы показать наглядно, какъ мало помогаетъ разобраться въ этихъ сложныхъ отношеніяхъ дѣленіе промышленниковъ на „кустарей“ и „фабрикантовъ“, на производителей и „скупщиковъ“, воспользуемся приводимыми въ названной книгѣ цифрами и изобразимъ экономическія отношенія промысла въ видѣ таблицы: (см. таблицу на слѣдующей стр.).

И теперь намъ будутъ говорить, что скупщики такъ же, какъ и ростовщики, „чужды самому производству“, что господство ихъ означаетъ лишь „капитализацію мѣноваго процесса“, а не „капитализацію производства“!

Весьма типичнымъ примѣромъ капиталистической мануфактуры является также сундучный промыселъ („Очеркъ“, с. 334—339 „Куст. пром.“ I, с. 31—40). Организація его такова: нѣсколько крупныхъ хозяевъ, имѣющихъ мастерскія съ наемными рабочими, закупаютъ матеріалы, изготовляютъ *отчасти* издѣлія у себя, но главнымъ образомъ раздаютъ матеріалъ мелкимъ детальнымъ мастерскимъ, а въ своихъ мастерскихъ собираютъ части сундука и, по окончательной отдѣлкѣ, отправляютъ товаръ на рынокъ. Раздѣленіе труда—это типическое условіе и техническое основаніе мануфактуры—примѣняется въ производствѣ въ широкихъ размѣрахъ: изготовленіе цѣлаго сундука дѣлится на 10—12 операцій, исполняемыхъ каждая въ отдѣльности детальщиками-кустарями. Организація промысла—объединеніе детальныхъ рабочихъ (Theilarbeiter, какъ они называются въ „Капиталѣ“) подъ командой *капитала*. Почему капиталъ предпочитаетъ раздачу на дома работѣ наемныхъ рабочихъ въ мастерской на это ясный отвѣтъ даютъ данныя кустарной переписи 1894 — 5 года о

Самостоятельное производство на рынокъ.					Работа на скупщиковъ.			
Заведеній.	Рабочихъ: Семейныхъ.	Наемныхъ.	Всего.	Сумма производства въ тыс. руб.	Заведеній.	Рабочихъ: Семейныхъ.	Наемныхъ.	Всего.
А.	„Фаб	рич	но-ку	старная	про	мышл	енно	сть".
?	?	?	?	60 + 7				
(„фаб	рикан	ты-	тор	говцы").	a) 29	51	39	90
Б.	„Куст	арная	промы	шленность".	b) 39	53	79	132
25	(куст	ари-ск	упщ.)	95 + 30	68	104	118	222
16	88	161	249	8				
				163 37				

200 тыс. руб.=сумма производства всего Нижне-Тагильскаго промысла.

a) кустари, зависимые въ сбытѣ.
b) кустари, зависимые и въ сбытѣ и въ производствѣ.

заведеніяхъ Невьянскаго завода Екатеринбургскаго уѣзда (одинъ изъ центровъ промысла), гдѣ мы встрѣчаемъ *рядомъ* и сборныя мастерскія, и детальщиковъ-кустарей. Сравненіе между тѣми и другими, слѣд., вполнѣ возможно. Приводимъ сравнительныя данныя въ табличкѣ: (стр. 173 таблицъ).

Сундучники Невьянскаго завода.	Группы.	Подгруппы.	Число заведеній.	Число рабочихъ: Семейныхъ.	Наемныхъ.	Всего.	Валовой доходъ: Всего.	На 1 рабочаго.	Заработная плата: Всего.	На 1 наем. рабочаго.	Чистый доходъ: Всего.	На 1 сем. рабочаго.
Скупщики . .	II	1	2	1	13	14	5,850	418	1.300	100	1.617	808 *)
Кустари . . .	II	3	8	11	8	19	1,315	70,3	351	44	984	89.4

*) На 1 заведеніе.

Разсмотримъ эту табличку, оговорившись сначала, что, если бы мы взяли вмѣсто одного Невьянскаго завода данныя о всей 1-й и 3-й подгруппѣ, (стр. 335 „Очерка“), то выводы получились бы тѣ же самые. Величина валового дохода въ обѣихъ подгруппахъ, очевидно, несравнима, ибо одинъ и тотъ же матеріалъ проходитъ черезъ руки разныхъ детальныхъ рабочихъ и черезъ сборныя мастерскія. Но характерны данныя о доходѣ и заработной платѣ. Оказывается, что заработная плата наемнымъ рабочимъ въ сборныхъ мастерскихъ выше дохода зависимыхъ кустарей (100 р. и 89 р.), несмотря на то, что послѣдніе эксплуатируютъ тоже наемныхъ рабочихъ. Заработная же плата этихъ послѣднихъ *болѣе чѣмъ вдвое ниже* заработка рабочихъ въ сборныхъ мастерскихъ. Ну, какъ же не предпочитать нашимъ предпринимателямъ „кустарную“ промышленность передъ фабричной, когда первая даетъ имъ такія существенныя „преимущества“! Совершенно аналогична организація работы на скупщика въ экипажномъ промыслѣ („Очеркъ“, с. 308 и сл. „Куст. пром.“ I, с. 42 и сл.); тѣ же сборныя мастерскія, хозяева которыхъ являются „скупщиками“ (и раздатчиками, давальцами работы) по отношенію къ детальщикамъ-кустарямъ, то же превышеніе заработной платы наемнику въ мастерской надъ доходомъ зависимаго кустаря (не говоря уже о его наемномъ рабочемъ). Это превышеніе констатируется и для земледѣльцевъ (I группа) и для неземледѣльцевъ (II группа). Въ мебельно-столярномъ промыслѣ скупщиками являются мебельные магазины г. Перми („Очеркъ“, 133 Куст. пром. II, 11), которые снабжаютъ кустарей, при заказахъ, образцами, чѣмъ между прочимъ они „постепенно подняли технику производства“.

Въ портняжномъ промыслѣ магазины готоваго платья въ Перми и Екатеринбургѣ раздаютъ кустарямъ матеріалъ на выдѣлку. Извѣстно, что совершенно однородная организація портняжнаго и конфекціоннаго промысла существуетъ и въ другихъ капиталистическихъ странахъ З. Европы и Америки. Отличіе „капиталистическаго“ Запада отъ Россіи съ ея „народнымъ производствомъ“ состоитъ въ томъ, что на Западѣ называютъ такіе порядки Schwitzsystem и изыскиваютъ мѣры борьбы съ этой худшей системой эксплуатаціи, напр., германскіе портные добиваются отъ своихъ хозяевъ устройства фабрикъ (т. е. „искусственно насаждаютъ капитализмъ“, какъ заключилъ бы россійскій народникъ), тогда какъ у насъ эту „систему вышибанія пота“ благодушно называютъ „кустарной промышленностью“ и обсуждаютъ преимущества ея передъ капитализмомъ.

Мы разсмотрѣли теперь всѣ промыслы, дающіе громадное большинство кустарей, работающихъ на скупщиковъ. Какіе же результаты этого обзора? Мы убѣдились въ полнѣйшей несостоятельности народническаго положенія, будто скупщики и даже сборныя мастерскія — тѣ же ростовщики, чуждые производству элементы и т. п. Несмотря на указанную выше недостаточность данныхъ „Очерка“, несмотря на отсутствіе въ программѣ переписи вопросовъ о хозяйствѣ скупщиковъ,

намъ удалось по большинству промысловъ констатировать самую неразрывную связь скупщиковъ съ производствомъ,—даже прямое участіе ихъ въ производствѣ, „участіе" какъ хозяевъ мастерскихъ съ наемными рабочими. Нѣтъ ничего нелѣпѣе мнѣнія, будто работа на скупщиковъ есть лишь результатъ какого-то злоупотребленія, какой-то случайности, какой-то „капитализаціи мѣнового процесса", а не производства. Напротивъ, работа на скупщика есть именно *особая форма производства*, особая организація экономическихъ отношеній въ производствѣ, — организація, которая непосредственно выросла изъ мелкаго товарнаго производства („мелкаго народнаго производства", какъ принято говорить въ нашей прекраснодушной литературѣ) и посейчасъ связана съ нимъ тысячью нитей, ибо наиболѣе зажиточные хозяйчики, наиболѣе передовые „кустари" и кладутъ начало этой системѣ, расширяя свои обороты посредствомъ раздачи работы на дома. Непосредственно примыкая къ капиталистической мастерской съ наемными рабочими, составляя зачастую лишь продолженіе ея или одно изъ ея отдѣленій, работа на скупщика является просто *придаткомъ фабрики*, понимая это послѣднее выраженіе не въ научномъ, а въ разговорномъ значеніи его. По научной же классификаціи формъ промышленности, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, работа на скупщика принадлежитъ большей частью къ *капиталистической мануфактурѣ*, ибо она: 1) основана на ручномъ производствѣ и на широкомъ базисѣ мелкихъ заведеній; 2) вводитъ между этими заведеніями раздѣленіе труда, развивая его и внутри мастерской; 3) ставитъ во главѣ производства торговца, какъ это и всегда бываетъ въ мануфактурѣ, предполагающей производство въ широкихъ размѣрахъ, оптовую закупку сырья и сбытъ продукта; 4) низводитъ трудящихся на положеніе наемныхъ рабочихъ, занятыхъ въ мастерской хозяина или у себя на дому. Именно этими признаками, какъ извѣстно, характеризуется научное понятіе мануфактуры, какъ особой ступени развитія капитализма въ промышленности (смотри Das Kapital, I, Kapitel XII). Эта форма промышленности означаетъ уже, какъ извѣстно, глубокое господство капитализма, будучи непосредственной предшественницей послѣдней и высшей формы его, т. е. крупной машинной индустріи. Работа на скупщика есть, слѣдовательно, отсталая форма капитализма, и въ современномъ обществѣ эта отсталость ведетъ въ ней къ особому ухудшенію положенія трудящихся, эксплуатируемыхъ цѣлымъ рядомъ посредниковъ (sweating system), раздробленныхъ, вынужденныхъ довольствоваться самой низкой заработной платой, работать при условіяхъ крайне антигигіенической обстановки и чрезмѣрно длиннаго рабочаго дня,—а главное, при условіяхъ, крайне затрудняющихъ возможность общественнаго контроля за производствомъ.

Мы закончили теперь обзоръ данныхъ кустарной переписи 1894—5 года. Этотъ обзоръ вполнѣ подтвердилъ выше-сдѣланное замѣчаніе о полной безсодержательности понятія: „кустарничество". Мы видѣли, что подъ это понятіе подводились самыя разнообразныя формы про-

мышленности, мы вправѣ даже сказать: *почти всѣ формы промышленности, какія только знаетъ наука.* Въ самомъ дѣлѣ, сюда вошли и патріархальные ремесленники, работающіе по заказу потребителей изъ ихъ (потребителей) матеріала, получающіе вознагражденіе иногда натурой, иногда деньгами. Сюда вошли далѣе представители совсѣмъ иной формы промышленности—мелкіе товаропроизводители, работающіе своей семьей. Сюда вошли владѣльцы капиталистическихъ мастерскихъ съ наемными рабочими и эти наемные рабочіе, число которыхъ достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ на заведеніе. Сюда вошли предприниматели-мануфактуристы съ крупнымъ капиталомъ, господствующіе надъ цѣлой системой детальныхъ мастерскихъ. Сюда вошли и работающіе на капиталистовъ домашніе рабочіе. По всѣмъ этимъ подраздѣленіямъ „кустарями" одинаково считались и земледѣльцы и не-земледѣльцы, и крестьяне, и горожане. Такая путаница—вовсе не особенность даннаго изслѣдованія о пермскихъ кустаряхъ. Ничуть не бывало. Она повторяется *вездѣ* и *всегда*, когда и гдѣ говорятъ и пишутъ о „кустарной" промышленности. Всякій, кто знакомъ, напр., съ „Трудами комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности", знаетъ, что тамъ въ число кустарей попали точно также всѣ эти разряды. И вотъ излюбленный пріемъ нашей народнической экономіи состоитъ въ томъ, чтобы свалить въ кучу все это безконечное разнообразіе формъ промышленности, назвать эту кучу „кустарной", „народной" промышленностью, и—risum teneatis, amici! — *противопоставить* эту безсмыслицу „капитализму"—„фабрично-заводской промышленности". „Обоснованіе" этого восхитительнаго пріема, свидѣтельствующаго о замѣчательной глубинѣ мысли и познаніяхъ его иниціатора, принадлежитъ, если мы не ошибаемся, г-ну В. В., который на первыхъ же страницахъ своихъ „Очерковъ кустарной промышленности" беретъ оффиціальныя числа „фабрично-заводскихъ" рабочихъ Московской, Владимірской и др. губерній и сравниваетъ съ ними числа „кустарей", причемъ оказывается, конечно, что „народная промышленность" гораздо сильнѣе развита на святой Руси, чѣмъ „капитализмъ", а о томъ фактѣ, многократно установленномъ изслѣдователями *), что громадное большинство этихъ „кустарей", *работаетъ на тѣхъ же самыхъ фабрикантовъ*, нашъ „авторитетный" экономистъ благоразумно умалчивалъ. Строго слѣдуя народническимъ предразсудкамъ, составители „Очерка" повторяютъ тотъ же самый пріемъ. Хотя сумма годового производства „кустарной" промышленности составляетъ въ Пермской губерніи лишь 5 мил. руб. **), а „фабрично-заводской"—30 мил. руб., но „число рабочихъ рукъ, занятыхъ фабрично-заводской промышленностью, опредѣляется въ 19 тыс. чел., а

*) См. хотя бы статью г. Харизоменова „Значеніе кустарной промышленности" въ Юр. Вѣстникѣ за 1883 г. №№ 11 и 12, дающую сводку статистическаго матеріала, имѣвшагося тогда.

**) Мы не говоримъ уже о курьезномъ опредѣленіи этой цифры. Напр., крупнѣйшую сумму даетъ мукомольный промыселъ (1,2 мил. руб.), ибо сюда зачислили стоимость всего хлѣба, перемалываемаго мельниками! Въ таблицахъ и въ описаніи „Очерка" взятъ былъ лишь валовой доходъ 143 тыс. руб. (см. с. 358 и прим.). Чеботарный промыселъ даетъ 930 тыс. руб., изъ которыхъ изрядная часть составляетъ оборотъ кунгурскихъ *заводчиковъ*. И т. д., и т. д.

кустарною—въ 26 тыс. человѣкъ“ (с. 364). Классификація, какъ видите, простая до умилительности:

а) фабрично-заводскіе рабочіе	19.000
б) кустари	26.000
Всего . .	45.000

Понятно, что такая классификація открываетъ настежь двери для разсужденій о „возможности иного пути для отечества“!

Но зачѣмъ же нибудь имѣемъ мы передъ собой данныя подворной кустарной переписи, изслѣдовавшей формы промышленности. Попытаемся дать классификацію, *соотвѣтствующую* даннымъ переписи (надъ которыми народническая классификація является просто насмѣшкой), и соотвѣтствующую различнымъ формамъ промышленности. Тѣ процентныя отношенія, которыя дала перепись о 20 тыс. рабочихъ, мы приложимъ и къ увеличенному авторами на основаніи другихъ источниковъ числу—26 тыс.

	Число рабочихъ.	
А. *Товарное производство.*		
I. Капиталистически употребляемые рабочіе.		
1) „Фабрично-заводскіе“ рабочіе (въ среднемъ, по даннымъ, за 7 лѣтъ, 1885 — 1891, приходится по 14,6 рабочихъ на 1 заведеніе).	19.000 42,2%	
2) Наемные рабочіе у „кустарей“ (25% всего числа). (Изъ нихъ четверть въ заведеніяхъ, имѣющихъ, въ среднемъ, по 14,6 рабочихъ на 1 заведеніе)	6.500 14,4%	30.700 68,2%
3) Работающіе дома на скупщиковъ, т.-е. кустари-семьяне 3-ей подгруппы 20%. (Изъ нихъ многіе работаютъ *на тѣхъ же самыхъ фабрикантовъ*, на которыхъ работаютъ рабочіе пунктовъ 1 и 2)	5.200 11,6%	
II. Мелкіе товаропроизводители, т.-е. кустари-семьяне 1-ой подгруппы 30%. (Изъ нихъ около ⅓ держатъ наемныхъ рабочихъ)	7.800 17,6%	
Б. *Ремесло.*		
Сельскіе (отчасти городскіе) ремесленники, т.-е. кустари-семьяне 2-ой подгруппы 25%. (Изъ нихъ небольшая часть тоже держитъ наемныхъ рабочихъ)	6.500 14,4%	
Всего	45.000 100%	

Мы прекрасно понимаемъ, что и въ этой классификаціи есть ошибки: въ ней нѣтъ фабрикантовъ и заводчиковъ, но есть кустари съ десятками наемныхъ рабочихъ; въ нее вошли случайно одни мануфактуристы, не выдѣленные, однако, особо, и не вошли другіе,

изгнанные въ качествѣ „скупщиковъ"; въ нее попали городскіе ремесленники изъ одного города и не попали изъ 11 городовъ и т. п. Но во всякомъ случаѣ эта классификація основана на *данныхъ* кустарной переписи о *формахъ промышленности*, и указанныя ошибки суть ошибки этихъ данныхъ, а не ошибки классификаціи *). Во всякомъ случаѣ эта классификація даетъ точное представленіе о дѣйствительности, разъясняетъ дѣйствительныя общественно-экономическія отношенія между различными участниками промышленности, а, слѣдовательно и ихъ положеніе, и ихъ интересы,—а въ такомъ разъясненіи и состоитъ высшая задача всякаго научно-экономическаго изслѣдованія.

VII.

„Отрадное явленіе" въ кустарной промышленности.

Насъ могли бы обвинить въ односторонности, въ выставленіи однихъ темныхъ сторонъ кустарной промышленности, если бы мы обошли молчаніемъ приводимые въ „Очеркѣ" факты, которые должны выставить „свѣтлую сторону" и „отрадныя явленія" кустарной промышленности.

Намъ говорятъ, напр., что наемный трудъ въ кустарномъ производствѣ имѣетъ нѣкоторое особое значеніе, ибо наемный рабочій здѣсь отличается „бытовой близостью" къ хозяину, и самъ „можетъ" сдѣлаться хозяиномъ. Къ „отраднымъ явленіямъ" здѣсь отнесено, слѣдовательно, доброе пожеланіе превратить всѣхъ рабочихъ въ хозяйчиковъ **)! Впрочемъ, нѣтъ не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ, ибо „тенденція эксплуатировать чужой трудъ свойственна, безъ сомнѣнія, всѣмъ людямъ вообще, въ томъ числѣ и кустарю" („Очеркъ", с. 6). Эта фраза просто неподражаема по той наивности, съ которой „всѣ люди" безъ дальнихъ околичностей, отожествлены съ мелкими буржуа! Неудивительно, что тотъ, кто смотритъ на весь міръ черезъ очки мелкаго буржуа, открываетъ такія замѣчательныя истины. На стр. 268-ой „предпріятіемъ по трудовой обстановкѣ (sic!) въ строгомъ значеніи слова кустарнымъ" объявляется мелкая фабричка съ 8 наемными рабочими, съ производствомъ въ 10 тысячъ руб. На стр. 272—274 разсказывается, какъ другой мелкій фабрикантикъ (съ 7 наемными рабочими и 5 учениками; производство на 7 тысячъ руб.) устроилъ доменную печь на арендованной у общества крестьянъ землѣ и попросилъ въ кустарномъ банкѣ ссуду въ 5.000 р. на устройство вагранки, объясняя, что „все его предпріятіе имѣетъ чисто мѣстный интересъ, такъ какъ добыча рудъ будетъ производиться въ надѣлахъ общества мѣстными же крестьянами". Банкъ отклонилъ просьбу по формаль-

*) Возразятъ, можетъ быть, что наемные рабочіе у кустарей-ремесленниковъ (20% всего числа наемныхъ рабочихъ у кустарей) должны быть отнесены не къ товарному производству, а къ ремеслу. Но рабочая сила здѣсь сама является товаромъ, и купля-продажа ея есть существенный признакъ капитализма.

**) О томъ, какъ отражается „бытовая близость" на системѣ и правильности расплаты, способахъ найма, на кабалѣ рабочаго, на truck-system,—намъ не сообщаютъ ничего.

нымъ основаніямъ. И „Очеркъ“ рисуетъ намъ по этому поводу увлекательную картину превращенія этого предпріятія въ кооперативное, общественное: хозяину это, безъ сомнѣнія, будетъ по душѣ, какъ радѣтелю интересовъ не только производства, но и окружающихъ его однообщественниковъ“. Предпріятіе „захватываетъ массу трудовыхъ интересовъ сочленовъ общества, которые будутъ добывать и свозить на заводъ руду, лѣсные матеріалы“. „Домохозяева будутъ носить на заводъ руды, уголь и пр. на подобіе того, какъ домохозяйки несутъ на общественную сыроварню молоко. Конечно, здѣсь предполагается организація болѣе сложная, чѣмъ на общественныхъ сыроварняхъ, въ особенности при условіи пользованія мѣстными же мастерами и чернорабочими въ веденіи самого дѣла, т.-е выплавки чугуна изъ рудъ“. О, идиллія! Чернорабочіе („сочлены общества“) будутъ „носить на заводъ“ руду, дрова и пр. на подобіе того, какъ крестьянки несутъ молоко на сыроварню!! Мы не станемъ отрицать, что кустарный банкъ можетъ (если не помѣшаетъ его бюрократическая организація) сослужить такую же службу, какъ и другіе банки, развивая товарное хозяйство и капитализмъ, но было бы очень грустно, если бы онъ продолжалъ, наряду съ этимъ, развивать фарисейство и маниловское празднословіе предпринимателей, ходатайствующихъ о ссудѣ.

До сихъ поръ мы видѣли, какъ предпріятія съ большимъ числомъ наемныхъ рабочихъ объявлялись „кустарными“ на томъ основаніи, что хозяева сами трудятся. Но это условіе было бы для мелкихъ буржуа нѣсколько стѣснительно, и вотъ „Очеркъ“ старается расширить его: оказывается, что и предпріятіе, которое „ведется исключительно наемнымъ трудомъ“, можетъ быть кустарнымъ, если „успѣхъ“ предпріятія зиждется на „личномъ участіи“ хозяина (с. 295), или даже, если хозяева „вынуждены ограничить свое участіе разнообразными хлопотами по веденію промысла“ (с. 301). Неправда ли, какъ успѣшно „прогрессируютъ“ пермскіе народники? „Личный трудъ“—„личное участіе“—„разнообразные хлопоты“. Mein Liebchen, was willst du noch mehr? Наемный трудъ въ кирпичномъ промыслѣ приноситъ, оказывается, особенныя выгоды (302) наемнымъ рабочимъ, находящимъ „подсобный заработокъ“ въ кирпичныхъ заводахъ; между тѣмъ хозяева этихъ заводовъ часто испытываютъ „надобность въ деньгахъ на наемъ рабочихъ“. „Очеркъ“ заключаетъ, что такимъ хозяевамъ слѣдуетъ разрѣшать кредитъ изъ кустарнаго банка, „относя такія предпріятія, по прим. къ п. 3 ст. 7 уст. куст. банка, къ случаямъ особо уважительнымъ“ (с. 302). Это сказано не очень грамотно, но зато очень внушительно и многозначительно! „Въ заключеніе мы находимъ достаточныя основанія высказать,—читаемъ въ концѣ описанія кирпичнаго промысла,—что въ кирпичномъ промыслѣ среди крестьянъ интересы хозяевъ и наемныхъ рабочихъ до такой степени обобщаются, что, хотя формально артелей въ этомъ промыслѣ не зарегистрировано, но фактически въ немъ существуетъ крѣпкая товарищеская связь между хозяевами и ихъ наемными рабочими“ (305). Отсылаемъ читателя къ вышеданной статистической картинкѣ этихъ „товарищескихъ связей“. Курьезно также,—какъ образчикъ путаницы въ народническихъ экономическихъ понятіяхъ, — что „Очеркъ“ въ одно и то же время защищаетъ и подкрашиваетъ наемный трудъ, утверждая, что кулакомъ

является отнюдь не хозяинъ съ наемными рабочими, а обладатель денежнаго капитала, который „эксплуатируетъ трудъ въ лицѣ хозяина. кустаря и его наемныхъ рабочихъ"(!), и наряду съ этимъ пускается самымъ неразумнымъ и неумѣреннымъ образомъ защищать кулачество: „кулачество тѣмъ не мѣнѣе, въ какихъ бы мрачныхъ краскахъ его не малевали, есть необходимое пока колесо въ механизмѣ обмѣна кустарнаго производства... Кулачество, по отношенію къ успѣхамъ кустарной промышленности, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ признать благомъ, сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, когда безъ кулака, безъ всякихъ денежныхъ средствъ, кустарь вынужденъ оставаться безъ работы" (с. 8)*). Доколѣ же это пока? Если бы было сказано, что торговый и ростовщическій капиталъ есть необходимый моментъ въ развитіи капитализма, необходимое колесо въ механизмѣ *малоразвитаго* капиталистическаго общества (какъ наше), тогда это было бы вѣрно. При такомъ толкованіи, слово „пока" надо понимать такъ: *пока* безчисленныя стѣсненія свободы промышленности и свободы конкуренціи (особенно въ крестьянствѣ) поддерживаютъ у насъ самые отсталыя и самыя худшія формы капитализма. Боимся только, что это толкованіе не понравится пермскимъ, да и другимъ народникамъ!

Перейдемъ къ артелямъ этимъ ближайшимъ и важнѣйшимъ выразителямъ тѣхъ, якобы, общинныхъ принциповъ, которые народники хотятъ непремѣнно видѣть въ кустарныхъ промыслахъ. Интересно посмотрѣть на данные *подворной* переписи кустарей въ цѣлой губерніи, переписи, прямо ставившей въ программу регистрацію и изученіе артелей (стр. 14, п. 2). Мы можемъ, слѣд., не только познакомиться съ разными типами артелей, но и узнать, какъ широко онѣ распространены.

Маслобойный промыселъ. „Бытовая артель въ строгомъ значеніи этого слова": въ с. Покровскомъ и въ д. Гаврятахъ двумя маслобойнями владѣютъ пятеро братьевъ, которые раздѣлились между собою, но маслобойнями пользуются по очереди. Эти факты представляютъ „глубокій интересъ", потому что „ими освѣщаются контрактныя условія общино-трудовой преемственности кустарныхъ промысловъ". Очевидно, что подобныя бытовыя „артели представляютъ значительный прецедентъ въ вопросѣ о распространеніи въ средѣ кустарничества на кооперативныхъ началахъ производствъ заводского типа" (с. 175—176). Итакъ, артель въ строгомъ значеніи слова, какъ прецедентъ коопераціи, какъ выраженіе общинности состоитъ въ *общей собственности нераздѣленныхъ наслѣдниковъ*!! Очевидно, настоящимъ палладіумомъ „общинности" и „коопераціи" является, если такъ, римское гражданское право и нашъ X томъ съ институтами condominium'а, общей собственности наслѣдниковъ и ненаслѣдниковъ.

---

*) Тѣ же мысли находимъ въ книгѣ „Куст. пром.", I, 39 и сл., гдѣ полемизируютъ противъ газеты „Дѣловой Корреспондентъ", писавшей, что кулаковъ (хозяевъ сборныхъ мастерскихъ въ сундучномъ промыслѣ) не надо бы пускать въ кустарный отдѣлъ. „Вся наша кустарная промышленность—читаемъ въ отвѣтъ на это—находится въ узахъ частныхъ капиталовъ, а поэтому, еслибы въ кустарный отдѣлъ допускались только тѣ кустари, которые сами торгуютъ своими издѣліями, то нашъ кустарный отдѣлъ былъ бы пустъ, хоть шаромъ покати". Не правда-ли прехарактерное признаніе? Мы показали выше, на основаніи данныхъ переписи, эти „узы частныхъ капиталовъ", держащихъ въ своихъ рукахъ кустарные промыслы.

„Въ мукомольномъ производствѣ“... всего ярче выразилась въ своеобразныхъ бытовыхъ формахъ артельная предпріимчивость крестьянъ“. Много мельницъ находится въ общемъ пользованіи товариществъ или даже цѣлыхъ селеній. Способы пользованія мельницами: самый распространенный—по очереди; затѣмъ дѣленіе чистаго дохода на паи пропорціонально затратѣ каждаго совладѣльца; „въ подобныхъ случаяхъ хозяева-товарищи рѣдко принимаютъ личное трудовое участіе въ производствѣ, которое и ведется обыкновенно наемнымъ трудомъ“ (с. 181; то же самое объ артельныхъ смолокурняхъ—стр. 197). Удивительная своеобразность и артельность въ самомъ дѣлѣ—общая собственность хозяйчиковъ, которые сообща нанимаютъ рабочихъ! Тотъ фактъ, что кустари *по очереди* пользуются мельницами, смолокурнями, кузницами свидѣтельствуетъ, наоборотъ, о поразительной раздробленности производителей, которыхъ даже общая собственность не въ силахъ побудить къ кооперації.

„Одинъ изъ видовъ артельной организаціи“—„артельныя кузницы“ (239). Кузнецы-хозяева для экономіи въ топливѣ собираются въ одну кузницу, нанимая одного поддувальщика (экономія въ рабочихъ!) и арендуя у хозяина кузницы какъ помѣщеніе, такъ и молотокъ за особую плату.—Итакъ, отдача вещи, принадлежащей одному лицу на правѣ частной собственности, другому лицу въ аренду за плату есть „артельная организація“! Положительно римское право надо назвать кодексомъ „артельной организаціи“!... „Въ артельной организаціи... мы находимъ новое указаніе на отсутствіе классовой кристализаціи въ производствѣ среди кустарей,—указаніе на то же сліяніе разслоеній въ земледѣльческой и кустарной средѣ, какое мы видѣли и въ артельныхъ мельницахъ“ (239). И смѣютъ еще какіе-то злые люди говорить послѣ этого о разложеніи крестьянства!

До сихъ поръ, слѣдовательно, ни одного случая *соединенія* кустарей для закупки сырья, сбыта продукта, не говоря уже о соединеніи въ самомъ производствѣ! Есть, однако, и такія соединенія! Подворная перепись кустарей Пермской губ. зарегистрировала ихъ цѣлыхъ *четыре*, причемъ *всѣ* устроились при содѣйствіи кустарнаго банка: три въ экипажномъ промыслѣ, а одна въ производствѣ земледѣльческихъ машинъ. Одна изъ артелей имѣетъ наемныхъ рабочихъ (2 ученика и 2 наемныхъ „подсобныхъ“ работника), въ другой двое товарищей пользуются кузницей и мастерской, принадлежащей третьему товарищу, за особую плату. Сообща закупаютъ сырье и сбываютъ продуктъ, работаютъ же по отдѣльнымъ мастерскимъ (кромѣ отмѣченнаго случая найма за плату кузницы и мастерской). Всѣ эти четыре артели объединили 21 семейнаго работника. Пермскій кустарный банкъ дѣйствуетъ уже нѣсколько лѣтъ. Допустимъ, что онъ будетъ теперь „объединять“ (для найма сосѣдской кузницы) *въ одинъ годъ* не по 20-ти семейныхъ рабочихъ, а по 50-ти. Тогда всѣ 15.000 семейныхъ рабочихъ кустарей будутъ „объединены“ „артельной организаціей“ ровно черезъ 300 лѣтъ. А покончивъ съ этимъ дѣломъ, начнутъ уже „объединять“ и наемныхъ рабочихъ у кустарей... И пермскіе народники торжествуютъ: „Столь важныя экономическія концепціи, созданныя самостоятельной работой мысли кустарной среды, служатъ прочнымъ залогомъ экономическаго прогресса производства въ

этой средѣ на началахъ независимости труда отъ капитала, такъ какъ въ данныхъ фактахъ сказывается не стихійное только стремленіе кустарей къ трудовой самостоятельности, но и въ полной мѣрѣ сознательное" (с. 353). Помилосердствуйте, господа! Конечно, нельзя себѣ и представить народничества безъ маниловскихъ фразъ, но, вѣдь, надо же знать и мѣру! *Ни одна* изъ артелей, какъ мы видѣли, не выражаетъ „начала независимости труда отъ капитала": всѣ—артели хозяевъ и хозяйчиковъ, многія—съ наемными рабочими. Коопераціи въ этихъ артеляхъ нѣтъ, даже общая заготовка сырья и продажа продукта встрѣчается до смѣшного рѣдко, объединяя поразительно ничтожное число хозяевъ. Можно съ увѣренностью сказать, что не найдется ни одной капиталистической страны, въ которой бы регистрація почти 9-ти тысячъ мелкихъ заведеній съ 20-ю тысячами рабочихъ обнаружила *такую поразительную раздробленность и одичалость* производителей, среди которыхъ нашлось лишь нѣсколько десятковъ случаевъ *общей собственности и менѣе десятка* случаевъ объединенія 3—5 хозяйчиковъ для закупки сырья и сбыта продукта! Эта раздробленность служила бы *вѣрнѣйшимъ залогомъ безпросвѣтнаго экономическаго и культурнаго застоя*, если бы мы не видѣли, къ счастью, какъ капитализмъ съ каждымъ днемъ подрѣзываетъ подъ корень патріархальное ремесло съ его мѣстной ограниченностью самодовлѣющихъ хозяйчиковъ, съ каждымъ днемъ разрушаетъ мелкіе мѣстные рынки (которыми держится мелкое производство), замѣняя ихъ національнымъ и всемірнымъ рынкомъ, *заставляя* производителей не одной какой-нибудь деревни Гаврята, а производителей цѣлой страны и даже разныхъ странъ вступать въ союзы между собой, выводя эти союзы за предѣлы однихъ только хозяевъ и хозяйчиковъ, ставя передъ этими союзами вопросы болѣе широкіе, чѣмъ вопросъ о болѣе дешевой закупкѣ лѣсного матеріала и желѣза, или вопросъ о болѣе выгодной продажѣ гвоздей и телѣгъ.

VIII.

Народническая программа промышленной политики.

Такъ какъ практическія предположенія и мѣропріятія стоятъ всегда въ связи съ тѣмъ, что находятъ „отраднаго" и обнадеживающаго въ дѣйствительности, то понятно уже a priori, какія пожеланія насчетъ кустарной промышленности имѣются въ „Очеркѣ", который свелъ всѣ „отрадныя явленія" къ подкрашиванію наемнаго труда въ мелкомъ хозяйствѣ и къ превознесенію весьма малочисленныхъ и одностороннихъ соединеній мелкихъ хозяевъ. Повторяя собой обычные народническіе рецепты, эти пожеланія поражаютъ своей противорѣчивостью, съ одной стороны, и безмѣрнымъ преувеличеніемъ дюжинныхъ „мѣропріятій", превращенныхъ посредствомъ фразъ въ рѣшеніе великихъ вопросовъ,—съ другой. Въ самомъ началѣ „Очерка", во введеніи, еще до изложенія данныхъ переписи, мы встрѣчаемъ велерѣчивыя разсужденія о „задачѣ кустарнаго кредита"—„устранить (sic!) безденежье", о „кооперативной организаціи обмѣна между произ-

водствомъ и потребленіемъ" (с. 8), о „распространеніи артельныхъ организацій", устройствѣ кустарныхъ складовъ, техническихъ консультацій, техническихъ школъ и т. п. (с. 9). Эти разсужденія повторяются много разъ въ книгѣ. „Нужно реорганизовать экономику промысла такъ, чтобы у кустаря завелись деньги; проще сказать, освободить кустаря отъ кулака" (119). „Задача нашего времени" совершить „кустарную эмансипацію путемъ кредита" и т. д. (267). „Необходимо раціонализировать мѣновые процессы", заботиться „о проведеніи въ нѣдра крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства раціональныхъ основъ кредита, обмѣна и производства" (362), необходима „экономическая организація труда" (sic!! с. 363), „раціональное устроеніе экономики народнаго хозяйства" и т. д., и т. п. Какъ видите, это знакомая народническая панацея, приклеенная къ даннымъ переписи. И какъ бы для окончательнаго подтвержденія своего народническаго правовѣрія, составители не преминули осудить денежное хозяйство вообще, поучая читателя, что ремесло составляетъ важную услугу народному хозяйству, обезпечивая ему возможность избѣжать превращенія натуральнаго хозяйства въ денежное". „Насущные интересы народнаго хозяйства требуютъ того, чтобы производимое имъ сырье перерабатывалось на мѣстѣ, по возможности, безъ денежнаго вмѣшательства въ мѣновые процессы" (с. 360).

Народническая программа изложена здѣсь со всей полнотой и откровенностью, которыя не оставляютъ желать ничего лучшаго! Мы сказали: „народническая программа", ибо насъ интересуетъ не то, что отличаетъ составителей „Очерка" отъ другихъ народниковъ, а, напротивъ, именно то, что у нихъ общаго. Насъ интересуетъ практическая народническая программа относительно кустарныхъ промысловъ вообще. Легко видѣть, что въ „Очеркѣ" выпукло выставлены какъ разъ основныя черты этой программы: 1) осужденіе денежнаго хозяйства и симпатіи къ натуральному хозяйству и примитивному ремеслу; 2) различныя мѣропріятія для поддержки мелкаго крестьянскаго производства, въ родѣ кредита, развитія техники и т. д.; 3) насажденіе всякаго рода соединеній и союзовъ между хозяевами и хозяйчиками — товариществъ сырьевыхъ, складочныхъ, ссудо-сберегательныхъ, кредитныхъ, потребительныхъ, производительныхъ; 4) „организація труда" — ходячая фраза во всѣхъ и всяческихъ народническихъ благопожеланіяхъ. Посмотримъ же на эту программу.

Что касается, прежде всего, до осужденія денежнаго хозяйства, то по отношенію къ промышленности оно носитъ уже вполнѣ платоническій характеръ. Ремесло даже въ Пермской губерніи оттѣснено уже далеко на задній планъ товарнымъ производствомъ и находится въ положеніи столь жалкомъ, что въ томъ же самомъ „Очеркѣ" мы читаемъ о желательности „освободить кустаря отъ зависимости", именно устранить зависимость ремесленника отъ заказчика—потребителя „изысканіемъ средствъ къ расширенію самаго района сбыта за предѣлы спроса для мѣстнаго потребленія" (с. 32). Другими словами: осужденіе денежнаго хозяйства въ теоріи и стремленіе превратить ремесло въ товарное хозяйство — на практикѣ! И это противорѣчіе вовсе не составляетъ исключительнаго достоянія „Очерка", а свойственно всѣмъ народническимъ прожектамъ: какъ ни упираются они

противъ товарнаго (денежнаго) хозяйства, но дѣйствительность, изгнанная въ дверь, влетаетъ въ окно, и мѣропріятія, за которыя они высказываются, развиваютъ именно товарное хозяйство. Примѣръ — кредитъ. Въ своихъ планахъ и пожеланіяхъ народники не устраняютъ самого товарнаго хозяйства. „Очеркъ", напримѣръ, ни слова не говоритъ о томъ, что предлагаемыя реформы должны быть основаны не на почвѣ товарнаго хозяйства. Напротивъ, онъ желаетъ лишь раціональныхъ основъ *обмѣна*, кооперативной организаціи *обмѣна*. Товарное хозяйство остается, оно должно быть лишь реформировано по *раціональнымъ* основаніямъ. Утопія далеко не новая, имѣвшая въ старой экономической литературѣ крупнѣйшихъ выразителей. Теоретическая несостоятельность ея обнаружена уже давно, такъ что останавливаться на этомъ вопросѣ не приходится. Не лучше-ли было бы вмѣсто того, чтобы говорить нелѣпыя фразы о необходимости „раціонализировать" экономику, — „раціонализировать" сначала свои представленія о *дѣйствительной* экономикѣ, о дѣйствительныхъ общественно-экономическихъ отношеніяхъ въ той крайне разнородной, разносоставной массѣ „кустарей", судьбы которой такъ бюрократически-легкомысленно хотятъ рѣшать сверху наши народники? Не показываетъ ли намъ дѣйствительность сплошь да рядомъ, какъ практическія мѣропріятія народниковъ, сочиненныя по рецептамъ „чистыхъ", яко-бы, идей объ „организаціи труда" и т. п., приводятъ на дѣлѣ лишь къ помощи и содѣйствію „хозяйственному мужичку", мелкому фабрикантику или скупщику, вообще всѣмъ представителямъ мелкой буржуазіи? Это вовсе не случайность, не результатъ несовершенства или неудачности отдѣльныхъ мѣропріятій. Напротивъ, на общей основѣ товарнаго хозяйства кредитомъ, складами, банками, техническими совѣтами и т. д. неизбѣжно и необходимо пользуются прежде всего и больше всего мелкіе буржуа.

Но если такъ, — возразятъ намъ, — если народники въ своихъ практическихъ мѣропріятіяхъ, безсознательно и противъ своей воли, служатъ развитію мелкой буржуазіи, а, слѣд., и капитализма вообще, — то зачѣмъ же нападать на ихъ программы людямъ, принципіально признающимъ развитіе капитализма прогрессивнымъ процессомъ? Резонно-ли изъ за ошибочности, или, — скажемъ мягче, — спорности идеологическихъ облаченій, нападать на практически полезныя программы, ибо никто вѣдь не станетъ отрицать „пользы" техническаго образованія, кредита, союзовъ и соединеній между производителями?

Это — возраженія не вымышленныя. То въ той, то въ другой формѣ, то по тому, то по другому поводу они постоянно слышатся въ отвѣтъ на полемику противъ народничества. Мы не будемъ здѣсь говорить о томъ, что такія возраженія, будь они даже справедливы, нисколько не опровергаютъ того, что одно уже это облаченіе мелкобуржуазныхъ прожектовъ въ возвышеннѣйшія соціальныя панацеи приноситъ глубокій общественный вредъ. Мы намѣрены поставить вопросъ на практическую почву ближайшихъ и насущныхъ нуждъ современности и съ этой, *умышленно* суженной, точки зрѣнія оцѣнить народническую программу.

Несмотря на то, что многія народническія мѣропріятія приносятъ практическую пользу, служа развитію капитализма, тѣмъ не

менѣе въ общемъ и цѣломъ эти мѣропріятія оказываются: 1) въ высшей степени непослѣдовательными, 2) доктринерски-безжизненными и 3) мелочными по сравненію съ дѣйствительными задачами, которыя ставитъ передъ нашей промышленностью развивающійся капитализмъ. Пояснимъ это. Мы указали, во 1-хъ, на непослѣдовательность народниковъ, какъ *практическихъ* людей. Наряду съ указанными выше мѣропріятіями, которыя обыкновенно характеризуются, какъ либеральная экономическая политика, которыя всегда выставлялись на знамени вожаковъ буржуазіи на Западѣ, народники ухитряются сохранять намѣреніе *задержать* данное экономическое развитіе, *помѣшать* прогрессу капитализма, *поддержать* мелкое производство, изнемогающее въ борьбѣ съ крупнымъ. Они защищаютъ законы и учрежденія, стѣсняющіе свободу мобилизаціи земли, свободу передвиженія, удерживающіе сословную замкнутость крестьянства и т. п. Есть ли, спрашивается, какія либо разумныя основанія *задерживать* развитіе капитализма и крупной промышленности? Мы видѣли изъ данныхъ переписи, что пресловутая „самостоятельность“ кустарей нисколько не гарантируетъ отъ подчиненія торговому капиталу, отъ эксплуатаціи въ ея худшей формѣ, что *на дѣлѣ* положеніе громадной массы этихъ „самостоятельныхъ“ кустарей зачастую *болѣе жалкое*, чѣмъ положеніе наемныхъ рабочихъ у кустарей, что заработки ихъ поразительно ничтожны, условія труда (по санитарной обстановкѣ и длинѣ рабочаго дня) крайне неудовлетворительны, производство раздроблено, технически первобытно и неразвито. Есть ли, спрашивается, какія либо разумныя основанія удерживать полицейскіе законы, укрѣпляющіе „связь съ землей“, *запрещающіе* разрывать эту связь, умиляющую народниковъ *)? Данныя „кустарной переписи“ 1894/5 гоца въ Пермской губерніи ясно свидѣтельствуютъ о полной безсмысленности искусственныхъ прикрѣпленій къ землѣ крестьянъ. Это прикрѣпленіе только понижаетъ ихъ заработки, которые при „связи съ землей“ оказываются болѣе чѣмъ вдвое ниже, чѣмъ у неземледѣльцевъ, понижаютъ жизненный уровень, усиливаютъ разрозненность и раздробленность производителей, разбросанныхъ по деревнямъ, усиливаетъ ихъ безпомощность передъ каждымъ скупщикомъ и мастеркомъ. Прикрѣпленіе къ землѣ задерживаетъ въ то же время развитіе земледѣлія, не будучи, однако, въ состояніи помѣшать появленію класса мелкой сельской буржуазіи. Народники избѣгаютъ ставить вопросъ такимъ образомъ: задерживать или не задерживать развитіе капитализма? Они предпочитаютъ разсуждать о „возможности иныхъ путей для отечества“. Но, вѣдь, разъ рѣчь идетъ о ближайшихъ практическихъ мѣропріятіяхъ, то уже этимъ самымъ всякій дѣятель становится на почву *даннаго пути* **). Дѣлайте себѣ все, что угодно, для того, чтобы „стащить“

---

*) „Очеркъ“ тоже говоритъ съ большимъ паѳосомъ о пользѣ общины и о вредѣ „свободы мобилизаціи“ землевладѣнія, которая повела бы, дескать, къ появленію „пролетаріата“ (с. 6). Это противоположеніе общинѣ—свободы мобилизаціи прекрасно оттѣняетъ именно самую реакціонную и вредную черту „общины“.—Интересно бы знать, нашелся ли бы хоть въ одной капиталистической странѣ такой „пролетарій“, который бы не былъ отнесенъ къ *пауперамъ* при заработкѣ 33 и 50 руб. въ годъ?

**) А что этотъ данный путь состоитъ въ развитіи капитализма, этого, насколько мы знаемъ, не отрицали и сами народники, ни г. Н.—онъ, ни г. В. В., ни г. Южаковъ и т. д., и т. д.

отечество на иной путь! Такая дѣятельность никакой критики (кромѣ критики смѣха) не вызоветъ. Но не защищайте того, что искусственно *задерживаетъ* данное развитіе, не заглушайте фразами „объ иномъ пути“ вопроса объ устраненіи препятствій съ даннаго пути.

Другое обстоятельство, которое необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ практической народнической программы, состоитъ въ слѣдующемъ. Мы видѣли уже, что народники стараются какъ можно отвлеченнѣе формулировать свои пожеланія, выставить ихъ абстрактными, отвлеченными требованіями „чистой науки, „чистой“ справедливости, а не реальными нуждами реальныхъ классовъ, имѣющихъ опредѣленные интересы. Кредитъ — эту насущную потребность каждаго хозяина и хозяйчика въ капиталистическомъ обществѣ — народникъ выставляетъ какимъ-то элементомъ въ системѣ организаціи труда; союзы и соединенія хозяевъ изображаются зачаточнымъ выраженіемъ идеи коопераціи вообще, идеи „кустарной эмансипаціи“ и т. д., тогда какъ всякій знаетъ, что всѣ такіе союзы преслѣдуютъ на самомъ дѣлѣ цѣли, ничего общаго не имѣющія съ такими высокими матеріями, а просто связанныя съ размѣромъ дохода этихъ хозяйчиковъ, съ укрѣпленіемъ ихъ положенія, увеличеніемъ ихъ прибыли. Это превращеніе дюжинныхъ буржуазныхъ и мелкобуржуазныхъ пожеланій въ какія-то соціальныя панацеи лишь *обезсиливаетъ* эти пожеланія, отнимаетъ отъ нихъ ихъ жизненный нервъ, гарантію ихъ насущности и осуществимости. Насущные вопросы каждаго хозяина, скупщика, торговца (кредитъ, союзы, техническая помощь) народникъ усиливается ставить какъ общіе вопросы, возвышающіеся надъ отдѣльными интересами. Народникъ воображаетъ, что онъ этимъ усиливаетъ ихъ значеніе, возвышаетъ ихъ, — а на самомъ дѣлѣ онъ превращаетъ этимъ живое дѣло, *заинтересовывающее* такія-то и такія-то группы населенія, въ филистерское пожеланіе, кабинетное умствованіе, бюрократическое „разсужденіе о пользахъ“. Съ этимъ непосредственно связывается и третье обстоятельство. Не понимая того, что такія практическія мѣропріятія, какъ кредитъ и артель, техническія пособія и т. п., выражаютъ потребности развивающагося капитализма, народникъ не умѣетъ выразить общихъ и основныхъ потребностей такого развитія, замѣняя мелкими, случайно выхваченными, половинчатыми мѣропріятіями, которыя отдѣльно взятыя, неспособны оказать никакого серьезнаго дѣйствія и осуждены неизбѣжно на неуспѣхъ. Еслибы народникъ открыто и послѣдовательно всталъ на точку зрѣнія выразителя потребностей общественнаго развитія по капиталистическому пути, то онъ сумѣлъ бы замѣтить *общія условія, общія требованія* такого развитія, онъ увидѣлъ бы, что всѣ его маленькіе прожекты и мѣропріятія при наличности этихъ общихъ условій (главное изъ нихъ въ интересующемъ насъ случаѣ—свобода промышленности) осуществились бы сами собой, т. е. дѣятельностью самихъ заинтересованныхъ лицъ, тогда какъ игнорированіе этихъ общихъ условій и выставленіе однихъ практическихъ мѣропріятій совершенно частнаго свойства не можетъ не вести къ толченію воды. Остановимся, для примѣра, на этомъ вопросѣ о свободѣ промышленности. Съ одной стороны, это настолько общій и основной вопросъ изъ вопросовъ

промышленной политики, что разборъ его особенно умѣстенъ. Съ другой стороны, бытовыя особенности Пермскаго края даютъ интересныя подтвержденія кардинальной важности этого вопроса.

Какъ извѣстно, главнымъ явленіемъ экономической жизни края является горнозаводская промышленность, которая сообщила ему совершенно особый отпечатокъ. Съ положеніемъ и интересами Уральской горнопромышленности связаны и исторія колонизаціи и настоящее положеніе края. „Крестьяне вообще были населены на Уралѣ съ цѣлью работать заводовладѣльцамъ", —читаемъ мы въ письмѣ обывателя Н.-Сергинскаго завода, Бабушкина, въ „Трудахъ коммиссіи по изсл. куст. пр." *). И эти безхитростныя слова очень вѣрно выражаютъ громадную роль заводовладѣльцевъ въ жизни края, ихъ значеніе, какъ помѣщиковъ и заводчиковъ вмѣстѣ, ихъ привычку къ безраздѣльному и неограниченному господству, къ положенію монополистовъ, основывающихъ свою промышленность на своемъ владѣльческомъ правѣ, а не на капиталѣ и конкуренціи. Монопольныя начала горнозаводской промышленности Урала выразились въ законѣ извѣстной статьей 394-й т. VII св. зак. (уставъ горный),—статьей, о которой такъ много говорилось и говорится въ литературѣ объ Уралѣ. Законъ этотъ, изданный въ 1806 году, требуетъ, во 1-хъ, разрѣшенія горнаго начальства на открытіе горными городами всякихъ фабрикъ, а, во 2-хъ, запрещаетъ открытіе въ заводскихъ округахъ „всѣхъ тѣхъ мануфактуръ и фабрикъ, которыхъ все производство главнѣйше основывается на огненномъ дѣйствіи, требующемъ угля и дровъ". Уральскіе горнозаводчики въ 1861-мъ году особенно настаивали на томъ, чтобы такой законъ внести въ условія освобожденія крестьянъ, и статья 11-я полож. о горнозав. мастеров. повторяетъ однородное запрещеніе **). Отчетъ правленія кустарно-промышленнаго банка за 1895 годъ говоритъ между прочимъ: „Чаще всего однако-же поступаютъ жалобы на запрещеніе чинами горнаго вѣдомства и владѣльцами поссессіонныхъ заводовъ *открывать* огнедѣйствующія заведенія въ чертѣ подвѣдомственныхъ имъ районовъ и на всякаго рода стѣсненія въ производствѣ промысловъ по обработкѣ металловъ" („Очеркъ", с. 223). Такимъ образомъ, Уралъ и по сю пору сохраняетъ незыблемыя традиціи „добраго стараго времени", и отношеніе къ мелкой крестьянской промышленности стоитъ здѣсь въ полной гармоніи съ той „организаціей труда", которая обезпечивала заводы прикрѣпленнымъ къ мѣсту заводскимъ рабочимъ населеніемъ. Съ полной рельефностью охарактеризованы эти традиціи въ слѣдующемъ сообщеніи „Пермскихъ Губ. Вѣдомостей", № 183 за 1896 годъ, ко-

*) Вып. XVI, стр. 594—5. Цитировано въ книгѣ „Куст. пр." I, 140.

**) См. „Куст. пром." I, 18 — 19. — „Очеркъ" 222, 223, 244. — „Отчеты и изслѣдованія по куст. пром." изд. М—ва Г. И. и З., статья „Егунова въ III т. Помѣщая статью Егунова, мин—во оговаривается въ примѣчаніи, что взгляды автора „существенно расходятся съ воззрѣніями и данными горнаго вѣдомства".—Въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, напр., было закрыто, на основаніи приведенныхъ законовъ. до 400 кузницъ.—Ср. „Труды Ком. по изсл. куст. пром.," вып. XIV, ст. В. Д. Бѣлова: „Кустарная промышленность Урала въ связи съ горнозаводскимъ дѣломъ". Авторъ разсказываетъ, что кустари, боясь суровыхъ законовъ, прячутъ свои машины. Одинъ кустарь устроилъ печь, для отливки издѣлій, *на колесахъ*, чтобы легче спрятать ее! (стр. 18 цит. ст.).

торое приводится въ „Очеркѣ“ и справедливо называется „многозначительнымъ“. Вотъ оно: „М-во Земледѣлія и Гос. Им. предложило уральскимъ горнопромышленникамъ обсудить вопросъ о возможности принятія горными заводами мѣръ къ развитію кустарныхъ промысловъ на Уралѣ. Горнопромышленники увѣдомили мин—во, что развитіе на Уралѣ кустарной промышленности послужитъ во вредъ крупной промышленности, такъ какъ даже теперь, при слабомъ развитіи кустарныхъ промысловъ на Уралѣ, населеніе его не можетъ давать заводамъ необходимаго числа рабочихъ *); когда же населеніе найдетъ заработокъ дома, заводы рискуютъ остаться совсѣмъ безъ работы“ („Очеркъ“, с. 244). Это сообщеніе вызвало у составителей „Очерка“ слѣдующее восклицаніе: „Конечно, первое, необходимое условіе всякаго рода промышленности, *крупной*, *средней* и *мелкой*, есть свобода промышленности... Во имя свободы промышленности *всѣ ея отрасли* должны быть юридически равноправными... Металлоиздѣльные кустарные промыслы на Уралѣ должны быть освобождены отъ всякихъ *исключительныхъ* узъ, созданныхъ заводской регламентаціей съ цѣлью ограниченія *естественнаго* ихъ развитія (ibid. Курсивъ нашъ). Читая эту прочувствованную и глубоко справедливую тираду въ защиту „свободы промышленности“, мы вспомнили извѣстную басню о метафизикѣ, который медлилъ вылѣзать изъ ямы, вопрошая, что такое веревка, брошенная ему,—„вервіе простое“! Вотъ и пермскіе народники по отношенію къ свободѣ промышленности, свободѣ развитія капитализма, свободѣ конкуренціи, вопрошаютъ пренебрежительно, что такое свобода промышленности—простое буржуазное требованіе! Они возносятся гораздо выше въ своихъ пожеланіяхъ; они хотятъ не свободы конкуренціи (какое низменное, узкое, буржуазное пожеланіе!), а „организаціи труда“... Но стоитъ только этимъ маниловскимъ мечтаніямъ столкнуться „лицомъ къ лицу“ съ неподкрашенной и прозаической дѣйствительностью,—и отъ этой дѣйствительности пахнетъ сразу такой „*организаціей труда*“, что народникъ забываетъ про „вредъ“ и „опасность“ капитализма, про „возможность иныхъ путей для отечества“ и взываетъ о „*свободѣ промышленности*“.

Повторяемъ, мы считаемъ это пожеланіе глубоко справедливымъ и думаемъ, что такая точка зрѣнія (раздѣляемая не однимъ „Очеркомъ“, а едва ли не всѣми авторами, писавшими по этому вопросу) дѣлаетъ честь народникамъ Но...—Что прикажете дѣлать! Никакъ нельзя похвалить народниковъ безъ того, чтобы не поставить сейчасъ же большущее „но“—но мы имѣемъ сдѣлать по этому поводу два существенныхъ замѣчанія.

Первое. Можно быть увѣреннымъ, что громадное большинство народниковъ съ негодованіемъ отвергнетъ правильность нашего ото-

---

*) Замѣтимъ въ поясненіе читателю, что статистика нашей горнозаводской промышленности много разъ уже констатировала тотъ фактъ, что на Уралѣ число занятыхъ рабочихъ въ пропорціи къ получаемому продукту неизмѣримо выше, чѣмъ въ южномъ или польскомъ горномъ районѣ. Низкая заработная плата — результатъ прикрѣпленія рабочихъ къ землѣ — держитъ Уралъ на несравненно болѣе низкомъ уровнѣ техники по сравненію съ югомъ и Польшею.

жествленія „свободы промышленности" со „свободой капитализма". Они скажутъ, что устраненіе монополій и остатковъ крѣпостного права есть „просто" требованіе равноправности, интересъ „всего" народнаго хозяйства вообще и крестьянскаго въ особенности, а вовсе не капитализма. Знаемъ мы, что народники это скажутъ. Но это будетъ невѣрно. Съ тѣхъ поръ, когда на „свободу промышленности" смотрѣли такъ идеалистически—абстрактно, видя въ ней основное и естественное (ср. подчеркнутое слово въ „Очеркѣ") „право человѣка", прошло уже болѣе ста лѣтъ. Требованіе „свободы промышленности" и осуществленія этого требованія обошли съ тѣхъ поръ нѣсколько странъ, и вездѣ это требованіе являлось выраженіемъ несоотвѣтствія растущаго капитализма съ остатками монополій и регламентацій, вездѣ оно служило лозунгомъ передовой буржуазіи, вездѣ оно вело лишь къ полному торжеству капитализма. Теорія разъяснила съ тѣхъ поръ вполнѣ всю наивность иллюзіи, будто „свобода промышленности" есть требованіе „чистаго разума", требованіе отвлеченной „равноправности" и показала, что вопросъ о свободѣ промышленности есть вопросъ капиталистическій. Осуществленіе „свободы промышленности" отнюдь не является „юридическимъ" только преобразованіемъ; это—глубокая экономическая реформа. Требованіе „свободы промышленности" означаетъ всегда несоотвѣтствіе между юридическими нормами (отражающими производственныя отношенія, отжившія уже свой вѣкъ) и *новыми производственными отношеніми*, которыя развились вопреки старымъ нормамъ, выросли изъ нихъ и требуютъ ихъ отмѣны. Если уральскіе порядки вызываютъ теперь всеобщій кличъ о „свободѣ промышленности", то это значитъ, что тѣ регламентаціи, монополіи и привилегіи, которыя унаслѣдованы были въ пользу помѣщиковъ-заводовладѣльцевъ, стѣсняютъ *данныя хозяйственныя отношенія*, *данныя* экономическія силы. Каковы же эти отношенія и эти силы? Это—*отношенія товарнаго хозяйства*. Эти силы—силы руководящаго товарнымъ хозяйствомъ *капитала*. Вспомните хоть выше цитированное „признаніе" пермскаго народника: „вся наша кустарная промышленность находится въ узахъ частныхъ капиталовъ". Да и безъ этого признанія данныя кустарной переписи говорятъ достаточно краснорѣчиво сами за себя.

Второе замѣчаніе. Мы привѣтствуемъ защиту народниками свободы промышленности. Но мы ставимъ это привѣтствіе въ зависимость отъ *послѣдовательнаго проведенія* такой защиты. Развѣ „свобода промышленности" состоитъ только въ устраненіи уральскихъ запрещеній открывать огнедѣйствующія заведенія? Развѣ отсутствіе у крестьянина права выйти изъ общины, права заняться любымъ промысломъ или дѣломъ не представляетъ собой гораздо болѣе существеннаго ограниченія „свободы промышленности"? Развѣ отсутствіе свободы передвиженія, непризнаніе законами права каждаго гражданина выбирать для жительства любую городскую или сельскую общину въ государствѣ не ограничиваетъ свободу промышленности? Развѣ сословная замкнутость крестьянской общины, невозможность проникнуть въ нее лицамъ торгово-промышленнаго класса не ограничиваетъ свободу промышленности? и т. д., и т. д. Мы назвали гораздо болѣе важныя, болѣе общія, болѣе распространенныя стѣсне-

нія свободы промышленности, проявляющія свое вліяніе на всей Россіи и болѣе всего на всей крестьянской массѣ. Если „крупная, средняя и мелкая“ промышленность должны быть равноправны, то развѣ не должна послѣдняя получить тѣ же права по отчужденію земель, какими пользуются первыя? Если уральскіе горные законы суть „исключительныя узы, стѣсняющія естественное развитіе“, то развѣ круговая порука, неотчуждаемость надѣловъ, особые сословные законы и правила о переселеніяхъ, промыслахъ и занятіяхъ не составляютъ „исключительныхъ узъ“? Развѣ они не „стѣсняютъ естественнаго развитія“?

Вотъ въ томъ то и дѣло, что народничество и по данному вопросу обнаружило ту же половинчатость и двуличность, которыя такъ характерны для всякой идеологіи Kleinbürger'ства. Съ одной стороны, народники не отрицаютъ, что въ нашей жизни есть масса остатковъ такой „организаціи труда“, происхожденіе которой относится ко временамъ удѣльщины и которая находится въ самомъ вопіющемъ противорѣчіи съ современнымъ экономическимъ строемъ, со всѣмъ хозяйственнымъ и культурнымъ развитіемъ страны. Съ другой стороны, они не могутъ не видѣть, что этотъ экономическій строй и это развитіе грозятъ погубить мелкаго производителя и, устрашенные за участь этого палладіума своихъ „идеаловъ“, народники стараются задержать исторію, остановить развитіе, упрашиваютъ и умоляютъ „запретить“, „не дозволять“ и прикрываютъ этотъ жалкій реакціонный лепетъ фразами объ „организаціи труда“,—фразами, которыя не могутъ не звучать горькой насмѣшкой.

Для читателя ясно уже, конечно, теперь, какое главное и основное возраженіе сдѣлаемъ мы противъ *практической* народнической программы въ вопросахъ современной промышленности. Поскольку народническія мѣропріятія входятъ какъ часть или совпадаютъ съ преобразованіемъ, которое со временъ Адама Смита называется *свободой промышленности* (въ широкомъ значеніи слова), постольку они прогрессивны. Но, во 1-хъ, въ нихъ нѣтъ тогда ничего „народническаго“, ничего поддерживающаго спеціально мелкое производство и „особые пути“ отечества. Во 2-хъ, эта положительная часть народнической программы обезсиливается и извращается подстановкой частныхъ и мелочныхъ проектовъ и мѣропріятій на мѣсто общаго и основного вопроса о свободѣ промышленности. Поскольку же народническія пожеланія идутъ противъ свободы промышленности, стараясь задержать современное развитіе, постольку они реакціонны и безсмысленны, и осуществленіе ихъ, кромѣ вреда, ничего принести не можетъ. Возьмемъ примѣры. Кредитъ. Кредитъ есть учрежденіе наиболѣе развитаго товарнаго обращенія, наиболѣе развитаго гражданскаго оборота. Осуществленіе „свободы промышленности“ ведетъ неизбѣжно къ созданію кредитныхъ учрежденій, какъ коммерческаго дѣла, къ устраненію сословной замкнутости крестьянъ, къ сближенію ихъ съ классами, наиболѣе пользующимися кредитомъ, къ самостоятельному образованію заинтересованными лицами кредитныхъ обществъ и т. п. Наоборотъ, какое значеніе могутъ имѣть кредитныя мѣропріятія, преподносимыя „мужичкамъ“ земцами и прочей „интеллигенціей“, покуда законы и учрежденія ставятъ крестьянство въ по-

ложеніе, *исключающее* правильное и развитое товарное обращеніе,—въ положеніе, при которомъ вмѣсто имущественной отвѣтственности (основа кредита) гораздо легче, осуществимѣе, доступнѣе и употребительнѣе... *отработки!* Кредитныя мѣропріятія останутся при такихъ условіяхъ всегда наносными, чуждыми растеніями, посаженными извнѣ на совершенно неподходящую почву, окажутся мертворожденнымъ дѣтищемъ, которое могли породить только мечтательные интеллигенты—маниловы и благожелательные чиновники, и надъ которымъ смѣются и будутъ смѣяться настоящіе *торговцы денежнымъ капиталомъ.* Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ мнѣніе Егунова (цит. статья), котораго никто не заподозритъ въ... „матеріализмѣ". О кустарныхъ складахъ онъ говоритъ: „даже при самой благопріятной мѣстной обстановкѣ неподвижный складъ, да еще единственный на цѣлый уѣздъ, никогда не замѣнитъ, да и не можетъ замѣнить вѣчно подвижнаго и лично заинтересованнаго торговца". О пермскомъ кустарномъ банкѣ мы читаемъ: чтобы получить ссуду, кустарь долженъ подать заявленіе или въ банкъ, или агенту его и назвать поручителей. Агентъ пріѣзжаетъ, провѣряетъ заявленія кустаря, собираетъ подробныя свѣдѣнія о производствѣ и т. п. „и весь этотъ ворохъ бумагъ за счетъ кустаря отсылаетъ въ правленіе банка". Разрѣшивъ ссуду, банкъ присылаетъ (черезъ агента или черезъ волостное правленіе) долговое обязательство. Когда должникъ подпишетъ его (съ засвидѣтельствованіемъ подписи волостнымъ начальствомъ) и отошлетъ въ банкъ,—тогда только посылаютъ ему деньги. Если ссуду беретъ артель, то требуется копія товарищескаго договора. Агенты должны наблюдать, чтобы ссуды расходовались именно на то, на что онѣ выданы, чтобы дѣла кліентовъ не разстраивались и т. д. „Очевидно, что банковскаго кредита никоимъ образомъ нельзя признать доступнымъ для кустарей; съ увѣренностью можно сказать, что гораздо охотнѣе предпочтетъ кустарь поискать кредитъ у мѣстнаго богача, нежели подвергнуться всѣмъ описаннымъ мытарствамъ, оплачивать почтовые, нотаріальные и волостные расходы, ждать цѣлые мѣсяцы со дня возникшей потребности въ ссудѣ до дня ея полученія и на весь срокъ этой ссуды оставаться въ поднадзорномъ положеніи" (стр. 170 цит. ст). Насколько нелѣпо народническое мнѣніе о какомъ-то антикапиталистическомъ кредитѣ, настолько же несуразны, неуклюжи и малопроизводительны подобныя покушенія (съ негодными средствами) сдѣлать силами „интеллигентовъ" и чиновниковъ то, что составляетъ вездѣ и повсюду настоящее дѣло торговцевъ.— Техническое образованіе. Кажется, объ этомъ можно уже и не говорить. Напомнимъ развѣ заслуживающій „вѣчнаго поминовенія" проектъ нашего извѣстнаго прогрессивнаго писателя г. Южакова насадить въ Россіи земледѣльческія гимназіи съ тѣмъ, чтобы неимущіе крестьяне и крестьянки *отрабатывали* стоимость своего ученія, служа, напр., поварами и прачками... Артели. Но кто же не знаетъ, что основныя препятствія къ ихъ распространенію заключаются въ традиціяхъ той-же самой „организаціи труда", которая отразилась и въ уральскихъ горныхъ законахъ? Кто не знаетъ, что проведеніе свободы промышленности въ полномъ объемѣ повело вездѣ и повсюду къ невиданному расцвѣту и развитію всякихъ союзовъ и соединеній? Чрезвы-

чайно комично бываетъ видѣть, когда народникъ пытается выставить своего противника врагомъ артельности, союзности и т. п. вообще. Вотъ ужъ поистинѣ, съ больной головы да на здоровую! Дѣло только въ томъ, что за поисками идеи союзности и средствъ ея осуществленія надо смотрѣть не назадъ, не въ прошлое, не на патріархальное ремесло и мелкое производство, порождающія крайнюю обособленность, раздробленность и одичалость производителей,—а впередъ, въ будущее, въ сторону развитія крупнаго промышленнаго капитализма.

Мы прекрасно знаемъ, съ какимъ величественнымъ пренебреженіемъ отнесется народникъ къ этой, противопоставляемой его собственной, программѣ промышленной политики. „Свобода промышленности!“ Какое старое, узкое, манчестерское *), буржуазное пожеланіе! Народникъ увѣренъ, что для него это überwundener Standpunkt, что онъ сумѣлъ подняться выше тѣхъ преходящихъ и одностороннихъ интересовъ, которые лежатъ въ основѣ такого пожеланія, что онъ сумѣлъ возвыситься до болѣе глубокихъ и болѣе чистыхъ идей объ „организаціи труда“... А на самомъ дѣлѣ онъ только *опустился* отъ прогрессивной буржуазной къ реакціонной мелкобуржуазной идеологіи, безпомощно колеблющейся между стремленіями ускорить современное экономическое развитіе и задержать его, между интересами хозяйчиковъ и интересами труда. Эти послѣдніе совпадаютъ, по данному вопросу, съ интересами крупнаго промышленнаго капитала.

---

*) Найдутся, пожалуй, люди, которые подумаютъ, что „свобода промышленности“ исключаетъ такія мѣры, какъ фабричные законы и т. п. Подъ „свободой промышленности“ разумѣется устраненіи *оставшихся отъ старины* препятствій къ развитію капитализма. Фабричное же законодательство, какъ и другія мѣры современной т. наз. Socialpolitik, *предполагаетъ* глубокое развитіе капитализма и, въ свою очередь, *толкаетъ впередъ* это развитіе.

Аграрный вопросъ и „критики Маркса".

...„Доказывать..., что догматическій марксизмъ въ области аграрныхъ вопросовъ сбитъ съ позиціи—значило бы стучаться въ открытую дверь"... Такъ заявило въ прошломъ году „Русское Богатство" устами г. В. Чернова (1900 г. № 8, стр. 204). Страннымъ свойствомъ обладаетъ этотъ „догматическій марксизмъ"! Вотъ уже много лѣтъ ученые и ученнѣйшіе люди Европы важно заявляютъ (а газетчики и журналисты повторяютъ и пересказываютъ), что марксизмъ уже сбитъ съ позиціи критикой,—и, тѣмъ не менѣе, каждый новый критикъ опять съ начала начинаетъ трудиться надъ обстрѣливаніемъ этой, якобы уже разрушенной, позиціи. Г. В. Черновъ, напримѣръ, и въ журналѣ „Русское Богатство" и въ сборникѣ „На славномъ посту" на протяженіи *цѣлыхъ 240 страницъ* „стучится въ открытую дверь", „бесѣдуя" съ читателемъ по поводу книги Герца. Столь обстоятельно пересказанное сочиненіе Герца, который, въ свою очередь, бесѣдуетъ о книгѣ Каутскаго, переведено уже на русскій языкъ. Г. Булгаковъ, исполняя свое обѣщаніе опровергнуть того же Каутскаго, выпустилъ цѣлое двухтомное изслѣдованіе. Теперь уже, навѣрное, никто не доищется и остатковъ „догматическаго марксизма", раздавленнаго на смерть этими горами критической печатной бумаги.

I.

„Законъ" убывающаго плодородія почвы.

Присмотримся сначала къ общей теоретической физіономіи критиковъ. Г. Булгаковъ выступилъ еще въ журналѣ „Начало" со статьей противъ „Аграрнаго вопроса" Каутскаго и обнаружилъ сразу всѣ свои критическіе пріемы. Съ необычайной хлесткостью и развязностью истиннаго наѣздника „разносилъ" онъ Каутскаго, подсовывая ему то, чего онъ не говорилъ; обвиняя его, Каутскаго, въ игнорированіи обстоятельствъ и соображеній, точно изложенныхъ имъ же, Каутскимъ; преподнося читателю подъ видомъ *своихъ собственныхъ* критическихъ выводовъ—выводы, сдѣланные Каутскимъ. Съ видомъ знатока г-нъ Булгаковъ обвинялъ Каутскаго въ смѣшеніи техники и экономики,—

и самъ при этомъ тутъ же обнаруживалъ не только невѣроятную путаницу, но и свое нежеланіе дочитывать до конца цитируемыя имъ страницы у своего противника. Само собою разумѣется, что статья будущаго профессора кишѣла избитыми выходками противъ соціалистовъ, противъ „теоріи краха“, утопизма, вѣры въ чудеса и проч. *). Теперь въ своей докторской диссертаціи („Капитализмъ и земледѣліе“, Спб. 1900 г.) г. Булгаковъ покончилъ всѣ счеты съ марксизмомъ и довелъ свою „критическую“ эволюцію до ея логическаго конца.

Во главу угла своей „теоріи аграрнаго развитія“ г. Булгаковъ ставитъ „законъ убывающаго плодородія почвы“. Намъ приводятъ выдержки изъ сочиненій классиковъ, установившихъ этотъ „законъ“, въ силу котораго каждое добавочное вложеніе труда и капитала въ землю сопровождается не соотвѣтственнымъ, а уменьшающимся количествомъ добываемаго продукта. Намъ сообщаютъ списокъ англійскихъ экономистовъ, признающихъ этотъ законъ. Насъ увѣряютъ, что онъ „имѣетъ универсальное значеніе“, что это — „вполнѣ очевидная истина, которую совершенно невозможно отрицать“, „которую достаточно лишь ясно констатировать“ и пр., и т. д. Чѣмъ рѣшительнѣе выражается г. Булгаковъ, тѣмъ яснѣе видно, что онъ *пятится назадъ*, къ буржуазной политической экономіи, заслонявшей общественныя отношенія вымышленными „вѣчными законами“. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему сводится „очевидность“ пресловутаго „закона убывающаго плодородія почвы“? Къ тому, что, еслибы послѣдующія приложенія труда и капитала къ землѣ давали не уменьшающееся, а одинаковое количество продукта, то тогда незачѣмъ было бы вообще расширять запашки, тогда добавочное количество хлѣба можно было бы производить на прежнемъ количествѣ земли, какъ бы мало это количество ни было, тогда „земледѣліе всего земного шара можно было бы умѣстить на одной десятинѣ“. Таковъ обычный *(и единственный)* доводъ въ пользу „универсальнаго“ закона. И самое небольшое размышленіе покажетъ всякому, что этотъ доводъ представляетъ изъ себя безсодержательнѣйшую абстракцію, которая оставляетъ въ сторонѣ самое главное: уровень техники, состояніе производительныхъ силъ. Въ сущности, вѣдь самое понятіе: „добавочныя (или: послѣдовательныя) вложенія труда и капитала“ *предполагаетъ* измѣненіе способовъ производства, преобразованіе техники. Чтобы увеличить въ значительныхъ размѣрахъ количество вкладываемаго въ землю капитала, надо *изобрѣсти* новыя машины, новыя системы полеводства, новые способы содержанія скота, перевозки продукта и пр. и пр. Конечно, въ сравнительно небольшихъ размѣрахъ „добавочныя вложенія труда и капитала“ могутъ происходить (и происходятъ) и на базисѣ даннаго неизмѣннаго уровня техники: въ этомъ случаѣ примѣнимъ *до нѣкоторой степени* и „законъ убывающаго плодородія почвы“, примѣнимъ въ томъ смыслѣ, что неизмѣнное состояніе техники ставитъ очень узкіе, сравнительно, предѣлы добавочнымъ вложеніямъ труда и ка-

---

*) На статью г-на Булгакова въ „Началѣ“ я отвѣтилъ тогда же статьей „Капитализмъ въ сельскомъ хозяйствѣ“. Вслѣдствіе закрытія „Начала“ статья эта была помѣщена въ „Жизни“, 1900 г., № 1 и 2.

питала. Вмѣсто универсальнаго закона мы получаемъ, слѣдовательно, въ высшей степени относительный „законъ",—настолько относительный, что ни о какомъ „законѣ" и даже ни о какой кардинальной особенности земледѣлія не можетъ быть и рѣчи. Возьмемъ за данное: трехполье, посѣвы традиціонныхъ зерновыхъ хлѣбовъ, навозное скотоводство, отсутствіе улучшенныхъ луговъ и усовершенствованныхъ орудій. Очевидно, что при условіи неизмѣнности этихъ данныхъ предѣлы добавочныхъ вложеній труда и капитала въ землю крайне узки. Но и въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, въ которыхъ все-таки добавочныя вложенія труда и капитала возможны, *отнюдь не всегда и не безусловно* будетъ наблюдаться уменьшеніе производительности каждаго такого добавочнаго вложенія. Возьмемъ промышленность. Представимъ себѣ мукомольное или желѣзопередѣлочное производство въ эпоху, предшествовавшую всемірной торговлѣ и изобрѣтенію паровыхъ машинъ. При этомъ состояніи техники предѣлы добавочныхъ вложеній труда и капитала въ ручныя кузницы, вѣтряныя и водяныя мельницы были крайне узки; неизбѣжно должно было наблюдаться громадное распространеніе мелкихъ кузницъ и мельницъ, пока радикальное преобразованіе способовъ производства не создало базиса для новыхъ формъ промышленности.

Итакъ: „законъ убывающаго плодородія почвы" вовсе не примѣнимъ къ тѣмъ случаямъ, когда техника прогрессируетъ, когда способы производства преобразуются; онъ имѣетъ лишь весьма относительное и условное примѣненіе къ тѣмъ случаямъ, когда техника остается неизмѣнной. Вотъ почему ни Марксъ, ни марксисты и не говорятъ объ этомъ „законѣ", а кричатъ о немъ только представители буржуазной науки, вродѣ Брентано, которые никакъ не могутъ отдѣлаться отъ предразсудковъ старой политической экономіи съ ея абстрактными, вѣчными и естественными законами.

Г. Булгаковъ защищаетъ „универсальный законъ" такими доводами, надъ которыми стоитъ посмѣяться.

„То, что являлось свободнымъ подаркомъ природы, теперь должно быть сдѣлано человѣкомъ: вѣтеръ и дождь разрыхлили почву, полную питательныхъ элементовъ; достаточно было небольшого усилія со стороны человѣка, чтобы добыть необходимое. Съ теченіемъ времени все большая и большая часть производительной работы отходитъ на долю человѣка; какъ и вездѣ, искусственные процессы все больше становятся на мѣсто естественныхъ. Но если въ индустріи въ этомъ выражается побѣда человѣка надъ природой, то въ земледѣліи это указываетъ на растущую трудность существованія, для котораго природа сокращаетъ свои дары".

„Въ данномъ случаѣ безразлично, выражается ли въ увеличеніи человѣческаго труда или же его продуктовъ, напр., орудій производства или удобренія и т. п. увеличивающаяся трудность производства пищи (г. Булгаковъ хочетъ сказать: безразлично, выражается ли увеличивающаяся трудность производства пищи въ увеличеніи человѣческаго труда или же въ увеличеніи его продуктовъ); важно только то, что она обходится человѣку все дороже и дороже. Въ этомъ замѣщеніи силъ природы человѣческимъ трудомъ, естественныхъ факторовъ производства искусственными, и заключается законъ убывающаго плодородія почвы" (16).

Очевидно, г. Булгакову не даютъ спать лавры гг. Струве и Туганъ-Барановскаго, додумавшихся до того, что не человѣкъ работаетъ при помощи машины, а машина при помощи человѣка. Подобно этимъ критикамъ и онъ падаетъ до уровня вульгарной экономіи, толкуя о *замѣщеніи* силъ природы человѣческимъ трудомъ и т. п. Замѣстить силы природы человѣческимъ трудомъ, вообще говоря, такъ же невозможно, какъ нельзя замѣстить аршины пудами. И въ индустріи и въ земледѣліи человѣкъ можетъ только пользоваться дѣйствіемъ силъ природы, если онъ позналъ ихъ дѣйствіе, и *облегчать* себѣ это пользованіе посредствомъ машинъ, орудій и т. п. Что первобытный человѣкъ получалъ необходимое, какъ свободный подарокъ природы,— это глупая побасенка, за которую г. Булгакова могутъ освистать даже начинающіе студенты. Никакого золотого вѣка позади насъ не было, и первобытный человѣкъ былъ совершенно подавленъ трудностью существованія, трудностью борьбы съ природой. Введеніе машинъ и улучшенныхъ способовъ производства неизмѣримо облегчило человѣку эту борьбу вообще и производство пищи въ частности. Увеличилась не трудность производства пищи, а трудность полученія пищи для рабочаго—увеличилась потому, что капиталистическое развитіе вздуло земельную ренту и земельную цѣну, сконцентрировало сельское хозяйство въ рукахъ крупныхъ и мелкихъ капиталистовъ, сконцентрировало еще больше машины, орудія, деньги, безъ которыхъ невозможно успѣшное производство. Объяснять эту растущую трудность существованія рабочихъ тѣмъ, что природа сокращаетъ свои дары,—значитъ становиться буржуазнымъ апологетомъ.

„Принимая этотъ законъ,—продолжаетъ г. Булгаковъ—мы вовсе не утверждаемъ непрерывнаго увеличенія трудности производства пищи и не отрицаемъ сельско-хозяйственнаго прогресса: утверждать первое и отрицать второе—значило бы идти противъ очевидности. Несомнѣнно, что трудность эта растетъ не непрерывно, развитіе движется зигзагами. Агрономическія открытія, техническія усовершенствованія превращаютъ безплодныя земли въ плодородныя, временно упраздняютъ тенденцію, отмѣченную въ законѣ убывающаго плодородія почвы“ (ibid).

Не правда ли, какъ это глубокомысленно?

Техническій прогрессъ—„временная“ тенденція, а законъ убывающаго плодородія почвы, т. е. уменьшающейся (да и то не всегда) производительности добавочныхъ вложеній капитала на базисѣ неизмѣнной техники „имѣетъ универсальное значеніе“! Это совершенно все равно, что сказать: остановки поѣздовъ на станціяхъ представляютъ изъ себя универсальный законъ парового транспорта, а движеніе поѣздовъ между станціями—временная тенденція, парализующая дѣйствіе универсальнаго закона стоянія.

Наконецъ, есть и массовыя данныя, опровергающія наглядно универсальность закона убывающаго плодородія: данныя о земледѣльческомъ и неземледѣльческомъ населеніи. Г. Булгаковъ самъ признаетъ, что „добываніе пищи требовало бы постоянно увеличивающагося относительно“ (это замѣтьте!) „количества труда и, слѣдовательно, земледѣльческаго населенія, еслибъ каждая страна была ограничена своими естественными рессурсами“ (19). Если въ запад-

ной Европѣ земледѣльческое населеніе уменьшается, то это объясняется тѣмъ, что посредствомъ привоза хлѣба удалось отклонить отъ себя дѣйствіе закона убывающаго плодородія. Нечего сказать, хорошо объясненіе! Нашъ ученый забылъ о той мелочи, что относительное уменьшеніе земледѣльческаго населенія наблюдается во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, въ томъ числѣ и въ земледѣльческихъ, и въ ввозящихъ хлѣбъ. Земледѣльческое населеніе относительно уменьшается въ Америкѣ и въ Россіи, оно уменьшается во Франціи съ конца 18-го вѣка (см. цифры въ томъ же сочиненіи г. Булгакова, II, стр. 168); причемъ, это относительное уменьшеніе переходитъ даже иногда въ абсолютное, между тѣмъ, какъ перевѣсъ ввоза хлѣба надъ вывозомъ былъ еще въ 30-хъ и 40-хъ годахъ совершенно ничтоженъ и *только съ 1878 года* не встрѣчается уже совершенно годовъ съ перевѣсомъ вывоза надъ ввозомъ *). Въ Пруссіи сельское населеніе уменьшалось относительно съ 73,5% въ 1816 г. до 71,7% въ 1849 и 67,5% въ 1871 г., а ввозъ ржи начался лишь съ начала 60-хъ, пшеницы—съ начала 70-хъ годовъ (тамъ же, II. 70 и 88). Наконецъ, если мы возьмемъ европейскія страны, ввозящія хлѣбъ,—напримѣръ, Францію и Германію послѣдняго десятилѣтія,—то мы увидимъ *несомнѣнный прогрессъ* сельскаго хозяйства на ряду съ *абсолютнымъ уменьшеніемъ* числа занятыхъ имъ рабочихъ; во Франціи это число уменьшилось съ 1882 по 1892 г.—съ 6.913.504 до 6.663.135. (Statist. agric. ч. II, стр. 248—251), въ Германіи съ 1882 г. по 1895 г.—съ 8.064 тыс. до 8.045 тыс. **). Такимъ образомъ, можно сказать, что вся исторія 19-го вѣка массовыми данными по отношенію къ самымъ различнымъ странамъ неопровержимо доказываетъ, что „универсальный" законъ убывающаго плодородія *совершенно парализованъ* „временной" тенденціей техническаго прогресса, который дастъ возможность уменьшающемуся относительно (а иногда даже абсолютно) сельскому населенію производить увеличивающееся количество земледѣльческихъ продуктовъ на увеличивающуюся массу населенія.

Кстати сказать, эти массовыя статистическія данныя вполнѣ опровергаютъ также два слѣдующихъ центральныхъ пункта „теоріи" г. Булгакова, именно: во-первыхъ, его утвержденіе, что къ „земледѣлію совершенно неприложима" теорія болѣе быстраго роста посто-

*) Statistique agricole de la France. (Enquête de 1892) P. 1897. P. 113.

**) Statistik des Deutschen Reichs, Neue Folge, Bd. 112. Die Landwirthschaft im Deutschen Reich. Berlin 1898 S. 6*. Г. Булгакову, разумѣется, непріятенъ этотъ, разрушающій все его мальтузіанство, фактъ техническаго прогресса при уменьшающемся сельскомъ населеніи. Нашъ «строгій ученый» прибѣгаетъ, поэтому, къ такой уловкѣ: вмѣсто того, чтобы взять сельское хозяйство въ собственномъ смыслѣ слова (земледѣліе, скотоводство и т. п.), онъ беретъ (вслѣдъ за данными объ увеличивающемся количествѣ *земледѣльческихъ* продуктовъ съ 1 гектара!) «сельское хозяйство въ широкомъ смыслѣ», куда нѣмецкая статистика включаетъ и оранжерейное и торговое огородничество, и *лѣсоводство и рыболовство*! Получается увеличеніе общей суммы лицъ, дѣйствительно занятыхъ «земледѣліемъ»! (Булгаковъ II, 133). Приведенныя въ текстѣ цифры относятся къ лицамъ, для коихъ земледѣліе составляло *главное* занятіе. Число лицъ, занимающихся земледѣліемъ побочно возрастало съ 3.144 тыс. до 3578 тыс. Складывать эти цифры съ предыдущими не вполнѣ правильно, но и при сложеніи мы получимъ лишь весьма небольшое увеличеніе: съ 11.208 до 11.623 тыс.

яннаго капитала (орудій и матеріаловъ производства) сравнительно съ перемѣннымъ (рабочая сила). Г. Булгаковъ преважно заявляетъ, что эта теорія невѣрна, ссылаясь въ подтвержденіе своего мнѣнія: а) на „проф. А. Скворцова“ (знаменитаго всего болѣе тѣмъ, что теорію средней нормы прибыли Маркса онъ приписывалъ агитаторскому злоумышленію и б) на тотъ фактъ, что при интенсификаціи хозяйства увеличивается количество рабочихъ на единицу площади. Это—одно изъ тѣхъ умышленныхъ непониманій Маркса, которыя постоянно выказываютъ представители модной критики. Подумайте только: теорія болѣе быстраго роста постояннаго капитала сравнительно съ перемѣннымъ опровергается фактомъ увеличенія *перемѣннаго капитала* на единицу площади! И г. Булгаковъ *не замѣчаетъ*, что приводимыя имъ самимъ въ такомъ изобиліи статистическія данныя подтверждаютъ теорію Маркса. Если во всемъ германскомъ земледѣліи число рабочихъ съ 1882 г. по 1895 г. уменьшилось съ 8.064 до 8.045 тыс. (а при добавленіи лицъ, занятыхъ земледѣліемъ побочно, увеличилось съ 11 208 до 11.623 тыс., т. е. всего на 3,7%), тогда какъ количество скота за это время возрасло съ 23,0 милліоновъ до 25,4 милліоновъ (переводя весь скотъ на крупный), т. е. болѣе чѣмъ на 10%;—число случаевъ употребленія пяти главнѣйшихъ машинъ возрасло съ 458 тыс. до 922 тыс., т. е. болѣе чѣмъ вдвое; количество ввозныхъ удобреній съ 636 тыс. тоннъ (1883) до 1961 тыс. тоннъ (1892) и количество калійныхъ солей съ 304 тыс. двойныхъ центнеровъ до 2400 тыс. *),—то не ясно ли, что отношеніе постояннаго капитала къ перемѣнному увеличивается? Мы уже не говоримъ о томъ, что эти огульныя данныя въ громадной степени скрадываютъ прогрессъ крупнаго производства. Объ этомъ ниже.

Во-вторыхъ, прогрессъ сельскаго хозяйства при уменьшеніи или ничтожномъ абсолютномъ увеличеніи сельскаго населенія вполнѣ опровергаетъ нелѣпую попытку г. Булгакова воскресить мальтузіанство. Изъ русскихъ „бывшихъ марксистовъ“ эту попытку сдѣлалъ едва ли не впервые г. Струве въ своихъ „Критическихъ замѣткахъ“, но онъ, какъ и всегда, не пошелъ далѣе робкихъ, недоговоренныхъ и двусмысленныхъ замѣчаній, недодуманныхъ до конца и несведенныхъ къ одной системѣ воззрѣній. Г. Булгаковъ смѣлѣе и послѣдовательнѣе: „законъ убывающаго плодородія“ онъ, ничтоже сумняшеся, превращаетъ въ одинъ изъ важнѣйшихъ законовъ исторіи цивилизаціи“ (sic! стр. 18). „Вся исторія 19-го вѣка... съ его проблемами богатства и бѣдности была бы непонятна безъ этого закона“. „Для меня совершенно несомнѣнно, что соціальный вопросъ въ теперешней его постановкѣ существенно связанъ съ этимъ закономъ“ (это нашъ строгій ученый заявляетъ уже на 18-ой страницѣ своего „изслѣдованія“)!.. „Несомнѣнно,—заявляетъ онъ въ концѣ сочиненія—что, при наличности перенаселенія, извѣстная часть бѣдности должна быть отнесена на счетъ *абсолютной бѣдности*, бѣдности производства, а не распредѣленія“ (II, 221). „Проблема народонаселенія въ той особенной ея постановкѣ, какую создаютъ условія сельско-хозяйственнаго производства, составляетъ въ моихъ глазахъ главную трудность, которая

) Statist. d. D. K, 112, S. 36. Булгаковъ II, 135.

лежитъ на пути—въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время — сколько-нибудь широкому проведенію принциповъ коллективизма или кооппераціи въ сельско-хозяйственномъ предпріятіи“ (II, 265). „Прошлое оставляетъ въ наслѣдіе будущему хлѣбный вопросъ, болѣе страшный и болѣе трудный, чѣмъ вопросъ соціальный,—вопросъ производства, а не распредѣленія“ (II, 455) и проч. и проч. Намъ нѣтъ надобности говорить о научномъ значеніи этой „теоріи“, неразрывно связанной съ универсальнымъ закономъ убывающаго плодородія почвы,—послѣ того, какъ мы разобрали этотъ законъ. А что критическое заигрываніе съ мальтузіанствомъ привело въ своемъ неизбѣжномъ логическомъ развитіи къ самому вульгарному буржуазному апологетизму,—это засвидѣтельствовано въ приведенныхъ нами выводахъ г. Булгакова съ неоставляющей ничего желать откровенностью.

Въ слѣдующемъ очеркѣ мы разберемъ данныя нѣкоторыхъ новыхъ источниковъ, указываемыхъ нашими критиками (которые всѣ уши прожжужали о томъ, что ортодоксы чураются детализаціи) и покажемъ, что г. Булгаковъ вообще превращаетъ словечко „перенаселеніе“ въ трафаретъ, прикладываніе котораго избавляетъ его отъ всякаго анализа, и, въ особенности, отъ анализа классовыхъ противорѣчій внутри „крестьянства“. Теперь же, ограничиваясь обще-теоретической стороной аграрнаго вопроса, мы должны еще коснуться теоріи ренты. Что касается Маркса, — пишетъ г. Булгаковъ, — то въ третьемъ томѣ „Капитала“ — въ томъ видѣ, какъ мы сейчасъ его имѣемъ,—онъ не прибавляетъ ничего, заслуживающаго вниманія, къ теоріи дифференціальной ренты Рикардо“ (87). Запомнимъ это „ничего, заслуживающаго вниманія“ и сопоставимъ съ приговоромъ критика слѣдующее, сдѣланное имъ раньше, заявленіе: „Несмотря на очевидно отрицательное отношеніе къ этому закону (закону убывающаго плодородія почвы), Марксъ усваиваетъ въ основныхъ принципахъ теорію ренты Рикардо, которая построена на этомъ законѣ“ (13). Выходитъ, вѣдь, по г. Булгакову, что Марксъ не замѣтилъ связи теоріи ренты Рикардо съ закономъ убывающаго плодородія и потому не свелъ концовъ съ концами! Мы можемъ одно сказать по поводу такого изложенія: никто такъ не извращаетъ Маркса, какъ бывшіе марксисты; никто не проявляетъ такой невѣроятной без...без...безцеремонности въ подсовываніи критикуемому писателю тысячи и одного смертнаго грѣха.

Утвержденіе г. Булгакова есть вопіющее извращеніе истины. На самомъ дѣлѣ Марксъ не только замѣтилъ эту связь теоріи ренты Рикардо съ его ошибочнымъ ученіемъ объ убывающемъ плодородіи почвы, но и съ полнѣйшей опредѣленностью разоблачилъ ошибку Рикардо. Кто хоть съ капелькой вниманія читалъ третій томъ „Капитала“, тотъ не могъ не замѣтить того, въ высшей степени „заслуживающаго вниманія“, обстоятельства, что именно Марксъ *освободилъ* теорію дифференціальной ренты отъ *всякой связи* съ пресловутымъ „закономъ убывающаго плодородія почвы“. Марксъ показалъ, что для образованія дифференціальной ренты необходимъ и достаточенъ фактъ различной производительности различныхъ приложеній капитала къ землѣ. Совершенно несущественно при этомъ, совершается ли переходъ отъ лучшей земли къ худшей или, наоборотъ, пони-

жается ли производительность добавочныхъ вложеній капитала въ землю или повышается. Въ дѣйствительности имѣютъ мѣсто всевозможныя комбинаціи этихъ различныхъ случаевъ, и ни подъ какое единое общее правило этихъ комбинацій подвести нельзя. Такъ, напр., Марксъ описываетъ сначала дифференціальную ренту перваго вида, происходящую отъ различной производительности приложеній капитала на различныхъ участкахъ земли, и поясняетъ свое изложеніе таблицами, по поводу которыхъ г. Булгаковъ дѣлаетъ строгое внушеніе за чрезмѣрное пристрастіе Маркса къ облаченію своихъ — нерѣдко очень простыхъ—мыслей въ сложную математическую одежду. Эта сложная математическая одежда ограничивается четырьмя дѣйствіями ариѳметики, а очень простыя мысли оказались, какъ мы видимъ, совершенно непонятными ученымъ профессорамъ. Разобравъ эти таблицы, Марксъ заключаетъ: „Такимъ образомъ, падаетъ та первая невѣрная предпосылка дифференціальной ренты, которая еще господствуетъ у Веста (West), Мальтуса, Рикардо, именно, что дифференціальная рента необходимо предполагаетъ переходъ къ худшей и худшей почвѣ или же постоянно уменьшающуюся производительность земледѣлія. Дифференціальная рента, какъ мы видѣли, можетъ имѣть мѣсто при переходѣ къ лучшей и лучшей землѣ; дифференціальная рента можетъ имѣть мѣсто, если низшую ступень занимаетъ лучшая почва вмѣсто прежней худшей; она можетъ быть связана съ растущимъ прогрессомъ земледѣлія. Ея условіемъ является исключительно неравенство видовъ почвы“. (Марксъ не говоритъ здѣсь о различной производительности послѣдовательныхъ вложеній капитала въ землю, ибо это порождаетъ дифференціальную ренту *второго* вида, а въ данной главѣ рѣчь идетъ о дифференціальной рентѣ перваго вида). „Поскольку дѣло касается развитія производительности, — постольку дифференціальная рента предполагаетъ, что повышеніе абсолютнаго плодородія всей сельско-хозяйственной площади не уничтожаетъ этого неравенства, а либо усиливаетъ его, либо оставляетъ неизмѣннымъ, либо же только уменьшаетъ“. (Das Kapital III, 2, S. 199). Г. Булгаковъ *не замѣтилъ* этого коренного отличія теоріи дифференціальной ренты Маркса отъ теоріи ренты Рикардо. Зато онъ предпочелъ разыскать въ третьемъ томѣ „Капитала“ „отрывокъ, позволяющій скорѣе думать, что Марксъ относился къ закону убывающаго плодородія почвы далеко не отрицательно“ (стр. 13, примѣч.). Мы извиняемся передъ читателемъ, что намъ придется удѣлить очень много мѣста совершенно несущественному (по отношенію къ интересующему насъ съ г. Булгаковымъ вопросу) отрывку. Но что прикажете дѣлать, если герои современной критики (которые еще смѣютъ обвинять ортодоксовъ въ рабулистикѣ) извращаютъ совершенно ясный смыслъ враждебнаго имъ ученія посредствомъ выхваченныхъ изъ контекста цитатъ и посредствомъ перевранныхъ переводовъ? Г. Булгаковъ цитируетъ найденный имъ отрывокъ такъ: „Съ точки зрѣнія капиталистическаго способа производства всегда происходитъ относительное удорожаніе (*земледѣльческихъ*) продуктовъ, *такъ какъ*“ (мы просимъ читателя обратить особое вниманіе на подчеркиваемыя *нами* слова) „для полученія продукта дѣлается извѣстная затрата: должно оплачиваться нѣчто такое, что прежде не оплачивалось“. И Марксъ

говоритъ дальше, что элементы природы, входящіе въ производство, какъ агенты его, ничего не стоя, являются даровой естественной производительной силой труда, а если для производства добавочнаго продукта приходится работать безъ помощи этой естественной силы, то необходимо затратить новый капиталъ, что ведетъ къ удорожанію производства.

По поводу такого способа „цитировать“ мы должны сдѣлать три замѣчанія. Во-первыхъ, словечко „такъ какъ“, придающее тирадѣ абсолютный смыслъ установленія какого-то „закона“, *вставлено г. Булгаковымъ отъ себя. Въ оригиналѣ* (Das Kapital, III, 2, 277 — 78) *стоитъ не „такъ какъ“, а „если“. Если* должно оплачиваться нѣчто такое, что раньше не оплачивалось, то происходитъ всегда относительное удорожаніе продуктовъ; неправда ли, какъ *это* положеніе похоже на признаніе „закона“ убывающаго плодородія? Во-вторыхъ, словечко „земледѣльческихъ“ вставлено вмѣстѣ со скобками г. Булгаковымъ. Въ *оригиналѣ его вовсе нѣтъ.* Г. Булгаковъ рѣшилъ, вѣроятно, со свойственнымъ гг. критикамъ легкомысліемъ, что Марксъ можетъ говорить здѣсь только о земледѣльческихъ продуктахъ и поспѣшилъ дать читателю „поясненіе“ совершенно превратнаго свойства. На самомъ дѣлѣ Марксъ говоритъ здѣсь о всѣхъ продуктахъ вообще. Отрывку, цитированному г. Булгаковымъ, предшествуютъ слова Маркса: „вообще должно замѣтить слѣдующее“. Даровыя силы природы могутъ входить и въ промышленное производство—таковъ приведенный Марксомъ въ томъ же отдѣлѣ о рентѣ примѣръ водопада, замѣняющаго для одной изъ фабрикъ силу пара, — и если нужно произвести добавочное количество продукта безъ помощи этихъ даровыхъ силъ, то произойдетъ *всегда* относительное удорожаніе продуктовъ. Въ-третьихъ, надо разсмотрѣть, въ какомъ контекстѣ стоитъ этотъ отрывокъ. Марксъ говоритъ въ этой главѣ о дифференціальной рентѣ съ худшей воздѣлываемой земли и разбираетъ, *какъ и всегда*, два для него совершенно равноправныхъ, *совершенно одинаково возможныхъ*, случая: первый случай—повышающуюся производительность послѣдовательныхъ приложеній капитала (S. 274—276) и второй случай—понижающуюся производительность ихъ (S. 276—278). По поводу этого послѣдняго изъ возможныхъ случаевъ Марксъ говоритъ: „О понижающейся производительности почвы при послѣдовательныхъ приложеніяхъ капитала смотри у Либиха... *Но* должно *вообще* замѣтить слѣдующее“ (курсивъ нашъ). Слѣдуетъ переведенный г. Булгаковымъ отрывокъ, гласящій, что „если оплачивается то, что раньше не оплачивалось, то *всегда* происходитъ относительное удорожаніе продуктовъ“.

Предоставляемъ самому читателю судить о научной добросовѣстности критика, который превратилъ замѣчаніе Маркса объ одномъ изъ возможныхъ случаевъ въ признаніе Марксомъ этого случая за какой-то общій „законъ“.

А вотъ заключительное мнѣніе г. Булгакова о найденномъ имъ отрывкѣ:

„Этотъ отрывокъ, конечно, неясенъ“... Ну, еще бы! Послѣ булгаковской замѣны одного слова другимъ этотъ отрывокъ совершенно даже лишенъ смысла... „но не можетъ быть понятъ иначе, какъ кос-

венное или даже прямое признаніе (слушайте!) закона убывающаго плодородія почвы. Мнѣ неизвѣстно, чтобы Марксъ гдѣ-либо еще прямо высказался по поводу послѣдняго“ (I, 14). Какъ бывшему марксисту, г. Булгакову „неизвѣстно“, что Марксъ прямо объявилъ совершенно невѣрнымъ предположеніе Веста, Мальтуса, Рикардо, будто дифференціальная рента предполагаетъ переходъ къ худшимъ землямъ или падающее плодородіе почвы *). Ему „неизвѣстно“, что Маркъ на протяженіи всего своего объемистаго анализа ренты *десятки разъ* показываетъ, что понижающуюся и повышающуюся производительность добавочныхъ затратъ капитала онъ разсматриваетъ, какъ совершенно одинаково возможные случаи!

II.

Теорія ренты.

Теоріи ренты Маркса г. Булгаковъ вообще не понялъ. Онъ увѣренъ, что разбиваетъ эту теорію двумя слѣдующими возраженіями: 1) по Марксу земледѣльческій капиталъ входитъ въ выравниваніе нормы прибыли, такъ что ренту создаетъ добавочная прибыль, превышающая среднюю норму прибыли. Это невѣрно, по мнѣнію г. Булгакова, ибо монополія земледѣлія устраняетъ свободу конкурренціи, необходимую для процесса выравниванія нормы прибыли. Земледѣльческій капиталъ не входитъ въ процессъ выравниванія нормы прибыли. 2) Абсолютная рента есть лишь особый случай дифференціальной ренты, и различеніе ея отъ послѣдней неправильно. Это различеніе основывается на совершенно произвольномъ двоякомъ толкованіи одного и того же факта—монопольнаго владѣнія однимъ изъ факторовъ производства. Г. Булгаковъ такъ увѣренъ въ сокрушительности своихъ доводовъ, что не можетъ воздержаться отъ цѣлаго потока сильныхъ словъ противъ Маркса: petitio principii, немарксизмъ, логическій фетишизмъ, утрата Марксомъ свободы умственнаго полета и пр. А между тѣмъ, оба его довода основаны на довольно грубой ошибкѣ. То же самое одностороннее упрощеніе предмета, которое побудило г. Булгакова возвести одинъ изъ возможныхъ случаевъ (пониженіе производительности добавочныхъ затратъ капитала) въ универсальный законъ убывающаго плодородія,—приводитъ его въ данномъ вопросѣ къ тому, что онъ безъ критики оперируетъ съ понятіемъ „монополія“, возводя это понятіе въ нѣчто въ своемъ родѣ тоже универсальное, и смѣшиваетъ при этомъ тѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ, при капиталистической организаціи земледѣлія, изъ *ограниченности земли*, съ одной стороны, и изъ *частной собственности на землю*, —съ другой. Это вѣдь двѣ вещи разныя. Объяснимся.

---

*) Это опровергнутое Марксомъ невѣрное предположеніе классической экономіи перенялъ, разумѣется, безъ критики и „критикъ“ г. Булгаковъ вслѣдъ за своимъ учителемъ Брентано. „Условіемъ возникновенія ренты,— пишетъ г. Булгаковъ, является законъ убывающаго плодородія почвы“... (I, 90)... Англійская рента... фактически различаетъ послѣдовательныя затраты капитала, въ общемъ, убывающей производительности“ (I, 130).

„Условіемъ, хотя и не источникомъ возникновенія земельной ренты, пишетъ г. Булгаковъ,—является то же самое, что вызвало и возможность монополизаціи земли,—ограниченность производительныхъ силъ земли и безгранично растущая потребность въ нихъ человѣка“ (I. 90). Вмѣсто: „ограниченность производительныхъ силъ земли“ надо было сказать: „*ограниченность земли*“. (Ограниченность производительныхъ силъ земли сводится, какъ мы уже показали, къ „ограниченности“ даннаго уровня техники, даннаго состоянія производительныхъ силъ). Ограниченность земли предполагаетъ, дѣйствительно, при капиталистическимъ строѣ общества монополизацію земли, *но земли, какъ объекта хозяйства, а не какъ объекта права собственности.* Предположеніе капиталистической организаціи земледѣлія необходимо включаетъ въ себѣ то предположеніе, что вся земля занята отдѣльными частными хозяйствами, *но отнюдъ не включаетъ предположенія*, что вся земля находится въ частной собственности этихъ хозяевъ или другихъ лицъ или въ частной собственности вообще. Монополія владѣнія землей на правѣ собственности и монополія хозяйства на землѣ—вещи совершенно различныя не только логически, но и исторически. Логически мы вполнѣ можемъ представить себѣ чисто капиталистическую организацію земледѣлія при полномъ отсутствіи частной собственности на землю, при нахожденіи земли въ собственности государства или общинъ и т. п. И въ дѣйствительности мы видимъ, что во всѣхъ развитыхъ капиталистическихъ странахъ вся земля занята отдѣльными частными хозяйствами, но эти хозяйства эксплуатируютъ не только свои собственныя, но и арендуемыя ими земли частныхъ собственниковъ, и государственныя земли, и земли общинъ (напримѣръ, въ Россіи, причемъ во главѣ частныхъ хозяевъ на крестьянскихъ общинныхъ земляхъ стоятъ, какъ извѣстно капиталистическія крестьянскія хозяйства). И Марксъ недаромъ дѣлаетъ въ самомъ началѣ анализа ренты замѣчаніе, что капиталистическій способъ производства застаетъ (и подчиняетъ себѣ) самыя различныя формы поземельной собственности, начиная отъ клановой собственности и феодальной собственности и кончая собственностью крестьянскихъ общинъ.

Итакъ, ограниченность земли неизбѣжно предполагаетъ только монополизацію хозяйства на землѣ (при условіи господства капитализма). Спрашивается, каковы необходимыя послѣдствія *этой* монополизаціи по отношенію къ вопросу о рентѣ? Ограниченность земли ведетъ къ тому, что цѣну хлѣба опредѣляютъ условія производства не на средняго качества землѣ, а на хуже воздѣлываемой землѣ. Эта цѣна хлѣба даетъ фермеру (=капиталистическому предпринимателю въ земледѣліи) покрытіе его издержекъ производства и среднюю прибыль на его капиталъ. Фермеръ на лучшей землѣ получаетъ добавочную прибыль, которая и образуетъ *дифференціальную ренту.* Вопросъ о томъ, существуетъ ли частная собственность на землю, не стоитъ ровно ни въ какой связи съ вопросомъ объ образованіи дифференціальной ренты, которая неизбѣжна въ капиталистическомъ земледѣліи, хотя бы на общинныхъ, государственныхъ, безхозяйныхъ земляхъ. Единственное послѣдствіе ограниченности земли при капитализмѣ—образованіе дифференціальной ренты, вслѣдствіе

различной производительности различныхъ затратъ капитала. Г. Булгаковъ усматриваетъ второе послѣдствіе въ устраненіи свободы конкурренціи въ земледѣліи, говоря, что отсутствіе этой свободы препятствуетъ земледѣльческому капиталу участвовать въ образованіи средней прибыли. Это—явное смѣшеніе вопроса о хозяйствѣ на землѣ съ вопросомъ о правѣ собственности на землю. Изъ факта ограниченности земли (независимо отъ частной собственности на землю) вытекаетъ логически только то, что вся земля будетъ занята капиталистами-фермерами, но отнюдь не вытекаетъ необходимость какихъ бы то ни было ограниченій свободы конкуренціи между этими фермерами. Ограниченность земли есть явленіе общее, неизбѣжно кладущее свою печать на всякое капиталистическое земледѣліе. Логическая несостоятельность смѣшенія этихъ различныхъ вещей наглядно подтверждается и исторіей. Не говоримъ уже объ Англіи: въ ней отдѣленіе землевладѣнія отъ земледѣльческаго хозяйства очевидно, свобода конкуренціи между фермерами почти полная, обращеніе образованнаго въ торговлѣ и промышленности капитала на сельское хозяйство имѣло и имѣетъ мѣсто въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но и во всѣхъ остальныхъ капиталистическихъ странахъ происходитъ (вопреки мнѣнію г. Булгакова, тщетно пытающагося вслѣдъ за г. Струве выдѣлить „англійскую" ренту въ нѣчто совершенно своеобразное) *тотъ же самый процессъ* отдѣленія землевладѣнія отъ земледѣльческаго хозяйства — только въ самыхъ различныхъ формахъ (аренда, ипотека). Не замѣчая этого процесса (усиленно подчеркиваемаго Марксомъ) г. Булгаковъ, можно сказать, слона не замѣчаетъ. Во всѣхъ европейскихъ странахъ наблюдаемъ мы послѣ паденія крѣпостного права разрушеніе сословности землевладѣнія, мобилизацію земельной собственности, обращеніе торгово-промышленнаго капитала на сельское хозяйство, ростъ аренды и ипотечной задолженности. И въ Россіи, несмотря на наибольшіе остатки крѣпостного права, мы видимъ послѣ реформы усиленную покупку земли крестьянами, разночинцами и купцами, развитіе аренды частновладѣльческихъ, государственныхъ и *общинныхъ* земель и проч. и проч. О чемъ свидѣтельствуютъ всѣ эти явленія? О созданіи свободной конкуренціи въ *земледѣліи, вопреки* монополіи *земельной собственности* и несмотря на безконечно разнообразныя формы этой собственности. Въ настоящее время во всѣхъ капиталистическихъ странахъ всякій капиталъ можетъ такъ же легко или почти такъ же легко вложить этотъ капиталъ въ сельское хозяйство (посредствомъ покупки или аренды земли), какъ и въ любую отрасль торговли или промышленности.

Г. Булгаковъ въ возраженіе противъ Марксовой теоріи дифференціальной ренты указываетъ на то, что „всѣ эти различія (различія въ условіяхъ производства земледѣльческихъ продуктовъ) противорѣчивы и *могутъ* (курсивъ нашъ) взаимно уничтожать другъ друга; разстояніе, какъ это указывалъ уже Родбертусъ, можетъ парализоваться плодородіемъ; различное же плодородіе можетъ выравниваться болѣе усиленнымъ производствомъ на участкахъ большаго плодородія (181). Напрасно только забываетъ нашъ строгій ученый о томъ, что Марксъ отмѣтилъ этотъ фактъ и сумѣлъ дать ему не такую одностороннюю оцѣнку. „Ясно,—пишетъ Марксъ,—что эти два различныя

основанія дифференціальной ренты, плодородіе и положеніе (земельныхъ участковъ) могутъ дѣйствовать въ противоположномъ направленіи. Земельный участокъ можетъ быть хорошо расположенъ и очень мало плодороденъ, и наоборотъ. Это обстоятельство важно, ибо оно объясняетъ намъ, почему при распашкѣ земли въ данной странѣ переходъ можетъ совершаться точно такъ же отъ лучшей земли къ худшей, какъ и наоборотъ. Наконецъ, ясно, что процессъ соціальнаго производства вообще дѣйствуетъ, съ одной стороны, нивеллирующимъ образомъ на положеніе (земельныхъ участковъ), какъ на основаніе дифференціальной ренты, создавая мѣстные рынки, создавая положеніе посредствомъ проведенія путей сообщенія; а, съ другой стороны, усиливаетъ различія въ мѣстномъ положеніи земельныхъ участковъ, какъ посредствомъ отдѣленія земледѣлія отъ промышленности, такъ и посредствомъ образованія крупныхъ центровъ производства, на ряду съ обратной стороной этого явленія: усиленіемъ относительнаго одиночества деревни". (Relative Vereinsammung des Landes). (Das Kapital III, 2, 190). Такимъ образомъ, въ то время, какъ г. Булгаковъ съ побѣдоносным видомъ повторяетъ давно извѣстное указаніе на *возможность* взаимнаго уничтоженія различій, Марксъ ставитъ *дальнѣйшій* вопросъ о превращеніи этой возможности въ дѣйствительность и показываетъ, что рядомъ съ нивеллирующими вліяніями наблюдаются и дифференцирующія. Конечный итогъ этихъ взаимно противорѣчивыхъ вліяній состоитъ, какъ всякій знаетъ, въ томъ, что во всѣхъ странахъ и повсюду *существуютъ* громадныя различія между земельными участками по плодородію и положенію ихъ. Возраженіе г. Булгакова свидѣтельствуетъ только о полной непродуманности его замѣчаній.

„Понятіе послѣдней наименѣе производительной затраты труда и капитала—продолжаетъ возражать г. Булгаковъ — одинаково безъ критики употребляется и Рикардо и Марксомъ. Нетрудно видѣть, какой элементъ произвола вносится этимъ понятіемъ: пусть на землю затрачивается 10а капитала, причемъ каждое послѣдующее *a* отличается убывающей производительностью; общій продуктъ почвы будетъ *A*; очевидно, средняя производительность каждаго *a* будетъ равна A/10 и, если весь капиталъ разсматривать, какъ одно цѣлое, то цѣна будетъ опредѣляться именно этой средней его производительностью" (I. 82). Очевидно,—скажемъ мы на это,—что г. Булгаковъ за своими пышными фразами объ „ограниченности производительныхъ силъ земли" просмотрѣлъ *мелочь*: ограниченность земли. Эта ограниченность—совершенно независимо отъ какой бы то ни было *собственности* на землю—создаетъ извѣстнаго рода монополію, именно: такъ какъ земля вся занята фермерами; такъ какъ спросъ предъявляется на весь хлѣбъ, производимый на всей землѣ, въ томъ числѣ и на самыхъ худшихъ и на самыхъ отдаленныхъ отъ рынка участкахъ,—то понятно, что цѣну хлѣба опредѣляетъ цѣна производства на худшей землѣ (или цѣна производства при послѣдней, наименѣе производительной, затратѣ капитала). „Средняя производительность" г. Булгакова есть пустое ариѳметическое упражненіе; ибо дѣйствительному образованію этой средней препятствуетъ ограниченность земли. Чтобы образовалась эта „средняя производительность" и опредѣлила

собой цѣны, для этого необходимо, чтобъ каждый капиталистъ не только могъ вообще приложить капиталъ къ земледѣлію (настолько въ земледѣліи есть, какъ мы уже говорили, свобода конкурренціи), но также, чтобы каждый капиталистъ могъ всегда—сверхъ наличнаго числа земледѣльческихъ предпріятій—основать новое земледѣльческое предпріятіе. Будь это такъ, тогда между земледѣліемъ и промышленностью никакой разницы не было бы; тогда никакой ренты не могло бы возникнуть. Но именно ограниченность земли дѣлаетъ то, что это не такъ.

Пойдемъ далѣе. Мы разсуждали до сихъ поръ, совершенно оставляя въ сторонѣ вопросъ о собственности на землю; мы видѣли, что такой пріемъ обязателенъ и въ виду логическихъ соображеній, и въ виду историческихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о возникновеніи и развитіи капиталистическаго земледѣлія при всякихъ формахъ землевладѣнія. Введемъ теперь это новое условіе. Предположимъ, что вся земля находится въ частной собственности. Какъ отразится это на рентѣ? Дифференціальная рента будетъ отобрана землевладѣльцемъ, на основаніи его права собственности, у фермера; такъ какъ дифференціальная рента есть избытокъ прибыли сверхъ нормальной, средней прибыли на капиталъ, и такъ какъ свобода конкуренціи въ смыслѣ свободы вложенія капитала въ сельское хозяйство въ земледѣліи есть (respective создается капиталистическимъ развитіемъ), то землевладѣлецъ всегда найдетъ фермера, удовлетворяющагося средней прибылью и отдающаго ему, землевладѣльцу, сверхъ-прибыль. Частная собственность на землю не создаетъ дифференціальной ренты, а только перемѣщаетъ ее изъ рукъ фермера въ руки землевладѣльца. Ограничивается ли этимъ вліяніе частной поземельной собственности? Можно ли предположить, что землевладѣлецъ *даромъ* позволитъ фермеру эксплуатировать ту худшую и хуже всѣхъ расположенную землю, которая даетъ только среднюю прибыль на капиталъ? Конечно, нѣтъ. Землевладѣніе есть монополія, и на основаніи этой монополіи землевладѣлецъ потребуетъ плату съ фермера и за эту землю. Эта плата будетъ *абсолютной рентой*, не стоящей ни въ какой связи съ различной производительностью различныхъ затратъ капитала *и вытекающей изъ частной собственности на землю*. Обвиняя Маркса въ произвольномъ двоякомъ толкованіи одной и той же монополіи, г. Булгаковъ не далъ себѣ труда подумать, что мы имѣемъ дѣло дѣйствительно съ двоякой монополіей; во-первыхъ, мы имѣемъ монополію хозяйства (капиталистическаго) на землѣ. Эта монополія вытекаетъ изъ ограниченности земли, являясь поэтому необходимой въ всякомъ капиталистическомъ обществѣ. Ведетъ *эта* монополія къ тому, что цѣну хлѣба опредѣляютъ условія производства на худшей землѣ, а избыточная прибавочная прибыль, приносимая затратой капитала на лучшей землѣ, или болѣе производительная затрата капитала образуетъ дифференціальную ренту. Рента эта возникаетъ совершенно независимо отъ частной поземельной собственности, которая только даетъ возможность землевладѣльцу отобрать ее у фермера. Во вторыхъ, мы имѣемъ монополію частной собственности на землю. Ни логически, ни исторически эта монополія съ предыдущей неразрывно*) не связана. Ничего

*) Врядъ ли есть надобность напоминать читателю, что, имѣя здѣсь дѣло съ общей теоріей ренты и капиталистической организаціи земледѣлія, мы не

необходимаго для капиталистическаго общества и для капиталистической организаціи земледѣлія эта монополія собою не представляетъ. Съ одной стороны, мы вполнѣ можемъ мыслить капиталистическое земледѣліе безъ частной собственности на землю, и многіе послѣдовательные буржуазные экономисты требовали націонализаціи земли. Съ другой стороны, мы и въ дѣйствительности встрѣчаемъ капиталистическую организацію земледѣлія при отсутствіи частной поземельной собственности, напр., на земляхъ государственныхъ и общинныхъ. Поэтому различать эти двоякаго рода монополіи безусловно необходимо; а, слѣдовательно, необходимо на ряду съ дифференціальной рентой признать и существованіе абсолютной ренты, которую *порождаетъ* частная собственность на землю*).

Возможность происхожденія абсолютной ренты изъ прибавочной стоимости земледѣльческаго капитала Марксъ объясняетъ тѣмъ, что въ земледѣліи доля перемѣннаго капитала въ общемъ составѣ капитала—выше средняго (предположеніе вполнѣ естественное при несомнѣнной отсталости земледѣльческой техники сравнительно съ промышленной). Разъ это такъ—слѣдовательно, стоимость земледѣльческихъ продуктовъ вообще выше ихъ цѣны производства, а прибавочная стоимость выше прибыли. Между тѣмъ, монополія частной поземельной собственности препятствуетъ этому излишку войти цѣликомъ въ процессъ выравниванія прибыли, и абсолютная рента берется изъ этого излишка**).

касаемся такихъ фактовъ, какъ давность и распространенность частной поземельной собственности, какъ подрывъ заокеанской конкуренціи послѣдняго указаннаго нами вида монополіи, а отчасти и обоихъ видовъ и т. п.

*) Во второй части второго тома „Теоріи прибавочной стоимости“ (Theorien über den Mehrwert, II Band, II Theil), вышедшей въ 1905 году, Марксъ даетъ разъясненія по вопросу объ абсолютной рентѣ, которыя подтверждаютъ правильность моего толкованія (особенно относительно двухъ видовъ монополіи). Вотъ относящіяся сюда мѣста у Маркса: „Если бы земля представляла изъ себя неограниченный элементъ не только въ отношеніи къ капиталу и къ населенію, но и фактически, т.-е. была бы „неограниченна“ какъ „воздухъ и вода“, была бы „въ наличности въ неограниченномъ количествѣ“ (цитаты изъ Рикардо), то тогда присвоеніе земли однимъ лицомъ не могло бы на дѣлѣ нисколько исключать присвоенія земли другимъ лицомъ. Тогда не могло бы существовать никакой частной собственности на землю (и не только частной, но и „общественной“ и государственной собственности не могло бы быть). Въ этомъ случаѣ, если бы къ тому же вся земля была повсюду одинаковаго качества, за землю не могла бы быть взимаема никакая рента... Вся соль вопроса состоитъ въ слѣдующемъ: если бы земля по отношенію къ капиталу существовала какъ всякая элементарная сила природы, то капиталъ въ области сельскаго хозяйства дѣйствовалъ бы совершенно такъ же, какъ и во всякой другой области промышленности. Тогда не было бы никакой поземельной собственности и никакой ренты... Наоборотъ, если земля 1) ограничена, 2) захвачена въ собственность, если капиталъ встрѣчаетъ, въ видѣ условія своего возникновенія, собственность на землю—именно такъ обстоитъ дѣло въ странахъ, гдѣ развивается капиталистическое производство, а въ такихъ странахъ, гдѣ раньше не было на лицо этого условія (какъ въ старой Европѣ), капиталистическое производство само создаетъ для себя эти условія: примѣръ Соед. Штаты,—то тогда земля не представляетъ изъ себя элементарно доступнаго капиталу поприща дѣятельности. Поэтому существуетъ абсолютная рента независимо отъ дифференціальной ренты“ (стр. 80, 81). Марксъ съ полной опредѣленностью различаетъ здѣсь ограниченность земли и нахожденіе земли въ частной собственности. (Примѣчаніе къ настоящему изданію).

**) Между прочимъ, мы считали необходимымъ особенно подробно остановиться на теоріи ренты Маркса въ виду того, что ошибочное пониманіе ея

Г. Булгаковъ очень не доволенъ этимъ объясненіемъ и восклицаетъ: «Что же за вещь такая—эта прибавочная цѣнность, что ея, какъ сукно, хлопокъ или другой какой-либо товаръ, можетъ хватать или же не хватать для покрытія возможнаго спроса. Прежде всего, это не матеріальная вещь, это—понятіе, служащее для выраженія опредѣленнаго общественнаго отношенія производства» (I 105). Это противоположеніе „матеріальной вещи“ — „понятію“ представляетъ изъ себя наглядный образчикъ той схоластики, которую такъ любятъ въ настоящее время преподносить подъ видомъ „критики“. Какое значеніе могло бы имѣть „понятіе“ о долѣ общественнаго продукта, если бы этому понятію не соотвѣтсовали опредѣленныя „матеріальныя вещи“? Прибавочная цѣнность есть денежный эквивалентъ прибавочнаго продукта, который состоитъ изъ опредѣленной доли сукна хлопка, хлѣба и всѣхъ прочихъ товаровъ. („Опредѣленность“ надо понимать, конечно, не въ томъ смыслѣ, что наука можетъ конкретно опредѣлить эту долю, а въ томъ смыслѣ, что извѣстны условія, опредѣляющія въ общихъ чертахъ размѣръ этой доли). Въ земледѣліи прибавочный продуктъ больше (въ пропорціи къ капиталу), чѣмъ въ другихъ отрасляхъ промышленности, и этого излишка (не входящаго въ выравниваніе прибыли, вслѣдствіе монополіи поземельной собственности) можетъ, естественно, „хватать или не хватать на покрытіе спроса“ со стороны монополиста-землевладѣльца.

Мы можемъ избавить читателя отъ подробнаго изложенія той теоріи ренты, которую создалъ г. Булгаковъ, по собственому скромному замѣчанію, „собственными силами“, „идя своимъ путемъ“ (I 112). Достаточно нѣсколькихъ замѣчаній, чтобъ охарактеризовать этотъ продуктъ „послѣдней наименѣе производительной затраты“ профессорскаго „труда“. „Новая“ теорія ренты построена по старинному рецепту: „Назвался груздемъ полѣзай въ кузовъ“. Разъ—свобода конкурренціи, тогда уже не должно быть абсолютно никакихъ ограниченій ея (хотя такой абсолютной свободы конкуренціи нигдѣ никогда и не существовало). Разъ—монополія, кончено дѣло. Значитъ рента берется вовсе не изъ прибавочной цѣнности, вовсе даже не изъ земледѣльческаго продукта; она берется изъ продукта неземледѣльческаго труда; это—просто дань, налогъ, вычетъ изъ всего общественнаго производства, вексель землевладѣльца. „Землевладѣльческій капиталъ съ своей прибылью и земледѣльческій трудъ вообще, зем-

---

мы встрѣтили также у г. П. Маслова («Жизнь» 1901 г. № 3 и 4. „Къ аграрному вопросу“), который признаетъ убывающую производительность добавочныхъ затратъ капитала, если не закономъ, то „обыкновеннымъ» и какъ бы нормальнымъ явленіемъ, связываетъ съ этимъ явленіемъ дифференціальную ренту и отвергаетъ теорію абсолютной ренты. Интересная статья г. П. Маслова содержитъ много вѣрныхъ замѣчаній по адресу критиковъ, но она сильно страдаетъ, какъ отъ указанной сейчасъ ошибочности теоріи автора. (который, защищая марксизмъ, не потрудился точно опредѣлить отличіе своей „теоріи“ отъ теоріи Маркса), такъ и отъ ряда неосторожныхъ и совершенно несправедливыхъ утвержденій, въ родѣ, напр., того, что г. Бердяевъ „совершенно освобождается отъ вліянія буржуазныхъ писателей“ и отличается „выдержанностью классовой точки зрѣнія не въ ущербъ объективности“, что во многихъ „отношеніяхъ анализъ, сдѣланный Каутскимъ, является мѣстами тенденціознымъ“, что Каутскій „совершенно не опредѣлилъ, въ какомъ направленіи идетъ развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи“ и т. п.

ледѣліе, какъ объектъ приложенія труда и капитала составляетъ, такимъ образомъ, status in statu въ капиталистическомъ царствѣ... Всѣ (sic!) опредѣленія капитала, прибавочной цѣнности, заработной платы и цѣнности вообще въ примѣненіи къ земледѣлію оказываются величинами мнимыми“ (I, 99).

Такъ. Отнынѣ все ясно: и капиталисты, и наемные рабочіе въ земледѣліи — все это величины мнимыя. Но если г. Булгакову случается такъ зарапортоваться, то онъ иногда разсуждаетъ и не совсѣмъ неразумно. Черезъ четырнадцать страницъ мы читаемъ: „Производство земледѣльческихъ продуктовъ стоитъ обществу извѣстнаго количества труда: это—ихъ цѣнность“. Отлично. Значитъ, уже, по крайней мѣрѣ, „опредѣленія“ цѣнности величины не совсѣмъ мнимыя. Дальше: „Разъ производство организовано капиталистически, и во главѣ производства стоитъ капиталъ, то цѣны хлѣба опредѣлятся по цѣнамъ производства; значитъ, будетъ произведенъ учетъ производительности даннаго приложенія труда и капитала сравнительно съ средне-общественной“. Прекрасно. Значитъ, и „опредѣленія“ капитала, прибавочной цѣнности и заработной платы—величины не совсѣмъ мнимыя. Значитъ, и свобода конкурренціи (хотя и не абсолютная) имѣется на лицо, ибо безъ перехода капиталовъ изъ земледѣлія въ промышленность и обратно невозможенъ былъ бы „учетъ производительности сравнительно съ средне-общественной“. Дальше. „Благодаря же земельной монополіи, цѣна поднимается выше цѣнности до тѣхъ границъ, до которыхъ позволяютъ условія рынка“. Превосходно. Но только гдѣ же это видывалъ г. Булгаковъ, чтобы дань, налогъ, вексель и прочее зависѣли отъ условій рынка? Если, благодаря монополіи, цѣна поднимается до границъ, допускаемыхъ условіями рынка, то все отличіе „новой“ теоріи ренты отъ „старой“ состоитъ въ томъ, что шедшій „своимъ путемъ“ авторъ не понялъ, съ одной стороны, разницы между вліяніемъ ограниченности земли и вліяніемъ частной собственности на землю, а съ другой стороны,—связи между понятіемъ „монополія“ и понятіемъ „послѣдняя наименѣе производительная затрата труда и капитала“. Удивляться ли послѣ этого, что еще черезъ семь страницъ (I, 120) г. Булгаковъ совсѣмъ забылъ уже о „своей“ теоріи и разсуждаетъ о „способѣ дѣлежа этого (земледѣльческаго) продукта между землевладѣльцемъ, капиталистическимъ фермеромъ и сельско-хозяйственными рабочими“? Блестящій финалъ блестящей критики! Замѣчательный результатъ новой, обогатившей отнынѣ науку политической экономіи, *Булгаковской теоріи ренты.*

III.

Машины въ сельскомъ хозяйствѣ.

Перейдемъ теперь къ „замѣчательной“, по отзыву г. Булгакова, работѣ г. Герца (Die agrarischen Fragen im Verhältniss zum Socialismus. Wien 1899. Русскій переводъ А. Ильинскаго, Спб. 1900). Намъ придется, впрочемъ, нѣкоторое время разбирать одинаковые доводы обоихъ этихъ писателей совмѣстно.

Вопросъ о машинахъ въ сельскомъ хозяйствѣ и, въ тѣсной связи съ нимъ, вопросъ о крупномъ и мелкомъ производствѣ въ земледѣ-

ліи служатъ для „критиковъ“ особенно часто поводомъ къ „опроверженію“ марксизма. Ниже мы подробно разберемъ нѣкоторыя приводимыя ими детальныя данныя, а теперь разсмотримъ относящіяся сюда общія соображенія. Критики посвящаютъ цѣлыя страницы подробнѣйшимъ разсужденіямъ насчетъ того, что машины въ земледѣліи встрѣчаютъ больше трудностей примѣненія, чѣмъ въ промышленности, и потому примѣняются меньше и имѣютъ меньше значенія. Все это безспорно, и совершенно опредѣленно было указано, напримѣръ, тѣмъ самымъ Каутскимъ, одно имя котораго приводитъ гг. Булгакова, Герца и Чернова въ состояніе, близкое къ невмѣняемости. Но этотъ безспорный фактъ нимало не опровергаетъ того, что примѣненіе машинъ быстро развивается и въ земледѣліи, оказывая на него могучее, преобразующее дѣйствіе. Критики могутъ только „отговариваться“ отъ этого неизбѣжнаго вывода посредствомъ такихъ, напримѣръ, глубокомысленныхъ разсужденій: „Земледѣліе характеризуется господствомъ природы въ процессѣ производства, несвободой человѣческой воли“ (Булгаковъ I, 43) ...„вмѣсто неувѣренной и неточной работы человѣка, она (машина въ промышленности) съ математической правильностью выполняетъ, какъ микроскопическія, такъ и колоссальныя работы. Машина не можетъ дѣлать ничего подобнаго относительно производства земледѣльческихъ продуктовъ, ибо до сихъ поръ рабочій инструментъ этотъ находится въ рукахъ не у человѣка, а у матери-природы. Это не „метафора“ (тамъ же). Это дѣйствительно не метафора, а просто пустая фраза, ибо всякій знаетъ, что паровой плугъ, рядовая сѣялка, молотилка и т. п. *дѣлаютъ* работу *болѣе* „увѣренной и точной“, а, слѣдовательно, сказать „ничего подобнаго“— значитъ, сказать пустяки! Точно такъ же, какъ сказать, что машина въ земледѣліи „не можетъ ни въ какой мѣрѣ (sic!) революціонизовать производство“ (Булгаковъ. I, 43/44, при чемъ цитируются спеціалисты по сельско-хозяйственному машиностроенію, которые, однако, говорятъ только о сравнительномъ отличіи машинъ сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ), или сказать: „Машина не только не можетъ здѣсь превратить работника въ свой придатокъ (?), но этому работнику остается по-прежнему роль руководителя процесса“ (44), напр., подавальщика при молотилкѣ?

Превосходство парового плуга г. Булгаковъ старается ослабить ссылками на Штумпфа и Кутцлеба (писавшихъ о способности мелкаго хозяйства конкуррировать съ крупнымъ) въ противоположность выводамъ спеціалистовъ по сельско-хозяйственному машиностроенію и сельско-хозяйственной экономіи (Фюлинга, Перельса), причемъ фигурируютъ доводы вродѣ того, что возможность паровой вспашки требуетъ особой почвы *) и „чрезвычайно обширныхъ размѣровъ имѣній“, (по мнѣнію г. Булгакова, это доводъ не противъ мелкаго хозяйства, а противъ парового плуга!), что, при глубинѣ борозды *въ 12 дюймовъ*, работа скота *дешевле*, чѣмъ пара и т. п. Подобными доводами можно исписать цѣлые томы, нисколько не опровергнувъ этимъ

*) Герцъ съ особенно ‹побѣдоноснымъ› видомъ настаиваетъ на этомъ, доказывая невѣрность ‹абсолютнаго› сужденія (S. 65, русск. пер. 156), что паровой плугъ „при всякихъ обстоятельствахъ› выше упряжного. Это вотъ именно называется ломиться въ открытую дверь!

ни того, что паровой плугъ далъ возможность чрезвычайно глубокой вспашки (и глубже, чѣмъ на 12 дюймовъ), ни того, что примѣненіе его быстро развивалось: въ Англіи въ 1867 г. его примѣняло только 135 имѣній, въ 1871 г. было уже въ употребленіи больше 2000 паровыхъ плуговъ (Каутскій); въ Германіи число хозяйствъ, употреблявшихъ паровые плуги, поднялось съ 1882 по 1895 г. съ 836 до 1696.

По вопросу о сельско-хозяйственныхъ машинахъ г. Булгаковъ цитируетъ неоднократно Фр. Бензинга, автора „Спеціальной монографіи о сельско-хозяйственныхъ машинахъ", какъ онъ его аттестуетъ (I, 44). Было бы большой несправедливостью, если бы мы не отмѣтили и въ данномъ случаѣ, *какъ* цитируетъ г. Булгаковъ, и *какъ* побиваютъ его имъ же вызываемые свидѣтели.

Утверждая, что „конструкція" Маркса о болѣе быстромъ ростѣ постояннаго капитала по сравненію съ перемѣннымъ неприложима къ земледѣлію, г. Булгаковъ ссылается на необходимость все большей затраты рабочей силы по мѣрѣ увеличенія производительности земледѣлія и цитируетъ, между прочимъ, расчетъ Бензинга. „Общая потребность въ человѣческомъ трудѣ выражается при разныхъ системахъ хозяйства такъ: при трехпольномъ хозяйствѣ—712 рабочихъ дней; при норфольскомъ плодоперемѣнномъ хозяйствѣ—1615 рабочихъ дней; при плодоперемѣнномъ хозяйствѣ съ значительнымъ производствомъ свеклы—2608 рабочихъ дней на 60 гектаровъ". (Franz Benzing: Der Einfluss der landwirtschaftlichen Maschinen auf Volks und Privatwirtschaft. Breslau 1897. S. 42 Булгаковъ I. 32). Бѣда только въ томъ, что Бензингъ этимъ расчетомъ хочетъ доказать именно растущую роль машинъ; примѣняя эти цифры ко всему сельскому хозяйству Германіи, Бензингъ вычисляетъ, что наличныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ хватило бы только для обработки земли по трехпольной системѣ, и что, слѣдовательно, введеніе плодоперемѣнной было бы вообще *невозможно*, если бы не примѣнялись машины. Такъ какъ извѣстно, что при господствѣ стараго трехполья машины почти совсѣмъ не употреблялись, то расчетъ Бензинга доказываетъ *обратное* тому, что хочетъ доказать г. Булгаковъ; именно: этотъ разсчетъ доказываетъ, что ростъ производительности земледѣлія необходимо долженъ былъ идти въ связи съ болѣе быстрымъ ростомъ постояннаго капитала по отношенію къ перемѣнному.

Другой разъ, утверждая, что „существуетъ коренная (sic!) разница между ролью машины въ обрабатывающей промышленности и земледѣліи", г. Булгаковъ цитируетъ слова Бензинга: „Сельско-хозяйственныя машины неспособны къ такому безграничному повышенію производства, какъ промышленныя"... (I, 44). И опять не везетъ г. Булгакову. Бензингъ отмѣчаетъ эту, вовсе не „коренную", разницу между земледѣльческими и промышленными машинами въ началѣ VI-ой главы, которая озаглавлена: „Вліяніе сельско-хозяйственныхъ машинъ на валовой доходъ". Разобравъ подробно по отношенію къ каждому отдѣльному виду машинъ данныя спеціальной сельско-хозяйственной литературы и особо произведенной имъ анкеты, Бензингъ получаетъ такой общій выводъ: увеличеніе валовой выручки получается при употребленіи парового плуга на 10 процентовъ, рядовой

сѣялки—на 10 процентовъ, молотилки—на 15 процентовъ; кромѣ того, рядовая сѣялка сберегаетъ 20 процентовъ сѣмянъ, и только при употребленіи машины для сбора картофеля замѣчается пониженіе валовой выручки на 5 процентовъ. Утвержденіе г. Булгакова: „Во всякомъ случаѣ, паровой плугъ есть единственная изъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, въ пользу которой могутъ быть приведены извѣстныя техническія соображенія“ (I, 48) *во всякомъ случаѣ* опровергнуто тѣмъ самымъ Бензингомъ, на котораго неосторожный г. Булгаковъ тутъ же ссылается.

Чтобы дать возможно болѣе точное и цѣльное представленіе о значеніи машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ, Бензингъ даетъ рядъ подробнѣйшихъ разсчетовъ о результатахъ хозяйничанья безъ машинъ, съ одной, съ двумя, и т. д. и наконецъ, со всѣми важнѣйшими машинами, включая и паровой [illegible] сельско-хозяйственныя подвозныя желѣзныя дороги (Feld[illegible]. Оказывается, что при отсутствіи машинъ валовая выручка=[illegible] расходъ=68615 м., чистый доходъ=425 м., [illegible]тора, а при употребленіи всѣхъ важнѣйшихъ [illegible] 81078 м., расходъ= 62551,5 м., чистый доходъ 18526,5 м., т. е. по 59,76 м. съ гектара; то-есть, *болѣе чѣмъ въ сорокъ разъ выше*. И это вліяніе однѣхъ только машинъ, ибо система хозяйства предположена неизмѣнной! Что примѣненіе машинъ сопровождается, какъ показываютъ тѣ же разсчеты Бензинга, громаднымъ ростомъ постояннаго капитала и *уменьшеніемъ* перемѣннаго (т. е. капитала, расходуемаго на рабочую плату и [illegible] числа рабочихъ), это разумѣется само собою. Однимъ [illegible] Бензинга всецѣло опровергаетъ г. Булгакова и доказываетъ [illegible]ходство крупнаго хозяйства въ земледѣліи, [illegible] къ послѣднему закона о ростѣ постояннаго [illegible] перемѣннаго.

Одно только сближаетъ г. Булгакова и Бензинга: то, что послѣдній стоитъ на чисто буржуазной точкѣ зрѣнія, [illegible]но не понимаетъ присущихъ капитализму противорѣчій и благодушно закрываетъ глаза на вытѣсненіе рабочихъ машинами и т. п. О Марксѣ этотъ умѣренный и аккуратный ученикъ нѣмецкихъ профессоровъ говоритъ съ такой же ненавистью, какъ и г. Булгаковъ. Только Бензингъ послѣдовательнѣе: онъ называетъ Маркса „противникомъ машинъ“, вообще, и въ земледѣліи и въ промышленности, такъ какъ, дескать, „Марксъ „извращаетъ факты“, толкуя о вредномъ вліяніи машинъ на рабочихъ и, вообще, приписывая машинамъ всякія бѣды. (Benzing, l. cit. S. 4, 5. 11). Отношеніе г. Булгакова къ Бензингу паки и паки показываетъ намъ, что перенимаютъ у буржуазныхъ ученыхъ „критики“, и на что они смотрятъ сквозь пальцы.

Какого сорта „критика“ Герца, это достаточно видно изъ такого примѣра: на стр. 149 (р. пер.) онъ обвиняетъ Каутскаго въ „фельетонныхъ пріемахъ“ и на стр. 150 „опровергаетъ“ утвержденіе о превосходствѣ крупнаго производства по употребленію машинъ слѣдующими доводами: 1. Посредствомъ товариществъ покупка машинъ *доступна* и мелкимъ хозяйствамъ. Это, изволите видѣть, опровергаетъ *фактъ* большой распространенности машинъ въ крупныхъ хозяйствахъ! Кому болѣе *доступны* блага товарищескаго соединенія, объ этомъ мы

во второмъ очеркѣ особо побесѣдуемъ съ Герцомъ. 2. Давидъ показалъ въ „Sozialistische Monatshefte“ (V, 2), что употребленіе машинъ въ мелкихъ хозяйствахъ „широко распространено и сильно возрастаетъ..., что и рядовая сѣялка часто (sic!) встрѣчается даже въ очень мелкихъ хозяйствахъ. То же самое съ сѣнокосилками и другими машинами“. (S. 63, стр. 151 р. пер.). А если читатель обратится къ статейкѣ Давида *), то увидитъ, что онъ беретъ *абсолютныя цифры* о числѣ хозяйствъ, употреблявшихъ машины, а не процентное отношеніе этихъ хозяйствъ ко всему числу хозяйствъ этой группы (какъ дѣлаетъ, разумѣется, Каутскій).

Сопоставимъ эти цифры, относящіяся ко всей Германіи за 1895 годъ **).

Группы хозяйствъ.	Всего хозяйствъ.	Въ томъ числѣ употреблявшихъ машины.					
		Сѣялки.	%	Рядовыя сѣялки.	%	Косилки и жатки	%
До 2 ha	3236367	214	0,01	14735	0,46	245	0,01
2 — 5 ha	1016318	551	0,05	13088	1,29	600	0,06
5 — 20 ha	998804	3253	0,33	48751	4,88	6746	0,68
20 —100 ha	281767	12091	4,29	49852	17,69	19535	6,93
100 и б. ha	25061	12565	50,14	14366	57,32	7958	31,75
Всего .	5558317	28673	0,52	140792	2,54	35084	0,63

Неправда ли, какъ подтверждается этимъ слова Давида и Герца, что сѣялки и косилки „часто“ встрѣчаются „даже въ очень мелкихъ хозяйствахъ?“ И если Герцъ дѣлаетъ „выводъ“, что „со стороны статистики утвержденіе Каутскаго совершенно не выдерживаетъ критики“ то на чьей сторонѣ наблюдаемъ мы въ самомъ дѣлѣ поистинѣ фельетонные пріемы?

Какъ курьезъ надо отмѣтить, что, отрицая превосходство крупнаго хозяйства по употребленію машинъ, отрицая вызываемый этимъ фактъ чрезмѣрнаго труда и недостаточнаго потребленія въ мелкомъ хозяйствѣ, „критики“ сами, однако, когда имъ приходится касаться фактическаго положенія дѣлъ (и когда они забываютъ о своей „главной задачѣ“—опроверженіе „ортодоксальнаго“ марксизма), безпощадно себя побиваютъ. „Крупное хозяйство—говоритъ, напр., г. Булгаковъ во II томѣ своей книги (стр. 115)—работаетъ всегда капиталоинтенсивнѣе, чѣмъ мелкое, и потому, естественно, отдаетъ предпочтеніе

*) Въ книгѣ Давида „Соціализмъ и сельское хозяйство“ (СПБ. 1906) повторенъ этотъ ошибочный пріемъ (стр. 179). (Прим. къ наст. изд.).

**) Stat. d. D. R. 112. Bd., S. 36*.

механическимъ факторамъ производства сравнительно съ живой рабочей силой". Что г. Булгаковъ, въ качествѣ „критика," склоняется" вслѣдъ за гг. Струве и Туганъ-Барановскимъ, къ вульгарной экономіи, противополагая механическіе „*факторы* производства" живымъ,— это, дѣйствительно, вполнѣ „естественно". Но естественно ли было, что онъ такъ неосторожно отрицалъ превосходство крупнаго хозяйства?

О концентраціи въ сельско-хозяйственномъ производствѣ г. Булгаковъ выражается не иначе, какъ „мистическій законъ концентраціи" и т. п. Но вотъ приходится ему имѣть дѣло съ англійскими данными, и оказывается, что тенденція къ концентраціи фермъ имѣла мѣсто съ 50-хъ годовъ до конца 70-хъ. „Мелкія потребительскія хозяйства,— пишетъ г. Булгаковъ—соединялись въ болѣе крупныя. *Эта* консолидація земельныхъ участковъ представляется отнюдь не результатомъ борьбы крупнаго и мелкаго производства (?), а сознательнаго (!?) стремленія лендъ-лордовъ къ повышенію своей ренты соединеніемъ нѣсколькихъ мелкихъ хозяйствъ, платившихъ весьма низкую ренту, въ крупное, могущее платить большую ренту" (I, 239). Вы понимаете, читатель: не борьба крупнаго съ мелкимъ, а вытѣсненіе второго, какъ малодоходнаго, первымъ? „Разъ хозяйство поставлено на капиталистическую ногу, то безспорно, что въ извѣстныхъ предѣлахъ крупное капиталистическое хозяйство имѣетъ несомнѣнныя преимущества надъ мелкимъ капиталистическимъ". (239—240. I). Если это безспорно, то зачѣмъ же такъ шумитъ г. Булгаковъ и шумѣлъ (въ Началѣ) противъ Каутскаго, который *начинаетъ* свою главу о крупномъ и мелкомъ производствѣ (въ „Аграрномъ вопросѣ") выясненіемъ: „Чѣмъ болѣе капиталистическимъ становится сельское хозяйство, тѣмъ болѣе развиваетъ оно качественное различіе въ техникѣ между крупнымъ и мелкимъ производствомъ?"

Но не только періодъ процвѣтанія земледѣлія въ Англіи, но и періодъ кризиса приводитъ къ неблагопріятнымъ для мелкаго хозяйства выводамъ. Отчеты коммиссіи за послѣдніе годы „съ удивительной настойчивостью утверждаютъ, что наиболѣе тяжело кризисъ легъ именно на мелкихъ хозяевъ" (I, 311). „Дома ихъ, говоритъ одинъ отчетъ про мелкихъ собственниковъ,—хуже среднихъ коттеджей рабочихъ... Работа всѣхъ ихъ удивительно тяжела и значительно продолжительнѣе, чѣмъ рабочихъ; причемъ, многіе изъ нихъ говорятъ, что они не находятся въ столь выгодномъ матеріальномъ положеніи, какъ послѣдніе, что они живутъ не такъ хорошо и рѣдко ѣдятъ свѣжее мясо"... Йомены, обремененные ипотеками погибли первыми (I, 316). „Они экономятъ во всемъ такъ, какъ это дѣлаютъ лишь немногіе рабочіе"... „Мелкіе фермеры еще справляются до тѣхъ поръ, пока пользуются неоплаченнымъ трудомъ членовъ семьи"... „Что жизнь мелкаго фермера безконечно тяжелѣе, чѣмъ работника,—едва ли нужно добавлять" (I, 321). Мы привели эти выписки, чтобы читатель могъ судить о правильности слѣдующаго вывода г. Булгакова; „Жестокое разореніе хозяйствъ, сохранившихся до эпохи аграрнаго кризиса, говоритъ только (!!) о томъ, что мелкіе производители въ подобныхъ случаяхъ погибаютъ скорѣе, чѣмъ крупные,—не болѣе (sic!!). Сдѣлать отсюда какое либо общее заключеніе объ ихъ общей эконо-

мической жизнеспособности совершенно невозможно, ибо въ эту эпоху оказалось несостоятельнымъ все англійское земледѣліе“ (I, 333). Неправда ли, хорошо? И г. Булгаковъ въ главѣ объ общихъ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства даже обобщаетъ этотъ замѣчательный способъ разсужденія: „Внезапное паденіе цѣны тяжело отзывается на всѣ формы (всѣхъ формахъ?) производства, но крестьянское, какъ наиболѣе слабое капиталомъ, естественно,—менѣе устойчиво, чѣмъ крупное (что нимало не затрагиваетъ вопросъ объ его общей жизнеспособности)“(II, 247). Итакъ въ капиталистическомъ обществѣ слабыя капиталомъ хозяйства менѣе устойчивы, но это не затрагиваетъ ихъ „общей“ жизнеспособности!

Не лучше обстоитъ дѣло въ отношеніи послѣдовательности разсужденій и у Герца. Онъ „опровергаетъ“ (охарактеризованными выше пріемами) Каутскаго, но когда рѣчь заходитъ объ Америкѣ, онъ признаетъ преимущество ея болѣе крупныхъ хозяйствъ, допускающихъ „въ гораздо большей степени примѣненіе машинъ, чего не допускаетъ наше парцельное хозяйство“. (S 36 р. п. 93); онъ признаетъ, что „европейскій крестьянинъ хозяйничаетъ часто, придерживаясь устарѣлыхъ, рутинныхъ способовъ производства, надрываясь (robotend) надъ кускомъ хлѣба, какъ рабочій, не стремясь къ лучшему“ (тамъ же). Герцъ признаетъ и вообще, что „мелкое производство примѣняетъ сравнительно больше труда, чѣмъ крупное“ (S, 74 р. п. 175); онъ могъ бы съ успѣхомъ подѣлиться съ г. Булгаковымъ данными о повышеніи урожаевъ, вслѣдствіе введенія парового плуга (S. 67/68 р. п. 162/163) и т. д.

Естественнымъ спутникомъ неустойчивости теоретическихъ воззрѣній нашихъ критиковъ на значеніе сельско-хозяйственныхъ машинъ является безпомощное повтореніе ими чисто реакціонныхъ выводовъ аграріевъ, настроенныхъ противъ машинъ Герцъ еще очень нерѣшителенъ, правда, въ этомъ щекотливомъ пунктѣ; говоря о „затрудненіяхъ“, которыя ставитъ сельское хозяйство введенію машинъ, онъ замѣчаетъ: „Высказывается мнѣніе, что зимой остается столько свободнаго времени, что ручная молотьба бываетъ выгоднѣе“ (S. 65 р. п. 156/57). Герцъ склоненъ, видимо, заключить отсюда со свойственной ему логичностью, что этотъ фактъ говоритъ не противъ мелкаго производства, не противъ капиталистическихъ препятствій введенію машинъ, а противъ машинъ! Зато г. Булгаковъ недаромъ выговариваетъ Герцу, что онъ „слишкомъ связанъ мнѣніями своей партіи!“ (II, 287). Россійскій профессоръ, конечно, выше такихъ унизительныхъ „связей“ и гордо заявляетъ: „Я достаточно свободенъ отъ столь распространеннаго, особенно въ марксистской литературѣ, предразсудка, согласно которому нужно видѣть прогрессъ во всякой машинѣ“ (I,48). Къ сожалѣнію, полету мысли въ этомъ великолѣпномъ разсужденіи совершенно не соотвѣтствуютъ конкретные выводы. „Паровая молотилка,—пишетъ г. Булгаковъ,—лишивъ многихъ и многихъ рабочихъ зимнихъ занятій, была несомнѣнно значительнымъ зломъ для рабочихъ, которое не окупалось техническими выгодами*).

---

*) Ср. т. I, стр. 51: „... паровая молотилка... выполняетъ главную работу и безъ того бѣднаго работами зимняго періода (полезность этой машины для всего (sic!!) сельскаго хозяйства поэтому болѣе, чѣмъ сомнительно; мы еще встрѣтимся съ этимъ фактомъ)“.

На это указываетъ, между прочимъ, Гольцъ, который выставляетъ даже утопическое пожеланіе" (II, 103), именно пожеланіе *ограничить* употребленіе молотилки, особенно паровой, „для улучшенія положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ—добавляетъ Гольцъ, а также для уменьшенія эмиграціи и миграціи"(подъ миграціей, вѣроятно, Гольцъ имѣетъ въ виду, добавимъ отъ себя, переселеніе въ города).

Напомнимъ читателю, что именно эту идею Гольца отмѣтилъ въ своемъ „Аграрномъ вопросѣ" и Каутскій. Не безынтересно, поэтому, сравнить отношеніе къ конкретному вопросу экономіи (значеніе машинъ) и политики (не ограничить ли?) узкаго ортодокса, погрязающаго въ марксистскихъ предразсудкахъ, и современнаго критика, прекрасно воспринявшаго весь духъ „критицизма".

Каутскій говоритъ (Agrarfrage, s. 41), что Гольцъ приписываетъ молотилкѣ особенно „вредное вліяніе": она отнимаетъ у сельскихъ рабочихъ ихъ главное зимнее занятіе, гонитъ ихъ въ города, усиливаетъ обезлюденіе деревни. И Гольцъ предлагаетъ ограничить употребленіе молотилки, предлагаетъ — добавляетъ Каутскій — „повидимому въ интересахъ сельскихъ рабочихъ, а на самомъ дѣлѣ въ интересахъ помѣщиковъ, для которыхъ", какъ говоритъ самъ Гольцъ, „проистекающій отъ такого ограниченія убытокъ будетъ съ избыткомъ возмѣщенъ—если и не тотчасъ, то въ будущемъ—увеличеніемъ числа рабочихъ силъ на лѣтнее время". „Къ счастью,—продолжаетъ Каутскій,—это консервативное дружелюбіе по отношенію къ рабочимъ есть не что иное, какъ реакціонная утопія. Молотилка слишкомъ выгодна „тотчасъ", чтобъ помѣщики могли отказаться отъ ея употребленія ради прибыли „въ будущемъ". И потому молотилка будетъ продолжать свою революціонную работу: она будетъ гнать сельскихъ рабочихъ въ города, она станетъ вслѣдствіе этого могучимъ орудіемъ, съ одной стороны, повышенія заработныхъ платъ въ деревнѣ, съ другой стороны, дальнѣйшаго развитія сельско-хозяйственнаго машиностроенія".

Отношеніе г. Булгакова къ такой постановкѣ вопроса соціальдемократомъ и аграріемъ въ высшей степени характерно: это маленькій образчикъ той позиціи, которую заняла, вообще, вся современная „критика" между партіей пролетаріата и партіей буржуазіи. Критикъ, разумѣется, не такъ узокъ и не такъ шаблоненъ, чтобъ стать на точку зрѣнія классовой борьбы и революціонизированія всѣхъ общественныхъ отношеній капитализмомъ. Но, съ другой стороны, хотя нашъ критикъ и „поумнѣлъ", все же воспоминанія о томъ времени, когда онъ былъ „молодъ и глупъ" и раздѣлялъ предразсудки марксизма, не позволяютъ ему цѣликомъ принять программу его новаго товарища, аграрія, совершенно резонно и послѣдовательно заключающаго отъ вреда машины „для *всего* сельскаго хозяйства" къ пожеланію: запретить! И нашъ добрый критикъ оказывается въ положеніи буриданова осла между двумя вязанками сѣна: съ одной стороны, онъ утратилъ уже всякое пониманіе классовой борьбы и способенъ теперь говорить о вредѣ машинъ для „*всего* сельскаго хозяйства", забывая, что *всѣмъ* современнымъ сельскимъ хозяйствомъ руководятъ на первомъ планѣ предприниматели, думающіе только о своей прибыли; онъ настолько забылъ тѣ „годы юности", когда онъ

былъ марксистомъ, что ставитъ уже нелѣпѣйшій вопросъ: „окупаютъ" ли техническія выгоды машины ея вредное дѣйствіе на рабочихъ (это вредное дѣйствіе оказываетъ не одна паровая молотилка, а и паровой плугъ и косилка и зерноочистительная машина и пр.)? Онъ не замѣчаетъ даже, что аграрій хочетъ, въ сущности, только болѣе глубокаго порабощенія рабочаго зимой и лѣтомъ. Но, съ другой стороны, онъ смутно вспоминаетъ тотъ устарѣлый „догматическій" предразсудокъ, что запрещеніе машинъ есть утопія. Бѣдный г. Булгаковъ, выпутается ли онъ изъ этого непріятнаго положенія?

Интересно отмѣтить, что наши критики, стараясь всячески ослабить значеніе сельско-хозяйственныхъ машинъ, выставляя даже „законъ убывающаго плодородія почвы", забыли (или умышленно не пожелали) упомянуть о томъ новомъ техническомъ переворотѣ земледѣлія, который подготовляетъ электротехника. Напротивъ, Каутскій,— который, по болѣе чѣмъ несправедливому сужденію г. П. Маслова, сдѣлалъ существенную ошибку, совершенно не опредѣливши, въ какомъ направленіи идетъ развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи („Жизнь", 1901 № 3, стр. 171),—Каутскій указалъ на значеніе электричества въ земледѣліи еще въ 1899 году (Agrarfrage). Въ настоящее время признаки грядущаго техническаго переворота намѣчается уже яснѣе. Дѣлаются попытки освѣтить теоретически значеніе электротехники въ земледѣліи (см. D-r Otto Pringsheim: „Landwirtschaftliche Manufaktur und elektrische Landwirtschaft", Brauns Archiv, XV, 1900, S. 406—418, и статью К. Каутскаго въ Neue Zeit XIX, 1, 1900—1901, № 18, Die Elektrizität in der Landwirtschaft); раздаются голоса практиковъ-помѣщиковъ, описывающихъ свои опыты по примѣненію электричества (Прингсгеймъ цитируетъ книжку Адольфа Зейффергельда, разсказывающаго объ опытѣ въ своемъ хозяйствѣ), видящихъ въ электричествѣ средство сдѣлать снова земледѣліе доходнымъ, призывающихъ правительство и помѣщиковъ къ устройству центральныхъ силовыхъ станцій и массовому производству электрической силы для сельскихъ хозяевъ (въ Кенигсбергѣ вышла въ прошломъ году книга помѣщика изъ восточной Пруссіи, П. Мака—P. Mack: „Der Aufschwung unseres Landwirthschaftsbetriebes durch Verbilligung der Productionskosten. Eine Untersuchung über den Dienst, den Maschinentechnik und Elektrizität der Landwirthschaft bieten").

Прингсгеймъ дѣлаетъ очень вѣрное, на нашъ взглядъ, замѣчаніе, что современное земледѣліе—по общему уровню его техники, да пожалуй и экономики—ближе подходитъ къ той стадіи развитія промышленности, которую Марксъ назвалъ „мануфактурой". Преобладаніе ручного труда и простой коопераціи, спорадическое примѣненіе машинъ, мелкіе, сравнительно, размѣры производства (если считать, напр., по суммѣ ежегодно продаваемыхъ однимъ предпріятіемъ продуктовъ), сравнительно мелкіе, въ большинствѣ случаевъ, размѣры рынка; связь крупнаго производства съ мелкимъ (причемъ послѣднее, подобно кустарямъ въ ихъ отношеніи къ крупному хозяину мануфактуры, доставляетъ рабочую силу первому, — или первое скупаетъ „полуфабрикатъ" у второго; напр., крупные хозяева скупаютъ свеклу, скотъ и т. п. у мелкихъ),—всѣ эти признаки, дѣйствительно, говорятъ за то, что земледѣліе еще не достигло ступени настоящей „крупной

машинной индустріи“ въ смыслѣ Маркса. Въ земледѣліи еще нѣтъ „системы машинъ“, связанныхъ въ одинъ производительный механизмъ.

Не надо, конечно, утрировать этого сравненія: съ одной стороны, есть особенности земледѣлія, которыя абсолютно неустранимы (если оставить въ сторонѣ слишкомъ отдаленную и слишкомъ проблематическую возможность лабораторнаго приготовленія бѣлка и пищи). Вслѣдствіе этихъ особенностей крупная машинная индустрія въ земледѣліи никогда не будетъ отличаться *всѣми* тѣми чертами, которыя она имѣетъ въ промышленности. Съ другой стороны, и въ мануфактурѣ крупное производство въ промышленности достигло уже преобладанія и значительнаго техническаго превосходства надъ мелкимъ. Это превосходство мелкій промышленникъ пытался долгое время парализовать тѣмъ удлиненіемъ рабочаго дня и сокращеніемъ потребностей, которое такъ характерно и для кустаря и для современнаго мелкаго крестьянина. Преобладаніе ручного труда въ мануфактурѣ давало еще нѣкоторую возможность мелкому производству держаться посредствомъ подобныхъ „героическихъ“ средствъ, но тѣ люди, которые обольщались этимъ и говорили о жизнеспособности кустаря (подобно тому, какъ нынѣшніе критики говорятъ о жизнеспособности крестьянина), оказывались очень быстро опровергнутыми той „временной тенденціей“, которая парализуетъ „универсальный законъ“ техническаго застоя. Напомнимъ, для примѣра, русскихъ изслѣдователей кустарнаго ткачества въ Московской губерніи въ 70-хъ годахъ. По отношенію къ хлопчатобумажному ткачеству—говорили они—дѣло ручного ткача проиграно: машина взяла верхъ, но, вотъ, зато въ области шелковаго ткачества кустари еще могутъ держаться, машины еще далеко не такъ усовершенствованы. Прошло два десятилѣтія — и техника отняла у мелкаго производства еще одно изъ его послѣднихъ убѣжищъ, какъ бы говоря,—тѣмъ, кто имѣетъ уши, чтобы слушать, и глаза, чтобы видѣть, — что экономистъ всегда долженъ смотрѣть впередъ, въ сторону прогресса техники, иначе онъ немедленно окажется отставшимъ, ибо кто не хочетъ смотрѣть впередъ, тотъ поворачивается къ исторіи задомъ: середины тутъ нѣтъ и быть не можетъ.

„Писатели, которые, подобно, Герцу, трактовали о конкурренціи мелкаго и крупнаго производства въ земледѣліи, игнорируя при этомъ роль электротехники, должны будутъ сызнова начать свое изслѣдованіе“—мѣтко замѣтилъ Прингсгеймъ, и его замѣчаніе съ еще большей силой падаетъ на двухтомный трудъ г. Булгакова.

Электрическая энергія дешевле паровой силы; она отличается большей дѣлимостью, ее гораздо легче передавать на очень большія разстоянія; ходъ машинъ при этомъ правильнѣе и спокойнѣе,—она гораздо удобнѣе, поэтому, примѣняется и къ молотьбѣ, и къ паханью, и къ доенью, и къ рѣзкѣ корма скоту *) и проч. Каутскій описываетъ одну изъ венгерскихъ латифундій **), въ которой электрическая

---

*) Къ свѣдѣнію смѣлаго г. Булгакова, который смѣло и неосновательно говоритъ о „такихъ отрасляхъ сельско-хозяйственнаго производства, которыя совсѣмъ недоступны машинамъ, напр.: скотоводство (I, 49).

**) Еще разъ къ свѣдѣнію г. Булгакова, толкующаго о „латифундіарномъ вырожденіи крупнаго хозяйства“!

энергія проведена съ центральной станціи по всѣмъ направленіямъ въ отдаленныя части имѣнія, служа для приведенія въ дѣйствіе сельско-хозяйственныхъ машинъ, для рѣзки свеклы, для подъема воды, для освѣщенія и пр. и пр Для доставки 300 гектолитровъ воды ежедневно изъ колодца, глубиной въ 29 метровъ, въ резервуаръ, высотой въ 10 метровъ, и для приготовленія корма для 240 коровъ, 200 телятъ и 60 рабочихъ воловъ и лошадей, т. е., для рѣзки, рубки свеклы и т. п. требовалось зимой двѣ пары лошадей, лѣтомъ — одна пара, что стоило 1500 гульденовъ. Вмѣсто лошадей работаетъ теперь 2-хъ и 3-хъ-сильный моторъ, работа которыхъ обходится, считая покрытіе всѣхъ расходовъ, въ 700 гульденовъ, т. е., на 800 гульденовъ меньше. (Kautsky, l. c.). Макъ разсчитываетъ стоимость коннаго рабочаго дня въ три марки, а при замѣнѣ его электричествомъ та же работа обходится въ 40—75 пфенниговъ, т. е., на 400—700% дешевле. Если бы лѣтъ черезъ 50 или больше—говоритъ онъ—1¾ милліона лошадей въ германскомъ земледѣліи были замѣнены электрической силой (въ 1895 году въ германскомъ земледѣліи употреблялось для полевыхъ работъ 2,6 милліона лошадей + 1,0 милліона воловъ + 2,3 милліона коровъ, въ томъ числѣ у хозяйствъ выше 20 ha 1,4 милліона лошадей и 0,4 мил. воловъ), — то это уменьшило бы расходы съ 1003 милліоновъ марокъ до 261 милліона, т. е. на 742 милліона марокъ. Громадная площадь, дающая кормъ для скота, могла бы быть обращена на производство пищи людямъ, на улучшеніе питанія рабочихъ, которыхъ г. Булгаковъ такъ пугаетъ „сокращеніемъ даровъ природы“, „хлѣбнымъ вопросомъ“ и т. п Макъ настойчиво рекомендуетъ соединеніе земледѣлія съ промышленностью для постояннаго эксплуатированія электрической энергіи; рекомендуетъ прорытіе мазурскаго канала, который могъ бы питать электрической силой 5 центральныхъ станцій, раздающихъ энергію на 20—25 километровъ вокругъ сельскимъ хозяевамъ; рекомендуетъ утилизацію торфа для той же цѣли; требуетъ объединенія сельскихъ хозяевъ: „только въ товарищескомъ объединеніи съ индустріей и крупнымъ капиталомъ возможно сдѣлать снова прибыльной нашу отрасль промышленности“ (Mack, S. 48). Разумѣется, примѣненіе новыхъ способовъ производства встрѣтитъ массу затрудненій и пойдетъ не гладкимъ, а зигзагообразнымъ путемъ, но что оно пойдетъ, что революціонизированіе земледѣлія неизбѣжно—въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться. „Замѣна большей части упряжекъ электромоторами означаетъ, — справедливо говоритъ Прингсгеймъ—возможность системы машинъ въ земледѣліи... Чего не могла сдѣлать сила пара, того навѣрное достигнетъ электротехника, а именно: превращенія сельскаго хозяйства изъ старой мануфактуры въ современное крупное производство“ (l. c., p. 414).

Мы не будемъ распространяться о томъ, какую гигантскую побѣду крупнаго производства будетъ означать (отчасти означаетъ уже) введеніе электротехники въ земледѣліе,—это обстоятельство слишкомъ очевидно, чтобъ на немъ настаивать. Посмотримъ лучше, въ какихъ современныхъ хозяйствахъ имѣются на лицо зародыши этой „системы машинъ“, которую пуститъ въ ходъ центральная силовая станція. Вѣдь, для системы машинъ нужно сначала употребленіе различныхъ машинъ на опытѣ, нужны примѣры совмѣстнаго употребленія мно-

тихъ машинъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ свѣдѣнія германской переписи земледѣльческихъ хозяйствъ 14 іюня 1895 года. Мы имѣемъ данныя о числѣ хозяйствъ каждой группы, употреблявшихъ свои или чужія машины (г. Булгаковъ ошибается, приведя на 114 стр. второго тома часть этихъ данныхъ и думая, что они относятся къ числу *машинъ*. Кстати: свѣдѣнія о числѣ хозяйствъ, употреблявшихъ машины свои или чужія, представляютъ, разумѣется, превосходство крупнаго производства болѣе слабымъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Крупные хозяева чаще имѣютъ собственныя машины, чѣмъ мелкіе, переплачивающіе за пользованіе ими). Данныя эти относятся къ употребленію или машинъ вообще, или каждаго рода машинъ въ отдѣльности, такъ что мы не можемъ опредѣлить *по скольку* машинъ употребляли хозяйства разныхъ группъ. Но если мы сложимъ для каждой группы число всѣхъ хозяйствъ, употреблявшихъ каждый отдѣльный родъ машинъ, то получимъ *число случаевъ употребленія* всякихъ сельско-хозяйственныхъ машинъ. Приводимъ обработанныя такимъ образомъ данныя, показывающія, какъ подготовляется „система машинъ“ въ земледѣліи:

РАЗМѢРЫ ХОЗЯЙСТВЪ.	На сто хозяйствъ приходится:	
	Хозяйствъ, употреблявшихъ с.-х. машины вообще (1895).	Случаевъ употребленія той или другой с.-х. машины (1895).
До 2 ha	2,03	2,30
2— 5 „	13,81	15,46
5— 20 „	45,80	56,04
20—100 „	78,79	128,46
100 и б. „	94,16	352,34
Всего	16,36	22,36

Итакъ, въ мелкихъ хозяйствахъ до 5 гектаровъ (такихъ хозяйствъ болѣе трехъ четвертей всего числа, 4,1 милл. изъ 5,5 милл., т. е. 75,5%; но у нихъ только 5 милл. гектаровъ земли изъ $32^1/_2$ милл., т. е. 15,6%) — число *случаевъ* употребленія какихъ-бы то ни было сельско-хозяйственныхъ машинъ (мы сосчитали вмѣстѣ и машины для молочнаго хозяйства) совершенно ничтожно. Въ среднихъ хозяйствахъ (5—20 ha) меньше половины хозяйствъ употребляютъ вообще машины, и на 100 хозяйствъ приходится только 56 случаевъ употребленія сельско-хозяйственныхъ машинъ. Только въ крупномъ капиталистическомъ производствѣ *) мы видимъ, что *большинство* хозяйствъ ($^3/_4$—$^9/_{10}$) употребляютъ машины, и *начинаетъ складываться система машинъ*: на каждое хозяйство приходится болѣе одного случая употребленія машинъ. Употребляется, слѣдовательно, по нѣскольку машинъ въ одномъ хозяйствѣ: напр. хозяйства выше 100 ha употре-

*) Выше 20 ha только 0,3 милл. хозяйствъ изъ 5,5 милл, т. е., только 5,5% всего числа, но у нихъ 17,7 милл. гектаровъ земли изъ 32,5, т. е., 54,4% всей сельско-хозяйственной площади.

бляли каждое *около 4-хъ машинъ* (352% на 94% употреблявшихъ вообще). Изъ 572 латифундій (хозяйствъ съ 1000 и болѣе ha) 555 употребляли машины, и число случаевъ употребленія машинъ равняется 2800, т. е. каждое хозяйство употребляло *по пяти машинъ*. Понятно отсюда, какія хозяйства подготовляютъ „электрическую" революцію и какія больше всего ею воспользуются.

IV.

Уничтоженіе противоположности между городомъ и деревней. Частные вопросы поднятые «критиками».

Отъ Герца перейдемъ къ г. Чернову. Такъ какъ послѣдній только „бесѣдуетъ" по поводу перваго, то мы ограничимся здѣсь краткой характеристикой пріемовъ разсужденія Герца (и пріемовъ перефразировки его г. Черновымъ), чтобы перейти (въ слѣдующемъ очеркѣ) къ разбору нѣкоторыхъ новыхъ, выдвигаемыхъ „критиками", фактическихъ данныхъ.

Что представляетъ изъ себя Герцъ въ качествѣ теоретика это достаточно показать на *одномъ* примѣрѣ. Въ самомъ началѣ его книги мы встрѣчаемъ параграфъ, носящій претенціозное заглавіе: „Понятіе національнаго капитализма". Герцъ хочетъ не больше и не меньше, какъ дать опредѣленіе капитализму. „Мы можемъ, конечно, пишетъ онъ, охарактеризовать его, какъ такую народно-хозяйственную систему, которая *юридически* основывается на вполнѣ проведенныхъ принципахъ свободы личности и собственности, *технически*—на производствѣ въ широкихъ (крупныхъ?) размѣрахъ **), *соціально*—на отдѣленіи средствъ производства отъ непосредственныхъ производителей, *политически* — на обладаніи капиталистами центральной политической властью (концетрированной политической силой государства?) въ силу одного экономическаго основанія распредѣленія собственности". (Р. пер., с. 37). „Эти опредѣленія неполны, требуютъ ограниченій,— говоритъ Герцъ,—напр., домашняя работа и мелкая аренда держатся еще вездѣ на ряду съ крупнымъ производствомъ. Не вполнѣ подходящимъ является также *реальное* (sic!) опредѣленіе капитализма, какъ системы, при которой производство находится подъ контролемъ (господствомъ и контролемъ) капиталистовъ (капиталовладѣльцевъ)". Неправда-ли, какъ великолѣпно это „реальное" опредѣленіе капитала, какъ господства капиталистовъ? И какъ характерна эта, столь модная въ настоящее время quasi-реалистическая, а на самомъ дѣлѣ эклектическая погоня за полнымъ перечнемъ всѣхъ отдѣльныхъ признаковъ и отдѣльныхъ „факторовъ". Въ результатѣ, конечно, эта безсмысленная попытка внести въ общее понятіе всѣ частные признаки единичныхъ явленій, или, наоборотъ, „избѣгнуть столкновенія съ крайнимъ разнообразіемъ явленій"—попытка, свидѣтельствующая просто объ элементаромъ непониманіи того, что такое наука, — приводитъ „теоре-

**) Г. В. Черновъ переводитъ (Р. Б. № 4, 132): „на производствѣ, достигшемъ высокой степени развитія". Это онъ ухитрился „понять" такимъ образомъ нѣмецкое выраженіе: „auf grosser Stufenleiter"!!

тика“ къ тому, что за деревьями онъ не видитъ лѣса. Герцъ, напр., забылъ о такой мелочи, какъ товарное производство и превращеніе рабочей силы въ товаръ! Зато онъ сочинилъ слѣдующее *генетическое* опредѣленіе, которое—въ наказаніе сочинителю слѣдуетъ привести цѣликомъ: капитализмъ—„такое состояніе народнаго хозяйства, въ которомъ осуществленіе принциповъ свободнаго оборота, свободы личности и собственности достигло высшагó (относительно) пункта, опредѣляемаго экономическимъ развитіемъ и эмпирическими условіями каждаго отдѣльнаго народнаго хозяйства“ (S. 10. р. пер. 38/39 не вполнѣ точенъ). Г. В. Черновъ, разумѣется, съ восторженнымъ благоговѣніемъ переписываетъ и расписываетъ эти мыльные пузыри, угощая, кромѣ того, читателей „Русскаго Богатства“ на протяженіи цѣлыхъ тридцати страницъ „анализомъ“ типовъ національнаго капитализма. Изъ этого высоко-поучительнаго анализа можно извлечь цѣлый рядъ чрезвычайно цѣнныхъ и нисколько не шаблонныхъ указаній,—напр., указаніе на „независимый, гордый и энергическій характеръ британца“, на „солидность“ англійской буржуазіи и „несимпатичность“ ея нынѣшней политики,—на „страстный увлекающійся темпераментъ романской расы“ и на „нѣмецкую аккуратность“ (стр. 162 въ № 4 „Р. Б.“). „Догматическій“ марксизмъ, разумѣется, окончательно уничтоженъ этимъ анализомъ.

Не менѣе сокрушителенъ произведенный Герцомъ анализъ данныхъ объ ипотекахъ. По крайней мѣрѣ, г. Черновъ въ восторгѣ отъ него. „Фактъ тотъ,—пишетъ онъ,—что... данныя Герца еще никѣмъ не опровергнуты. Каутскій въ своемъ отвѣтѣ на книгу Герца распространяясь чрезвычайно много по поводу нѣкоторыхъ частностей, (вродѣ доказательства *передержекъ* Герца! Хороши „частности“!) на аргументацію Герца въ вопросѣ объ ипотекахъ *не отвѣчаетъ не единымъ словомъ*“ („Р. Б,“ № 10, стр. 217, курсивъ г. Чернова). Какъ видно изъ ссылки на стр. 238 той же книжки „Р. Б.“, г. Черновъ знакомъ съ отвѣтной статьей Каутскаго („Zwei Kritiker meiner Agrarfrage“ въ „Neue Zeit“ 18, 1; 1899/1900); г. Черновъ не могъ не знать также, что журналъ, въ которомъ эта статья помѣщена запрещенъ въ Россіи цензурой. Тѣмъ знаменательнѣе для характеристики всего облика современной „критики“ тотъ фактъ, что подчеркнутыя самимъ г. Черновымъ слова заключаютъ въ себѣ *прямую неправду*, ибо Каутскій *отвѣтилъ* по вопросу объ ипотекахъ „Герцу, Давиду, Бернштейну, Шиппелю, Булгакову e tutti buanti“ *) на стр. 472—477 *той самой статьи, которую г. Черновъ указываетъ*. Скучная эта обязанность—возстановлять извращенную истину, — но разъ имѣешь дѣло съ гг. Черновыми,—отъ этой обязанности никакъ не уклониться.

Каутскій отвѣтилъ Герцу, разумѣется, насмѣшкой, ибо Герцъ и въ этомъ вопросѣ обнаружилъ свое неумѣніе или свое нежеланіе понять, что къ чему, и склонность повторять избитые доводы буржуазныхъ экономистовъ. Въ „Agrarfrage“ Каутскаго рѣчь шла (S. 88—89) о концентраціи ипотекъ. „Многочисленные мелкіе деревенскіе ростовщики—писалъ Каутскій—все болѣе и болѣе оттѣсняются на второй планъ, уступая мѣсто крупнымъ централизованнымъ капиталистическимъ или общественнымъ учрежденіямъ, монополизующимъ ипотеч-

*) Выраженіе Каутскаго: стран. 472 «N. Z.».

ный кредитъ". Каутскій перечисляетъ нѣкоторыя капиталистическія и общественныя учрежденія этого рода, говоритъ объ обществахъ взаимнаго поземельнаго кредита (genossenschaftliche Bodenkreditinstitute), указываетъ на то, что и *сберегательныя кассы*, и страховыя общества, и многія корпораціи (S. 89) вкладываютъ свои фонды въ ипотеки и т. п. Напр., въ Пруссіи 17 Обществъ взаимнаго кредита выпустили къ 1887 г. на 1650 мил. марокъ закладныхъ листовъ. „Эти цифры указываютъ уже на громадную концентрацію поземельной ренты *въ немногихъ центральныхъ учрежденіяхъ* (курсивъ нашъ), но концентрація быстро растетъ. Въ 1875 г. нѣмецкіе ипотечные банки выпустили закладныхъ листовъ на 900 мил. и въ 1888 г. на $2^1/_2$ милліарда; въ 1895 г. эта сумма составляла уже 3400 милліоновъ, сконцентрированныхъ въ 31 (въ 1875 г. въ 27) банкѣ" (S. 89). Эта концентрація поземельной ренты указываетъ ясно на концентрацію *поземельной собственности.*

„Нѣтъ—отвѣчалъ Герцъ, Булгаковъ, Черновъ и Ко.,—мы встрѣчаемъ самую рѣшительную тенденцію къ децентрализаціи, къ раздробленію собственности" („Р. Б." № 10, 216), ибо „болѣе четверти ипотечнаго кредита сосредоточено въ рукахъ демократическихъ (sic!) кредитныхъ учрежденій съ массою мелкихъ вкладчиковъ" (тамъ же). Герцъ съ необычайнымъ усердіемъ, приводя рядъ таблицъ, доказываетъ, что *мелкіе вкладчики* составляютъ массу вкладчиковъ въ сбер. кассы и т. п. Спрашивается только: къ чему все это? Вѣдь на общества взаимнаго кредита и сберегательныя кассы указалъ самъ Каутскій (не воображая, конечно, какъ воображаетъ г. Черновъ, что это особо „демократическія" учрежденія). Каутскій говоритъ о централизаціи ренты въ немногихъ центральныхъ учрежденіяхъ, — а ему указываютъ на массу мелкихъ вкладчиковъ въ сберег. кассы!! И называютъ это „раздробленіемъ собственности"! Да какое же отношеніе къ сельскому хозяйству (рѣчь идетъ о концентраціи ренты) имѣетъ число вкладчиковъ въ гипотечный банкъ? Развѣ крупная фабрика перестаетъ означать централизацію производства на томъ основаніи, что акціи ея распредѣлены среди массы мелкихъ капиталистовъ? „До тѣхъ поръ, пока Герцъ и Давидъ не освѣдомили меня—писалъ Каутскій въ отвѣтъ Герцу,—я и понятія не имѣлъ о томъ, откуда берутъ сберегательныя кассы свои деньги. Я думалъ, что онѣ орудуютъ съ сбереженіями Ротшильдовъ и Вандербильтовъ".

По поводу передачи гипотекъ въ собственность государства Герцъ говоритъ: „Это было бы очень плохое средство борьбы противъ крупнаго капитала и, конечно, прекрасное средство, чтобы возстановить противъ виновниковъ такой реформы громадную, все увеличивающуюся армію мелкихъ собственниковъ, и въ ихъ числѣ особенно сельскихъ батраковъ" (S 29, р. п. 78. Г. Черновъ повторяетъ это съ удовольствіемъ на стр. 217/18 „Р. Б.").

Такъ вотъ кто эти „собственники", объ увеличеніи числа которыхъ кричатъ Бернштейнъ и Ко.,—отвѣчаетъ Каутскій.—Это служанки съ 20 марками въ сберегательной кассѣ! И какъ старъ и избитъ этотъ доводъ противъ соціалистовъ, что „экспропріаціей" своей они ограбятъ громадную армію трудящихся. Никто иной, какъ Евгеній Рихтеръ съ особеннымъ усердіемъ выдвигалъ этотъ доводъ въ своей

брошюрѣ, которую онъ выпустилъ послѣ отмѣны исключительнаго закона противъ соціалистовъ (и котрую фабриканты скупали тысячами для даровой раздачи рабочимъ). Въ этой брошюрѣ Евгеній Рихтеръ выдвинулъ свою знаменитую „бережливую Агнесу", бѣдную швею, которая имѣла нѣсколько десятковъ марокъ въ сберегательной кассѣ и которая была ограблена злыми соціалистами, захватившими государственную власть и превратившими банки въ государственную собственность. Вотъ изъ какого источника черпаютъ свои критическіе доводы Булгаковы*), Герцы и Черновы!

„Въ то время,—говоритъ Каутскій о „знаменитой" брошюрѣ Евг. Рихтера,—Евг. Рихтеръ былъ за это единодушно осмѣянъ всѣми соціалдемократами. А теперь находятся среди послѣднихъ люди, которые въ нашемъ центральномъ органѣ" (имѣются въ виду статьи, кажется, Давида въ „Vorwärts") „поютъ хвалебную пѣснь сочиненію, повторяющему тѣ же мысли: Герцъ, мы превозносимъ твои подвиги"!

„Для бѣднаго Евгенія на склонѣ его лѣтъ, это—настоящій тріумфъ, и я не могу не привести еще, къ его удовольствію, слѣдующаго мѣста, находящагося на той же страницѣ у Герца: „Мы видимъ, что мелкаго крестьянина, городского домовладѣльца и особенно крупнаго земледѣльца экспропріируютъ именно низшіе и средніе классы, и главный контингентъ ихъ поставляется, несомнѣнно, сельскимъ населеніемъ" (Герцъ, S. 29; русск. пер. 77.—Пересказано съ упоеніемъ въ „Русск. Бог." № 10, стр. 216—217). „Теорія Давида объ „опороженіи" (Aushöhlung) капитализма посредствомъ коллективныхъ договоровъ о заработной платѣ (Tarifgemeinschaften) и потребительныхъ обществъ, теперь превзойдена. Она блѣднѣетъ передъ Герцевской экспропріаціей экспропріаторовъ посредствомъ сберегательныхъ кассъ. Бережливая Агнеса, которую считали уже умершей, воскресаетъ къ новой жизни" (Kautsky I, c. S. 475)—и русскіе „критики" вмѣстѣ съ публицистами „Русскаго Богатства" спѣшатъ пересадить эту воскресшую „бережливую Агнесу" на русскую почву для посрамленія „ортодоксальной" соціалдемократіи.

И вотъ этотъ-то г. В. Черновъ, захлебывающійся отъ восторга по поводу повторяемыхъ Герцемъ доводовъ Евгенія Рихтера, „разноситъ" Каутскаго на всѣ корки на страницахъ „Русскаго Богатства" и сборника въ честь г. Н. Михайловскаго „На славномъ посту". Было бы несправедливостью, еслибы мы не отмѣтили нѣкоторые перлы этого разноса. „Каутскій признаетъ, опять таки вслѣдъ за Марксомъ,—пишетъ г. Черновъ въ № 8 „Р. Б.", стр. 229—что прогрессъ капиталистическаго земледѣлія ведетъ къ обѣднѣнію почвы питательными веществами: въ видѣ различныхъ продуктовъ у земли постоянно нѣчто отнимается, направляется въ городъ и не возвращается обратно землѣ... Какъ видите, въ вопросѣ о законахъ плодородія почвы Каутскій безпомощно (sic!) повторяетъ слова Маркса, основывавшагося на теоріи Либиха. Но когда Марксъ писалъ свой первый томъ, Либиховскій „законъ возстановленія" былъ послѣднимъ словомъ агрономіи. Со времени этого открытія прошло уже болѣе

*) Г. Булгаковъ выдвигалъ противъ Каутскаго тѣ же доводы на счетъ гипотекъ въ „Началѣ", а по нѣмецки и въ „Архивѣ" Брауна.

полувѣка. Въ нашихъ знаніяхъ о законахъ плодородія почвы произошла цѣлая революція. И что же? Весь послѣ-либиховскій періодъ, всѣ послѣдующія открытія Пастера, Вилле, опыты Солари съ введеніемъ азота, открытія Бертелло, Гелльригеля, Вильфорта и Виноградскаго въ области бактеріологіи почвы — все это для Каутскаго прошло безслѣдно"... Милый г. Черновъ! Какъ онъ удивительно похожъ на тургеневскаго Ворошилова: помните—въ „Дымѣ" — молодого русскаго приватъ-доцента, который совершалъ променадъ по заграницѣ, отличался вообще большой молчаливостью, но отъ времени до времени его прорывало и онъ начиналъ сыпать десятками и сотнями ученыхъ и ученѣйшихъ, рѣдкихъ и рѣдчайшихъ именъ? Точь въ точь нашъ ученый г. Черновъ, который совсѣмъ уничтожилъ этого невѣжественнаго Каутскаго. Только... только не справиться ли намъ все же съ книгой Каутскаго? Не заглянуть ли намъ хоть въ оглавленіе ея? Находимъ главу IV: „Современное сельское хозяйство", параграфъ d) „удобренія, *бактеріи*". Открываемъ параграфъ d) и читаемъ:

„Во второй половинѣ прошлаго десятилѣтія было сдѣлано открытіе, что стручковыя растенія въ отличіе отъ остальныхъ культурныхъ растеній получаютъ почти весь свой запасъ азота не изъ почвы, а изъ воздуха, что они дѣлаютъ почву не только не бѣднѣе азотомъ, а еще богаче. Но этимъ свойствомъ обладаютъ они лишь въ томъ случаѣ, если въ почвѣ имѣются извѣстные микроорганизмы, пристающіе къ ихъ корнямъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ микроорганизмовъ, — можно посредствомъ соотвѣтствующей прививки придать стручковымъ растеніямъ способность превращать бѣдную азотомъ почву въ богатую азотомъ и такимъ образомъ удобрять до извѣстной степени эту почву для другихъ культурныхъ растеній. Прививка бактерій стручковымъ растеніямъ даетъ, по общему правилу, возможность въ соединеніи съ соотвѣтствующими минеральными удобреніями (фосфорнокислыми солями и калійными удобреніями) получать съ земли постоянно самые высокіе урожаи и безъ навоза. Лишь благодаря этому открытію „свободное хозяйство" пріобрѣло вполнѣ прочный базисъ" (Kautsky, 51—52). Кто же обосновалъ научно это замѣчательное открытіе собирающихъ азотъ бактерій?—Гелльригель...

Вина Каутскаго въ томъ, что онъ имѣетъ скверную привычку (которая наблюдается также у многихъ узкихъ ортодоксовъ)—не забывать никогда о томъ, что члены боевой соціалистической партіи должны и въ ученыхъ своихъ трудахъ не упускать изъ виду читателя-рабочаго, должны стараться писать *просто*, безъ тѣхъ ненужныхъ ухищреній слога, безъ тѣхъ внѣшнихъ признаковъ „учености", которые такъ плѣняютъ декандетовъ и титулованныхъ представителей оффиціальной науки. Каутскій и здѣсь предпочелъ разсказать толково и ясно, въ чемъ состоятъ новѣйшія агрономическія открытія, и опустить ничего не говорящія для девяти десятыхъ публики ученыя имена. Ворошиловы поступаютъ наоборотъ: они предпочитаютъ высыпать цѣлый мѣшокъ ученыхъ именъ изъ области агрономіи, политической экономіи, критической философіи и т. п., загромождая ученымъ соромъ суть дѣла.

Напримѣръ, Ворошиловъ-Черновъ своимъ облыжнымъ обвиненіемъ Каутскаго въ незнаніи ученыхъ именъ и научныхъ открытій

загромоздилъ и замялъ крайне интересный и поучительный эпизодъ модной критики, именно: аттаку буржуазной экономіи на соціалистическую идею объ уничтоженіи противоположности между городомъ и деревней. Профессоръ Луйо Брентано увѣряетъ, напримѣръ, что переселеніе изъ деревень въ города вызывается не данными соціальными условіями, а *естественной необходимостью*, закономъ убывающаго плодородія почвы *). Г. Булгаковъ, вслѣдъ за своимъ учителемъ, объявилъ еще въ „Началѣ" (1899, мартъ, стр. 29) идею объ уничтоженіи противоположности между городомъ и деревней „совершенной фантазіей", которая „вызоветъ улыбку у агронома". Герцъ пишетъ въ своей книгѣ: „Уничтоженіе различія между городомъ и деревней является, правда, основнымъ стремленіемъ старыхъ утопистовъ (и даже Манифеста),—но намъ все же не вѣрится, чтобы общественный строй, заключающій въ себѣ всѣ условія для направленія человѣческой культуры къ высшимъ достижимымъ цѣлямъ, дѣйствительно уничтожилъ тѣ великіе центры энергіи и культуры, какими являются большіе города, и въ угоду оскорбленному эстетическому чувству, отказался отъ этихъ обильныхъ сокровищницъ искусства и науки, безъ которыхъ невозможенъ прогрессъ" (S. 76. Русскій переводчикъ, стр. 182, ухитрился слово „potenzirt" перевести „потенціальный". Бѣда съ этими русскими переводами! На стр. 270 тотъ же переводчикъ переводитъ: „Wer ist zuletzt das Schwein?" — „Кто же въ концѣ концовъ свинья?") Какъ видите, Герцъ защищаетъ буржуазный порядокъ отъ соціалистическихъ „фантазій" фразами, въ которыхъ не меньше „борьбы за идеализмъ", чѣмъ у гг. Струве и Бердяева. Но самая защита отъ этого напыщеннаго идеалистическаго фразерства нимало не выигрываетъ.

---

*) См. статью Кутскаго въ „Neue Zeit". XIX, 2 1900—01, № 27: „Tolstoi und Brentano". Каутскій сопоставляетъ съ современнымъ научнымъ соціализмомъ ученіе Л. Толстого, остающагося глубокимъ наблюдателемъ и критикомъ буржуазнаго строя, несмотря на реакціонную наивность своей теоріи,—и буржуазную экономію, „звѣзда" которой, Брентано (какъ извѣстно, учитель гг. Струве, Булгакова, Герца и tutti quanti), обнаруживаетъ самую невѣроятную путаницу, смѣшивая явленія природы и явленія общественныя, смѣшивая понятія продуктивности и прибыльности, стоимости и цѣны и т. п. „Это не столь характерно для Брентано лично—справеливо говоритъ Каутскій—какъ для той *школы*, къ которой онъ принадлежитъ. *Историческая школа* буржуазной экономіи въ ея современномъ видѣ считаетъ стремленіе къ цѣлостному пониманію общественнаго механизма превзойденной степенью (über wundener Standpunkt). Экономическая наука должна, по этому воззрѣнію, не изслѣдовать соціальные законы и сводить ихъ въ цѣлую систему, а ограничиваться протокольнымъ описаніемъ отдѣльныхъ соціальныхъ фактовъ прошлаго и настоящаго. Такъ она и привыкаетъ къ тому, чтобы касаться только поверхностной стороны явленій. А когда тотъ или другой представитель этой школы поддастся тѣмъ не менѣе искушенію разсмотрѣть болѣе глубокія основанія явленія,—тогда онъ оказывается совершенно не въ состояніи оріентироваться и блуждаетъ безпомощно кругомъ да около. И въ нашей партіи съ нѣкотораго времени проявляется стремленіе замѣнить Марксову теорію не какой-либо другой теоріей, а тѣмъ отсутствіемъ всякой теоріи (Theorielosigkeit), которое отличаетъ историческую школу, — стремленіе принизить теоретика до роли репортера. Кому нужно не простое безцѣльное перепрыгиваніе (Fortwurschteln) отъ случая къ случаю, а цѣлостное энергическое движеніе впередъ къ великой цѣли, тому да послужитъ обнаруженная нами Брентановская путаница предостереженіемъ отъ теперешнихъ методовъ исторической школы". S. 25.

Что соціалдемократы умѣютъ цѣнить историческую заслугу великихъ центровъ энергіи и культуры, это они доказываютъ своей непримиримой борьбой противъ всего, что прикрѣпляетъ къ мѣсту населенія вообще, крестьянъ и сельскихъ рабочихъ въ частности. И поэтому ихъ, въ отличіе отъ критиковъ, не поймаетъ на удочку ни одинъ аграрій, стремящійся доставить „мужичку" зимніе „заработки". Но рѣшительное признаніе прогрессивности большихъ городовъ въ капиталистическомъ обществѣ нисколько не мѣшаетъ намъ включать въ свой идеалъ (и въ свою программу дѣйствія, ибо неосуществимые идеалы мы предоставляемъ гг. Струве и Бердяевымъ) уничтоженіе противоположности между городомъ и деревней. Неправда, что это равносильно отказу отъ сокровищъ науки и искусства. Какъ разъ наоборотъ: это необходимо для того, чтобы сдѣлать эти сокровища *доступными всему народу*, чтобы уничтожить ту отчужденность отъ культуры милліоновъ деревенскаго населенія, которую Марксъ такъ мѣтко назвалъ „идіотизмомъ деревенской жизни". И въ настоящее время, когда возможна передача электрической энергіи черезъ разстояніе, когда техника транспорта повысилась настолько, что можно при меньшихъ (противъ теперешнихъ) издержкахъ перевозить пассажировъ съ быстротой 200 верстъ въ часъ *) — нѣтъ ровно никакихъ техническихъ препятствій тому, чтобы сокровищами науки и искусства, вѣками скопленными въ немногихъ центрахъ, пользовалось все населеніе, размѣщенное болѣе или менѣе равномѣрно по всей странѣ.

И если ничто не мѣшаетъ уничтоженію противоположности между городомъ и деревней (причемъ слѣдуетъ, конечно, представить себѣ это уничтоженіе не въ формѣ одного акта, а въ формѣ цѣлаго ряда мѣръ), то требуетъ его отнюдь не одно только „эстетическое чувство". Въ большихъ городахъ люди задыхаются, по выраженію Энгельса, въ своемъ собственномъ навозѣ, и періодически всѣ, которые могутъ, бѣгутъ изъ города въ поискахъ за свѣжимъ воздухомъ и чистой водой. Промышленность тоже разселяется по странѣ, ибо и ей нужна чистая вода. Эксплуатація водопадовъ, каналовъ и рѣкъ для полученія электрической энергіи дастъ новый толчокъ этому „разсѣянію промышленности". Наконецъ—last but not least—раціональная утилизація столь важныхъ для земледѣлія городскихъ нечистотъ вообще и человѣческихъ экскрементовъ въ частности тоже требуетъ уничтоженія противоположности между городомъ и деревней. И вотъ на этотъ то пунктъ теоріи Маркса и Энгельса вздумали направить гг. критики свои агрономическія возраженія (отъ полнаго разбора теоріи, которая по этому вопросу особенно подробно изложена Энгельсомъ въ Anti-Düring'ѣ, гг. критики предпочли воздержаться, ограничиваясь, какъ всегда, простой перефразировкой обрывковъ мысли какого нибудь Брентано). Ходъ ихъ разсужденія такой: Либихъ доказалъ необходимость отдавать почвѣ столько же, сколько у нея берется. Онъ считалъ поэтому выбрасыванье городскихъ нечистотъ въ моря и рѣки безсмысленнымъ и варварскимъ расхище-

---

*) Проектъ такой дороги между Манчестеромъ и Ливерпулемъ не получилъ утвержденія парламента только вслѣдствіе корыстнаго противодѣйствія желѣзнодорожныхъ тузовъ, боящихся разоренія старыхъ компаній.

ніемъ веществъ, необходимыхъ для земледѣлія. Каутскій раздѣляетъ теорію Либиха. *Но* новѣйшая агрономія показала полную возможность возстановленія производительныхъ силъ земли безъ стойловаго навоза посредствомъ искусственныхъ удобреній, прививки извѣстныхъ бактерій собирающимъ азотъ стручковымъ растеніямъ и т. п. *Слѣдовательно*, Каутскій и всѣ эти „ортодоксы"—просто отсталые люди.

Слѣдовательно,—отвѣтимъ мы,—гг. критики и здѣсь совершаютъ одну изъ своихъ безчисленныхъ *передержекъ*. Изложивши теорію Либиха, Каутскій *тотчасъ же* указалъ, что современная агрономія доказала полную возможность „обходиться совершенно безъ стойловаго навоза" (S. 50 „Agrarfrage"; ср. вышеприведенное мѣсто), но добавилъ при этомъ, что это—*палліативъ* сравнительно съ вызываемымъ системой очистки городовъ расхищеніемъ человѣческихъ экскрементовъ. Вотъ этотъ пунктъ должны были бы опровергнуть критики, если бы они были способны спорить по существу,—показать, что это не палліативъ. Объ этомъ они и не подумали. Понятно само собой, что возможность замѣны естественныхъ удобреній искусственными и фактъ этой (*частичной*) замѣны ни на іоту не опровергаетъ того, что не раціонально выбрасывать естественныя удобренія понапрасну, отравляя при томъ нечистотами рѣки и воздухъ въ пригородныхъ и прифабричныхъ мѣстностяхъ. Около большихъ городовъ и сейчасъ существуютъ поля орошенія, утилизирующія городскія нечистоты съ громадной пользой для земледѣлія,—но утилизируется такимъ образомъ только ничтожная доля нечистотъ. Искусственныя удобренія,—говоритъ Каутскій, отвѣчая на стр. 211 своей книги на то самое возраженіе, будто новѣйшая агрономія опровергаетъ фактъ агрономической эксплуатаціи деревни городомъ, которое гг. критики преподносятъ ему за нѣчто новое,—искусственныя удобренія все въ большемъ и большемъ размѣрѣ означаютъ лишь еще одно изъ тѣхъ многочисленныхъ отягощеній сельскаго хозяйства, которыя *отнюдь не являются естественной необходимостью, а проистекаютъ изъ существующихъ соціальныхъ отношеній*" *).

Въ подчеркнутыхъ нами словахъ заключается весь „гвоздь" вопроса, такъ усердно запутываемаго критиками. Писатели, которые, подобно г. Булгакову, пугаютъ пролетаріатъ „хлѣбнымъ вопросомъ" болѣе страшнымъ и важнымъ, чѣмъ соціальный вопросъ, которые восторгаются искусственнымъ ограниченіемъ дѣторожденія, говоря, что „регулированіе прироста населенія" становится „основнымъ (sic!) экономическимъ условіемъ" благополучія крестьянства (II, 261), что это регулированіе заслуживаетъ „уваженія", и что „много лицемѣрнаго негодованія" (только лицемѣрнаго? а не законнаго негодованія противъ современныхъ общественныхъ порядковъ?) „возбуждаетъ крестьянскій приростъ населенія у сентиментальныхъ (!?) моралистовъ, какъ будто безудержная похотливость (sic!) сама по себѣ является добродѣтелью" (тамъ же),—подобные писатели естественно, неизбѣжно должны стремиться къ тому, чтобы оставить въ тѣни *капиталистическія* препятствія земледѣльческому прогрессу, чтобы свалить все на

*) Разумѣется, искусственныя удобренія—говоритъ Каутскій далѣе—не исчезнутъ съ паденіемъ капитализма, но они будутъ обогащать почву особыми веществами, а не исполнять *всю* задачу возстановленія плодородія почвы

естественный „законъ убывающаго плодородія почвы", чтобы выставить уничтоженіе противоположности между городомъ и деревней „совершенной фантазіей". Но какимъ безграничнымъ легкомысліемъ должны отличаться гг. Черновы, чтобы вторить подобнымъ разсужденіямъ и въ то же время упрекать критиковъ марксизма въ „отсутствіи принципіальности, эклектизмѣ и оппортунизмѣ" (Р. Б. № 11, стр. 246)?! Черновъ, упрекающій другихъ въ отсутствіи принципіальности и оппортунизмѣ,—что можетъ быть комичнѣе этого зрѣлища?

Всѣ остальные критическіе подвиги нашего Ворошилова совершенно такіе же, какъ сейчасъ нами разобранный.

Если Ворошиловъ увѣряетъ васъ, что Каутскій не понимаетъ разницы между капиталистическимъ кредитомъ и ростовщичествомъ, что онъ обнаруживаетъ полное неумѣніе и нежеланіе понять Маркса, когда говоритъ о крестьянинѣ, исполняющемъ функціи предпринимателя и въ качествѣ таковаго занимающемъ относительно пролетаріата мѣсто, подобное фабриканту, если Ворошиловъ бьетъ при этомъ себя въ грудь и восклицаетъ „говорю это смѣло, ибо чувствую (sic!) подъ собою твердую почву" („На славномъ посту"; стр. 169),—то вы можете быть спокойны: Ворошиловъ опять безбожно путаетъ и такъ же безбожно хвастаетъ. Онъ „не замѣтилъ" въ книгѣ Каутскаго мѣстъ, посвященныхъ ростовщичеству, какъ таковому (Agrarfrage, S. 11, 102—104, особенно 118, 290—292), и ломится изо всѣхъ силъ въ открытую дверь, крича при этомъ, какъ водится, о „доктринерскомъ формализмѣ", „нравственной черствости" Каутскаго, „издѣвательствѣ надъ человѣческими страданіями" и пр. Что же касается до исполненія крестьяниномъ функціи предпринимателя, то эта удивительно мудреная вещь, повидимому, превосходитъ мѣру пониманія Ворошилова. Въ слѣдующемъ очеркѣ мы попробуемъ, однако, разъяснить ему ее на самыхъ конкретныхъ примѣрахъ.

Если Ворошиловъ желаетъ доказать, что онъ настоящій представитель „интересовъ труда", и громитъ Каутскаго за „изгнаніе изъ рядовъ пролетаріата множества самого доподлиннаго рабочаго люда" (тамъ же, стр. 167), въ родѣ Lumpenproletariata'а, прислуги, кустаря и т. п.,—то знайте, что Ворошиловъ путаетъ. Каутскій разбираетъ здѣсь признаки, выдѣляющіе тотъ „современный пролетаріатъ", который создалъ современное соціалдемократическое пролетарское движеніе" (Agrarfrage. S. 306), и Ворошиловы не сдѣлали еще до сихъ поръ такого открытія, чтобы босяки, кустари или прислуга создали соціалдемократическое движеніе. Упрекъ же, что Каутскій способенъ „изгонять" прислугу (начинающую теперь въ Германіи примыкать къ движенію), кустарей и пр. изъ рядовъ пролетаріата,—показываетъ только въ полномъ видѣ всю беззастѣнчивость Ворошиловыхъ, которые тѣмъ охотнѣе проявляютъ свое дружелюбіе къ „доподлинному рабочему люду", чѣмъ меньше практическаго значенія имѣютъ такія фразы и чѣмъ безопаснѣе разносить *вторую часть* „Аграрнаго вопроса", не пропущенную россійской цензурой. Впрочемъ по части беззастѣнчивости есть и еще перлы: восхваляя гг. Н.—она и Каблукова съ полнымъ умолчаніемъ о направленной противъ нихъ марксистской критикѣ, г. Черновъ въ то же время съ напускной наивностью спрашиваетъ: „кого это разумѣютъ нѣмецкіе соціалдемократы

подъ своими русскими „товарищами"? Не вѣрите, что въ „Русскомъ Богатствѣ" ставятся такіе вопросы, такъ справьтесь съ № 7, стр. 166.

Если Ворошиловъ увѣряетъ, что „предсказанія" Энгельса о безрезультатности бельгійскаго рабочаго движенія, благодаря вліянію прудонизма, „потерпѣли крушеніе",—то знайте, что Ворошиловъ опять извращаетъ дѣло, слишкомъ увѣренный въ своей, такъ сказать, „безотвѣтственности". Вотъ его слова: „Недаромъ Бельгія никогда не была ортодоксально-марксистской, и недаромъ недовольный ею за это Энгельсъ предрекалъ, что бельгійское движеніе, благодаря вліянію „прудонистскихъ принциповъ" пойдетъ „von nichts durch nichts zu nichts". Увы! его предсказанія потерпѣли крушеніе, а широта и всесторонность бельгійскаго движенія сдѣлали его въ настоящее время образцомъ, по которому многому научаются многія „правовѣрныя страны". (Р. Б. № 10, стр. 234). Дѣло было такъ: въ 1872-мъ (семьдесятъ второмъ!) году Энгельсъ полемизировалъ въ соціалдемократической газетѣ „Volksstaat" съ нѣмецкимъ прудонистомъ Мюльбергеромъ и, возражая противъ преувеличенія значенія прудонизма, писалъ: „Единственная страна, въ которой рабочее движеніе находится непосредственно подъ вліяніемъ прудоновскихъ „принциповъ", это—Бельгія, и именно поэтому бельгійское рабочее движеніе и идетъ, по выраженію Гегеля, „отъ ничего черезъ ничто къ ничему" *).

Итакъ, это *прямая неправда*, будто Энгельсъ что-либо „предрекалъ" или „предсказывалъ". Онъ говорилъ только *про то, что есть*, т. е. про то, что было въ 1872 году. А это несомнѣнный историческій фактъ, что *въ то время* бельгійское движеніе топталось на одномъ мѣстѣ именно благодаря господству прудонизма, вожаки котораго высказывались противъ коллективизма и отвергали самостоятельную политическую дѣятельность пролетаріата. Только въ 1879 г. образована была „бельгійская соціалистическая партія" и только съ этого времени начинается та агитація за всеобщее избирательное право, которая ознаменовала побѣду марксизма надъ прудонизмомъ (признаніе политической борьбы пролетаріата, организованнаго въ самостоятельную классовую партію), и начало выдающихся успѣховъ движенія. Современная программа „бельгійской рабочей партіи" восприняла (не говоря объ отдѣльныхъ менѣе важныхъ пунктахъ) *всѣ* основныя идеи марксизма. И вотъ въ 1887 году, въ предисловіи ко второму изданію своихъ статей о жилищномъ вопросѣ, Энгельсъ особенно подчеркиваетъ „гигантскій прогрессъ международнаго рабочаго движенія за послѣднія 14 лѣтъ". Прогрессъ этотъ тѣсно связанъ,—говоритъ онъ,—съ вытѣсненіемъ прудонизма, который *тогда* господствовалъ, а *теперь* почти забытъ. „Въ Бельгіи—замѣчаетъ Энгельсъ—фламандцы оттѣснили валлоновъ отъ руководства движеніемъ, смѣстили (abgesetzt) прудонизмъ и сильно подняли движеніе" (стр. 4 той же брошюры, предисловіе). Неправда ли, какъ вѣрно изображено дѣло въ „Русскомъ Богатствѣ"?

Если Ворошиловъ... но довольно! За легальнымъ журналомъ, который можетъ ежемѣсячно врать на „ортодоксальный" марксизмъ, какъ на мертваго,—намъ, разумѣется, не угоняться.

---

*) См. брошюру „Zur Wohnungsfrage" Zürich, 1887, содержащую въ себѣ перепечатку статей Энгельса противъ Мюльбергера 1872 года, и его введеніе, помѣченное 10-мъ января 1887 г. Цитированное мѣсто на стр. 56.

V.

„Процвѣтаніе передовыхъ современныхъ мелкихъ хозяйствъ“. Монографія Гехта.

— Детализація, детализація! — восклицалъ г. Булгаковъ въ журналѣ „Начало“ (№ 1, с. 7 и 13), и этотъ лозунгъ повторяется сотни разъ и на сотни ладовъ всѣми „критиками“.

Хорошо, господа, возьмемся за детализацію.

Когда вы направляли такой лозунгъ противъ Каутскаго, это было совершенно безсмысленно, потому что главная задача научнаго изслѣдованія аграрнаго вопроса, загроможденнаго безконечнымъ количествомъ безсвязныхъ деталей, состояла именно въ созданіи общей картины всего современнаго аграрнаго строя въ его развитіи. Вашъ лозунгъ прикрывалъ только вашу научную безпринципность, вашу оппортунистическую боязнь всякаго цѣлостнаго и продуманнаго міровоззрѣнія. И если-бы вы отнеслись къ книгѣ Каутскаго не по-Ворошиловски, вы могли-бы извлечь изъ нея массу указаній о томъ, какъ слѣдуетъ пользоваться детальными данными, какъ ихъ надо обрабатывать. А что вы этими детальными данными пользоваться не умѣете, это мы докажемъ сейчасъ на цѣломъ рядѣ *вами же самими выбранныхъ* примѣровъ.

Въ своей статьѣ „Крестьянскіе варвары“, направленной противъ Каутскаго и помѣщенной въ журналѣ господъ Ворошиловыхъ: „Socialistische (??) Monatshefte“ (III jahrg. 1899, Heft 2), Э. Давидъ съ особеннымъ торжествомъ сослался на „одну изъ *основательнѣйшихъ и интереснѣйшихъ монографій*“ о крестьянскомъ хозяйствѣ, появившихся въ послѣднее время, именно на Морица Гехта (Hecht): „Drei Dörfer der badischen Hard“ (Lpz. 1895). Герцъ подхватилъ эту ссылку, повторилъ вслѣдъ за Давидомъ нѣсколько цифръ изъ этого „прекраснаго труда“ (S. 68, р. п. 164) и „настоятельно рекомендовалъ“ (S. 69, р. п. 188) ознакомленіе съ нимъ либо въ подлинникѣ, либо въ извлеченіи Давида. Г. Черновъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ поспѣшилъ пересказать и Давида, и Герца, противопоставляя Каутскому нарисованныя Гехтомъ „яркія картины процвѣтанія передовыхъ современныхъ мелкихъ хозяйствъ“ (№ 8, 206—209).

Обратимся-же къ Гехту.

Гехтъ описываетъ три баденскія деревни, находящіяся въ 4—14 километрахъ отъ Карлсруэ: Гагсфельдъ, Бланкенлохъ и Фридрихсталь. Несмотря на мелкіе размѣры участковъ, 1—3 гектара (ha) на хозяина, крестьяне живутъ очень зажиточно и культурно, собирая съ земли чрезвычайно высокіе урожаи. Давидъ (а за нимъ и Черновъ) сравниваетъ эти урожаи со средними для Германіи (въ доппельцентнерахъ съ 1 ha: картофеля 150—160 и $87_{,8}$, ржи и пшеницы 20—23 и 10—13, сѣна 50—60 и $28_{,6}$) и восклицаетъ: каково? Вотъ вамъ „отсталые мелкіе крестьяне!“ Во-первыхъ, отвѣтимъ мы, поскольку здѣсь не дано никакого сравненія мелкаго и крупнаго хозяйствъ, находящихся въ равныхъ условіяхъ, смѣшно считать это

доводомъ противъ Каутскаго. Еще болѣе смѣшно, когда тотъ самый г. Черновъ, который на стр. 229 № 8 „Русскаго Богатства“ утверждаетъ, что въ „рудиментарномъ воззрѣніи Каутскаго“ (относительно агрономической эксплоатаціи деревни городомъ) „темныя стороны капитализма даже преувеличиваются“,—приводитъ на стр. 209 *противъ* Каутскаго какъ разъ такой примѣръ, гдѣ это капиталистическое препятствіе прогрессу земледѣлія *устранено* въ силу подгороднаго расположенія выбранныхъ имъ деревень. Въ то время, какъ громадное большинство сельскаго населенія теряетъ массу естественныхъ удобреній отъ порождаемаго капитализмомъ обезлюдѣнія деревни и концентраціи населенія въ городахъ, — ничтожное меньшинство подгородныхъ крестьянъ извлекаетъ изъ своего положенія особыя выгоды и обогащается на счетъ обездоленія массы. Неудивительно, что урожаи въ описываемыхъ деревняхъ такъ высоки, когда онѣ пріобрѣтаютъ на 41.000 марокъ въ годъ навоза изъ военныхъ конюшенъ трехъ сосѣднихъ городовъ съ гарнизонами (Карлсруэ, Бруксаль и Дурлахъ) и навозной жижи изъ городскихъ ассенизаціонныхъ учрежденій (Hecht, S. 65); искусственныя удобренія прикупаются только на 7000 марокъ *). Опровергать техническое превосходство крупнаго хозяйства примѣромъ мелкихъ хозяйствъ, поставленныхъ въ подобныя условія, значитъ только доказывать свое безсиліе. Во-вторыхъ, насколько въ дѣйствительности имѣемъ мы въ этомъ примѣрѣ „настоящихъ мелкихъ крестьянъ“, echte und rechte Kleinbauern, какъ говоритъ Давидъ и повторяетъ за нимъ Герцъ и Черновъ? Ссылаются они при этомъ *только* на размѣры землевладѣнія, обнаруживая какъ разъ неумѣнье пользоваться детальными данными. Для подгороднаго крестьянина, какъ всякому извѣстно, десятина земли значитъ то же, что десять десятинъ для крестьянина въ захолустьѣ, да и *типъ* хозяйства отъ сосѣдства города радикально измѣняется. Напр., цѣна земли въ самой малоземельной и самой богатой изъ этихъ подстоличныхъ деревень, въ Фридрихсталѣ, равна 9—10 тыс. марокъ, *впятеро* больше средней баденской цѣны (1938 м.) *и разъ въ двадцать* больше цѣны земли въ отдаленныхъ мѣстностяхъ восточной Пруссіи. Слѣдовательно, по размѣру производства (единственно точному показателю размѣровъ хозяйства) это вовсе не „мелкіе“ крестьяне. Что-же касается *типа* ихъ хозяйства, то мы видимъ здѣсь замѣчательно высокую степень развитія *денежнаго* хозяйства и *спеціализаціи* земледѣлія, особенно подчеркиваемой Гехтомъ. Сѣютъ табакъ (45 проц. площади въ Фридрихсталѣ), высоко-сортный картофель

---

*) Кстати, г. Черновъ увѣряетъ читателей „Русскаго Богатства“, что въ этихъ селахъ „сколько-нибудь замѣтной дифференціаціи“ *въ размѣрахъ землевладѣнія* не существуетъ. Но если-бы требованіе детализаціи не было въ его устахъ пустой фразой, то онъ не могъ-бы забыть, что для этихъ подгородныхъ крестьянъ количество земли имѣетъ гораздо меньше значенія, чѣмъ количество удобренія. А въ этомъ отношеніи дифференціація очень замѣтна. Всего выше урожаи и всего богаче крестьяне въ деревнѣ Фридрихсталь, хотя она самая малоземельная; но изъ 48.000 марокъ расхода на удобреніе падаетъ на ея долю 28.000 м., что при 258 гект. земли даетъ 108 марокъ на 1 гектаръ. Гагсфельдъ расходуетъ только по 30 марокъ на гектаръ (12.000 : 397 гектаровъ), а Бланкенлохъ всего по 11 (8.000 : 736 гектаровъ).

(идущій отчасти на сѣмена, отчасти къ столу „знатныхъ господъ“ — Hecht, 17 — въ Карлсруэ), продаютъ въ столицѣ молоко и масло, поросятъ и свиней, сами покупаютъ себѣ и хлѣбъ и сѣно. Земледѣліе вполнѣ приняло здѣсь торговый характеръ, и подстоличный крестьянинъ — чистѣйшаго типа *мелкій буржуа*, такъ что, если-бы г. Черновъ дѣйствительно ознакомился съ тѣми детальными данными, на которыя онъ съ чужихъ словъ ссылается, то онъ, можетъ быть, приблизился-бы нѣсколько къ пониманію такой мудреной для него категоріи, какъ „мелкобуржуазность“ (ср № 7 „Русскаго Богатства“, с. 163) крестьянина. Прекурьезно, что Герцъ и г. Черновъ, объявляя себя неспособными понять, какъ это крестьянинъ исполняетъ функціи предпринимателя, какъ это онъ въ состояніи фигурировать то какъ рабочій, то какъ предприниматель, ссылаются на детальное изслѣдованіе, авторъ котораго прямо говоритъ: „Крестьянинъ 18-го вѣка съ его 8—10 гектарами земли былъ крестьяниномъ“ („*былъ* крестьяниномъ“, г. Черновъ!) „и физическимъ работникомъ; карликовый крестьянинъ 19-го вѣка съ его 1 — 2 гектарами есть интеллектуальный работникъ, предприниматель, торговецъ“ (Hecht, S. 69 ср. стр. 12: „сельскій хозяинъ сдѣлался *купцомъ* и *предпринимателемъ*“. Курсивъ Гехта). Ну, развѣ не по-Ворошиловски „разносили“ Каутскаго Герцъ и г. Черновъ за смѣшеніе крестьянина съ предпринимателемъ?

Самымъ рельефнымъ признакомъ „предпринимательства“ является употребленіе наемнаго труда. И въ высшей степени характерно, что ни одинъ изъ тѣхъ quasi-соціалистовъ, которые ссылались на работу Гехта, *не пророрнилъ ни словечка* объ этомъ фактѣ. Самъ Гехтъ—типичнѣйшій Kleinbürger благонамѣреннѣйшаго направленія, восторгающійся религіозностью крестьянъ и „отеческой попечительностью“ о нихъ великогерцогскаго начальства вообще, и такой „важной“ мѣрой, какъ устройство кулинарныхъ курсовъ, въ частности,— старается, естественно, замять эти факты, доказать, что никакой „соціальной пропасти“ ни между богатыми и бѣдными, ни между крестьяниномъ и батракомъ, ни между крестьяниномъ и фабричнымъ рабочимъ не существуетъ. „Сословія сельско-хозяйственныхъ *поденщиковъ* не существуетъ, — пишетъ Гехтъ. Большинство крестьянъ въ состояніи сами при помощи семьи обрабатывать свой участокъ; лишь немногіе въ этихъ трехъ деревняхъ испытываютъ нужду въ чужихъ рабочихъ силахъ во время жатвы или для молотьбы; такія семьи „зовутъ на помощь“ („bitten“), по мѣстному выраженію, извѣстныхъ мужчинъ или женщинъ (которые и не думаютъ называть себя „поденщиками“) (31). Что изъ всего числа хозяевъ въ трехъ деревняхъ лишь немногіе нанимаютъ поденщиковъ, это неудивительно, ибо очень многіе „хозяева“ представляютъ изъ себя, какъ увидимъ, фабричныхъ рабочихъ. А какая доля чистыхъ земледѣльцевъ, въ частности, прибѣгаетъ къ найму, Гехтъ не сообщаетъ, предпочитая свою кандидатскую (докторскую, по-нѣмецки) диссертацію, посвященную только тремъ деревнямъ (изъ одной изъ этихъ деревень Гехтъ и самъ родомъ), наполнять не точными статистическими данными о разныхъ разрядахъ крестьянъ, а разсужденіями о высоконравственномъ значеніи прилежанія и бережливости. (Несмотря на это, а, можетъ

быть, именно благодаря этому, Герцъ и Давидъ такъ превозносятъ трудъ Гехта). Мы узнаемъ только, что заработная плата поденщикамъ всего ниже въ самой богатой и чисто-земледѣльческой деревнѣ—Фридрихсталѣ. которая всего дальше отстоитъ отъ Карлсруэ (въ 14 килом.). Въ Фридрихсталѣ поденщикъ получаетъ въ день 2 марки на своемъ содержаніи, въ Гагсфельдѣ (4 килом. отъ Карлсруэ, населенномъ фабричными рабочими) 3 марки. Таково одно изъ условій „процвѣтанія“ столь восхищающихъ критиковъ „настоящихъ мелкихъ крестьянъ“. „Между господами и *прислугой* (Gesinde=и прислуга и батраки),—сообщаетъ намъ Гехтъ,—существуютъ еще совершенно патріархальныя отношенія въ этихъ трехъ деревняхъ. „Господинъ“, т. е. крестьянинъ съ 3—4 гектарами, „тыкаетъ“ батрака и батрачку, называетъ ихъ просто по имени, а они называютъ крестьянина „дядей“ (Vetter), а крестьянку „теткой“ (Base) и говорятъ имъ „вы“... Батраки ѣдятъ вмѣстѣ съ семьей и считаются какъ-бы членами“ (S. 93). О значеніи наемнаго труда въ табаководствѣ, которое такъ широко развито въ этомъ районѣ и которое требуетъ особенно много рабочихъ рукъ, „основательнѣйшій“ Гехтъ хранитъ молчаніе, но такъ какъ онъ все-таки сказалъ хоть пару словъ о наемномъ трудѣ, то даже и этого благонамѣреннаго буржуйчика приходится поставить выше по умѣнью „детализировать“ изслѣдованіе, чѣмъ Ворошиловыхъ „критическаго“ соціализма.

Въ-третьихъ. На изслѣдованіе Гехта ссылались въ опроверженіе факта чрезмѣрной работы и недоѣданія въ крестьянствѣ. И тутъ, однако, оказывается, что критики предпочли *умолчать* о фактахъ этого рода, *отмѣченныхъ* у Гехта. Имъ пришло на помощь то понятіе „средняго крестьянина, посредствомъ котораго такъ распространено прикрашиваніе „крестьянства“ и у русскихъ народниковъ и у западно-европейскихъ буржуазныхъ экономистовъ. „Вообще“ крестьянство этихъ трехъ деревень очень зажиточно, но даже изъ самой неосновательной монографіи Гехта ясно видно, что въ этомъ отношеніи обязательно различать три крупныя группы. Около четверти или 30 проц. хозяевъ (большинство въ Фридрихсталѣ и многіе изъ Бланкенлоха)—зажиточные мелкіе буржуа, разбогатѣвшіе благодаря близости столицы, ведущіе доходное молочное хозяйство (продаютъ 10—20 литровъ молока въ день) и табаководство (одинъ примѣръ: валовая выручка 1825 марокъ съ 1,06 гектара подъ табакомъ), откармливающіе свиней на продажу (въ Фридрихсталѣ 1140 жителей, свиней держатъ 497, въ Бланкенлохѣ на 1684 жит. — 445, въ Гагсфельдѣ на 1273—220) и т. п. Среди этого меньшинства (къ которому, въ сущности, единственно и примѣнимы цѣликомъ восхищающіе критиковъ признаки „процвѣтанія“) употребленіе наемнаго труда несомнѣнно встрѣчается довольно часто. Въ слѣдующей группѣ, къ которой принадлежитъ большинство хозяевъ изъ Бланкенлоха, благосостояніе уже значительно ниже; удобренія употребляется меньше, урожаи менѣе высоки, скота меньше (въ Фридрихсталѣ всего скота, въ переводѣ на крупный, 599 штукъ на 258 ha, въ Бланкенлохѣ — 842 на 736 ha, въ Гагсфельдѣ 324 на 397 ha), „чистые комнаты“ въ домахъ рѣже, мясо ѣдятъ уже далеко не каждый день, наблюдается у многихъ семей такое (знакомое очень намъ, русскимъ) явленіе,

что онѣ изъ нужды въ деньгахъ продаютъ осенью хлѣбъ, а весною опять покупаютъ *). Центръ тяжести передвигается постепенно для этой группы *отъ земледѣлія къ промышленности*, и уже 103 бланкенлохскихъ крестьянина работаютъ въ Карлсруэ, какъ фабричные рабочіе. Эти послѣдніе вмѣстѣ со всѣмъ почти населеніемъ Гагсфельда образуютъ третью группу (40—50 проц. всего числа дворовъ). Земледѣліе здѣсь уже подсобное занятіе, которому посвящаютъ свое время главнымъ образомъ женщины. Уровень жизни хотя и выше, чѣмъ въ Бланкенлохѣ (благодаря вліянію столицы), но нужда уже сильно даетъ себя знать. Молоко продаютъ, а себѣ уже покупаютъ отчасти „болѣе дешевый маргаринъ" (24). Увеличивается быстро число козъ: съ 9 въ 1855 г. до 93 въ 1893 г. „Это увеличеніе,—пишетъ Гехтъ,—можетъ быть объяснено только исчезновеніемъ собственно крестьянскихъ хозяйствъ и разложеніемъ (Auflösung) крестьянскаго сословія въ сословіе сельскихъ фабричныхъ рабочихъ съ сильно парцеллированнымъ землевладѣніемъ" (27). Въ скобкахъ будь сказано, и во всей Германіи число козъ съ 1882 по 1895 г. возросло въ громадныхъ размѣрахъ: съ 2,4 милл. до 3,1 милл., что ясно указываетъ на обратную сторону того прогресса „крѣпкаго крестьянства", который такъ воспѣваютъ гг. Булгаковы и мелкобуржуазные соціалисты—„критики". Большинство рабочихъ пѣшкомъ ходитъ за 3½ килом. на фабрику въ городъ, боясь перерасходовать даже и марку (48 коп.) въ недѣлю на желѣзнодорожный билетъ. Около 150 рабочихъ изъ 300 гагсфельдцевъ находятъ даже дорогимъ для себя обѣдъ въ „народной столовой" за 40 — 50 пфенниговъ и получаютъ обѣдъ изъ дому. „Бѣдные женщины,—сообщаетъ Гехтъ,—ровно въ 11 часовъ кладутъ обѣдъ въ судки и относятъ на фабрику" (79). Что касается работницъ, то онѣ заняты на фабрикѣ тоже по 10 часовъ и получаютъ за это всего 1,10—1,50 марки (мужчины—2,50—2,70 марки), и при поштучной платѣ—1,70—2 марки. Нѣкоторыя работницы стараются повысить свою скудную плату посредствомъ подсобныхъ занятій; въ Бланкенлохѣ 4 дѣвушки работаютъ въ Карлсруэ на бумажной фабрикѣ и берутъ бумагу на домъ, чтобы по вечерамъ изготовить изъ нея бумажныя воронки; въ вечеръ съ 8 до 11 часовъ (sic!) дѣлаютъ до 300 мѣшковъ, получая за это 45 — 50 пф., — добавка къ малому дневному заработку, служащая для покрытія расходовъ на поѣздки по желѣзной дорогѣ. Въ Гагсфельдѣ нѣкоторыя женщины, которыя дѣвушками работали на фабрикахъ, имѣютъ маленькій подсобный заработокъ, полируя въ зимніе вечера серебряные товары" (36). „Гагсфельдскій рабочій, — умиляется Гехтъ, — имѣетъ свою осѣдлость не въ силу имперскаго закона, а благодаря своей собственной энергіи, имѣетъ домикъ, который онъ не долженъ дѣ-

---

*) Между прочимъ, хозяйственную отсталость Бланкенлоха Гехтъ объясняетъ преобладаніемъ натуральнаго хозяйства и *существованіемъ общины*, благодаря которой кусочекъ земли (36 акровъ—(Allmendgut) обезпеченъ, по достиженіи 32 лѣтъ, каждому, ‹лѣнивъ-ли отъ или прилеженъ, дѣлаетъ-ли сбереженія или нѣтъ› (S. 30). Но Гехтъ все-же противъ раздѣла общинныхъ земель: это, говоритъ, своего рода учрежденіе общественнаго призрѣнія (Altersversorgung) для престарѣлыхъ фабричныхъ рабочихъ, число которыхъ растетъ въ Бланкенлохѣ.

лить съ чужими людьми, имѣетъ маленькій кусочекъ земли; но что гораздо важнѣе, чѣмъ это дѣйствительное владѣніе, это — сознаніе, что все это пріобрѣтено собственнымъ прилежаніемъ. Гагсфельдскій рабочій—и фабричный рабочій и крестьянинъ въ одно и то-же время. У кого нѣтъ земли, тотъ арендуетъ хоть нѣсколько парцеллъ, чтобы увеличить свой доходъ посредствомъ *утилизаціи свободныхъ часовъ.* Если лѣтомъ работа начинается на фабрикѣ только („только"!) въ 7 часовъ, рабочій встаетъ въ 4, чтобы окопать на своемъ полѣ картофель или принести корму скоту. Или если вечеромъ онъ приходитъ домой въ 7 часовъ, то что-же ему дѣлать, особенно лѣтомъ? Вотъ онъ и поработаетъ еще часъ-полтора на своемъ полѣ; ему вѣдь не нужна высокая рента съ земли,—онъ хочетъ только вполнѣ (sic!) использовать свою рабочую силу"... И много еще такихъ елейностей говоритъ Гехтъ, заканчивающій свою книгу словами: „Карликовый крестьянинъ и фабричный рабочій—оба (sic!) поднялись до средняго сословія, и это не благодаря искусственнымъ, принудительнымъ мѣрамъ, а благодаря собственному прилежанію, собственной энергіи, выработкѣ въ себѣ высшей нравственности" *).

„Три деревни баденскаго Гарда представляютъ теперь изъ себя *одно великое, широкое среднее сословіе*" (курсивъ Гехта).

Что Гехтъ такъ пишетъ, это неудивительно, ибо онъ—самый дюжинный буржуазный апологетъ. Но какого имени заслуживаютъ тѣ люди, которые морочатъ другихъ, называя себя соціалистами, и которые прикрашиваютъ дѣйствительность еще усерднѣе всякаго Гехта, выдавая процвѣтаніе буржуазнаго меньшинства за общій прогрессъ и замазывая пролетаризацію большинства посредствомъ стараго жупела: „соединеніе земледѣлія съ индустріей"?

VI.

Производительность мелкаго и крупнаго хозяйствъ. Примѣръ изъ восточной Пруссіи.

Перенесемся, для разнообразія, изъ далекой южной Германіи поближе къ Россіи, въ Восточную Пруссію. Мы имѣемъ здѣсь одно въ высшей степени поучительное *детальное* изслѣдованіе, которымъ совершенно не сумѣлъ воспользоваться требовавшій детализаціи г. Булгаковъ. „Сравненіе данныхъ о дѣйствительной производительности крупнаго и мелкаго хозяйствъ,—пишетъ г. Булгаковъ,— не можетъ рѣшить вопроса объ ихъ техническихъ преимуществахъ, потому что сравниваемыя хозяйства могутъ находиться при разныхъ

*) Гехтъ еще очень и очень много говоритъ объ этой „высшей нравственности", восторгаясь не хуже г. Булгакова „трезвой брачной политикой", желѣзнымъ прилежаніемъ", „бережливостью" и „умѣренностью", приводя даже „извѣстную крестьянскую поговорку": Man sieht nicht auf die Goschen (d.h. Mund), sondern auf die Groschen—въ вольномъ русскомъ переводѣ: не такъ норовимъ, чтобы въ ротъ, какъ чтобы въ карманъ Предлагаемъ читателю сопоставить эту поговорку съ „ученіемъ" кіевскаго профессора г. Булгакова, что крестьянское хозяйство (какъ не нуждающееся ни въ рентѣ, ни въ прибыли)—есть самая выгодная для общества (sic!) организація земледѣлія" (Булг., I, 154).

экономическихъ условіяхъ. Самое большее, что могутъ дать такія данныя, это фактическое подтвержденіе того отрицательнаго вывода, что крупное производство не имѣетъ техническихъ преимуществъ предъ мелкимъ не только въ теоріи, но при извѣстныхъ условіяхъ и въ дѣйствительности. Такихъ сравненій дѣлалось въ экономической литературѣ не мало, во всякомъ случаѣ достаточно для того, чтобы подорвать въ непредубѣжденномъ и свободномъ отъ предразсудковъ читателѣ вѣру въ преимущество крупнаго производства вообще" (I, 58). И въ примѣчаніи приводятся два примѣра. Первый—та самая работа Аугагена,—сравнивавшаго всего два хозяйства въ 4,6 и 26,5 ha въ Ганноверѣ,—которую цитировалъ и Каутскій въ „Agrarfrage" (S. 111) и Герцъ (S. 69 р. п. 168). Мелкое хозяйство въ этомъ случаѣ показываетъ болѣе высокіе урожаи, и Аугагенъ опредѣлилъ въ немъ высшую доходность противъ крупнаго, но Каутскій показалъ уже, что эта высшая доходность проистекаетъ изъ *недопотребленія*. Герцъ пробовалъ опровергнуть это, но съ обычнымъ своимъ успѣхомъ, и такъ какъ Герцъ теперь переведенъ на русскій языкъ, а отвѣтъ Каутскаго Герцу неизвѣстенъ въ Россіи, то мы укажемъ въ двухъ словахъ на содержаніе этого отвѣта (въ цитированной выше статьѣ въ „Neue Zeit") Герцъ, по обыкновенію, извратилъ доводъ Каутскаго, ссылавшагося будто-бы только на содержаніе крупнымъ хозяиномъ сына въ гимназіи. На дѣлѣ же Каутскій только иллюстрировалъ этимъ уровень жизни, и если бы Герцъ привелъ *весь бюджетъ* сравниваемыхъ семей (обѣ состоятъ изъ 5 человѣкъ), то получилъ-бы цифры: для мелкаго—1158,40 марокъ, для крупнаго—2739,25. При *одинаковомъ* уровнѣ жизни съ крупнымъ хозяиномъ мелкое оказалось бы *менѣе* доходнымъ; по разсчету Аугагена, доходъ мелкаго = 1.806 м., т. е. 5,45% на капиталъ (33,651 м.), а крупнаго—2,720 м.—1,82% на капиталъ (149.559 м.) Вычтите недопотребляемое мелкимъ, и его доходъ окажется равнымъ 258 м.—0,80%! И это при количествѣ труда непропорціонально высокомъ: въ мелкомъ 3 работника на 4,6 гектара, т. е. по одному работнику на 1,5 гект., въ крупномъ—11 (ср. Герцъ S. 75, р. п. 179) на 26,5 г., т. е. по 1 работнику на 2,4 гектара. Мы уже не говоримъ о томъ справедливо осмѣянномъ Каутскимъ обстоятельствѣ, что, якобы соціалистъ, Герцъ сравниваетъ трудъ дѣтей современнаго крестьянина со сборомъ колосьевъ Руфью! Что касается г. Булгакова, то онъ ограничился только сообщеніемъ данныхъ объ урожайности и *не заикнулся* объ уровнѣ жизни мелкаго и крупнаго хозяевъ.

„Другой примѣръ,—продолжаетъ нашъ сторонникъ детализаціи,—находимъ въ новѣйшемъ изслѣдованіи *Karl Klawki*: „Ueber Konkurrenzfähigkeit des landwirtschaftlichen Kleinbetriebs" въ (Thiel's Landwirtschaftliche Jahrbücher, 1899, Heft 3—4). Его сравненіе относится къ восточной Пруссіи. Авторъ сравниваетъ по 4 хозяйства — крупныхъ, среднихъ и мелкихъ размѣровъ. Особенностью его сравненія является то, что, во-первыхъ, доходы и расходы выражены въ деньгахъ, а затѣмъ, что авторъ переводитъ на деньги и ставитъ въ расходъ стоимость рабочей силы въ мелкомъ хозяйствѣ, гдѣ она не покупается; для нашей цѣли такой пріемъ едва ли правиленъ" (sic! Г. Булгаковъ забываетъ добавить, что Klawki переводитъ на деньги сто-

имость труда во *всѣхъ* хозяйствахъ, оцѣнивая трудъ мелкаго заранѣе дешевле!); „тѣмъ не менѣе мы имѣемъ“... Слѣдуетъ таблица, изъ которой мы теперь приведемъ лишь выводъ: средняя чистая прибыль съ одного моргена (=¼ гектара) въ крупномъ хозяйствѣ—10 марокъ, въ среднемъ—18, въ мелкомъ—12. „Наибольшей доходностью,—заключаетъ г. Булгаковъ,—отличается здѣсь среднее хозяйство, за нимъ слѣдуетъ мелкое и за нимъ крупное, которое оказывается, такимъ образомъ, позади всѣхъ“.

Мы нарочно выписали *цѣликомъ* все, что говоритъ г. Булгаковъ о сравненіи крупныхъ и мелкихъ хозяйствъ. Теперь разсмотримъ, что доказываетъ интересная работа Klawki, описывающая 12 типичныхъ и въ одинаковыхъ условіяхъ стоящихъ хозяйствъ на протяженіи цѣлыхъ 120 стр. Приведемъ сначала общія данныя о хозяйствахъ, причемъ ограничимся для экономіи мѣста и наглядности выводовъ, *средними* данными о крупномъ, среднемъ и мелкомъ хозяйствахъ (средній размѣръ—358,50 и 5 гектаровъ).

	Приходится на 1 моргенъ (¼ гектатра) въ маркахъ:												*)Расходъ на продуктъ цѣной въ 100 марокъ.		На 100 моргеновъ.	
	всего дохода			Дохода отъ продажи продуктовъ.			потребленія въ собствен. хоз. продук.			Всего.			Марокъ.			
Хозяйства:	Отъ земледѣлія.	Отъ скотоводства.	Всего.	Земледѣлія.	Скотоводства.	Всего.	Землед.	Скотов.	Всего.	Дохода.	Расхода.	Чист. приб.	a	b	Наемныхъ рабочихъ дней.	Всего рабочихъ дней.
Крупное.	17	16	33	11	14	25	6	2	8	33	23	10	65	70	887	887
Среднее.	18	27	45	12	17	29	6	10	16	45	27	18	35	60	744	924
Мелкое.	23	41	64	9	27	36	14	14	28	64	52	12	8	80	—	—

Какъ будто *всѣ* выводы г. Булгакова всецѣло подтверждаются работой Klawki: съ уменьшеніемъ размѣровъ хозяйства увеличивается и валовой доходъ и даже доходъ отъ продажи по разсчету на одинъ моргенъ! Мы думаемъ, что при тѣхъ пріемахъ, которые употребляетъ Klawki,—а эти пріемы весьма распространенные и въ основныхъ своихъ чертахъ общіе всѣмъ буржуазнымъ и мелкобуржуазнымъ экономистамъ,—во всѣхъ или почти во всѣхъ случаяхъ получится превосходство мелкаго земледѣлія. Поэтому *вся суть вопроса*, совершенно не замѣчаемая Ворошиловыми, состоитъ *въ разборѣ этихъ пріемовъ*, и поэтому-то частичное изслѣдованіе Klawki представляетъ громадный общій интересъ.

---

*) a=если не переводить на деньги стоимость рабочей силы хозяина и его семьи; b = если переводить.

Начнемъ съ урожаевъ. Оказывается, урожаи громаднаго большинства злаковъ правильно и очень значительно *понижаются* отъ крупныхъ хозяйствъ къ мелкимъ. Собирается (въ центнерахъ съ моргена) пшеницы: $8,_{7}$—$7,_{3}$—$6,_{4}$; ржи: $9,_{9}$—$8,_{7}$—$7,_{7}$; ячменя: $9,_{4}$—$7,_{1}$—$6,_{5}$; овса: $8,_{5}$—$8,_{7}$—$8,_{0}$; гороха: $8,_{0}$—$7,_{7}$—$9,_{2}$ *); картофеля: 63—55—42; кормовой свеклы: 190—156—117. Только льну, котораго крупныя хозяйства не сѣютъ вовсе, мелкія хозяйства (3 изъ 4) собираютъ больше, чѣмъ средніе (2 изъ 4), именно $6,_{2}$ „Stein"(=18½ фунтовъ) противъ $5,_{5}$.

Отчего же зависитъ болѣе высокая урожайность въ крупныхъ хозяйствахъ? Klawki придаетъ рѣшающее значеніе четыремъ слѣдующимъ причинамъ: 1) дренажа почти не существуетъ у мелкихъ хозяевъ, а когда онъ имѣется, то трубы кладутъ хозяева сами и кладутъ плохо; 2) мелкіе хозяева пашутъ недостаточно глубоко—слабы лошади; 3) рогатый скотъ у мелкихъ хозяевъ имѣетъ большей частью недостаточно корма; 4) производство навоза у мелкихъ хозяевъ хуже: солома у ихъ хлѣбовъ короче, большая часть соломы идетъ на кормъ скоту (значитъ, опять таки, ухудшеніе качества корма), и на подстилку скоту употребляется меньше соломы.

Итакъ, скотъ у мелкихъ хозяевъ слабѣе, хуже качествомъ и хуже содержится. Это обстоятельство объясняетъ намъ то странное и больше всего бросающееся въ глаза явленіе, что при болѣе высокой урожайности въ крупныхъ хозяйствахъ доходъ отъ земледѣлія оказывается въ нихъ по разсчету Klawki меньше на 1 моргенъ, чѣмъ въ среднихъ и мелкихъ. Дѣло въ томъ, что Klawki *исключаетъ кормъ скота*, не считая его ни въ доходахъ, ни въ расходахъ. Такимъ образомъ искуственно и фальшиво приравнено то, что на самомъ дѣлѣ создаетъ существенную разницу между крупными и мелкими хозяйствами и разницу не въ пользу послѣднихъ. Крупное хозяйство оказывается, при такомъ способѣ вычисленія, менѣе доходнымъ *потому*, что оно большую долю сельско-хозяйственной площади занимаетъ производствомъ корма для скота (хотя на единицу площади оно держитъ гораздо меньше скота, чѣмъ мелкое), тогда какъ мелкое хозяйство „обходится" соломой въ видѣ корма. „Преимущество" мелкаго земледѣлія состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что оно *хищнически обращается* и съ землей (хуже удобреніе), и со *скотомъ* (хуже кормъ). Разумѣется само собой, что подобное сравненіе доходности различныхъ хозяйствъ лишено всякаго научнаго значенія **).

Далѣе, изъ числа причинъ высшей урожайности земли въ крупныхъ хозяйствахъ надо указать то, что они чаще (и, повидимому,

---

*) Сѣется только въ двухъ хозяйствахъ изъ 4-хъ: въ крупномъ и среднемъ—по три хозяйства изъ 4-хъ сѣютъ горохъ.

**) Слѣдуетъ отмѣтить, что подобное фальшивое приравниваніе завѣдомо неравныхъ величинъ въ мелкомъ и крупномъ хозяйствахъ имѣетъ мѣсто не только въ отдѣльныхъ монографіяхъ, но и въ массовыхъ данныхъ современной аграрной статистики. И французская, и нѣмецкая статистика оперируетъ съ „среднимъ" живымъ вѣсомъ, съ „средней" цѣной штуки скота во всѣхъ и всяческихъ хозяйствахъ. Нѣмецкая статистика опредѣляетъ даже по этому пріему общую стоимость всего количества скота въ разныхъ группахъ хозяевъ (по величинѣ площадей), причемъ однако-же дѣлается оговорка, что предположеніе одинаковой цѣнности штуки скота въ разныхъ группахъ хозяйствъ „не соотвѣтствуетъ дѣйствительности" (S. 35).

даже почти исключительно) примѣняютъ мергелеванiе почвы, больше употребляютъ искусственныхъ удобренiй (расходъ на 1 моргенъ 0,81 марки—0,38—0,43) и Kraftfuttermittel (въ крупныхъ — 2 марки на моргенъ, въ остальныхъ—ноль). „Наши крестьянскiя хозяйства, — говоритъ Klawki, относящiй къ крупнокрестьянскимъ и среднiя хозяйства, — не расходуютъ ничего на Kraftfuttermittel. Они туго поддаются прогрессу и особенно скупятся на расходы чистыми деньгами“ (461). Крупныя хозяйства стоятъ выше и по системѣ полеводства: улучшенный плодоперемѣнъ мы видимъ во всѣхъ 4-хъ крупныхъ хозяйствахъ, въ 3-хъ среднихъ (въ 1—старое трехполье) и только въ одномъ мелкомъ (въ 3-хъ—трехполье). Наконецъ, и машинъ крупные хозяева имѣютъ гораздо больше. Правда, самъ Klawki держится того мнѣнiя, что машины особенно большого значенiя не имѣютъ. Но мы не ограничимся его „мнѣнiемъ“, а возьмемъ выборки изъ данныхъ. Машины слѣдующихъ восьми родовъ — паровыя молотилки, конныя молотилки, зерноочистительныя машины, трiеры, рядовыя сѣялки, машины для разбрасыванiя навоза, конныя грабли и крутые катки— распредѣляются между описываемыми хозяйствами такъ: у 4-хъ крупныхъ—29 (въ томъ числѣ 1 паровая—молотилка), у 4-хъ среднихъ—11 (ни одной паровой), у 4-хъ мелкихъ—1 машина (конная молотилка). Конечно, никакое „мнѣнiе“ никакого поклонника крестьянскаго хозяйства не можетъ насъ заставить думать, что зерноочистительныя машины, рядовыя сѣялки, катки и пр. могутъ не оказывать влiянiя на урожайность. Кстати, мы имѣемъ здѣсь данныя о числѣ машинъ, находящихся во владѣнiи такихъ-то хозяевъ, въ отличiе отъ массовыхъ данныхъ германской статистики, регистрировавшей только случаи употребленiя машинъ, — и своихъ, и чужихъ безразлично. Очевидно, что такая регистрацiя тоже уменьшаетъ преобладанiе крупнаго хозяйства и затушевываетъ слѣдующiя, описываемыя Klawki, формы „позаимствованiя“ машинъ: „Крупный хозяинъ охотно ссужаетъ мелкому свой катокъ, свои конныя грабли и зерноочистительную машину, если послѣднiй обѣщаетъ ему за это поставить косца въ горячее время“ (443). Слѣдовательно, извѣстное число — и безъ того, какъ мы показали, крайне рѣдкихъ — случаевъ употребленiя машинъ въ мелкомъ хозяйствѣ представляетъ изъ себя превращенную форму прiобрѣтенiя рабочей силы.

Пойдемъ далѣе. Другой случай фальшиваго приравниванiя завѣдомо неравныхъ величинъ представляетъ прiемъ Klawki считать цѣну продукта при продажѣ одинаковой во всѣхъ разрядахъ хозяйствъ. Вмѣсто дѣйствительныхъ случаевъ продажи, авторъ беретъ въ основанiе своихъ разсчетовъ предположенiе, на невѣрность котораго онъ самъ указываетъ. Крестьяне сбываютъ хлѣбъ большей частью на мѣстѣ и торговцы въ маленькихъ городахъ сильно понижаютъ цѣны. „Крупныя имѣнiя лучше поставлены въ этомъ отношенiи, такъ какъ они могутъ сразу отправлять крупныя партiи въ главный городъ провинцiи. Они получаютъ при этомъ обыкновенно 20—30 пр. на центнеръ больше, чѣмъ при продажѣ въ маленькихъ городахъ“ (373). Крупные хозяева лучше умѣютъ оцѣнивать свой хлѣбъ (451) и продаютъ его по вѣсу, а не мѣрами, какъ продаютъ крестьяне къ невыгодѣ для себя. Точно также по вѣсу продаютъ крупные хозяева и

скотъ, тогда какъ у крестьянъ покупаютъ просто на основанiи внѣшняго осмотра. Сбытъ молочныхъ продуктовъ тоже поставленъ у крупныхъ хозяевъ лучше, ибо они могутъ отправлять молоко въ городъ и получать высшiя цѣны, чѣмъ среднiе хозяева, которые передѣлываютъ молоко въ масло и сбываютъ торговцамъ. Въ свою очередь у среднихъ—масло лучше, чѣмъ у мелкихъ (примѣненiе сепараторовъ, ежедневное изготовленiе и т. п.), которымъ и платятъ на 5—10 пф. меньше за фунтъ. Откармливаемый на продажу скотъ мелкiе хозяева должны продавать раньше (менѣе зрѣлымъ), чѣмъ среднiе, ибо у нихъ не хватаетъ корма (444). Всѣ эти—въ общей сложности очень и очень немаловажныя — преимущества крупнаго хозяйства, какъ продавца на рынкѣ, Klawki сбрасываетъ со счета въ своей монографiи,—подобно тому, какъ поклонники мелкаго хозяйства изъ числа теоретиковъ отбрасываютъ этотъ *фактъ*, ссылаясь на *возможность* помочь дѣлу кооперацiей. Мы не желаемъ смѣшивать дѣйствительность капитализма съ возможностями мѣщански-кооперативнаго парадиза: ниже мы приведемъ *факты* о томъ, кому достаются въ дѣйствительности наибольшiя выгоды отъ коопeрацiй.

Отмѣтимъ, что Klawki „не считаетъ“ въ мелкомъ и среднемъ хозяйствахъ труда самихъ хозяевъ по дренированiю почвы, по ремонту всякаго рода („крестьяне сами работаютъ“) и т. п. Это „преимущество“ мелкаго хозяина соцiалистъ называетъ Ueber-arbeit, чрезмѣрнымъ трудомъ, перерабатываньемъ, а буржуазный экономистъ—одной изъ выгодныхъ („для *общества*“!) сторонъ крестьянскаго хозяйства. Отмѣтимъ, что въ среднихъ хозяйствахъ, по указанiю Klawki, наемные рабочiе получаютъ лучшую плату и харчи, чѣмъ въ крупныхъ, но и работаютъ интенсивнѣе: „примѣръ“ хозяина побуждаетъ къ „большему прилежанiю и тщательности“ (465). Кто же изъ этихъ двухъ капиталистическихъ хозяевъ, помѣщикъ или „свой братъ“ крестьянинъ выжимаетъ изъ рабочаго больше труда за данную плату,—Klawki не пытается опредѣлить. Мы ограничимся, поэтому, указанiемъ на то, что расходъ на страхованiе рабочихъ отъ увѣчiй и на случай старости составляетъ для крупнаго хозяина 0,29 марки на моргенъ, для средняго — 0,13 марки (мелкiй земледѣлецъ и здѣсь пользуется тѣмъ преимуществомъ, что вовсе себя не страхуетъ,—разумѣется, къ немалой „выгодѣ общества“ капиталистовъ и помѣщиковъ),—и затѣмъ еще ссылкой на примѣръ русскаго земледѣльческаго капитализма. Читатель, знакомый съ книгою Шаховского „Отхожiе земледѣльческiе промыслы“, помнитъ, можетъ-быть, такое характерное наблюденiе: мужики—хуторяне и нѣмцы—колонисты (на югѣ) отбираютъ себѣ рабочихъ „на выборъ“, платятъ имъ на 15—20% дороже, чѣмъ крупные наниматели, и выжимаютъ изъ нихъ на 50% больше работы. Это сообщалъ г. Шаховской въ 1896 г., а въ нынѣшнемъ году мы читаемъ, напр., въ „Торгово-промышленной Газетѣ“ такое сообщенiе изъ Каховки: „...Крестьяне и хуторяне по обычаю платили дороже (чѣмъ экономiи платили наемнымъ рабочимъ), такъ какъ требуютъ лучшихъ рабочихъ и болѣе выносливыхъ“ (№ 109, 1901 года, отъ 6 мая). Врядъ ли есть основанiя думать, что подобное явленiе свойственно одной только Россiи.

Въ приведенной выше таблицѣ читатель замѣтилъ два прiема разсчета: включая и не включая денежную оцѣнку рабочей силы

хозяина. Г. Булгаковъ считаетъ пріемъ включенія оцѣнки „едва-ли правильнымъ". Разумѣется, точный бюджетъ натуральныхъ и денежныхъ расходовъ и хозяевъ, и батраковъ былъ бы гораздо правильнѣе, но разъ такихъ данныхъ нѣтъ, то приходится неизбѣжно опредѣлять денежные расходы семьи *приблизительно*. И вотъ чрезвычайно интересно, *какъ* Klawki дѣлаетъ этотъ приблизительный разсчетъ. Крупные хозяева сами, конечно, не работаютъ: они имѣютъ даже особыхъ управляющихъ, исполняющихъ за плату весь трудъ по руководству и надзору (изъ четырехъ имѣній три съ управляющими, одно — безъ управляющаго; это послѣднее имѣніе въ 125 ha Klawki считалъ бы болѣе правильнымъ называть крупно-крестьянскимъ имѣніемъ). Хозяевамъ двухъ крупныхъ имѣній Klawki „кладетъ" по 2000 марокъ въ годъ „за труды" (состоящіе, напр., въ имѣніи первомъ въ томъ, что хозяинъ пріѣзжаетъ изъ своего главнаго имѣнія разъ въ мѣсяцъ на нѣсколько дней, чтобы присмотрѣть за управляющимъ). Владѣльцу 125 ha (у перваго 513 ha) онъ уже „кладетъ" только 1.900 марокъ за работу самого хозяина и трехъ его сыновей. Развѣ не „естественно", что при меньшемъ количествѣ земли долженъ „обходиться" меньшимъ бюджетомъ? Среднимъ хозяевамъ Klawki кладетъ уже 1.200—1.716 марокъ за всю работу мужа и жены, а въ трехъ случаяхъ также и дѣтей. Мелкимъ хозяевамъ — по 800—1.000 марокъ за работу 4—5 (sic!) человѣкъ, т. е. немногимъ больше (если больше), чѣмъ получаетъ батракъ инстманъ, зарабатывающій съ семьей всего на 800—900 марокъ. Итакъ, здѣсь уже дѣлается еще крупный шагъ впередъ: сначала приравнивалось завѣдомо неравное, теперь объявляется, что уровень жизни *долженъ* понижаться отъ крупнаго хозяйства къ мелкому. Вѣдь это значитъ заранѣе признать тотъ фактъ приниженія капитализмомъ мелкаго крестьянина, который якобы опровергается выкладками о размѣрахъ „чистой прибыли"!

И если денежный доходъ понижается съ уменьшеніемъ размѣровъ хозяйства по *предположенію* автора, то сокращеніе потребленія доказывается прямыми данными. Количество потребляемыхъ въ хозяйствѣ продуктовъ земледѣлія составляетъ на одного человѣка (считая двоихъ дѣтей за одного взрослаго): у крупнаго хозяина — 227 марокъ (среднее изъ двухъ цифръ), у средняго—218 марокъ (среднее изъ четырехъ цифръ), у мелкаго—135 (sic!) марокъ (ср. изъ 4-хъ цифръ). И притомъ чѣмъ крупнѣе хозяйство, тѣмъ больше прикупается предметовъ питанія (S. 453). Klawki и самъ замѣтилъ, что тутъ приходится поставить вопросъ о той Unterkonsumtion (недопотребленіе), которое г. Булгаковъ отрицалъ и о которомъ онъ здѣсь предпочелъ *умолчать*, оказываясь еще большимъ апологетомъ, чѣмъ Klawki. А Klawki старается ослабить этотъ фактъ. „Имѣетъ ли мѣсто извѣстное недопотребленіе у мелкихъ хозяевъ,—говоритъ онъ,—этого мы не можемъ утверждать, но считаемъ это вѣроятнымъ по отношенію къ мелкому хозяйству IV" (97 марокъ на душу). „Фактъ тотъ, что мелкіе крестьяне живутъ очень бережливо (!) и продаютъ многое такое, что они сберегаютъ у себя, такъ сказать, ото рта" (sich sozusagen vom Munde absparen) *). Дѣлается попытка доказать, что высшей „произ-

*) Интересно, напр., что доходъ отъ продажи молока и масла въ крупномъ хозяйствѣ равняется 7 маркамъ на моргенъ, въ среднемъ—3, *въ мелкомъ—7*. Дѣло въ томъ, что мелкіе крестьяне въ своемъ хозяйствѣ „очень мало упо-

видительности“ мелкаго хозяйства этотъ фактъ не устраняетъ: если поднять потребленіе до 170 марокъ—сумма вполнѣ достаточная (для „меньшого брата“, но не для капиталиста-земледѣльца, какъ мы видимъ), — то получимъ, что на 1 моргенъ надо бы увеличить потребленіе и уменьшить доходъ отъ продажи на 6—7 марокъ. За вычетомъ ихъ получимъ (см. выше табличку) 29—30 марокъ, т. е. все же выше, чѣмъ въ крупномъ хозяйствѣ (S. 453). Но если мы поднимемъ потребленіе не до этой на глазъ взятой цифры (и притомъ взятой пониже, ибо „ёнъ достанетъ“), а до 218 марокъ (=дѣйствительность въ среднемъ хозяйствѣ), то увидимъ, что доходъ отъ продажи продуктовъ упадетъ въ мелкомъ хозяйствѣ до *20 марокъ* на моргенъ противъ 29 при среднемъ и 25 при крупномъ хозяйствѣ. То-есть: исправленіе *одной этой* (изъ многочисленныхъ указанныхъ выше) неправильностей въ сопоставленіяхъ Klawki разрушаетъ уже *всякое* „преимущество“ мелкаго крестьянина.

Но въ изыскиваніяхъ преимуществъ Klavki неистощимъ. Мелкіе крестьяне „соединяютъ замледѣліе съ промыслами“: трое мелкихъ крестьянъ (изъ 4-хъ) „прилежно ходятъ на поденщину, получая кромѣ платы и харчи“ (435). Но особенно велики преимущества мелкаго земледѣлія во время кризиса (какъ русскимъ читателямъ давно уже извѣстно изъ многочисленныхъ народническихъ упражненій на эту тему, подогрѣваемыхъ теперь гг. Черновыми): „Во время сельско-хозяйственнаго кризиса, да также и въ другое время, именно мелкое хозяйство будетъ обладать наибольшей прочностью, будетъ въ состояніи сбывать сравнительно больше продуктовъ, чѣмъ другіе разряды хозяйствъ, посредствомъ крайняго сокращенія домашнихъ расходовъ, каковое сокращеніе должно, правда, вести къ нѣкоторому недопотребленію“ (481 — послѣдніе выводы Klawki, ср. 464). „Многія мелкія хозяйства принуждаются, къ сожалѣнію, къ этому высокимъ размѣромъ процентовъ по долгамъ. Но такимъ образомъ—хотя и съ большимъ трудомъ — они получаютъ возможность держаться и перебиваться. Вѣроятно, именно сильнымъ сокращеніемъ потребленія объясняется главнымъ образомъ то увеличеніе мелко-крестьянскихъ хозяйствъ въ нашей мѣстности, которое констатируетъ имперская статистика“. И Klawki приводитъ данныя о кенигсбергскомъ регирунгсбециркѣ, въ которомъ съ 1882 по 1895 г. число хозяйствъ до 2 ha возросло съ 56 до 79 тыс., въ 2—5 ha—съ 12 до 14 тыс., въ 5—20 ha съ 16 до 19 тыс. Это—та самая восточная Пруссія, въ которой гг. Булгаковы усматриваютъ „вытѣсненіе“ крупнаго производства мелкимъ. И подобные господа, которые такъ по суздальски толкуютъ цифры голой статистики площадей, кричатъ еще о „детализаціи“! Вполнѣ естественно, что Klawki считаетъ „важнѣйшей задачей совре-

---

требляютъ масла и цѣльнаго молока... а мелкое хозяйство IV (расходъ производимыхъ въ хозяйствѣ продуктовъ на потребленіе равенъ лишь 97 маркамъ на человѣка) и вовсе не употребляетъ“ (450). Пусть читатель сопоставитъ съ этимъ (впрочемъ, всѣмъ, кромѣ „критиковъ“, давно извѣстнымъ) фактомъ великолѣпныя разсужденія Герца (S. 113, р. п. 270): „Да развѣ крестьянинъ ничего не получаетъ за молоко?“ „Не крестянинъ ли ѣстъ свинью?“ (откармливаемую молокомъ). Эти изрѣченія надо почаще напоминать, какъ непревзойденный образецъ самаго вульгарнаго прикрашиванія нищеты.

менной аграрной политики для разрѣшенія вопроса о сельскихъ рабочихъ на востокѣ—поощрить наиболѣе дѣльныхъ рабочихъ къ осѣдлости посредствомъ доставленія имъ возможности, если не въ первомъ, то хотя-бы во второмъ (sic!) поколѣніи пріобрѣсти кусочекъ земли въ собственность“ (476). Не бѣда, что инстманы, которые покупаютъ себѣ кусочекъ земли изъ своихъ сбереженій, „оказываются большей частью въ худшемъ положеніи въ денежномъ отношеніи: они это и сами знаютъ, но ихъ приманиваетъ болѣе свободное положеніе“,—и вся задача буржуазной экономіи (а въ настоящее время, повидимому, также и „критиковъ“) поддерживать въ самой отсталой части пролетаріата эти иллюзіи.

Такимъ образомъ изслѣдованіе Klawki по всѣмъ пунктамъ опровергаетъ ссылавшагося на него г. Булгакова. Оно доказываетъ техническое превосходство крупнаго хозяйства въ земледѣліи, чрезмѣрный трудъ и недоѣданіе мелкаго крестьянства, превращенье его въ батрака и поденщика для помѣщика, доказываетъ связь роста числа мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ съ ростомъ нужды и пролетаризаціи. Два вывода изъ этого изслѣдованія имѣютъ особенно важное принципіальное значеніе. Во-первыхъ, мы видимъ наглядно препятствія къ введенію машинъ въ земледѣліи: это—безконечное приниженіе мелкаго земледѣльца, готоваго „не считать“ своего труда, дѣлающаго для капиталиста ручной трудъ болѣе дешевымъ, чѣмъ машинный. Вопреки утвержденіямъ г. Булгакова, факты вполнѣ доказываютъ *полную аналогію* между положеніемъ мелкаго крестьянина въ земледѣліи и кустаря въ промышленности при капиталистическихъ порядкахъ. Вопреки утвержденіямъ г. Булгакова, мы видимъ въ земледѣліи еще болѣе широкое приниженіе потребностей и усиленіе интенсивности труда, какъ орудіе въ конкурренціи съ крупнымъ производствомъ. Во-вторыхъ, по отношенію ко всѣмъ и всякимъ сравненіямъ доходности мелкихъ и крупныхъ хозяйствъ въ земледѣліи мы должны разъ навсегда признать абсолютно негодными и вульгарно-апологетическими выводы, игнорирующіе три обстоятельства: 1) Какъ питается, какъ живетъ и какъ работаетъ *земледѣлецъ*? 2) Какъ содержится и какъ работаетъ *скотъ*? 3) Какъ удобряется и раціонально-ли эксплоатируется *земля*? Мелкое земледѣліе держится всяческимъ хищничествомъ: расхищеніемъ труда и жизненныхъ силъ земледѣльца, расхищеніемъ силъ и качествъ скота, расхищеніемъ производительныхъ силъ земли, а потому всякое изслѣдованіе, не принимающее всестторонне во вниманіе всѣ эти обстоятельства, представляетъ изъ себя просто рядъ буржуазныхъ софизмовъ *).

---

*) Leo Huschke въ своей работѣ: «Landwirtschaftliche Reinertrags-Berechnungen bei Klein-, Mittel- und Grossbetrieb dargelegt an typischen Beispielen Mittelthüringens (Jena 1902, Gustav Fischer) указываетъ справедливо, что „можно посредствомъ одного только уменьшенія“ оцѣнки рабочей силы мелкаго земледѣльца получать такое вычисленіе, которое докажетъ его превосходство по отношенію къ среднему и крупному хозяйству и его способность конкуррировать съ ними (S. 126). Къ сожалѣнію, авторъ не додумалъ до конца этой мысли и потому не привелъ въ своей книгѣ систематическихъ данныхъ о содержаніи скота, объ удобреніи земли, о содержаніи земледѣльцевъ въ разныхъ хозяйствахъ. Мы надѣемся вернуться еще къ интересной книгѣ г. Гушкэ. Пока

Неудивительно, поэтому, что именно „теорія“ чрезмѣрнаго труда и недостаточнаго потребленія мелкихъ крестьянъ въ современномъ обществѣ вызвала особенно ожесточенныя нападки гг. критиковъ. Булгаковъ еще въ журналѣ „Начало“ „брался“ (№ 1, с. 10) привести сколько угодно „цитатъ“, доказывающихъ противоположное тому, что утверждалъ Каутскій. Изъ изслѣдованія Союза соціальной политики „Bäuerliche Zustände“ („Положеніе крестьянъ“)—повторяетъ г. Булгаковъ въ своей книгѣ—„Каутскій, въ своей попыткѣ гальванизировать трупъ (sic!) устарѣлой догмы выбралъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о вполнѣ понятной для даннаго момента угнетенности крестьянскаго хозяйства; пусть убѣдится, что тамъ можно найти свидѣтельства и нѣсколько иного характера“ (II, 282). Попробуемъ-же „убѣдиться“ и провѣрить „цитаты“ строгаго ученаго, который отчасти просто повторяетъ цитаты Герца (S. 77, р. пер. 183).

„Изъ Эйзенаха свидѣтельствуютъ объ улучшеніи скотоводства, удобренія, употребленіи машинъ и вообще прогрессѣ сельско-хозяйственнаго производства..“ Открываемъ статью объ Эйзенахѣ („Bäuer. Zust.“, I. B.). Положеніе владѣльцевъ менѣе 5 ha (а таковыхъ въ описываемомъ районѣ 887 изъ 1116) „въ общемъ мало благопріятно“ (66). „Поскольку они имѣютъ заработки у крупныхъ хозяевъ въ качествѣ жнецовъ, поденщиковъ и пр., ихъ положеніе сравнительно благопріятное“ (67)... Въ общемъ за 20-ти-лѣтіе—существенный техническій прогрессъ, но „еще многаго остается желать, въ особенности по отношенію къ болѣе мелкимъ хозяйствамъ“ (72)... „болѣе мелкіе хозяева употребляютъ отчасти для полевыхъ работъ слабосильныхъ коровъ“... Подсобные заработки: лѣсныя работы, возка дровъ; послѣдняя „отвлекаетъ отъ земледѣлія“, ведетъ къ „пониженію благосостоянія“ (69)... Лѣсныя работы тоже не даютъ достаточнаго заработка. Въ нѣкоторыхъ районахъ мелкіе землевладѣльцы (Grundstücksbesitzer) занимаются ткачествомъ, которое плохо (leidlich) оплачивается. Въ единичныхъ случаяхъ — кустарная выдѣлка сигаръ. Въ общемъ существуетъ недостатокъ въ подсобныхъ заработкахъ“ (73)... И авторъ Oekonomie-Commissar Dittenberger кончаетъ замѣчаніемъ, что крестьяне при ихъ „простой жизни“ и „скромныхъ потребностяхъ“ сильны и здоровы, что даже „удивительно при мало питательной пищѣ бѣднѣйшаго класса, у котораго картофель составляетъ главную составную часть пищи“ (74)...

Вотъ какъ опровергаютъ „ученые“ Ворошиловы „застарѣлый марксистскій предразсудокъ, будто-бы крестьянское хозяйство неспособно къ техническому прогрессу“!

„...О королевствѣ Саксоніи генеральный секретарь Лангедорфъ говоритъ, что въ цѣлыхъ округахъ, въ особенности-же въ болѣе пло-

---

же отмѣтимъ лишь его указанія на то, что мелкое хозяйство выручаетъ низкія цѣны на продукты по сравненію съ крупнымъ (S. S. 146, 155), и его выводъ: „мелкое и среднее хозяйство стремилось преодолѣть кризисъ, наступившій послѣ 1892 г. (пониженіе цѣнъ на с.-х. продукты) посредствомъ возможно большаго сокращенія денежныхъ расходовъ, а крупное хозяйство—посредствомъ повышенія урожаевъ путемъ повышенія издержекъ на хозяйство“ (S. 144). Расходы на сѣмена, корма, удобреніе уменьшились съ 1887/91 по 1893/97 гг. въ мелкомъ и среднемъ хозяйствѣ, увеличились въ крупномъ. Въ мелкомъ эти расходы составляютъ 17 марокъ на 1 ha, въ крупномъ 44 марки. (Примѣч. къ настоящему изд.).

дородныхъ мѣстностяхъ. между крупными и мелкими имѣніями врядъ-ли ужъ существуетъ разница по интенсивности хозяйства". Такъ опровергаетъ Каутскаго Ворошиловъ австрійскій (Герцъ, S. 77, p. п. 183) и вслѣдъ за нимъ повторяетъ Ворошиловъ русскій (Булгаковъ, II, 282 со ссылкой на „Bäuerl. Zust". I, 222). Открываемъ 222-ую страницу приводимаго критиками источника и читаемъ непосредственно вслѣдъ за приведенными Герцомъ словами: „Такая разница болѣе замѣтна въ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ болѣе крупныя имѣнія хозяйничаютъ съ большимъ сравнительно оборотнымъ капиталомъ; однако и здѣсь крестьянское хозяйство часто стоитъ не ниже по размѣрамъ чистой прибыли, такъ какъ менѣе высокій доходъ уравновѣшивается большей бережливостью, которая при данномъ очень низкомъ уровнѣ потребностей (bei der vorhandenen grossen Bedürfnisslosigkeit) часто доходитъ до того, что крестьянинъ-хозяинъ живетъ хуже промышленнаго рабочаго, ознакомившагося съ болѣе широкими потребностями" („Bäuerl. Zust". I. 222). И дальше сообщается, что преобладающая система хозяйства — плодоперемѣнная, которая преобладаетъ уже у среднихъ хозяевъ, а трехполье встрѣчается почти только еще у мелкихъ владѣльцевъ крестьянскихъ имѣній". По отношенію къ скотоводству тоже повсюду наблюдается прогрессъ. „Только по отношенію къ разведенію рогатаго скота и утилизаціи молочныхъ продуктовъ крестьянинъ обыкновенно стоитъ позади крупнаго помѣщика" (223).

„Проф. Ранке, — продолжаетъ г. Булгаковъ,—свидѣтельствуетъ техническій прогрессъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ въ окрестностяхъ Мюнхена, типичныхъ, по его словамъ, для всей верхней Баваріи". Открываемъ статью Ранке: три общины *гроссбауэровъ*, хозяйничающихъ при помощи наемныхъ рабочихъ; 69 крестьянъ изъ 119 имѣютъ болѣе 20 гектаровъ у нихъ $^3/_4$ всей земли, причемъ 38 „крестьянъ" имѣютъ каждый болѣе 40 гектаровъ, въ среднемъ каждый по 59 гектаровъ, и всего у нихъ около 60% всей земли.

Кажется, этого достаточно для характеристики „цитатъ" гг. Булгакова и Герца.

VII.

Баденская анкета о крестьянскомъ хозяйствѣ.

„Мы не можемъ за недостаткомъ мѣста,—пишетъ Герцъ,—привести подробные и интересные отзывы изъ баденской анкеты о 37 общинахъ. По большей части отзывы эти аналогичны приведеннымъ выше: наряду съ благопріятными встрѣчаются неблагопріятные и безразличные, *но нигдѣ на всемъ протяженіи трехъ томовъ анкеты подробные бюджеты расходовъ не даютъ права дѣлать выводы о „недоѣданіи"* (Unterkonsumtion), о „грязной, унизительнѣйшей нуждѣ" и т. п. (S. 79, p. п. 188). Подчеркнутыя нами слова Герца заключаютъ въ себѣ, по обыкновенію, *прямую неправду*: именно баденская анкета, на которую онъ ссылается, документальнѣйшимъ образомъ *доказала* „недопотребленіе" именно *мелкаго крестьянства*. Извращеніе дѣла Герцемъ тѣсно связано здѣсь съ тѣмъ пріемомъ, который особенно

культивировали русскіе народники, а теперь подхватываютъ всѣ и всяческіе „критики" въ аграрномъ вопросѣ,—съ огульными отзывами о „крестьянствѣ". А такъ какъ на Западѣ понятіе „крестьянства" еще болѣе неопредѣленно, чѣмъ у насъ (нѣтъ рѣзкаго сословнаго признака), и такъ какъ „средніе" отзывы и выводы прикрываютъ сравнительное „благосостояніе" (или хотя-бы неголоданіе) меньшинства и обездоливаніе большинства, то поприще здѣсь для всякихъ апологетовъ открывается необъятное. Баденская-же анкета даетъ какъ разъ возможность различить отдѣльныя группы крестьянства, чего Герцъ въ качествѣ сторонника „детализаціи" предпочелъ не замѣтить. Въ 37 типичныхъ общинахъ были выбраны типичныя хозяйства крупныхъ крестьянъ (Grossbauer), среднихъ и мелкихъ, а также поденщиковъ, всего 70 крестьянскихъ (31 крупное, 21 среднее и 18 мелкихъ) и 17 поденщицкихъ хозяйствъ, и эти хозяйства подверглись детальнѣшему бюджетному изслѣдованію. Обработать *всѣ* эти данныя мы не имѣли возможности, но достаточно и нижеприводимыхъ *главныхъ результатовъ*, чтобы получить весьма опредѣленные выводы.

Приведемъ сначала данныя объ общемъ хозяйственномъ типѣ крупныхъ (a), среднихъ (b) и мелкихъ (c) крестьянскихъ хозяйствъ (изъ Anlage VI: „Uebersichtliche Darstellung der Ergebnisse der in den Erhebungsgemeinden angestellten Ertragsberechnungen", причемъ мы свели данныя этой таблицы по отношенію къ Grossbauer'амъ, Mittelbauer'амъ и Kleinbauer'амъ въ отдѣльности). Размѣры землевладѣнія,—средніе по группамъ: (a) 33,34 гектара, (b) 13,5 и (c) 6,96—сравнительно высоки для такой страны мелкаго землевладѣнія, какъ Баденъ, но если исключить 10 хозяйствъ въ общинахъ №№ 20, 22 и 30, отличающихся исключительно высокими размѣрами землевладѣнія (до 43 гектаровъ у Kleinbauer'а и до 170 у гроссбауэра!), то получимъ болѣе нормальныя для Бадена цифры: а) 17,8 гект., b) 10,0 гект. и c) 4,25 гект. Размѣры семей: a) 6,4 человѣкъ, b) 5,8 и c) 5,9 (эти данныя, какъ и всѣ слѣдующія, если нѣтъ оговорокъ, относятся ко всѣмъ 70 хозяйствамъ). Слѣдовательно, у крупныхъ крестьянъ семьи значительно выше, но тѣмъ не менѣе наемный трудъ играетъ у нихъ несравненно большую роль. Вообще къ найму прибѣгаютъ 54 крестьянина изъ 70, т. е. болѣе трехъ четвертей всего числа, именно 29 крупныхъ крестьянъ (изъ 31), 15 среднихъ (изъ 21) и 10 мелкихъ (изъ 18). Такимъ образомъ, изъ крупныхъ крестьянъ 93% не обходится безъ найма рабочихъ,—изъ мелкихъ 55%. Эти цифры очень поучительны для провѣрки ходячаго (и безъ критики перенятаго „критиками") мнѣнія о несущественномъ значеніи наемнаго труда въ современномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. У крупныхъ крестьянъ (размѣръ землевладѣнія которыхъ 18 гект.; входятъ въ рубрику 5—20 ha, причисляемую при всякихъ огульныхъ отзывахъ къ настоящему крестьянскому хозяйству) мы видимъ чисто-капиталистическія хозяйства: 24 хозяйства съ 71 батракомъ, почти по три батрака на хозяйство, и 27 хозяевъ, нанимающихъ поденщиковъ въ общей сложности на 4.347 дней (по 161 рабочему дню на 1 хозяина). Сопоставьте съ этимъ размѣры землевладѣнія у тѣхъ крупныхъ крестьянъ въ окресности Мюнхена, „прогрессомъ" которыхъ бравый г. Булгаковъ опровергалъ „марксистскій предразсудокъ„ о приниженіи крестьянъ капитализмомъ!

Для среднихъ крестьянъ мы имѣемъ: у 8 — 12 батраковъ, у 14—956 подденныхъ рабочихъ дней; для мелкихъ: у 2—2 батрака, у 9—543 поденныхъ рабочихъ дня. Половина *мелкихъ* крестьянъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ (543 : 9 = 60 дней), т. е. въ самый важный для земледѣльца періодъ не обходится безъ наемнаго труда (а эти мелкіе крестьяне, несмотря на болѣе крупные размѣры землевладѣнія, имѣютъ несравненно меньшіе размѣры производства, чѣмъ тѣ фридрихстальцы, которыми такъ умилялись гг. Черновы, Давиды, Герцы).

Результаты хозяйства таковы: у 31 крупнаго крестьянина 21.329 марокъ чистой прибыли и 2.113 мар. дефицита, т. е. всего 19.216 мар. прибыли или на одно хозяйство 619,9 марокъ (а при вычетѣ пяти хозяйствъ въ общинахъ №№ 20, 22 и 30—523,5 мар.), для средняго хозяйства соотвѣтствующая сумма будетъ 243,3 марки (272,2 при вычетѣ трехъ общинъ), для мелкаго 35.3 марки (37,1 при вычетѣ трехъ общинъ). Мелкій крестьянинъ, слѣдовательно, въ буквальномъ смыслѣ слова *едва-едва сводитъ концы съ концами, и это только благодаря сокращенію потребленія.* Анкета сообщаетъ (Ergebnisse etc. въ IV томѣ, Erhebungen, S. 138) данныя о количествѣ потребляемыхъ въ каждомъ хозяйствѣ важнѣйшихъ продуктовъ. Приводимъ эти данныя, вычисливъ среднія для каждой изъ вышеуказанныхъ группъ крестьянства:

Разряды крестьянъ.	Потребленіе на 1 человѣка въ одинъ день.				Расходъ на 1 человѣка.	
	Хлѣба и плодовъ.	Картофеля.	Мяса.	Молока.	Въ одинъ день на колоніальные товары, отопленіе, освѣщеніе и т. п.	Въ годъ на одежду.
	Фунтовъ.	Фунтовъ.	Грамм.	Литровъ.	Пфенниговъ.	Марокъ.
Крупные крестьяне .	1,84	1,82	138	1,05	72	66
Средніе „ .	1,59	1,90	111	0,95	62	47
Мелкіе „ .	1,49	1,94	72	1,11	57	38
Поденщики	1,69	2,14	56	0,85	51	32

Вотъ въ какого рода данныхъ бравый Герцъ „не замѣтилъ" ни недоѣданія, ни нужды! Мы видимъ, что мелкій крестьянинъ сокращаетъ свое потребленіе противъ средняго и крупнаго на весьма значительную величину, питаясь и одѣваясь почти не лучше, чѣмъ поденщикъ. Мяса, напримѣръ, онъ потребляетъ въ полтора раза меньше средняго и почти въ два раза меньше крупнаго крестьянина. Эти данныя еще и еще разъ подтверждаютъ, какъ негодны огульные отзывы и какъ фальшивы всѣ вычисленія доходности, игнорирующія различія въ уровнѣ жизни. Если мы возьмемъ, напримѣръ, *только* двѣ послѣднія графы нашей таблицы (чтобы не предпринимать сложныхъ вычисленій по переводу продуктовъ питанія на деньги), то увидимъ, что „чистая прибыль" не только мелкаго, но даже и сред-

няго крестьянина есть *чистѣйшая фикція*, съ которой могутъ возиться только чистѣйшіе буржуа, вродѣ Гехта и Klawki, или чистѣйшіе Ворошиловы вродѣ нашихъ критиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы примемъ, что мелкій крестьянинъ расходуетъ на денежные продукты столько, сколько средній, то его расходъ поднимется на *сотню* марокъ, и мы получимъ громадный *дефицитъ*. Если бы средній расходовалъ столько-же, сколько крупный, его расходъ поднялся-бы на 220 марокъ, и если-бы онъ не „притѣснялъ" себя въ пищѣ, то тоже имѣлъ-бы дефицитъ *). Развѣ это ухудшеніе потребленія мелкимъ крестьяниномъ, неразрывно связанное, какъ это само собою понятно, съ ухудшеніемъ питанія скота и съ недостаточнымъ возстановленіемъ (а то и прямымъ расхищеніемъ) производительныхъ силъ земли,—не подтверждаетъ всецѣло тѣхъ словъ Маркса, по поводу которыхъ съ такимъ высокомѣріемъ пожимаютъ плечами современные критики: „Безконечное раздробленіе средствъ производства и одичаніе самого производства. Безмѣрное расхищеніе человѣческой силы. Прогрессивное ухудшеніе условій производства и удорожаніе средствъ производства — необходимый законъ мелкой поземельной собственности". („Das Kapital", III, 2, 342).

По поводу этой-же баденской анкеты отмѣтимъ еще одно извращеніе г. Булгакова (критики взаимно пополняютъ другъ друга, и если одинъ исказитъ въ извѣстномъ источникѣ одну сторону дѣла, то другой— другую). Г. Булгаковъ неоднократно цитируетъ баденскую анкету,— значитъ *какъ будто* знакомъ съ ней. И тѣмъ не менѣе онъ продѣлываетъ такую штуку: „Исключительная и роковая будто-бы задолженность крестьянина, — такъ гласитъ увертюра, II, 271, — составила одинъ изъ непреложнѣйшихъ догматовъ миѳологіи, создавшейся относительно крестьянскаго хозяйства въ литературѣ"... „Въ имѣющихся у насъ изслѣдованіяхъ отмѣчается высокая задолженность лишь самаго мелкаго, еще не окрѣпнувшаго владѣнія (Tagelöhnerstellen). Такъ, общее впечатлѣніе относительно данныхъ обширной баденской анкеты (въ примѣчаніи ссылка на анкету) Шпренгеръ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: „...лишь задолженность участковъ поденщиковъ и мелко-крестьянскихъ владѣній въ значительномъ числѣ изслѣдованныхъ мѣстностей является относительно значительной, но и

*) Г. Черновъ „возражаетъ": а развѣ крупный хозяинъ не притѣсняетъ еще болѣе въ пищѣ и другихъ расходахъ своего поденщика? („Р. Б." № 8, 212). Возраженіе это повторяетъ старый, Кривенковско-Воронцовскій, если можно такъ выразиться, пріемъ *подсовыванія* марксисту либерально-буржуазной аргументаціи. Возраженіе имѣетъ смыслъ по отношенію къ тому, кто сказалъ-бы, что крупное производство выше не только технически, но и потому, что улучшаетъ (или хотя-бы даже дѣлаетъ хорошимъ вообще) положеніе работника. Марксисты говорятъ не то. Они только разоблачаютъ фальшивые пріемы *прикрашиванія* положенія мелкаго земледѣльца посредствомъ-ли огульныхъ отзывовъ о процвѣтаніи (г. Черновъ о Гехтѣ), или посредствомъ вычисленій „доходности" *съ умолчаніемъ* о сокращеніи потребленія. Буржуазія не можетъ не стремиться къ этому прикрашиванію, къ поддержкѣ иллюзій о возможности для рабочаго стать „хозяиномъ", для мелкаго „хозяина" получать высокую доходность. Дѣло соціалистовъ—разоблаченіе этой лжи и разъясненіе мелкимъ крестьянамъ, что имъ тоже нѣтъ спасенія внѣ присоединенія къ революціонному движенію пролетаріата.

здѣсь въ большинствѣ случаевъ она не достигаетъ возбуждающей опасеніе высоты...“ (272) Странная это вещь! Съ одной стороны, *ссылка на самое анкету, съ другой стороны*, приведеніе одного только „общаго впечатлѣнія“ какого-то Шпренгера, писавшаго объ анкетѣ. И какъ на грѣхъ Шпренгеръ говоритъ неправду (по крайней мѣрѣ, въ цитированномъ г. Булгаковымъ мѣстѣ, ибо мы съ сочиненіемъ Шпренгера не знакомы). Авторы анкеты утверждаютъ, что въ большинствѣ случаевъ задолженность именно мелко-крестьянскаго землевладѣнія *достигаетъ* внушающей опасеніе высоты. Это разъ. А второе — они утверждаютъ, что въ отношеніи задолженности положеніе мелкихъ крестьянъ хуже не только положенія среднихъ и крупныхъ крестьянъ (что Шпренгеръ отмѣтилъ), *но и положенія поденщиковъ*.

Вообще надо замѣтить, что авторы баденской анкеты устанавливаютъ тотъ чрезвычайно важный фактъ, что въ крупныхъ хозяйствахъ *граница допустимой задолженности* (т. е. допустимой безъ опасности разоренія) *выше, чѣмъ въ мелкомъ*. Послѣ приведенныхъ нами выше статистическихъ данныхъ о результатахъ хозяйства у крупныхъ, среднихъ и мелкихъ крестьянъ это обстоятельство не требуетъ особыхъ поясненій. По отношенію къ крупному хозяйству, а равно и среднему, авторы анкеты считаютъ допустимой и безопасной (unbedenklich) задолженность въ 40—70% стоимости земли,—въ среднемъ въ 55%. По отношенію къ мелкому хозяйству (размѣръ котораго они опредѣляютъ въ 4—7 ha при земледѣліи, въ 2—4 ha при виноградарствѣ и посѣвѣ торговыхъ растеній) они находятъ, что „граница задолженности... не должна превышать 30% оцѣнки имѣнія, если предполагать *полное* обезпеченіе *правильной* уплаты процентовъ и погашенія долга“ (S. 66, B. IV). Въ изслѣдованныхъ общинахъ (за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ дѣйствуетъ Anerbenrecht, напримѣръ, Unadingen'а и Neukirch'а) процентуальная (къ оцѣночной стоимости имѣнія) задолженность правильно понижается отъ мелкихъ хозяйствъ къ крупнымъ. Напримѣръ, въ общинѣ Dittwar въ хозяйствахъ до $^1/_4$ гектара процентъ задолженности=180,65%; съ 1—2 ha—73,07%; съ 2—5 ha — 45,73%; съ 5—10 ha — 25,34%; съ 10—20 ha — 3,02% (S. 89—90 ibid). Но однѣ цифры о высотѣ задолженности еще не все говорятъ и авторы анкеты дѣлаютъ такое заключеніе:

„Предыдущія цифровыя данныя подтвердили такимъ образомъ очень распространенное мнѣніе, что тѣ владѣльцы крестьянскихъ имѣній, которые стоятъ на границѣ (по срединѣ) между поденщиками и средними крестьянами (въ деревняхъ называютъ обыкновенно относящихся сюда сельскихъ хозяевъ „среднимъ сословіемъ“ — Mittelstand) находятся часто въ болѣе тяжеломъ положеніи, чѣмъ высшія и чѣмъ низшія (sic) по размѣру владѣнія группы, — постольку, поскольку они, хорошо справляясь съ *умѣренной* задолженностью, при извѣстной и не очень высокой границѣ задолженности, лишь съ трудомъ могутъ исполнять свои обязательства, вслѣдствіе невозможности имѣть *регулярные* сторонніе заработки (поденщина и т. п.) и повышать посредствомъ нихъ свой доходъ“... Поденщики, „поскольку они имѣютъ хоть сколько-нибудь регулярные сторонніе заработки, находятся часто въ существенно лучшемъ положеніи, чѣмъ принадлежащіе къ „среднему сословію“, ибо, какъ показалъ разсчетъ въ

очень многихъ случаяхъ, сторонніе заработки даютъ часто такіе высокіе чистые (т. е. денежные) доходы, чтобы дать возможность погашать даже *высокіе* долги“ (67 l. c.) *). И, въ концѣ концовъ, авторы еще разъ повторяютъ, что задолженность мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ по отношенію къ допустимой границѣ задолженности „отчасти не безопасна, и потому „особенно большая хозяйственная осторожность при покупкѣ земли... необходима прежде всего именно *мелко*-крестьянскому и стоящему рядомъ съ нимъ поденщицкому населенію“ (98).

Вотъ онъ каковъ, буржуазный совѣтчикъ мелкаго крестьянина! Съ одной стороны, онъ поддерживаетъ въ пролетаріяхъ и полупролетаріяхъ надежду—„если не въ первомъ, то во второмъ поколѣніи“ купить землицы и получать съ нея, при усердіи и умѣренности, громадный процентъ „чистой доходности“; съ другой стороны, именно бѣднотѣ онъ рекомендуетъ „особенно большую осторожность“ при покупкѣ земли, если нѣтъ „регулярныхъ заработковъ“, то-есть если у господъ капиталистовъ нѣтъ нужды въ осѣдлыхъ рабочихъ. И находятся „критическіе“ простофили, которые принимаютъ эту корыстную ложь и эти избитыя пошлости за приговоры самой что ни на есть новѣйшей науки!

Приведенныя нами детальныя данныя о крупныхъ, среднихъ и мелкихъ крестьянахъ могли-бы, казалось, даже г. В. Чернову сдѣлать понятнымъ, въ чемъ именно состоитъ содержаніе той категоріи „мелкобуржуазности“ въ примѣненіи къ крестьянину, которая внушаетъ ему такой ужасъ. Капиталистическая эволюція настолько сблизила уже *общій* экономическій строй не только западно-европейскихъ государствъ по сравненію другъ съ другомъ, но и Россіи по сравненію съ Западомъ, что *основныя черты* экономики крестьянскаго хозяйства въ Германіи оказываются тѣ же, что и въ Россіи. Только тотъ процессъ разложенія крестьянства, который былъ подробно доказанъ русской марксистской литературой, въ Россіи находится на одной изъ начальныхъ стадій развитія,—тамъ онъ не отлился еще въ болѣе или менѣе законченныя формы, не выдѣлилъ, напр., особый и для всѣхъ сразу видный и ясный типъ крупныхъ крестьянъ (гроссбауэровъ), тамъ массовая экспропріація и вымираніе громадной части крестьянства слишкомъ еще заслоняютъ „первые шаги“ нашей крестьянской буржуазіи. На Западѣ этотъ процессъ, начавшійся еще до отмѣны крѣпостного права (ср. Kautsky, „Agrarfrage“, S. 27), привелъ уже давно, съ одной стороны, къ уничтоженію сословной грани между крестьянскимъ и „частновладѣльческимъ“ (по-нашему) хозяйствомъ, а съ другой стороны, къ образованію довольно уже оформившагося класса сельско-хозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ **). Но

---

*) Мелкій крестьянинъ, — справедливо говорятъ авторы анкеты, — сравнительно мало продаетъ на наличныя деньги, а между тѣмъ нужда въ деньгахъ у него особенно велика, и недостатокъ капитала дѣлаетъ для него всякій падежъ, градъ и т. п. особенно чувствительнымъ.

**) „Крестьянство,—пишетъ г. Булгаковъ про Францію XIX вѣка,—распалась на двѣ, уже рѣзко различныя между собою, части: пролетаріатъ и мелкихъ собственниковъ“ (II, 176). Напрасно только воображаетъ авторъ, что „распаденіе“ на этомъ закончилось: оно представляетъ изъ себя безостановочно идущій процессъ.

было бы глубокой ошибкой думать, что этотъ процессъ,—разъ были выработаны болѣе или менѣе опредѣленныя формы новыхъ типовъ сельскаго населенія,—пріостановился. Напротивъ, процессъ этотъ неуклонно идетъ впередъ, идетъ, разумѣется, то болѣе, то менѣе быстро въ зависимости отъ массы различныхъ обстоятельствъ, принимая самыя разнообразныя формы, смотря по различію агрономическихъ условій и т. д. Пролетаризація крестьянства продолжаеття,—это мы покажемъ ниже на массовыхъ данныхъ нѣмецкой статистики, да это ясно видно и изъ приведенныхъ выше данныхъ о мелкомъ крестьянствѣ. Одинъ уже фактъ растущаго бѣгства не только сельскихъ рабочихъ, но и крестьянъ изъ деревень въ города наглядно свидѣтельствуетъ о ростѣ пролетаризаціи. Но бѣгству крестьянина въ городъ неизбѣжно предшествуетъ его разореніе. А разоренію предшествуетъ отчаянная борьба за свою экономическую самостоятельность. И вотъ эту-то борьбу рельефно показываютъ данныя объ употребленіи наемнаго труда, о размѣрахъ „чистыхъ доходовъ", о величинѣ потребленія у крестьянъ различныхъ типовъ. Главное средство борьбы— „желѣзное прилежаніе" и бережливость, бережливость: „не такъ норовимъ, чтобы въ ротъ, какъ чтобы въ карманъ". Неизбѣжный результатъ борьбы: выдѣленіе меньшинства зажиточныхъ, состоятельныхъ хозяевъ (и большей частью ничтожнаго меньшинства,—именно во всѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ какихъ-нибудь особо благопріятныхъ условій, вродѣ близости столицы, проведенія желѣзной дороги, открытія какой-нибудь новой доходной отрасли торговаго земледѣлія и т. п.)— и все большее нищаніе большинства, губящаго хроническимъ голоданіемъ и непомѣрнымъ трудомъ силы работника, ухудшающаго качество и земли, и скота. Неизбѣжный результатъ борьбы: образованіе меньшинства *капиталистическихъ*, основанныхъ на наемномъ трудѣ, хозяйствъ и растущая необходимость для большинства искать „стороннихъ заработковъ", т. е. превращаться въ промышленныхъ и земледѣльческихъ наемныхъ рабочихъ. Данныя о наемномъ трудѣ яснѣе яснаго показываютъ внутреннюю, неотвратимую при современномъ общественномъ строѣ, имманентную тенденцію всякаго мелкаго производителя превратиться въ мелкаго капиталиста.

Мы вполнѣ понимаемъ, почему буржуазные экономисты, съ одной стороны, и всякаго рода оппортунисты, съ другой, чураются и не могутъ не чураться этой стороны дѣла. Разложеніе крестьянства показываетъ намъ *самыя глубокія* противорѣчія капитализма въ самомъ процессѣ ихъ *возникновенія* и дальнѣйшаго роста; полная оцѣнка этихъ противорѣчій неизбѣжно ведетъ къ признанію безысходности и безнадежности положенія мелкаго крестьянства (безнадежности— внѣ революціонной борьбы пролетаріата противъ всего капиталистическаго строя). Неудивительно, что именно эти, самыя глубокія и самыя неразвитыя, противорѣчія замалчиваются: пытаются обойти тотъ фактъ непосильнаго труда и недостаточнаго потребленія мелкихъ крестьянъ, отрицать который могутъ только недобросовѣстные или невѣжественные люди; оставляютъ въ тѣни вопросъ о наемныхъ рабочихъ у крестьянской буржуазіи, о наемной работѣ крестьянской бѣдноты. Напр., г. Булгаковъ представилъ цѣлый „опытъ теоріи аграр-

наго развитія", обойдя краснорѣчивымъ молчаніемъ *) оба послѣдніе вопроса! „Крестьянскимъ хозяйствомъ,—говоритъ онъ,—можно считать такое хозяйство, которое вполнѣ или по преимуществу обходится трудомъ собственной крестьянской семьи; безъ чужого труда—сосѣдской помощи или кратковременнаго найма—обходится рѣдкое даже крестьянское хозяйство, но это не измѣняетъ (ну, конечно!) его экономической физіономіи" (I, 141). Герцъ—тотъ понаивнѣе и въ самомъ началѣ своей книги оговаривается: „Подъ мелкимъ или крестьянскимъ хозяйствомъ въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду все время понимать такое хозяйство, въ которомъ работаетъ лишь хозяинъ, его семья и не болѣе 1—2 рабочихъ" (S. 6, p. n. 29). Когда дѣло касается найма „работничка", тогда наши Kleinbürger'ы быстро забываютъ тѣ самыя „особенности" земледѣлія, съ которыми они кстати и некстати носятся. Въ земледѣліи 1—2 рабочихъ,—даже если-бы они работали только лѣтомъ,—вовсе не мало. Но главное не то, много это или мало, а то, что къ найму рабочихъ прибѣгаютъ именно наиболѣе зажиточные, состоятельные хозяева, „прогрессы" и „процвѣтаніе" которыхъ рыцари мѣщанства любятъ выставлять процвѣтаніемъ массы населенія. А для приданія болѣе благовиднаго обоснованія такой передержкѣ эти рыцари величественно заявляютъ: „Крестьянинъ—такой-же рабочій человѣкъ, какъ и пролетарій" (Булгаковъ, II, 288). И авторъ выражаетъ удовольствіе по поводу того, что „рабочія партіи все болѣе теряютъ свойственный имъ прежде (свойственный прежде!) крестьянофобствующій характеръ" (289). При этомъ „прежнемъ" воззрѣніи, видите-ли, „упускалось изъ виду, что крестьянская собственность не есть ору-

*) Или не менѣе краснорѣчивыми увертками вродѣ слѣдующей: ...„тѣ многочисленные случаи соединенія промышленности съ земледѣліемъ, когда наемные промышленные рабочіе обладаютъ клочкомъ земли"... представляютъ изъ себя „не болѣе, какъ деталь (!?) въ народнохозяйственномъ строѣ; видѣть въ этомъ новое проявленіе индустріализаціи земледѣлія, потери имъ самостоятельности развитія, пока нѣтъ (??) никакихъ основаній,—явленіе это имѣетъ слишкомъ незначительные размѣры (въ Германіи, напр., на долю промышленниковъ приходится всего 4,09% сельско-хозяйственной площади)" (sic!—II, 254—5). Во-первыхъ, ничтожная *доля* земли у сотенъ тысячъ рабочихъ указываетъ не на то, что это „явленіе имѣетъ незначительные размѣры", а на приниженіе и пролетаризацію мелкаго земледѣльца капитализмомъ. Вѣдь всѣ земледѣльцы съ количествомъ земли менѣе 2 ha (хотя число ихъ громадно: 3,2 милліона изъ 5,5 м., т. е. 58,2%, почти *три пятыхъ* всего числа) владѣютъ „всего" 5,6% сельско-хозяйственной площади! Не выведетъ-ли отсюда остроумный г. Булгаковъ, что все „явленіе" мелкаго землевладѣнія и земледѣлія есть вообще „деталь" и „имѣетъ слишкомъ незначительные размѣры"?? Изъ 5,5 милліон. германскихъ земледѣльцевъ—791 тыс., т. е. 14,2%—наемные промышленные рабочіе, причемъ громадное большинство ихъ владѣетъ менѣе, чѣмъ 2 гектарами земли, именно 743 тыс., что составляетъ 22,9% ко всему числу земледѣльцевъ, имѣющихъ менѣе 2 ha. Во-вторыхъ, г. Булгаковъ опять, по своему обыкновенію, *исказилъ цитируемую имъ статистику*. По недосмотру, онъ взялъ съ цитируемой имъ страницы германской анкеты (Stat. d. D. R., 112 B., s. 49*) цифру земельной площади у *самостоятельныхъ* промышленниковъ-земледѣльцевъ. Несамостоятельные же промышленники-земледѣльцы (т. е. промышленные наемные рабочіе) имѣютъ *всего* 1,84% сельско-хозяйственной площади. У 791 тыс. наемныхъ рабочихъ—1,84% площади, у 25 тыс. помѣщиковъ—24% площади. Не правда-ли, какая это незначительная „деталь".

діе эксплоатаціи, а условіе приложенія труда". Вотъ какъ пишется исторія! Мы, право, не можемъ воздержаться, чтобы не сказать: извращайте, господа, да знайте-же мѣру! Вѣдь, этотъ самый г. Булгаковъ написалъ двухтомное изслѣдованіе" въ восемьсотъ страницъ, переполненное „цитатами" (точность которыхъ мы не разъ уже показывали) изъ всѣхъ и всяческихъ анкетъ, описаній, монографій и т. п., но ни разу, *буквально ни единаго раза*, онъ и не попытался даже разсмотрѣть, въ какомъ отношеніи находятся крестьяне, собственность которыхъ есть орудіе эксплоатаціи, къ крестьянамъ, собственность которыхъ есть „просто" условіе приложенія труда. *Ни единаго раза* онъ не привелъ систематическихъ данныхъ (имѣющихся, какъ мы видѣли, и въ цитированныхъ имъ самимъ источникахъ) о томъ, каковъ типъ хозяйства, уровень жизни и пр. у крестьянъ, нанимающихъ рабочихъ, у крестьянъ, не нанимающихъ и ненанимающихся, у крестьянъ, нанимающихся въ рабочіе. Мало того. Мы видѣли, какъ онъ ссылался въ подтвержденіе „прогресса крестьянскаго хозяйства" (*вообще* крестьянскаго хозяйства!) на такіе факты, которые относятся къ гроссбауэрамъ, на такіе отзывы, которые констатируютъ и прогрессъ однихъ и обнищаніе, пролетаризацію другихъ. Онъ видитъ даже вообще „соціальное оздоровленіе (sic!) въ образованіи „крѣпкихъ крестьянскихъ хозяйствъ" (II. 138; ср. общій выводъ на стр. 456), какъ будто-бы крѣпкое крестьянское хозяйство не было синомимомъ буржуазнаго, предпринимательскаго крестьянскаго хозяйства! Его единственная попытка выпутаться изъ этой сѣти противорѣчій состоитъ въ слѣдующемъ, еще болѣе запутанномъ разсужденіи: „Крестьянство, конечно, не представляетъ однородной массы; это было показано выше (вѣроятно, въ разсужденіи о такой незначительной детали, какъ промышленная наемная работа земледѣльцевъ?); здѣсь происходитъ постоянная борьба теченій дифференцирующихъ и нивеллирующихъ; но развѣ эти различія и даже противоположность отдѣльныхъ интересовъ больше, чѣмъ между отдѣльными слоями рабочаго класса, между городскими и сельскими рабочими, между обученнымъ и необученнымъ трудомъ, трэдъ-юніонистами и стоящими внѣ профессіональной организаціи? Вѣдь только полное игнорированіе этихъ различій въ средѣ рабочаго сословія (которыя побуждаютъ иныхъ изслѣдователей отличать отъ четвертаго уже пятое сословіе) и позволяло противопоставлять мнимо-однородный рабочій классъ разнородному крестьянству" (288). Какая замѣчательная глубина анализа! Различія между профессіями смѣшать съ различіями между классами; различія бытовыя смѣшать съ различнымъ положеніемъ классовъ во всемъ строѣ общественнаго производства,—какъ это наглядно иллюстрируетъ полную научную безпринципность модной „критики" *) и ея практическую тенденцію

---

*) Напомнимъ, что ссылка на *мнимую* однородность рабочаго класса— ходячій доводъ Эд. Бернштейна и всѣхъ его сторонниковъ. А насчетъ „дифференціаціи" еще г. Струве въ „Критическихъ замѣткахъ" глубокомысленно разсуждалъ: есть дифференціація, есть и нивеллировка, для объективнаго изслѣдователя это процессы равной важности (какъ для Щедринскаго объективнаго историка было все равно—Изяславъ Ярослава побилъ или Ярославъ Изяслава). Есть развитіе денежнаго хозяйства, но есть и повороты къ натуральному хозяйству. Есть развитіе крупнаго

стереть самое понятіе „класса“, устранить самую идею классовой борьбы. Сельскій рабочій зарабатываетъ 50 коп. въ день; хозяйственный мужичекъ, держащій поденшиковъ,—1 рубль въ день; заводскій рабочій въ столицѣ—2 рубля въ день; мелкій хозяинъ провинціальной мастерской—$1^1/_2$ рубля въ день. Всякій сколько-нибудь сознательный рабочій безъ малѣйшаго труда разберется въ томъ, къ какимъ классамъ принадлежатъ представители этихъ различныхъ „слоевъ“, какимъ направленіемъ должна отличаться общественная дѣятельность этихъ „слоевъ“. А для представителя университетской науки или для современнаго „критика“ это—такая премудрость, которой они никакъ вмѣстить не въ состояніи.

VIII.

Общія данныя нѣмецкой сельско-хозяйственной статистики за 1882 и 1895 гг. Вопросъ о среднихъ хозяйствахъ.

Разсмотрѣвъ детальныя данныя о крестьянскомъ хозяйствѣ,—особенно важныя для насъ потому, что именно въ вопросахъ крестьянскаго хозяйства лежитъ центръ тяжести современнаго аграрнаго вопроса,—мы перейдемъ теперь къ общимъ даннымъ нѣмецкой сельско-хозяйственной статистики и провѣримъ связанные съ этими данными выводы „критиковъ“. Приводимъ вкратцѣ главные результаты переписей 1882 и 95 годовъ:

Группы хозяйствъ:	Число хозяйствъ. (Тысячъ).		С.-х. площадь. (Тысячъ ha).		Относительныя числа. Хозяйствъ.		Площади.		Абсолютное увеличеніе или уменьш. числа.	
	1882	1895	1882	1895	82	95	82	95	Хоз.	Площ.
До 2 ha	3.062	3.236	1.826	1.808	58,0	58,2	5,7	5,6	+ 174	— 18
2—5 „	981	1.016	3.190	3.286	18,6	18,3	10,0	10,1	+ 35	+ 96
5—20 „	927	999	9.158	9.722	17,6	18,0	28,7	29,9	+ 72	+564
20—100 „	281	282	9.908	9 870	5,3	5,1	31,1	30,3	+ 1	— 38
100 и б. „	25	25	7.787	7.832	0,5	0,4	24,5	24,1	± 0	+ 45
Всего . . .	5.276	5.558	31.869	32.518	100	100	100	100	+ 282	+649

Три обстоятельства должны быть разобраны въ связи съ этой картиной измѣненій, различно толкуемой марксистами и „критиками“: ростъ числа самыхъ мелкихъ хозяйствъ, ростъ латифундій, т. е. хозяйствъ, имѣющихъ 1.000 и болѣе гектаровъ и слитыхъ въ нашей краткой табличкѣ со всѣми хозяйствами, имѣющими выше 100 гект., и, наконецъ, вызывающій всего болѣе споровъ и всего болѣе бросающійся въ глаза фактъ роста средне-крестьянскихъ (5—20 ha) хозяйствъ.

фабричнаго производства, но есть и развитіе капиталистической работы на дому (Булг , II, 88 „Hausindustrie... еще не думаетъ погибать въ Германіи“). „Объективный ученый долженъ старательно собирать фактики, отмѣчать „съ одной стороны“ и „съ другой стороны“, „переходить (подобно Геттевскому Вагнеру) отъ книги къ книгѣ, отъ листа къ листу“, отнюдь не посягая на то, чтобы составить себѣ послѣдовательные взгляды, выработать общее представленіе о всемъ процессѣ въ его цѣломъ.

Ростъ числа самыхъ мелкихъ хозяйствъ указываетъ на громадный ростъ нищеты и пролетаризаціи, ибо подавляющее большинство владѣльцевъ менѣе, чѣмъ 2 гектаровъ, не можетъ просуществовать однимъ земледѣліемъ и живетъ заработками, т. е. работой по найму. Исключенія есть, конечно; при спеціальныхъ культурахъ, виноградарствѣ, огородномъ хозяйствѣ, посѣвѣ торгово-промышленныхъ растеній, подгородномъ хозяйствѣ вообще и т. п. возможенъ самостоятельный (иногда даже не мелкій) земледѣлецъ и при $1^1/_2$ гектарахъ. Но въ общей суммѣ 3-хъ милліоновъ *хозяйствъ* —это исключенія совершенно незначительныя. Что масса этихъ мелкихъ „земледѣльцевъ" (составляющихъ почти $^3/_5$ всего числа хозяевъ)—*наемные рабочіе*, это наглядно показываютъ данныя германской статистики о главныхъ профессіяхъ земледѣльцевъ разныхъ группъ. Вотъ эти данныя въ сокращенномъ видѣ:

Группы земледѣльцевъ.	Сельскіе хозяева по своему *главному* занятію (въ %). Самостоятельное земледѣліе.	Торговля и пр.	Несамостоятельный трудъ.	Прочія занятія.	Всего.	Изъ самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ имѣютъ подсобное занятіе (%).
До 2 ha .	17,4	22,5	50,3	9,8	100	26,1
2—5 „ . .	72,2	16,3	8,6	2,9	100	25,5
5—20 „ . .	90,8	7,0	1,1	1,1	100	15,5
20—100 „ .	96,2	2,5	0,2	1,1	100	8,8
100 и б. „ . .	93,9	1,5	0,4	4,2	100	23,5
Всего. . . .	45,0	17,5	31,1	6,4	100	20,1

Мы видимъ отсюда, что изъ всего числа германскихъ земледѣльцевъ только 45%, т. е. *меньше половины*, представляютъ изъ себя самостоятельныхъ земледѣльцевъ и по своему *главному* занятію. Да и изъ этихъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ *пятая часть* (20,1%) имѣетъ еще подсобныя занятія. 17,5% земледѣльцевъ по своему главному занятію—торговцы, промышленники, огородники и пр. („самостоятельные", т. е. занимающіе положеніе хозяина, а не рабочаго въ соотвѣтствующемъ промыслѣ). *Почти треть* (31,3%)—наемные рабочіе („несамостоятельные" во всякихъ отросляхъ земледѣлія и промышленности). 6,4% земледѣльцевъ заняты главнымъ образомъ службой (военные, чиновники и пр.), свободными профессіями и т. д. Изъ числа же земледѣльцевъ, имѣющихъ до 2 ha, *половина* наемные рабочіе; „самостоятельныхъ" земледѣльцевъ среди этихъ 3,2 милліоновъ „хозяевъ"—небольшое меньшинство, всего 17,4% всего числа. Да и изъ этихъ 17-ти процентовъ *четвертая часть* (26,1%) имѣютъ *подсобныя* занятія, т. е. являются наемными же рабочими по своему не главному (какъ вышеуказанные 50,3%), а подсобному занятію. Даже изъ числа земледѣльцевъ съ 2—5 ha только немногимъ больше половины (546 тыс изъ 1.016 тыс.) представляютъ изъ себя самостоятельныхъ земледѣльцевъ безъ всякаго подсобнаго занятія.

Отсюда видно, до какой степени поразительно невѣрно изображаетъ дѣло г. Булгаковъ, когда онъ, утверждая (и притомъ, какъ было уже показано, ошибочно) увеличеніе общей суммы лицъ, дѣйствительно занятыхъ земледѣліемъ, объясняетъ это „ростомъ само-

стоятельныхъ хозяйствъ,—какъ мы уже знаемъ, прежде всего среднекрестьянскихъ за счетъ крупныхъ“ (П, 138). Если доля числа среднекрестьянскихъ хозяйствъ въ общемъ числѣ хозяйствъ увеличилась всего болѣе (съ 17,6% до 18%, т. е. + 0,4%), то это еще нисколько не значитъ, чтобы ростъ сельскаго населенія объяснялся прежде всего ростомъ среднекрестьянскихъ хозяйствъ. Для отвѣта на вопросъ о томъ, какіе разряды внесли наибольшую прибавку въ общую прибавку числа хозяевъ, мы имѣемъ прямыя и недопускающія двухъ толкованій данныя: все число хозяйствъ увеличилось на 282 тысячи, въ томъ числѣ число хозяйствъ, имѣющихъ до 2 ha, увеличилось на 174 тысячи. Слѣдовательно, ростъ сельскаго населенія (если онъ наблюдается и поскольку онъ наблюдается) объясняется ростомъ именно несамостоятельныхъ хозяйствъ (ибо хозяйства съ землей до 2 ha въ массѣ своей несамостоятельны). Увеличеніе падаетъ больше всего на парцелльныя хозяйства, ростъ которыхъ означаетъ ростъ *пролетаризаціи*. Даже увеличеніе (на 35 тысячъ) числа хозяйствъ съ 2—5 ha мы не имѣемъ права всецѣло поставить въ счетъ росту *самостоятельныхъ* хозяйствъ, ибо и изъ этихъ хозяевъ только 546 тыс. изъ 1.016 тыс.— самостоятельные земледѣльцы безъ подсобнаго заработка.

Переходя къ вопросу о крупныхъ хозяйствахъ, мы должны отмѣтить прежде всего слѣдующій характерный (и очень важный для опроверженія всякой апологетики) фактъ: соединеніе земледѣлія съ другими занятіями имѣетъ различное и противоположное значеніе въ разныхъ группахъ земледѣльцевъ. Для мелкихъ оно означаетъ пролетаризацію, уменьшеніе самостоятельности земледѣльца, ибо здѣсь соединяются съ земледѣліемъ такія занятія, какъ наемная работа, мелкое ремесло и торговля и т. п. Для крупныхъ оно означаетъ либо усиленіе политическаго значенія крупнаго землевладѣнія посредствомъ государственной, военной службы и т. п., либо соединеніе съ земледѣліемъ лѣсного хозяйства и сельско-хозяйственныхъ техническихъ производствъ. А это послѣднее явленіе, какъ извѣстно, — одинъ изъ характернѣйшихъ признаковъ *копиталистическаго* прогресса земледѣлія. Вотъ почему мы видимъ, что процентъ тѣхъ земледѣльцевъ, которые считаютъ „самостоятельное“ сельское хозяйство своимъ главнымъ занятіемъ (т. е. ведутъ его въ качествѣ хозяина, а не рабочаго), быстро повышается съ увеличеніемъ площади хозяйства (17—72—90—96%), но падаетъ до 93% въ группѣ хозяйствъ съ 100 и болѣе гектаровъ: въ этой группѣ 4,2% хозяевъ считаютъ своимъ главнымъ занятіемъ службу (разрядъ „прочихъ занятій“), 0,4% хозяевъ считаютъ своимъ главнымъ занятіемъ „несамостоятельный“ трудъ (это не наемные рабочіе, а управляющіе, инспектора и т. п.; ср. Stat. d. D. R., 112 B., s. 49*). Точно также мы видимъ, что процентъ тѣхъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ, которые имѣютъ еще стороннія занятія, быстро понижается съ увеличеніемъ площади хозяйства (26—25—15—9%), но сильно возрастаетъ у хозяевъ съ 100 и болѣе ha (23%).

Что касается числа крупныхъ хозяйствъ (100 и > ha) и ихъ площади, то вышеприведенныя данныя показываютъ *уменьшеніе* ихъ доли какъ въ общемъ числѣ хозяйствъ, такъ и въ общей площади. Спрашивается, можно ли отсюда заключать о вытѣсненіи крупнаго

хозяйства мелкимъ и среднекрестьянскимъ, какъ это торопится дѣлать г. Булгаковъ? Мы думаемъ, что нѣтъ, и что г. Булгаковъ своими сердитыми выходками противъ Каутскаго по этому пункту доказалъ только свою неспособность опровергнуть мнѣніе Каутскаго по существу. Во-первыхъ, уменьшеніе доли крупныхъ хозяйствъ весьма незначительно (по числу хозяйствъ съ 0,47% до 0,45, т. е. на двѣ сотыхъ процента, а по долѣ площади съ 24,43% до 24,088%, т. е. на 35 сотыхъ процента). Что при интенсификаціи хозяйства иногда *приходится* нѣсколько уменьшать площадь, что крупные хозяева сдаютъ по мелочамъ отдаленную отъ центра имѣнія землю, чтобы пріобрѣсти себѣ рабочихъ,—это явленія общеизвѣстныя. Мы показали выше, какъ авторъ детальнаго описанія крупныхъ и мелкихъ хозяйствъ на востокѣ Пруссіи прямо признаетъ служебную роль мелкаго землевладѣнія по отношенію къ крупному и усердно совѣтуетъ созданіе осѣдлыхъ рабочихъ. Во-вторыхъ, о вытѣсненіи крупныхъ хозяйствъ мелкими не можетъ быть рѣчи уже потому, что одни данныя о *площади* хозяйства недостаточны еще для сужденія о *размѣрахъ производства*. А что въ этомъ отношеніи крупныя хозяйства сдѣлали очень большой шагъ впередъ, это неопровержимо доказываютъ данныя объ употребленіи машинъ (см. выше) и о сельско-хозяйственныхъ техническихъ производствахъ (эти данныя мы разберемъ особо ниже, въ виду поразительно невѣрнаго толкованія г. Булгаковымъ соотвѣтствующихъ данныхъ германской статистики). Въ третьихъ, въ группѣ хозяйствъ съ 100 и болѣе ha особенно выдѣляются *латифундіи*, хозяйства съ 1.000 и > ha, число которыхъ возрасло даже на больщій процентъ, чѣмъ число среднекрестьянскихъ хозяйствъ, именно съ 515 до 572, т. е. на 11% при увеличеніи числа среднекрестьянскихъ хозяйствъ съ 926 тыс. до 998 тыс., т. е. на 7,8%. Площадь латифундій *возрасла* съ 708 тыс. ha до 802 тыс., т. е. на 94 тыс. ha: въ 1882 г. она составляла 2,22% всей с.-х. площади, въ 1895 г. уже 2,46. Свои неосновательныя возраженія Каутскому по этому пункту въ „Началѣ" г. Булгаковъ дополняетъ теперь въ своей книгѣ слѣдующимъ, еще болѣе неосновательнымъ, обобщеніемъ: „Признакомъ,—пишетъ онъ,—свидѣтельствующимъ объ упадкѣ крупныхъ хозяйствъ, является... увеличеніе латифундій, хотя прогрессъ сельскаго хозяйства, ростъ его интенсивности долженъ сопровождаться раздробленіемъ" (II, 126)—и г. Булгаковъ, ничтоже сумняшеся, толкуетъ уже прямо о „латифундіарномъ (!) вырожденіи" крупнаго хозяйства (II, 190, 363). Видите, какъ замѣчательно логично разсуждаетъ нашъ „ученый": *такъ какъ* уменьшеніе площади хозяйства означаетъ *иногда*, при интенсификаціи, ростъ производства, *поэтому* увеличеніе числа и площади латифундій должно *вообще* означать упадокъ! Но если такъ плоха логика, отчего бы не обратиться за помощью къ статистикѣ? Вѣдь мы имѣемъ въ томъ источникѣ, изъ котораго черпаетъ г. Булгаковъ, цѣлый рядъ данныхъ о хозяйствѣ этихъ латифундій. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ: 572 крупнѣйшія хозяйства имѣли въ 95 г. площадь 1.159.674 гектара, въ томъ числѣ 802 тыс. сельско-хозяйственной, 298 тыс. лѣсной (часть этихъ владѣльцевъ латифундій главнымъ образомъ лѣсопромышленники, а не сельскіе хозяева). Скотъ держатъ вообще 97,9% изъ нихъ; рабочій скотъ—

97,7%; машины употребляютъ 555 хозяевъ и на одно хозяйство приходится, какъ мы видѣли, *максимальное число* случаевъ употребленія разныхъ машинъ; паровой плугъ употребляло 81 хозяйство, т. е. 14% всѣхъ латифундій. Скота у нихъ—рогатаго 148.678 головъ, лошадей—55.591, овецъ—703.813, свиней—53.543. Соединены изъ этихъ хозяйствъ съ сахароваренными заводами 16, съ винокуренными—228, пивоваренными—6, крахмальными—16, мельницами—64. Объ интенсификаціи можно судить потому, что 211 выдѣлываютъ свеклу (подъ ней 26 тыс. ha) и 302—картофель для технической переработки. 21 сбываютъ молоко въ городахъ (отъ 1.882 коровъ, т. е. по 87 коровъ на 1 хозяйство) и 204 участвуютъ въ молочныхъ товариществахъ (съ 18.273 коровами—по 89 на хозяйство). Не правда ли, какъ это похоже на „латифундіарное вырожденіе"?

Переходимъ къ вопросу о среднекрестьянскихъ хозяйствахъ (5—20 ha). Ихъ доля въ общемъ числѣ хозяйствъ увеличилась съ 17,6% до 18,0% (+0,4%), а въ общей площади съ 28,7% до 29,9% (+1,2%). И эти-то данныя, вполнѣ естественно, считаютъ своимъ главнымъ козыремъ всѣ и всякіе „истребители марксизма". Г. Булгаковъ выводитъ отсюда и „вытѣсненіе крупнаго хозяйства мелкимъ", и „тенденцію къ децентрализаціи", и пр., и пр. Мы показали выше, что именно по отношенію „къ крестьянству" огульныя данныя особенно непригодны, особенно способны вводить въ заблужденіе: именно здѣсь процессы образованія мелкихъ предпринимательскихъ хозяйствъ и „прогрессы" крестьянской буржуазіи всего болѣе способны прикрыть пролетаризацію и обнищаніе большинства. И если мы вообще по отношенію ко всему сельскому хозяйству Германіи наблюдаемъ, съ одной стороны, несомнѣнное развитіе крупнаго капиталистическаго хозяйства (ростъ латифундій; развитіе употребленія машинъ и с.-х. техническихъ производствъ), а съ другой стороны, еще болѣе несомнѣнное усиленіе пролетаризаціи и обнищанія (бѣгство въ города, усиленіе дробленія земли, ростъ числа парцелльныхъ хозяйствъ, ростъ подсобной наемной работы, ухудшеніе питанія мелкихъ крестьянъ и пр.),—то было бы прямо невѣроятно и невозможно, чтобы тѣ же процессы не имѣли мѣста среди „крестьянства". Да и детальныя данныя указываютъ на эти процессы съ полной опредѣленностью, подтверждая ту мысль, что одной статистики площадей въ данномъ случаѣ совершенно недостаточно. Поэтому Каутскій былъ вполнѣ правъ, когда на основаніи общей картины капиталистическаго развитія германскаго сельскаго хозяйства заключилъ, что выводить изъ этихъ данныхъ побѣду мелкаго производства надъ крупнымъ неосновательно.

Имѣются, однако, и прямыя и притомъ массовыя данныя, доказывающія, что ростъ „среднекрестьянскихъ хозяйствъ" означаетъ *ростъ нужды*, а не ростъ довольства и благосостоянія. Это—тѣ самыя данныя о рабочемъ скотѣ, къ которымъ г. Булгаковъ такъ неудачно подошелъ и въ „Началѣ" и въ своей книгѣ. „Если бы надо было это еще доказывать, — писалъ г. Булгаковъ про свое утвержденіе о прогрессѣ средняго и упадкѣ крупнаго хозяйства, — то къ признаку количества рабочей силы можно добавить еще признакъ наличности рабочаго скота. Вотъ краснорѣчивая таблица" *).

*) Мы воспроизводимъ цѣликомъ приводимую г. Булгаковымъ таблицу, добавляя только отсутствующія у него итоговыя цифры.

	Число предпріятій, которыя имѣли скотъ для полевыхъ работъ. 1882	1895	Разница.
0— 2 ha	325.005	306.340	—18.665
2— 5 „	733.967	725 584	— 8.383
5— 20 „	894.696	925.103	+30.407
20—100 „	279.284	275.220	— 4.064
100 и б. „	24.845	24.485	— 360
Итого	2.257.797	2.256.732	— 1.065

„Количество хозяйствъ, имѣющихъ рабочій скотъ одинаково уменьшилось и въ крупномъ и въ мелкомъ хозяйствѣ, и увеличилось только въ среднемъ“ (журналъ „Начало“, № 1, стр. 20).

Было бы еще простительно, если бы г. Булгаковъ въ бѣгло написанной журнальной статьѣ просмотрѣлъ ту ошибку, которая побудила его вывести изъ данныхъ о рабочемъ скотѣ *какъ разъ обратное* тому, что эти данныя говорятъ,—но нашъ „строгій ученый“ и въ „изслѣдованіи“ своемъ повторяетъ ту же ошибку (т. II, стр. 127, гдѣ, кромѣ того, цифры +30.407 и —360 отнесены къ числу штукъ скота, тогда какъ онѣ относятся къ числу хозяйствъ, употреблявшихъ рабочій скотъ; но это, конечно, мелочь).

Мы спросимъ нашего „строгаго ученаго“, который такъ храбро говоритъ о „прогрессѣ крупнаго хозяйства“ (II, 127): какое значеніе имѣетъ увеличеніе числа среднекрестьянскихъ, держащихъ рабочій скотъ, хозяйствъ на 30 тысячъ, когда *все число* среднекрестьянскихъ хозяйствъ увеличилось на 72 тысячи (II, 124)? Не ясно ли отсюда, что *процентъ* среднекрестьянскихъ хозяйствъ, имѣющихъ рабочій скотъ, *понизился?* А разъ это такъ, то не слѣдовало ли взглянуть, *какой процентъ* хозяйствъ разныхъ группъ держалъ рабочій скотъ въ 1882 и 1895 гг.,—тѣмъ болѣе, что данныя эти приведены на той же самой страницѣ и въ той же самой таблицѣ, изъ которой бралъ г. Булгаковъ абсолютныя цифры (Stat. d. D. R., 112 B., S., 31*).

Вотъ эти данныя:

	Процентъ хозяйствъ, имѣющихъ рабочій скотъ. 1882	1895	Разница.
0— 2 ha	10,61	9,46	—1,15
2— 5 „	74,79	71,39	—3,40
5— 20 „	96,56	92,62	—3,64
20—100 „	99,21	97,68	—1,53
100 и б. „	99,42	97,70	—1,72
Всего	42,79	40,60	—2,19

Итакъ, процентъ хозяйствъ съ рабочимъ скотомъ *вообще* понизился на два слишкомъ процента, причемъ *выше средняго* это пониженіе въ мелкокрестьянскихъ и среднекрестьянскихъ хозяйствахъ, *ниже средняго* — въ крупныхъ хозяйствахъ *). Кромѣ того, не надо

*) Всего меньше пониженіе въ самыхъ мелкихъ хозяйствахъ, изъ которыхъ сравнительно ничтожная доля держитъ рабочій скотъ: мы увидимъ

забывать, что „именно въ крупныхъ хозяйствахъ часто, вмѣсто животной силы употребляется механическая въ видѣ всякаго рода машинъ вообще и паровыхъ въ частности (паровые плуги и пр.)“ (Stat. d. D. R., 112 B., S. 32 *). Поэтому, если среди крупныхъ хозяйствъ (100 и болѣе ha) число хозяйствъ съ рабочимъ скотомъ уменьшилось на 360, а въ то же время число хозяйствъ, употреблявшихъ паровые плуги, *возрасло на 615* (710 въ 1882 г. и 1825 въ 1895 г.), то ясно, что въ общемъ и цѣломъ крупныя хозяйства не только не проиграли, а даже выиграли. Слѣдовательно, мы получаемъ тотъ выводъ, что единственная группа германскихъ земледѣльцевъ, несомнѣнно *улучшившая* условія хозяйства (въ отношеніи употребленія скота для полевыхъ работъ или замѣны скота паромъ), это—*крупные* хозяева, съ 100 и > ha. Во всѣхъ остальныхъ группахъ условія хозяйства ухудшились, и *всего болѣе ухудшились они именно въ группѣ среднекрестьянскихъ хозяйствъ*, гдѣ пониженіе процента хозяйствъ съ рабочимъ скотомъ *наивысшее*. Разница между крупными (100 и > ha) и средними (5—20 ha) хозяйствами по высотѣ процента хозяйствъ съ рабочимъ скотомъ прежде была менѣе трехъ процентовъ (99,42—96,56), а теперь стала болѣе пяти процентовъ (97,70—92,62).

Этотъ выводъ еще очень значительно усиливается данными о составѣ рабочаго скота. Чѣмъ мельче хозяйство, тѣмъ хуже составъ рабочаго скота: тѣмъ меньше сравнительно употребляется для полевыхъ работъ воловъ и лошадей и тѣмъ больше употребляется гораздо болѣе слабыхъ *коровъ*. Вотъ данныя о томъ, какъ обстояло дѣло въ разсматриваемомъ отношеніи въ 1882 и 1895 годахъ:

На сто хозяйствъ, имѣвшихъ скотъ для полевыхъ работъ, употребляли:

	Только коровъ.			Коровъ, а также лошадей или воловъ.		
	1882	1895		1882	1895	
0 — 2 ha	83,74	82,10	—1,64	85,21	83,95	—1,26
2 — 5 „	68,29	69,42	+1,13	72,95	74,93	+1,98
5 — 20 „	18,49	20,30	+1,81	29,71	34,75	+5,04
20 —100 „	0,25	0,28	+0,03	3,42	6,02	+2,60
100 и б. „	0,00	0,03	+0,03	0,25	1,40	+1,15
Всего	41,61	41,82	+0,21	48,18	50,48	+2,30

Мы видимъ общее ухудшеніе состава рабочаго скота (парцелльныя хозяйства, по указанной уже причинѣ, въ счетъ не идутъ) и *наибольшее ухудшеніе* именно *въ группѣ среднекрестьянскихъ хозяйствъ*. Въ этой группѣ изъ числа имѣющихъ рабочій скотъ хозяйствъ *всего больше* увеличился процентъ такихъ, которыя вынуждены употреблять для полевыхъ работъ *и коровъ*,—а также такихъ, которыя могутъ упо-

дальше, что именно въ этихъ хозяйствахъ (и *только* въ нихъ) улучшился и составъ рабочаго скота, т. е. стали держать сравнительно больше лошадей и воловъ, сравнительно меньше коровъ. Это ясно указываетъ, какъ и замѣтили справедливо авторы нѣмецкой анкеты (S. 32 *), что хозяева самыхъ мелкихъ участковъ держатъ рабочій скотъ не для земледѣлія только, а и для „стороннихъ работъ по найму“. Поэтому, по вопросу о рабочемъ скотѣ было бы вообще неправильно принимать въ разсчетъ парцелльныя хозяйства, поставленныя въ совершенно исключительныя условія.

треблять для полевыхъ работъ *только коровъ*. Въ настоящее время уже болѣе трети имѣющихъ рабочій скотъ среднекрестьянскихъ хозяйствъ вынуждено употреблять для полевыхъ работъ коровъ (что ведетъ, конечно, и къ ухудшенію пахоты, а, слѣдовательно, къ уменьшенію урожаевъ, и къ уменьшенію удойливости коровъ), — и уже болѣе пятой части могутъ употреблять для полевыхъ работъ только коровъ.

Если мы возьмемъ количество употреблявшагося для полевыхъ работъ скота, то увидимъ во всѣхъ группахъ (за исключеніемъ парцелльныхъ хозяйствъ) увеличеніе числа коровъ. Число же лошадей и воловъ измѣнилось такъ:

Количество (въ тысячахъ) употреблявшихся для полевыхъ работъ лошадей и воловъ.

	1882	1895	Разница.
0 — 2 ha	62,9	69,4	+ 6,5
2 — 5 „	308,3	302,3	— 6,0
5 — 20 „	1.437,4	1.430,5	— 6,9
20 —100 „	1.168,5	1.155,4	—13,1
100 и б. „	650,5	695,2	+44,7
Всего	3.627,6	3,652,8	+25,2

За исключеніемъ парцелльныхъ хозяйствъ, увеличеніе собственно рабочаго скота наблюдается *только* у крупныхъ хозяевъ.

Общій выводъ, слѣдовательно, объ измѣненіи условій хозяйства по отношенію къ животной и механической силѣ для полевыхъ работъ такой: *улучшеніе* только у крупныхъ хозяевъ, ухудшеніе у остальныхъ и *наибольшее* ухудшеніе *въ среднекрестьянскихъ хозяйствахъ*.

Данныя за 1895 г. позволяютъ намъ, далѣе, раздѣлить всю группу среднекрестьянскихъ хозяйствъ на двѣ подгруппы: съ 5—10 ha и съ 10—20 ha. Какъ и слѣдовало ожидать, въ первой (гораздо болѣе многочисленной по числу хозяйствъ) подгруппѣ условія хозяйства по отношенію къ употребленію рабочаго скота несравненно хуже. Изъ 606 тыс. владѣльцевъ 5—10 ha имѣютъ рабочій скотъ 90,5% (изъ 393 тыс. съ 10—20 ha—95,8%), а изъ этихъ послѣднихъ употребляютъ для полевыхъ работъ коровъ — 46,3% (17,9% въ гр. съ 10—20 ha); употребляютъ только коровъ 41,3% (4.2% въ гр. съ 10—20 ha). И вотъ оказывается, что именно эта группа съ 5—10 ha, особенно плохо обставленная по отношенію къ употребленію рабочаго скота, и *увеличилась всего больше* какъ по числу хозяйствъ, такъ и по площади съ 1882 г. по 1895 годъ. Вотъ соотвѣтствующія данныя:

Процентное отношеніе ко всему количеству

	хозяйствъ.			всей площади.			с.-х. площади.		
	1882	1895		1882	1895		1882	1895	
5—10 ha	10,50	10,90	+0,40	11,90	12,37	+0,47	12,26	13,02	+0,76
10—20 „	7,06	7,07	+0,01	16,70	16,59	—0,11	16,48	16,88	+0,40

Въ группѣ съ 10—20 ha увеличеніе числа хозяйствъ совершенно ничтожно: доля всей площади даже уменьшилась, а доля сельско-хозяйственной площади увеличилась гораздо меньше, чѣмъ

у хозяйствъ съ 5—10 ha. Слѣдовательно, ростъ средне-крестьянскихъ хозяйствъ падаетъ главнымъ образомъ (отчасти даже исключительно) на группу съ 5—10 ha, т. е. на ту группу, въ которой условія хозяйства по отношенію къ употребленію рабочаго скота особенно плохи.

Мы видимъ такимъ образомъ, что статистика неопровержимо устанавливаетъ истинное значеніе пресловутаго роста среднихъ крестьянскихъ хозяйствъ: это не ростъ довольства, а *ростъ нужды*, не прогрессъ мелкаго земледѣлія, а *его приниженіе*. Если среднекрестьянскія хозяйства *всего болѣе* ухудшили условія своего хозяйства, всего болѣе должны были расширить употребленіе коровъ для полевыхъ работъ, то мы по одной этой сторонѣ хозяйства (и одной изъ самыхъ важныхъ сторонъ хозяйства вообще) не только вправѣ, но и обязаны сдѣлать выводъ о всѣхъ остальныхъ сторонахъ хозяйства. Если увеличилось число безлошадныхъ (употребляя знакомый русскому читателю и вполнѣ примѣнимый къ данному случаю терминъ), если ухудшился составъ рабочаго скота, то не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что ухудшилось и содержаніе скота вообще, ухудшилось обращеніе съ землей, ухудшилось питаніе и обстановка жизни земледѣльца, ибо въ крестьянскомъ хозяйствѣ, какъ всѣмъ и каждому извѣстно, чѣмъ хуже содержится и чѣмъ тяжелѣе работаетъ скотъ, тѣмъ хуже живетъ и тяжелѣе работаетъ также и человѣкъ, и обратно. Выводы, сдѣланные нами выше изъ детальнаго изслѣдованія Klawki, вполнѣ подтверждаются массовыми данными о всѣхъ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствахъ Германіи.

IX.

Молочное хозяйство и сельско-хозяйственныя товарищества въ Германіи. Сельское населеніе Германіи по положенію въ хозяйствѣ.

Мы остановились такъ подробно на данныхъ о рабочемъ скотѣ, потому что это — единственныя данныя (кромѣ разобранныхъ нами выше о машинахъ), которыя позволяютъ заглянуть, такъ сказать, вовнутрь хозяйства, въ его оборудованіе, его постановку. Всѣ остальныя данныя— о количествѣ земли (которыя мы уже приводили), о количествѣ скота (которыя мы сейчасъ приведемъ)—описываютъ хозяйство только внѣшнимъ образомъ, приравнивая то, что завѣдомо неравно, ибо обращеніе съ землей, а, слѣдовательно, и урожайность ея, качество скота и производительность его различны въ различныхъ хозяйствахъ. Какъ ни общеизвѣстенъ фактъ этой разницы, въ общихъ статистическихъ выкладкахъ о ней обыкновенно забываютъ, и только данныя о машинахъ и о рабочемъ скотѣ даютъ хоть нѣкоторую возможность учесть эту разницу, показываютъ, въ чью пользу (въ общемъ и цѣломъ) эта разница. Если крупныя хозяйства больше употребляютъ тѣхъ особенно сложныхъ и дорогихъ машинъ, которыя однѣ только учитываются статистикой, то ясно, что и всѣ остальныя орудія, о которыхъ статистика умалчиваетъ (плуги, бороны, телѣги и пр.) въ крупныхъ хозяйствахъ лучшаго качества, полнѣе въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ представлены и полнѣе (вслѣдствіе большаго размѣра хозяйствъ) утилизируются. То-же относится и къ жи-

вому инвентарю. Мелкому хозяину неизбѣжно приходится противопоставлять этимъ преимуществамъ прилежаніе и экономію (другихъ орудій въ борьбѣ за существованіе у него нѣтъ), и потому эти качества не случайно, а всегда и неизбѣжно отличаютъ мелкаго крестьянина въ капилалистическомъ обществѣ. Буржуазный экономистъ (и современный „критикъ", который и въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ волочится у него въ хвостѣ), называетъ это добродѣтелью бережливости, выдержки и проч. (ср. Гехтъ и Булгаковъ) и ставитъ въ заслугу крестьянину. Соціалистъ называетъ это чрезмѣрнымъ трудомъ (Uebegarbeit) и недостаточнымъ потребленіямъ (Unterkonsumption) и ставитъ это въ вину капитализму, стараясь раскрыть глаза крестьянину на всю лживость маниловскихъ рѣчей, возводящихъ въ добродѣтель соціальное приниженіе и тѣмъ самымъ старающихся увѣковѣчить это приниженіе.

Перейдемъ къ даннымъ о распредѣленіи скота между разными группами германскихъ земледѣльцевъ въ 1882 и 95 гг. Вотъ главные результаты этихъ данныхъ:

Относительныя числа;

	Всего скота (по стоимости).			Рогатаго скота.			Свиней.		
	1882	1895	±	1882	1895	±	1882	1895	±
0— 2 ha	9,3	9.4	+ 0,1	10,5	8,3	— 2,2	24,7	25,6	+ 0,9
2— 5 „	13,1	13,5	+ 0,4	16,9	16,4	+ 0,5	17,6	17,2	— 0,4
5— 20 „	33,3	34,2	+ 0,9	35,7	36,5	+ 0,8	31,4	31,1	— 0,3
20—100 „	29,5	28,8	— 0,7	27,0	27,3	+ 0,3	20,6	19,6	— 1,0
100 и б. „	14,8	14,1	— 0,7	9,9	11,5	+ 1,6	5,7	6,5	— 0,8
Всего	100	100		100	100		100	100	

Такимъ образомъ доля крупнаго хозяйства въ общемъ количествѣ скота уменьшилась, доля среднекрестьянскихъ хозяйствъ возрасла всѣмъ больше. Мы говоримъ о количествѣ всего скота, хотя данныя относятся къ стоимости, по той причинѣ, что предположеніе статистиковъ о равной стоимости каждой штуки скота въ разныхъ группахъ завѣдомо невѣрно. Данныя о стоимости, давая возможность складывать разные виды скота (результаты этого можно бы достигнуть и переводомъ скота на крупный, но это потребовало-бы отъ насъ новой счетной работы, выводовъ же сколько - нибудь существенно измѣнить не могло-бы), показываютъ именно распредѣленіе всего живого инвентаря по количеству, а не по дѣйствительной стоимости. Такъ какъ скотъ у крупныхъ хозяевъ лучше, чѣмъ у мелкихъ, и, вѣроятно, улучшается больше, чѣмъ у нихъ (судя по улучшенію мертваго инвентаря), то эти данныя въ весьма значительной степени преуменьшаютъ дѣйствительное превосходство крупнаго хозяйства.

Что касается отдѣльныхъ видовъ скота, то надо замѣтить, что уменьшеніе доли крупаго хозяйства всецѣло зависитъ отъ упадка торговаго овцеводства: число овецъ уменьшилось съ 1882 по 1895 годъ съ 21,1 милліона до 12,5 милліон. т. е. на 8,5 милліоновъ, причемъ изъ всей суммы этой убыли 7 милліоновъ падаетъ на хозяйства съ 20 и болѣе ha. Къ развивающимся отраслямъ торговаго скотоводства

въ Германіи принадлежитъ, какъ извѣстно, въ особенности молочное и мясное скотоводство. Мы взяли поэтому данныя о рогатомъ скотѣ и свиньяхъ, причемъ оказалось, что крупное хозяйство (100 и > ha) въ обѣихъ этихъ отрасляхъ скотоводства сдѣлало *наибольшій* шагъ впередъ: увеличеніе его доли въ общемъ количествѣ рогатаго скота и свиней наибольшее.. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что размѣръ скотоводческихъ хозяйствъ обыкновенно бываетъ ниже размѣра хозяйствъ земледѣльческихъ и поэтому можно было-бы ожидать болѣе быстраго развитія не крупныхъ капиталистическихъ, а среднихъ капиталистическихъ хозяйствъ. Общій выводъ (по отношенію къ количеству, но не качеству скота) долженъ быть такой: крупные хозяева потеряли всѣхъ больше отъ сильнаго упадка торговаго овцеводства, и этотъ минусъ они не уничтожили, а только ослабили болѣе значительнымъ (по сравненію съ мелкими и средними хозяйствами) увеличеніемъ разведенія рогатаго скота и свиней.

Говоря о молочномъ скотоводствѣ, мы не можемъ пройти мимо чрезвычайно поучительныхъ и неиспользованныхъ, насколько намъ извѣстно, данныхъ по этому вопросу, имѣющихся въ германской статистикѣ. Но это относится уже къ общему вопросу о соединеніи съ земледѣліемъ техническихъ производствъ, и намъ надо остановиться на этомъ вопросѣ въ виду новаго поразительнаго извращенія фактовъ г. Булгаковымъ. Какъ извѣстно, соединеніе съ земледѣліемъ технической переработки продуктовъ сельскаго хозяйства представляетъ изъ себя одинъ изъ наиболѣе рельефныхъ признаковъ специфически-капиталистическаго прогресса въ земледѣліи. Г. Булгаковъ еще въ „Началѣ“ заявлялъ: „На мой взглядъ, значеніе этого соединенія раздуто Каутскимъ до послѣдней степени: если взять данныя статистики, то количество земли, связанной такимъ образомъ съ промышленностью, совершенно ничтожно“ (№ 3, стр. 32). Доводъ очень слабый, ибо технической прогрессивности этого соединенія г. Булгаковъ отрицать не рѣшается, а самый главный вопросъ—крупное или мелкое производство есть носитель этого прогресса—онъ просто обходитъ. А такъ какъ статистика даетъ совершенно точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, то г. Булгаковъ въ книгѣ своей пускается... sit venia verbo!.. на хитрости. Онъ приводитъ процентъ хозяйствъ (всѣхъ вообще, а не по группамъ!), соединенныхъ съ тѣми или другими техническими производствами, и замѣчаетъ: „Не нужно думать, что они соединены главнымъ образомъ съ крупными хозяйствами“ (II, 116). Какъ разъ наоборотъ, почтеннѣйшій г. профессоръ: именно это и нужно думать, и ваша табличка (*не* дающая процента соединенныхъ съ техническими производствами хозяйствъ ко всему числу хозяйствъ *данной* группы) только отводитъ глаза несвѣдущему или невнимательному читателю. Приводимъ (чтобы не пестрить страницъ цифрами) вмѣстѣ число хозяйствъ, соединенныхъ съ сахароваренными, винокуренными, крахмальными, пивоваренными заводами и мельницами (сумма даетъ, слѣдовательно, число *случаевъ* соединенія земледѣльческихъ хозяйствъ съ техническими производствами) и получаемъ такую картину:

	Все число хозяйствъ	Число случаевъ соединенія съ технич. прозив.	%
0— 2 ha	3.236.367	11.364	0.01
2— 5 „	1.016.318	13.542	1,09
5— 20 „	998.804	25.879	2,30
20—100 „	281.767	8.273	2,52
100 и б. „	25.067	4.006	15,72
Всего	5.558.317	63.064	1,14
Хозяйства съ 1000 и б. ha	572	330	57,69

Такимъ, образомъ процентъ соединенныхъ съ техническими производствами хозяйствъ ничтоженъ въ мелкомъ хозяйствѣ и достигаетъ замѣтной величины только въ крупномъ (и громадной величины въ латифундіяхъ, изъ которыхъ *больше половины* пользуется выгодами этого соединенія). Если мы сопоставимъ съ этимъ фактомъ приведенныя выше данныя о машинахъ и рабочемъ скотѣ, то читатель пойметъ всю претенціозную вздорность изреченія г. Булгакова объ „иллюзіи консервативныхъ“ марксистовъ, „что крупное хозяйство является носителемъ хозяйственнаго прогресса, а мелкое — регресса“ (II, 260).

„Подавляющее количество (сахарной свеклы и картофеля для винокуренія) производилось,—продолжаетъ г. Булгаковъ,—въ мелкихъ хозяйствахъ“.

Какъ разъ наоборотъ: *именно въ крупныхъ*:

	Число хоз. сѣявш. сах. свеклу.	% ко всему числу хозяйствъ.	Площ. подъ свеклой въ (гектар.).	%	Число хоз., сѣяв. карт. для тех. пер.	% ко всему числу хозяйствъ.
0— 2 ha	10.781	0.33	3.781	1,0	565	0,01
2— 5 „	21.413	2.10	12.693	3,2	947	0,09
5— 20 „	47.145	4.79	48.213	12,1	3.023	0,30
20—100 „	26.643	9.45	97.782	24.7	4.293	1,52
100 и б. „	7.262	28.98	233.820	59,0	5.195	20,72
Всего	113.244	2,03	396.289	100	14.023	0,52
Хоз. съ 1000 и б. ha	211	36,71	26,127	—	302	52,79

То есть, опять-таки, процентъ хозяйствъ, сѣющихъ свеклу и картофель для технической переработки, совершенно ничтоженъ въ мелкихъ хозяйствахъ, значителенъ въ крупныхъ и очень высокъ въ латифундіяхъ. Подавляющее количество свеклы—83,7%, судя по площади подъ свеклой, производится въ крупныхъ хозяйствахъ.

Точно также совершенно не выяснилъ себѣ г. Булгаковъ и „долю крупнаго хозяйства“ въ молочномъ хозяйствѣ (II, 117), а эта

отрасль торговаго скотоводства принадлежитъ къ особенно быстро развивающимся во всей Европѣ и является равнымъ образомъ однимъ изъ признаковъ сельско-хозяйственнаго прогресса. Вотъ данныя о хозяйствахъ, продающихъ молоко и молочные продукты въ городахъ.

	Число такихъ хозяйствъ.	% къ итогу *)	% ко всему числу хоз. въ гр.	Число коровъ у нихъ.	% къ итогу.	на 1 хоз. кор.
0— 2 ha	8.998	21,46	0,3	25 028	11.59	2,8
2— 5 „	11.049	26,35	1,1	30.275	14.03	2,7
5— 20 „	15.344	36,59	1,0	70.916	32.85	4,6
20—100 „	5.676	13,54	2,0	58.439	27.07	10,3
100 и б. „	863	2,06	3,4	31.213	14.46	36,1
Всего	41.930	100,00	0,8	215.871	100	5,1
Хоз. съ 1000 и б. ha	21		3,7	1.822		87,0

Такимъ образомъ, крупныя хозяйства и здѣсь стоятъ впереди: процентъ участвующихъ въ молочной торговлѣ сельскихъ хозяевъ тѣмъ выше, чѣмъ крупнѣе хозяйство, и въ латифундіяхъ онъ выше всего („латифундіарное вырожденіе“) **). Напр., по сравненію съ среднекрестьянскими (5—20 ha) хозяйствами крупныя (100 и > ha) болѣе, чѣмъ въ два раза чаще (3,4% и 1,5%) сбываютъ молоко въ города.

Что крупныя (по площади земли) хозяйства ведутъ также крупное молочное хозяйство, это видно изъ данныхъ о числѣ коровъ на 1 хозяина, достигающемъ 36 у хозяевъ съ 100 и > ha и даже 87 въ латифундіяхъ. Вообще у явно-капиталистическихъ хозяйствъ (20 и > ha) сосредоточено 41,5% всего числа коровъ, молоко отъ которыхъ сбывается въ города, хотя эти хозяева составляютъ ничтожную долю общаго числа хозяевъ (5,52%) и весьма небольшую долю въ числѣ хозяйствъ, сбывающихъ молоко въ городахъ (15,6%). Прогрессъ именно капиталистическаго хозяйства и капиталистическая концентрація данной отрасли торговаго скотоводства не подлежатъ, слѣдовательно, сомнѣнію.

Но концентрація молочнаго хозяйства далеко не полно характеризуется данными о группахъ хозяйствъ по величинѣ площадей. Понятно уже и a priori, что могутъ и должны быть хозяйства съ равной площадью, но неравнымъ количествомъ скота вообще и молочнаго скота въ частности. Сопоставимъ прежде всего распредѣленіе между хозяйствами *всего* рогатаго скота и всего числа коровъ, молоко отъ которыхъ сбывается въ города.

---

*) Мы приводимъ этотъ столбецъ, чтобы читатель составилъ себѣ ясное представленіе о пріемахъ г. Булгакова, который только на этотъ столбецъ (взятый изъ анкеты) ссылается въ подтвержденіе своихъ выводовъ.

**) Рѣшительная. . неудача утвержденій г. Булгакова насчетъ техническихъ производствъ такъ странна, что у насъ невольно является вопросъ, не зависитъ ли эта неудача оттого, что г. Булгаковъ выписалъ приведенныя въ нѣмецкой анкетѣ таблички, *не замѣтивъ*, что въ этихъ табличкахъ дается процентное отношеніе числа соединенныхъ съ технич. производствами хозяйствъ *вовсе не ко всему числу хозяйствъ данной группы?* Съ одной стороны, трудно допустить въ „изслѣдованіи“ строгаго ученаго такой рядъ оплошностей (съ рядомъ горделивыхъ выводовъ). Съ другой стороны, тождественность табличекъ г. Булгакова съ табличками анкеты (S 40* и 41*)—несомнѣнна... Охъ, эти строгіе ученые“!

	Процентныя доли всего рогатаго скота.	Число коровъ, отъ кот. мол. сбыв. въ городъ.	Разница.
0— 2 ha	8,3	11,6	+ 3,3
2— 5 „	16,4	14,0	— 2,4
5— 20 „	36,5	32,8	— 3,7
20—100 „	27,3	27,1	— 0,2
100 и б. „	11,5	14,5	+ 3,0
Всего . . .	100,0	100	

Мы видимъ такимъ образомъ еще разъ, что *всего хуже* оказывается положеніе именно *среднекрестьянскихъ* хозяйствъ: изъ всего количества своего рогатаго скота эта группа утилизируетъ наименьшую долю для сбыта молока въ города (т. е. для наиболѣе выгодной отрасли молочнаго хозяйства). Наоборотъ, крупныя хозяйства поставлены очень выгодно, утилизируя для сбыта въ города молока сравнительно большую долю всего своего рогатаго скота *). Но еще выгоднѣе положеніе самыхъ мелкихъ хозяевъ, утилизирующихъ *наибольшую* долю своего рогатаго скота для молока въ городахъ. Слѣдовательно, въ этихъ хозяйствахъ развиваются уже спеціально „молочныя“ фермы, для которыхъ земледѣліе отодвигается на второй планъ или даже вовсе отсутствуетъ (изъ 8.998 хозяйствъ этой группы, сбывающихъ молоко въ городахъ, 471 хозяйство вовсе не имѣетъ земледѣльческой площади и у этихъ хозяевъ 5.344 коровы, т. е. по 11,3 коровы на 1 хозяина). Мы получаемъ интересныя данныя о концентраціи молочнаго хозяйства въ предѣлахъ одной и той же по размѣру земледѣльческой площади группы, если выдѣлимъ, при помощи данныхъ германской статистики, хозяйства съ 1 и съ 2 коровами.

Хозяйства, сбывающія молочные продукты въ городахъ:

	Число хозяйствъ.	Въ томъ числѣ: съ 1 кор.	съ 2 кор.	Съ 3 и болѣе коровъ.	У этихъ послѣднихъ коровъ	или на 1 хоз.	Всего коровъ
0—50 Ar	1.944	722	372	850	9 789	11,5	11.255
50 Ar—2 ha	7.054	3.302	2.552	1.200	5.367	4,5	13 773
0—2 ha	8.998	4.024	2.924	2.050	15 156	7,4	25.028
2—5 ha	11.049	1.862	4.497	4.690	19 419	4,3	30.275

Среди хозяйствъ съ совершенно ничтожной земледѣльческой площадью (0—½ ha) мы видимъ громадную концентрацію молочнаго хозяйства: меньше половины этихъ хозяевъ (850 изъ 1.944) сосредоточиваютъ почти $^9/_{10}$ всего числа коровъ въ этой группѣ (9.789 изъ 11.255), имѣя въ среднемъ по 11,5 коровъ. Это уже вовсе не „мелкіе“

*) Эта разница не можетъ быть объяснена тѣмъ, что въ составъ рогатаго скота входятъ въ неравномъ размѣрѣ волы, ибо въ крупномъ хозяйствѣ процентъ воловъ (по крайней мѣрѣ, употребляемыхъ для полевыхъ работъ) ко всему количеству рогатаго скота выше, чѣмъ въ среднекрестьянскомъ хозяйствѣ.

хозяева,—это хозяева съ оборотомъ, достигающимъ, вѣроятно (въ особенности около большихъ городовъ), нѣсколькихъ тысячъ марокъ въ годъ, и врядъ ли обходящіеся безъ наемныхъ рабочихъ. Быстрый ростъ городовъ неуклонно увеличиваетъ число такихъ „молочныхъ фермеровъ", и всегда будутъ находиться, конечно, Гехты, Давиды, Герцы и Черновы, которые будутъ утѣшать задавленнаго нуждой массоваго мелкаго крестьянина примѣромъ его единичнаго собрата, „вышедшаго въ люди", благодаря молочному хозяйству, табаководству и проч.

Въ группѣ хозяйствъ съ $^{1}/_{2}$—2 ha мы видимъ, что менѣе пятой доли хозяевъ (1.200 изъ 7.054) концентрируютъ свыше двухъ пятыхъ всего числа коровъ (5.367 изъ 13.773); въ группѣ съ 2—5 ha меньше половины хозяевъ (4.690 изъ 11.049)—свыше трехъ пятыхъ всего числа коровъ (19.419 изъ 30.275) и т. д. Къ сожалѣнію, нѣмецкая статистика не даетъ возможности выдѣлить группы съ болѣе значительнымъ числомъ коровъ **). Но и приведенныя данныя вполнѣ подтверждаютъ тотъ общій выводъ, что *концентрація капиталистическаго земледѣлія въ дѣйствительности гораздо сильнѣе*, чѣмъ это можно-бы думать по даннымъ одной только статистики площадей. Такая статистика соединяетъ вмѣстѣ мелкія по величинѣ площади и по размѣру хлѣбнаго производства хозяйства съ крупными хозяйствами по размѣру молочнаго или мясного скотоводства, виноградарства, табаководства, огородничества и пр. Конечно, всѣ эти отрасли сравнительно съ производствомъ хлѣба отступаютъ далеко на второй планъ, и извѣстные *массовые* выводы сохраняютъ свое полное значеніе и по даннымъ о площадяхъ. Но, во-первыхъ, нѣкоторыя изъ спеціальныхъ отраслей торговаго земледѣлія растутъ особенно быстро

---

*) Вѣрнѣе, обработка данныхъ нѣмецкой статистики не даетъ этой возможности, ибо свѣдѣнія имѣлись у авторовъ анкеты о каждомъ хозяйствѣ отдѣльно (по отвѣтамъ сельскихъ хозяевъ на разосланные имъ листки). Кстати, это собираніе свѣдѣній о каждомъ хозяйствѣ отдѣльно выгодно отличаетъ нѣмецкую сельско-хозяйственную статистику отъ французской, а, повидимому, также и отъ англійской и другихъ. Такая система даетъ возможность выдѣлить хозяйства разныхъ типовъ не только по величинѣ площади, но и по размѣрамъ, напр., молочнаго хозяйства, по употребленію машинъ, по степени развитія техническихъ производствъ и т. д. Для этого необходимо только болѣе обстоятельная обработка данныхъ статистики, именно, во-первыхъ, группировка хозяйствъ не по одному признаку (величина площади), а по нѣсколькимъ признакамъ (количество машинъ), скота, площади подъ спеціальными культурами и пр.), а во-вторыхъ, комбинированіе различныхъ группировокъ т. е. раздѣленіе каждой группы, напр., по величинѣ площади, на подгруппы по количеству скота и т. д. Образцомъ въ этомъ отношеніи могла-бы послужить и должна была-бы послужить русская земская статистика крестьянскаго хозяйства. Насколько правительственная нѣмецкая статистика выше *правительственной* русской по широтѣ и полнотѣ, единообразію и точности свѣдѣній, быстротѣ ихъ обработки и опубликованія,—настолько наша *земская* статистика выше европейскихъ частичныхъ анкетъ и изслѣдованій по замѣчательной полнотѣ отдѣльныхъ данныхъ и детализаціи ихъ обработки. Русская земская статистика давно уже ввела и подворное обслѣдованіе, и разнообразныя групповыя таблицы, и тѣ комбинаціонныя таблицы, о которыхъ мы говорили. Ближайшее ознакомленіе европейцевъ съ нашей земской статистикой, вѣроятно, дало бы сильный толчекъ прогрессу соціальной статистики вообще.

именно въ Европѣ и особенно характерны для процесса его *капиталистической* эволюціи, а во-вторыхъ, указанное обстоятельство сплошь и рядомъ забывается и при ссылкахъ на отдѣльные пріемы или районы, и здѣсь открывается широчайшее поприще для той мѣщанской апологетики, образцы которой намъ дали Гехтъ, Давидъ, Герцъ, Черновъ. Они ссылались на табаководовъ, которые, по общей площади хозяйства, „echte und rechte Kleinbauern"; но по размѣру табаководства они вовсе не „мелкіе" хозяева, и если взять данныя о табаководствѣ спеціально, то мы и въ немъ увидимъ капиталистическую концентрацію. Напр., во всей Германіи считалось въ 1898 г. 139 тыс. табаководовъ съ 17,6 тыс. ha подъ табакомъ, но изъ этихъ 139 тыс.—88 тыс. т. е. 63% имѣютъ вмѣстѣ не болѣе 3,3 тыс. ha т. е. всего пятую долю общей суммы табачныхъ посѣвовъ; остальныя четыре пятыхъ находятся въ рукахъ 37% хозяевъ *).

То-же самое и съ виноградарствомъ. Вообще площадь „средняго" виноградника, напр., въ Германіи очень мала: 0,36 гектара (344.850 хозяевъ и 126.109 ha подъ виноградомъ). Но распредѣленіе виноградарей таково, что у 49% (до 20 Ar виноградника) только 13% всѣхъ виноградниковъ, у „среднихъ" 30% хозяевъ (20—50 Ar)—26% и у крупныхъ 29% (1/2 ha и свыше) —61% виноградниковъ т. е. болѣе трехъ пятыхъ **). Еще несравненно сильнѣе концентрація торговаго огородничества (Kunst-und Handelsgärtnerei), которое такъ быстро растетъ во всѣхъ капиталистическихъ странахъ въ непосредственной зависимости отъ роста большихъ городовъ, крупныхъ желѣзнодорожныхъ станцій, индустріальныхъ поселковъ и пр. Въ Германіи считалось въ 1895 г. 32.540 хозяйствъ съ торговыми огородами и съ 23.570 гектарами площади подъ ними,—въ среднемъ менѣе одного гектара. Но большая половина этой площади (51,39%) сосредоточена въ рукахъ 1.932 хозяевъ т. е. 5,94% всѣхъ огородниковъ. Какъ велики площади огородовъ и остальной служащей для сельскаго хозяйства земли у этихъ крупныхъ хозяевъ, видно изъ такихъ цифръ: 1.441 огородникъ съ огородомъ въ 2—5 ha имѣетъ въ

---

*) Die deutsche Volkswirtschaft am Schlusse des 19 Irhd. Brl. 1900, S. 60; это по очень грубымъ даннымъ фискальной статистики. Для Россіи мы имѣемъ такія свѣдѣнія о распредѣленіи табаководства по тремъ уѣздамъ Полтавской губерніи: изъ всего числа 25 089 крестьянскихъ хозяйствъ съ посѣвомъ табака 3.015 хозяйствъ (т. е. менѣе 1/8) имѣютъ 74.565 дес. хлѣбныхъ посѣвовъ изъ 146.744 дес., т. е. болѣе половины, и 3.239 дес. табачныхъ посѣвовъ изъ 6.844 дес., т. е. около половины. Группировка же этихъ хозяйствъ по размѣрамъ табачныхъ плантацій показываетъ, что 324 хозяйства (изъ 25.089) имѣютъ по 2 и болѣе десятины подъ табакомъ, а всего 2.360 дес. изъ 6.844. Это тѣ крупные табаководы-капиталисты, о безобразной эксплоатаціи которыми рабочихъ такъ часто появляются извѣстія. Свыше полудесятины подъ табакомъ имѣли всего 2.773 хозяйства (немного болѣе 1/10), у нихъ было 4.145 дес. подъ табакомъ изъ 6.844. См. „Обзоръ табаководства въ Россіи", вып. II и III Спб. 1894.

**) Интересно отмѣтить, что во Франціи, гдѣ виноградарство развито несравненно сильнѣе (1 800,5 тыс гектаровъ) и концентрація виноградниковъ гораздо болѣе значительна. Но для сужденія о ней приходится ограничиться данными общей статистики площадей, ибо во Франціи не собираютъ свѣдѣній по отдѣльнымъ хозяйствамъ и не извѣстно число владѣльцевъ виноградниковъ Въ рукахъ хозяевъ, имѣющихъ всей земли 10 и болѣе гектаровъ, находится въ Германіи—12,83% всѣхъ виноградниковъ во Франціи же—57,02%.

среднемъ огородной земли по 2,76 ha, а вообще земли по 109,6 ha; 491 огородникъ съ 5 ha и болѣе огородной земли имѣетъ въ среднемъ по 16,54 ha огорода и всего земли по 134,7 гектаровъ.

Возвратимся къ молочному хозяйству, данныя о которомъ помогаютъ намъ отвѣтить на вопросъ о значенiи коопераций, превращаемыхъ Герцемъ въ панацею отъ капитализма. Герцъ видитъ „главную задачу соцiализма" въ ихъ поддержкѣ (S. 21, р. п., 62; S. 89, р. п. 214), а Черновъ, разбивающiй себѣ, какъ водится, лобъ отъ усерднаго поклоненiя новымъ божкамъ, сочинилъ уже „некапиталистическую эволюцiю земледѣлiя" при помощи коопераціи. Поклонники коопераций любятъ ссылаться на то, чего „возможно" достигнуть при ихъ помощи (см. примѣръ выше). А мы покажемъ лучше, что дѣйствительно достигается при помощи коопераций въ современномъ капиталистическомъ строѣ. Нѣмецкая статистика зарегистрировала при переписи хозяйствъ и занятiй въ 1895 году всѣ земледѣльческiя хозяйства, участвующiя въ товариществахъ для сбыта молочныхъ продуктовъ (Molkereigenossenschaften und Sammelmolkereien), а равно и число коровъ отъ которыхъ каждый такой хозяинъ сбываетъ молочные продукты. Это, насколько мы знаемъ, едва-ли не единственныя *массовыя* данныя, точно опредѣляющiя не только степень участiя хозяевъ разныхъ разрядовъ въ товариществахъ, но и—что особенно важно—хозяйственный, такъ сказать, размѣръ этого участiя, т. е. величину той именно отрасли хозяйства, которою каждый входитъ въ товарищество (число коровъ, дающихъ продуктъ, сбытъ котораго товариществами организованъ). Приводимъ эти данныя, распредѣленныя на пять главныхъ группъ по величинѣ земли у хозяевъ:

Хозяйства, участвующiя въ товариществахъ для сбыта молочныхъ продуктовъ:

	Число такихъ хозяйствъ.	% ко всему числу хозяйствъ.	% къ итогу *).	Число коровъ у нихъ.	% къ итогу.		На 1 хозяина коровъ.
0— 2 ha	10.300	0,3	6,95	18.556	1,71		1,8
2— 5 „	31.819	3,1	21,49	73.156	6,76		2,3
5— 20 „	53.597	5,4	36,19	211.236	19,51		3,9
20—100 „	43.561	15,4	29,42	418.563	38,65	72,02	9,6
100 и б. „	8.805	35,1	5,95	361.435	33,37		41,0
Всего	148.082	2,7	100,00	1.082.946	100.00		7,3
Хоз. съ 1000 и б. ha	204	35,6		18.273			89,0

Итакъ, изъ мелкихъ земледѣльцевъ въ товариществахъ участвуетъ совершенно ничтожное меньшинство—3—5%, т. е. такая доля, которая, вѣроятно, даже меньше доли капиталистическихъ хозяйствъ въ низшихъ группахъ. Напротивъ, изъ крупныхъ, завѣдомо капиталистическихъ

*) Г. Булгаковъ заявилъ: „Доля крупнаго хозяйства здѣсь будетъ ясна изъ слѣдующихъ цифръ" (II, 117) и привелъ *только* эти, которыя „долю крупнаго хозяйства" не выясняютъ, а скорѣе (безъ сравненiя съ другими цифрами *затемняютъ*.

хозяйствъ въ товариществахъ участвуетъ въ три—семь разъ большій процентъ, чѣмъ даже въ среднекрестьянскихъ хозяйствахъ. А латифундіи участвуютъ въ товариществахъ чаще всего. Мы можемъ судить теперь о всей безграничной наивности австрійскаго Ворошилова, Герца, который, возражая Каутскому тѣмъ, что въ „германскомъ сельско-хозяйственномъ союзѣ для закупокъ (Bezugsvereinigung), въ котрый входятъ самыя крупныя товарищества, представлено 1.050.000 *сельскихъ хозяевъ*" (S. 112, р. п. 267, курсивъ Герца)—заключаетъ, что, *значитъ*, не только крупные хозяева (выше 20 ha всего 306 тыс. хозяевъ), но и крестьяне участвуютъ въ товариществахъ! Стоило Герцу немного подумать надъ своимъ же собственнымъ предположеніемъ (участіе всѣхъ крупныхъ хозяевъ въ товариществахъ), и онъ увидѣлъ-бы, что, если крупные всѣ входятъ въ число членовъ товариществъ, то *значитъ* изъ остальныхъ входитъ *меньшая доля*,—значитъ вполнѣ подтверждается выводъ Каутскаго о *превосходствѣ крупнаго хозяйства надъ мелкимъ и въ отношеніи кооперативной организованности.*

Но еще интереснѣе данныя о числѣ коровъ, сбытъ продукта отъ которыхъ организованъ товариществами: *подавляющее большинство* этихъ коровъ, *почти три четверти* (72%) принадлежитъ крупнымъ хозяевамъ, ведущимъ *капиталистическое молочное хозяйство* и имѣющимъ по десяти, сорока, даже восьмидесяти (въ латифундіяхъ) коровъ на одно хозяйство. И теперь послушайте Герца: „Мы утверждаемъ, что *товарищества приносятъ наибольшую пользу именно мелкимъ и самымъ мелкимъ владѣльцамъ*"... (S. 112, р. п. 269, курсивъ Герца). Ворошиловы вездѣ одинаковы: и въ Россіи и въ Австріи, когда Ворошиловъ бія себя въ грудь, говоритъ и подчеркиваетъ: „Мы утверждаемъ",—можно быть увѣреннымъ, что онъ утверждаетъ какъ разъ то, чего нѣтъ.

Въ заключеніе нашего обзора данныхъ нѣмецкой аграрной статистики, бросимъ взглядъ на общую картину распредѣленія занятаго сельскимъ хозяйствомъ населенія по положенію въ хозяйствѣ. Мы беремъ, конечно, только сельское хозяйство въ собственномъ смыслѣ (А 1, а не А 1—6, по нѣмецкому обозначенію, т. е. не сосчитываемъ вмѣстѣ съ земледѣльцами рыболововъ, лѣсопромышленниковъ и охотниковъ), а затѣмъ беремъ данныя о лицахъ, для которыхъ земледѣліе было *главнымъ занятіемъ*. Нѣмецкая статистика дѣлитъ это населеніе на три главныя группы: а) самостоятельные (т. е. хозяева—собственники, арендаторы и пр.): в) служащіе (управляющіе, старосты, надсмотрщики, конторщики и пр.) и с) рабочіе, причемъ эта послѣдняя группа раздѣляется на слѣдующія четыре подгруппы: c^1) „члены семьи, работающіе въ хозяйствѣ главы семьи, отца, брата и т. п.". Другими словами, это—семейные рабочіе въ отличіе отъ наемныхъ рабочихъ, къ каковымъ относятся остальныя подгруппы группы *c*. Ясно поэтому, что для изученія соціальнаго состава населенія (и капиталистической эволюціи его) этихъ семейныхъ работниковъ надо соединить въ одну группу не съ наемными рабочими, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, а съ хозяевами (*a*), ибо эти семейные работники, въ сущности, тоже совладѣльцы, члены хозяйскихъ семей, имѣющіе право наслѣдованія и т. п. Далѣе, подгруппа c^2) сельско-хозяйствен-

ные батраки и батрачки (Knechte und Mägde); c^3) „сельско-хозяйственные поденщики и прочіе рабочіе (овчары, пастухи) съ собственной или арендованной землей“. Слѣдовательно, это—группа лицъ, въ одно и то же время и хозяевъ и наемныхъ рабочихъ, т. е. промежуточная, переходная группа, которую слѣдуетъ поставить особо. Наконецъ, c^4) „тоже—безъ собственной и безъ арендованной земли“. Мы получаемъ, такимъ образомъ, три основныя группы: I. Хозяева—владѣльцы земли и члены хозяйскихъ семей; II. Хозяева—владѣльцы земли и въ то же время наемные рабочіе; III. Невладѣющіе землей наемные рабочіе (служащіе, батраки и поденщики). Вотъ какъ распредѣлялось сельское населеніе*) Германіи между этими группами въ 1882 и 1895 годахъ:

Активное (промысловое) населеніе, видящее въ земледѣліи свое главное занятіе (въ тысячахъ)

	1882	1895		
a) хозяева-владѣльцы земли	2.253	2.522	+ 269	
c^1) члены хозяйскихъ семей	1.935	1.899	— 36	
I	4.188	4.421	+ 233	+ 5,6%
c^2) рабочіе съ землей (II)	866	383	— 483	— 55,8%
I+II	5.054	4.804	— 250	
в) служащіе	47	77	+ 30	
c^3) батраки	1.589	1.719	+ 130	
c^4) рабочіе безъ земли	1.374	1.445	+ 71	
III	3.010	3.241	+ 231	+ 7,7%
Всего	8.064	8.045	— 19	— 0,2%

Итакъ, все активное населеніе уменьшилось, хотя и не значительно. Внутри его мы видимъ уменьшеніе населенія, владѣющаго землей (I + II), и увеличеніе безземельнаго населенія (III). Это ясно показываетъ, что *идетъ впередъ экспропріація сельскаго населенія* и притомъ именно мелкихъ землевладѣльцевъ, ибо мы знаемъ уже, что наемные рабочіе съ кусочкомъ земли принадлежатъ къ числу наиболѣе мелкихъ хозяевъ. Далѣе, изъ числа владѣющихъ землей лицъ убы-

---

*) Мы говоримъ только о населеніи „активномъ“ (по французскому обозначенію; erwerbstätige, по нѣмецкому), т. е. дѣйствительно занимающемся земледѣліемъ, не считая прислугу и тѣхъ членовъ семей, которые не принимаютъ правильнаго и постояннаго участія въ земледѣльческхъ работахъ. Русская соціальная статистика такъ неразвита, что не выработанъ даже особый терминъ для этого понятія „aktive“, „erwerbstätig“ „occupiend“. Янсонъ въ своей обработкѣ данныхъ о занятіяхъ петербургскаго населенія („С.-Петербургъ по переписи 1890 года“) употребляетъ терминъ „самостоятельные“, но этотъ терминъ неудобенъ, ибо подъ „самостоятельными“ принято разумѣть хозяевъ, и такимъ образомъ дѣленіе по участію или неучастію въ промысловой (въ широкомъ смыслѣ слова) дѣятельности смѣшивается съ дѣленіемъ по положенію лица въ промыслѣ (хозяинъ—рабочій одиночка). Возможенъ терминъ: „производительное населеніе“, но и онъ неточенъ, ибо, напр., военные, рантье и т. п. классы уже совсѣмъ не „производительные“. Можетъ быть, удобнѣе былъ-бы терминъ: „промысловое“ населеніе, т.-е. участвующее во всякаго рода „промысловой“ (=дающей доходъ) дѣятельности, въ отличіе отъ тѣхъ, кто живетъ на счетъ „промышляющихъ“.

ваютъ хозяева-рабочіе, возрастаютъ въ числѣ хозяева. Мы видимъ, слѣдовательно, *исчезновеніе среднихъ группъ и усиленіе крайнихъ*: промежуточная группа исчезаетъ, происходитъ *обостреніе капиталистическихъ противорѣчій*. Изъ наемныхъ рабочихъ увеличиваются въ числѣ тѣ, которые уже совершенно экспропріированы, уменьшаются въ числѣ владѣльцы земли; изъ хозяевъ увеличиваются въ числѣ непосредственные владѣльцы предпріятій и уменьшаются въ числѣ тѣ, кто работаетъ въ предпріятіи главы семьи. (Это послѣднее обстоятельство, вѣроятно, находится въ связи съ тѣмъ, что работающіе члены крестьянскихъ семей не получаютъ большей частью никакой платы отъ главъ семьи, а потому особенно склонны къ бѣгству въ города).

Если взять данныя о населеніи, для котораго земледѣліе является *побочнымъ* занятіемъ, то мы увидимъ, что все это населеніе (активное или промысловое) увеличилось съ 3.144 тыс. до 3.578, т.-е. на 434 тыс., причемъ увеличеніе это почти цѣликомъ падаетъ на группу работающихъ членовъ хозяйскихъ семей, увеличившуюся на 397 тыс. (съ 664 до 1.061 тыс.). Число хозяевъ увеличилось на 40 тыс., съ 2.120 до 2.160; число рабочихъ съ землей увеличилось на 51 тыс., съ 9 до 60 тыс.; число рабочихъ безъ земли уменьшилось на 54 тыс. (351 до 297). Это гигантское увеличеніе—за 13 лѣтъ съ 664 тыс. до 1.061 тыс., т. е. на 59,8%—свидѣтельствуетъ опять таки о ростѣ пролетаризаціи; ростъ числа *крестьянъ*, членовъ крестьянскихъ семей, считающихъ уже земледѣліе своимъ только *побочнымъ* занятіемъ. Мы знаемъ, что главнымъ занятіемъ въ этихъ случаяхъ является прежде всего работа по найму (а затѣмъ уже мелкая торговля, ремесло и пр.). Если соединить вмѣстѣ всѣхъ работающихъ членовъ крестьянскихъ семей, какъ тѣхъ для кого земледѣліе—главное занятіе, такъ и тѣхъ, для кого оно только подсобное, то получимъ: 1882—2.559 тыс., 1895—2.960. Это увеличеніе легко можетъ подать поводъ къ ошибочному толкованію и апологетическимъ выводамъ, особенно при сопоставленіи съ уменьшающимся, въ общемъ и цѣломъ, числомъ наемныхъ рабочихъ. На самомъ же дѣлѣ это общее увеличеніе складывается изъ уменьшенія числа членовъ крестьянскихъ семей, для которыхъ земледѣліе—главное занятіе, и *увеличенія* числа тѣхъ, для кого оно подсобное, такъ что эти послѣдніе въ 1882 году составляли лишь 21,7% всего числа работающихъ членовъ крестьянскихъ семей, а въ 1895 уже 35,8%. Такимъ образомъ, статистика *всего* земледѣльческаго населенія показываетъ намъ съ полной наглядностью именно тѣ два процесса пролетаризаціи, на которые всегда указывалъ ортодоксальный марксизмъ и отъ которыхъ такими шаблонными фразами стараются отговориться оппортунистическіе критики,—съ одной стороны, растущее обезземеленіе крестьянства, экспропріація сельскаго населенія, бѣгущаго въ города или превращающагося изъ рабочихъ съ землей въ рабочихъ безъ земли;—съ другой стороны, развитіе „подсобныхъ заработковъ“ крестьянства, т. е. того соединенія земледѣлія съ промышленностью, которое означаетъ первую ступень пролетаризаціи и ведетъ всегда къ усиленному росту нужды (удлиненіе рабочаго дня, ухудшеніе питанія и пр.). До извѣстной степени оба эти процесса, если ихъ разсматривать съ внѣшней только стороны даже противоположны: увеличеніе числа безземель-

ныхъ рабочихъ—и увеличенiе числа работающихъ членовъ семей крестьянъ-землевладѣльцевъ. Поэтому, смѣшивая эти процессы или игнорируя одинъ изъ нихъ, легко впасть въ самыя грубыя ошибки, образчики которыхъ разсыпаны во множествѣ въ книгѣ Булгакова. Наконецъ, статистика занятiй показываетъ намъ еще выдающийся ростъ числа служащихъ *): съ 47 тыс. до 77, т. е. на 63,8%. Наряду съ ростомъ пролетаризацiи—ростъ крупнаго капиталистическаго производства, которое нуждается въ служащихъ и притомъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ болѣе употребляются машины и развиваются техническiя производства.

Итакъ, въ данныхъ нѣмецкой статистики г. Булгаковъ, при всей своей похвальбѣ „детализацiей", совершенно не сумѣлъ разобраться. Въ статистикѣ занятiй онъ отмѣтилъ только увеличенiе числа безземельныхъ и уменьшенiе числа владѣющихъ землей рабочихъ, какъ показатель „перемѣнъ, происшедшихъ въ организацiи сельско-хозяйственнаго труда" (II, 106). Но это измѣненiе организацiи труда во всемъ германскомъ земледѣлiи осталось для него совершенно случайнымъ и непонятнымъ фактомъ, не связаннымъ съ общимъ строемъ и общей эволюцiей земледѣльческаго капитализма. На самомъ же дѣлѣ это только одна изъ сторонъ въ процессѣ развитiя капитализма. Техническiй прогрессъ германскаго земледѣлiя есть, вопреки мнѣнiю г. Булгакова, главнымъ образомъ прогрессъ крупнаго производства, какъ это неопровержимо доказываютъ данные объ употребленiи машинъ, о процентѣ предпрiятiй съ рабочимъ скотомъ и о составѣ рабочаго скота, о развитiи сельско-хозяйственныхъ техническихъ производствъ, о ростѣ молочнаго хозяйства и пр. Неразрывно связанъ съ этимъ прогрессомъ крупнаго производства ростъ пролетаризацiи и экспропрiацiи сельскаго населенiя, увеличенiе числа парцелльныхъ хозяйствъ и числа крестьянъ, главнымъ источникомъ существованiя для которыхъ становятся подсобные заработки, усиленiе нужды въ среднекрестьянскомъ населенiи, которое всего болѣе ухудшило условiя своего хозяйства (наибольшее увеличенiе процента безлошадныхъ и процента употребляющихъ для полевыхъ работъ коровъ), а, слѣдовательно, также и условiя всей своей жизни и качество ухода за землей.

X.

„Трудъ" нѣмецкаго Булгакова, Э. Давида.

Книга Эд. Давида „Соцiализмъ и сельское хозяйство" представляетъ изъ себя особенно неуклюжую и громоздкую сводку тѣхъ ошибочныхъ прiемовъ и разсужденiй, которыя мы видѣли у гг. Булгакова, Герца, Чернова. Мы могли бы, поэтому, совершенно обойти молчанiемъ Давида. Но такъ какъ его „трудъ" въ настоящее время, несомнѣнно, является главнымъ трудомъ ревизiонизма въ аграрномъ вопросѣ, то мы считаемъ необходимымъ охарактеризовать еще разъ, какъ пишутъ ученыя работы господа ревизiонисты.

---

*) По поводу этого факта очень плоско острить г. Булгаковъ въ „Началѣ": „ростъ числа офицеровъ при уменьшенiи армiи". Упрощенный взглядъ на организацiю труда въ крупномъ производствѣ!

Вопросу о машинахъ въ с. хозяйствѣ Давидъ удѣляетъ цѣликомъ IV-ю главу своей книги (стр. 115—193 рус. перевода), помимо многочисленныхъ частныхъ указаній на ту же тему въ другихъ главахъ. Авторъ подробнѣйшимъ образомъ разсматриваетъ сотни *техническихъ* подробностей и топитъ въ нихъ политико-экономическую суть дѣла. Въ земледѣліи машины не играютъ такой роли, какъ въ промышленности; въ земледѣліи нѣтъ центральнаго мотора; большинство машинъ находится въ дѣлѣ только временно; часть машинъ не даетъ сбереженія въ издержкахъ производства и т. д. и т. д. Подобные выводы (ср. стр. 190—193, резюмэ по вопросу о машинахъ) Давидъ считаетъ опровергающими марксистскую теорію! Но вѣдь это одно засореніе, а не выясненіе вопроса. Отсталость земледѣлія по сравненію съ обрабатывающей промышленностью не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Эту отсталость нечего и доказывать. Перечисляя по пунктамъ, въ чемъ проявляется эта отсталость, громоздя примѣры на примѣры и казусы на казусы, Давидъ только отодвигаетъ настоящій предметъ изслѣдованія: капиталистическій-ли характеръ имѣетъ употребленіе машинъ? связанъ-ли ростъ употребленія машины съ ростомъ капиталистическаго земледѣлія?

Давидъ совершенно не понимаетъ самой постановки вопроса, необходимой для марксиста. Въ сущности, точка зрѣнія Давида, есть точка зрѣнія мелкаго буржуа, который утѣшаетъ себя медленнымъ сравнительно прогрессомъ капитализма, боясь взглянуть на всю общественную эволюцію въ ея цѣломъ. Напримѣръ, Давидъ цитируетъ по вопросу о с.-х. машинахъ Бензинга, цитируетъ безконечное число разъ (стр. 125, 135, 180, 182, 184, 186, 189, 506 и др. рус. перев.). Читателя прямо, можно сказать, изводитъ нашъ Давидъ, переходя отъ частности къ частности, безъ обработки матеріала, безъ связи, безъ осмысленной постановки вопроса, безъ цѣли. Поэтому, никакого *итога* выводамъ Бензинга Давидъ не подводитъ. То, что было мной сказано въ 1901 г. противъ г. Булгакова, цѣликомъ относится и къ Давиду. Во-1-хъ, итогъ выводовъ Бензинга показываетъ (см. выше стр. 183) неоспоримое преимущество употребляющихъ машины хозяйствъ надъ неупотребляющими. Никакія „поправки“ къ Бензингу въ мелочахъ, которыми напичкалъ Давидъ свою книгу, не мѣняютъ вывода. *Давидъ умалчиваетъ объ этомъ общемъ выводѣ* совершенно *такъ-же, какъ и г. Булгаковъ*! Во-2-хъ, цитируя Бензинга безъ конца, безъ смысла, безъ связи, Давидъ тоже, подобно г. Булгакову, *не замѣтилъ* буржуазныхъ взглядовъ Бензинга на машины и въ индустріи, и въ земледѣліи. Однимъ словомъ, общественно-экономической стороны вопроса Давидъ даже не понимаетъ. Фактическія данныя, свидѣтельствующія о превосходствѣ крупнаго хозяйства надъ мелкимъ, онъ не умѣетъ обобщить и связать. Въ результатѣ не остается ничего, кромѣ реакціонной ламентаціи мѣщанина, возлагающаго свои надежды на отсталость техники, на медленность развитія капитализма. Правый кадетъ и „христіанскій“ ренегатъ г. Булгаковъ теоретически вполнѣ равенъ оппортунисту с.-д. Давиду.

Общественно-экономической стороны дѣла Давидъ не понимаетъ и въ другихъ вопросахъ, не понимаетъ безнадежно. Возьмите его основное положеніе, его любимую мысль, „гвоздь“ всего труда:

жизнеспособность *мелкаго производства* въ земледѣлiи и превосходство надъ крупнымъ. Спросите Давида, что такое мелкое производство?

На стр. 29, примѣч., вы находите аккуратный отвѣтъ: „Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы говоримъ о мелкомъ производствѣ, мы разумѣемъ хозяйственную категорiю, функцiонирующую безъ постоянной чужой помощи и безъ побочнаго промысла". Это неуклюже выражено и безграмотно переведено г. Гроссманомъ, но это все же сколько-нибудь ясно. Вы вправѣ ожидать послѣ этого, что Давидъ прослѣдитъ условiя мелкаго (*по величинѣ площади*) земледѣлiя *съ точки зрѣнiя* употребленiя наемнаго труда или продажи его земледѣльцемъ.

Ничего подобнаго.

Ни въ чемъ такъ рельефно не обнаруживается буржуазность Давида, какъ въ полнѣйшемъ игнорированiи вопроса объ употребленiи наемнаго труда „мелкими" земледѣльцами и о превращенiи этихъ послѣднихъ въ наемныхъ рабочихъ. Полнѣйшее игнорированiе, это—буквально вѣрно. Статистическiя данныя объ этомъ есть въ нѣмецкой статистикѣ; ихъ приводитъ вкратцѣ Каутскiй въ своемъ „Аграрномъ вопросѣ" (у меня эти данныя приведены подробно,—см. стр. 227). Давидъ знаетъ эту статистику и не анализируетъ этихъ данныхъ. Давидъ приводитъ кучу ссылокъ на отдѣльныя монографiи и *игнорируетъ всецѣло* ихъ данныя поэтому вопросу. Однимъ словомъ, это сплошное *замалчиванiе* мелкимъ буржуа вопроса о „работничкахъ" у хозяйственнаго мужика.

Вотъ примѣры.

На стр. 109-й читаемъ: „Въ общемъ, въ огородничествѣ точно такъ же, какъ и въ сельскомъ хозяйствѣ, процвѣтаетъ мелкое производство".

Вы ждете доказательствъ. Вамъ даютъ слѣдующее *и только* слѣдующее:

„По даннымъ промышленной *) статистики 1895 г. изъ 32.540 садоводствъ и огородничествъ 13.247 = 40% были величиной менѣе 20 аровъ; 8.257 = 25% были отъ 20 до 50 аровъ; 5.707 = 14% отъ 50 аровъ до 1 гектара; 3.397 = 10% были величиной отъ 1 до 2 гект. и только у 1932 = 6% площадь занятой земли была въ 2 гект. и выше".

Это все. Это должно доказывать процвѣтанiе мелкаго производства въ огородничествѣ. Это должно быть разсматриваемо, какъ ученая работа начитаннаго въ агрономiи Давида. Если такъ, то мы отказываемся понимать, что называется шарлатанствомъ въ наукѣ.

Только 6% имѣютъ по 2 и болѣе ha, говоритъ Давидъ. Рядомъ, въ той же статистикѣ, изъ которой онъ беретъ эти цифры, стоятъ данныя о *количествѣ земли* у этихъ 6%. *Давидъ эти данныя замалчиваетъ.* А замалчиваетъ онъ ихъ потому, что они разрушаютъ его теорiю. „Въ рукахъ 1.932 хозяевъ, т. е. 5,94% всѣхъ огородниковъ" писалъ я по поводу именно этихъ данныхъ (стр. 220 статьи въ Образ.) „сосредоточено больше половины, 51,39%" всей земли, на-

---

*) Это, очевидно, г. Гроссманъ, редакторъ перевода, перевелъ такъ Betriebs statistik. Бѣда съ русскими переводами! Надо сказать: „статистики сельскохозяйственныхъ предпрiятiй".

ходящейся подъ торговыми огородами. Изъ этихъ 1.932 огородниковъ 1.441 имѣютъ 2 — 5 ha огородовъ; у нихъ въ среднемъ приходится по 2,76 ha огородной земли и по 109,6 ha *всей земли*. Пять и болѣе гектаровъ огорода имѣетъ 491 хозяинъ, владѣя въ среднемъ 16.54 ha огорода и 134,7 ha *всей земли* (тамъ же).

Итакъ, *только* 6% огородниковъ концентрируютъ 51,39% всей огородной земли. Это — крупные капиталисты, у которыхъ огороды являются *дополненіемъ* капиталистическаго земледѣлія (хозяйства въ 100—135 гектаровъ). Торговое огородничество, слѣд., громадно сконцентрировано капиталистически. А Давидъ имѣетъ... смѣлость утверждать, что „процвѣтаетъ мелкое производство", т. е. производство безъ наемнаго труда. О томъ, какіе размѣры хозяйства въ торговомъ огородничествѣ требуютъ помощи наемныхъ рабочихъ, *онъ не даетъ свѣдѣній*.

Такъ обращается ученый Давидъ съ статистикой. Примѣръ его обращенія съ монографіями — тотъ же пресловутый Гехтъ, на котораго ссылались гг. Булгаковъ, Герцъ, Черновъ (см. выше стр. 203—207). Въ своемъ „трудѣ" Давидъ пересказываетъ Гехта на двухъ страницахъ (стр. 394 — 5). И *какъ* пересказываетъ? *Ни звука о наемномъ трудѣ*. Ни звука о томъ, что Гехтъ прикрашиваетъ „*осѣдлость*" фабричнаго рабочаго съ клочкомъ земли, смѣшивая рабочихъ вмѣстѣ съ зажиточнымъ крестьянствомъ. Ни звука о томъ, что при „процвѣтаніи" небольшого числа зажиточныхъ крестьянъ, масса находится въ такомъ положеніи, что приходится даже, продавая молоко, замѣнять его болѣе дешевымъ маргариномъ.

Давидъ не только молчитъ объ этомъ, но заявляетъ даже, что „Гехтъ приводитъ чрезвычайно интересныя данныя о высокихъ жизненныхъ потребностяхъ этихъ крестьянъ" (стр. 395). Болѣе грубый буржуазный апологетизмъ трудно себѣ представить.

Кстати, по поводу этого указанія Гехта на продажу молока крестьянами для покупки болѣе дешеваго маргарина. Казалось бы, это — самый общеизвѣстный фактъ для экономиста. Марксъ еще въ 1847 году въ „Нищетѣ философіи" указывалъ на это ухудшеніе народнаго питанія капитализмомъ. Въ Россіи еще со временъ Энгельгардта (70-ые годы) много, много разъ отмѣчали это явленіе всѣ, сколько-нибудь добросовѣстно изучавшіе прогрессъ капитализма въ молочномъ хозяйствѣ. „Ученый" Давидъ этого не замѣтилъ. Онъ даже хихикаетъ надъ такими указаніями соціалистовъ.

На стр. 427 — 8 книги Давида мы читаемъ насмѣшки надъ Каутскимъ, который говоритъ, что сборныя молочныя, развивая продажу молока крестьянами, ухудшаютъ ихъ питаніе. Чтобы читатель могъ оцѣнить по достоинству нѣмецкаго народника Давида, мы приведемъ его подлинныя слова:

...„Всѣ прочіе люди имѣютъ привычку въ случаѣ, если получатъ большій доходъ, употребить изъ него кое-что и въ пользу своего желудка. Такова ужъ, такъ сказать, природа человѣка, что онъ очень охотно ѣстъ что-нибудь лучшее, если только онъ имѣетъ для этого небольшія деньги. И вотъ, въ высшей степени странно, что одинъ лишь крестьянинъ, получавшій, благодаря товариществу, по общему признанію, больше денегъ, нежели раньше, за свое молоко и своихъ

свиней, поступаетъ совсѣмъ не такъ, какъ остальные смертные“ и т. д., и т. д., и т. д.

На это шутовство реакціоннаго мѣщанина отвѣчать не стоитъ, конечно. Достаточно показать его читающей публикѣ, достаточно вытащить его на свѣтъ божій изъ подъ груды безсвязныхъ агрономическихъ цитатъ, разбросанныхъ по 550 страницамъ. Достаточно отмѣтить, что *цитируемый Давидомъ* буржуазный апологетъ Гехтъ и тотъ признаетъ ухудшеніе питанія *какъ фактъ* вслѣдствіе замѣны продаваемаго молока дешевымъ маргариномъ. Это относится къ южной Германіи, къ области преобладающаго мелко-крестьянскаго хозяйства. Изъ другой области — Восточной Пруссіи — мы имѣемъ совершенно аналогичное указаніе Klawki (см. выше, стр. 213 и 214), что мелкіе крестьяне „очень мало употребляютъ масла и цѣльнаго молока“.

Буржуазный апологетизмъ Давида можно прослѣдить рѣшительно по всѣмъ затрагиваемымъ имъ вопросамъ. Онъ воспѣваетъ, напримѣръ, молочныя товарищества Германіи и Даніи на десяткахъ страницъ (413—435 и др.). Онъ приводитъ и статистику... только по вопросу о возрастаніи числа товариществъ! Данныя нѣмецкой статистики о концентраціи „товарищескаго“ молочнаго производства въ рукахъ капиталистическихъ крупныхъ хозяйствъ (см. выше, стр. 242) онъ *не приводитъ*. Давиды не замѣчаютъ такихъ данныхъ въ той статистикѣ, которой они пользуются!

„Организованные въ товарищества датскіе крестьяне—говоритъ Давидъ—превзошли даже частновладѣльческія фермы крупныхъ земельныхъ собственниковъ“. Слѣдуетъ примѣръ: цитата изъ 46-го доклада испытательной лабораторіи о томъ, что масло товариществъ лучшаго качества, чѣмъ помѣщика. И Давидъ продолжаетъ:

„Такихъ результатовъ достигли крестьяне, нѣкогда въ своихъ маленькихъ хозяйствахъ приготовлявшіе лишь низшаго качества масло, за которое они выручали едва половину цѣны, получаемой крупными владѣльцами. Притомъ *здѣсь, въ сущности, идетъ рѣчь о среднихъ и мелкихъ крестьянахъ* (курсивъ Давида). Въ 1898 г. въ Даніи было 179.740 коровниковъ; изъ этого числа только 7.544 т. е. 4% имѣли по 30 и болѣе коровъ; 49.371 т. е. 27,82% имѣли каждый отъ 10 до 29 коровъ. Меньше 10 головъ скота имѣли 122.589 т. е. 68,97% коровниковъ. Большая половина послѣднихъ, а именно 70.218 коровниковъ — что составляетъ 39,85% всего числа — заключали лишь 1 — 3 головы, т. е. принадлежали мелкимъ хозяйствамъ. Что изъ числа мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ значительное большинство участвуетъ въ товарищескихъ организаціяхъ, доказывается тѣмъ фактомъ, что въ 1900 году, при общемъ числѣ около 1.110.000 молочныхъ коровъ въ Даніи, молоко 900.000 коровъ приблизительно сдавалось въ товарищескія молочныя“ (424 стр.).

Такъ аргументируетъ ученый Давидъ. Точныхъ данныхъ о распредѣленіи числа коровъ въ хозяйствахъ разныхъ группъ онъ избѣгаетъ, ему непріятно приводить ихъ. Но уже изъ тѣхъ отрывочныхъ цифръ, которыя онъ привелъ, видно полное извращеніе имъ дѣйствительности. Сравнивая общее число коровъ съ распредѣленіемъ коровниковъ по числу штукъ скота въ нихъ мы получаемъ такую—

правда приблизительную *), но несомнѣнно, въ общемъ и цѣломъ, соотвѣтствующую дѣйствительности картину:

Данія	Число хозяйствъ тысячъ	Число коровъ у нихъ тысячъ	На 1 хозяйство коровъ
Хоз. съ 1—3 коров.	70	100	1,43
» » 4—9 »	52	250	4,81
» » 10—29 »	49	550	11,22
» » 30 и бол. кор.	8	200	25,00
Всего	179	1,100	6,14

Изъ этихъ цифръ видно, во-1-хъ, что концентрація молочнаго скотоводства въ Даніи *очень велика.* 750 тысячъ коровъ изъ 1.100 т. е. *свыше двухъ третей общаго числа* принадлежитъ *крупнымъ хозяйствамъ,* 57 тысячамъ изъ 179 т. е. менѣе чѣмъ трети общаго числа хозяевъ. Такія хозяйства не обходятся, навѣрное, безъ наемнаго труда, разъ они имѣютъ по 10 и болѣе коровъ. Слѣдовательно, Давидъ „не замѣтилъ", что размѣръ скотоводческаго хозяйства здѣсь вовсе не мелкій; по количеству земли нельзя судить о датскихъ хозяевахъ. Давидъ „не замѣтилъ", что громадное число мелкихъ хозяйствъ имѣетъ здѣсь, какъ вездѣ и всегда въ капиталистическомъ земледѣліи, ничтожную долю общаго производства. Мелкихъ хозяевъ 70 тыс. т. е. почти 40%, а у нихъ 1/11 общаго числа коровъ.

Во-вторыхъ, приведенныя цифры показываютъ, что *благами товариществъ* и въ Даніи, какъ въ Германіи, пользуются *главнымъ образомъ капиталисты.* Если изъ 1100 тыс. коровъ молоко отъ 900 тыс. сдается въ молочныя, значитъ 200 тыс. коровъ остаются *внѣ* „благъ" товарищескаго сбыта. Это по преимуществу коровы самыхъ мелкихъ хозяевъ, ибо мы видѣли по даннымъ относительно Германіи, что въ хозяйствахъ до 2 ha только 0,3% всѣхъ хозяйствъ участвуютъ въ молочныхъ товариществахъ, а въ хозяйствахъ съ 100 и болѣе ha—35,1%. Слѣдовательно, все заставляетъ предположить, что мелкіе хозяева (70 тысячъ хозяевъ съ 100 тысячъ коровъ) наименѣе пользуются выгодами товарищескаго сбыта.

Примѣръ Даніи побиваетъ Давида всецѣло, доказывая преобладаніе именно не мелкихъ и не среднихъ, а крупныхъ хозяйствъ въ производствѣ молочныхъ продуктовъ.

Чтобы нѣсколько оживить эти мертвыя цифры и таблицы, чтобы показать классовый характеръ буржуазнаго земледѣлія (совершенно игнорируемый тупымъ мѣщаниномъ Давидомъ), приведемъ выдающійся фактъ изъ исторіи рабочаго движенія въ Даніи. Въ 1902 году

*) Приблизительны эти цифры, во 1-хъ, потому, что число коровъ дано за 1900 г., а число хозяйствъ за 1898; во 2-хъ, потому, что число коровъ по группамъ хозяйствъ пришлось опредѣлить приблизительно, ибо точныхъ цифръ нѣтъ у Давида. Долю крупнаго хозяйства мы взяли меньше дѣйствительности: 7,544 хозяйства имѣютъ по 30 и болѣе коровъ каждое. Это даетъ, даже если взять minimum, т. е. по 30 коровъ на хозяйство, 7544×30=226,320 коровъ. Мы взяли *меньшую* цифру, ибо иначе размѣры мелкихъ хозяйствъ черезчуръ приближаются къ минимальнымъ, а не максимальнымъ предѣламъ группъ.

датскіе судовладѣльцы понизили плату кочегарамъ. Тѣ отвѣтили стачкой. Союзъ всѣхъ портовыхъ рабочихъ поддержалъ ихъ, тоже прекративъ работы. Но... стачку не удалось сдѣлать всеобщей, распространить на всѣ порты Даніи. „Портъ Эсбьергъ (на западномъ берегу Даніи, важенъ въ торговлѣ съ Англіей), имѣющій такое громадное значеніе въ вывозѣ датскихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, не удалось вовлечь въ стачку, такъ какъ датскія сельско-хозяйственныя товарищества заявили, что они немедленно пошлютъ потребное количество своихъ членовъ для работы по нагрузкѣ судовъ; датскіе крестьяне не позволятъ пріостанавливать вывозъ своихъ продуктовъ *).

Итакъ, датскія товарищества встали на сторону хозяевъ-судовладѣльцевъ противъ рабочихъ и погубили стачку. Вполнѣ понятно, конечно, что капиталисты-фермеры, имѣющіе по 10 и болѣе коровъ, поддержали капиталистовъ же противъ рабочихъ. Непонятно только, что называютъ себя соціалистами писатели, вродѣ Давида, затушевывающіе классовую борьбу.

По вопросу о соединеніи сельскихъ хозяйствъ съ техническими производствами (сахаровареніе, винокуреніе и т. д.), Давидъ дѣлаетъ *совершенно ту же* ошибку, что и г. Булгаковъ. Подобно россійскому профессору нѣмецкій „ученый" оппортунистъ *просто списалъ* таблички изъ нѣмецкой анкеты, не подумавъ, къ чему эти таблички относятся! Каутскій утверждаетъ, что сахарное производство есть образецъ сельско-хозяйственной *крупной* индустріи. Давидъ въ опроверженіе этого приводитъ, подобно Булгакову, цифры, показывающія, что мелкихъ хозяйствъ, соединенныхъ съ техническими производствами, больше чѣмъ крупныхъ (стр. 406, 407, 410 у Давида). О томъ, что вообще мелкихъ хозяйствъ больше, чѣмъ крупныхъ, ученый статистикъ забылъ. Вмѣсто опредѣленія процента соединенныхъ съ техническими производствами хозяйствъ ко всему числу хозяйствъ данной группы, онъ списалъ табличку, дающую процентъ такихъ хозяйствъ по группамъ къ общему ихъ итогу. Я уже подробно показалъ эту ошибку г. Булгакова выше (см. стр. 237 и 238). Остается только замѣтить, что столь же научно-добросовѣстный Э. Давидъ не потрудился равнымъ образомъ взглянуть на данныя *о долѣ земли* подъ свекловичными посѣвами, находящейся въ рукахъ капиталистовъ.

До какихъ комичныхъ предѣловъ доходитъ тождество душъ нѣмецкаго оппортуниста и русскаго либеральнаго профессора, видно изъ того, что они не только одинаково небрежно и неумѣло пользуются статистикой, но и одинаково небрежно цитируютъ Маркса. Давидъ, подобно Булгакову, признаетъ „законъ убывающаго плодородія почвы". Правда, онъ пытается изложить его съ особыми ограниченіями, обставить особыми условіями, но дѣло отъ этого нисколько не становится лучше. Напримѣръ, на стр. 476-ой Давидъ говоритъ, что „законъ этотъ вообще не касается вопроса о колебаніи продуктивности при переходѣ съ одной научно-технической ступени на дру-

---

*) *Emil Helms*, Die socialdemokratische und gewerkschapsliche Bewegung in Dänemark Lpz. 1907. S. 138.

гую. Законъ занятъ исключительно колебаніемъ продуктивности на одной и той же научно-технической ступени". Это какъ разъ то *ограниченіе* пресловутаго закона, которое я указалъ противъ г. Булгакова (см. выше, стр. 165, 166), причемъ я добавилъ тогда же, что это будетъ „законъ" „настолько относительный, что ни о какомъ законѣ *и даже ни о какой кардинальной особенности земледѣлія не можетъ быть и рѣчи*".

Между тѣмъ Давидъ продолжаетъ возводить этотъ законъ въ особенность земледѣлія. Получается невообразимая путаница, ибо при неизмѣнность „научно-техническихъ" условій и въ промышленности крайне ограничены добавочныя вложенія капитала.

„Отсталость сельскаго хозяйства — говоритъ Давидъ въ заключительной главѣ—объясняется, во-1-хъ, *консервативностью органическихъ силъ природы*, что выражается въ законѣ понижающихся урожаевъ" (501). Въ этомъ выводѣ уже выброшено за бортъ только что выставленное положеніе, что „законъ" не относится къ переходамъ на высшую техническую ступень! „Консервативность силъ природы" есть просто словесная увертка реакціоннаго мѣщанства, неспособнаго понять *общественныя* условія, тормозящія особенно развитіе сельскаго хозяйства. Давидъ обнаруживаетъ непониманіе того, что къ этимъ *общественнымъ* условіямъ принадлежатъ, во-первыхъ, остатки феодализма въ земледѣліи, неравноправность батраковъ и т. д., и т. п., а во-вторыхъ, *поземельная рента*, которая вздуваетъ цѣны и *закрѣпляетъ* высокія ренты *въ цѣнѣ земли*.

„Мы думаемъ,—пишетъ Давидъ,—что въ настоящее время германское земледѣліе не могло бы производить необходимаго количества хлѣба съ тою продуктивностью, которая, благодаря заокеаническому производству считается нормальной съ точки зрѣнія мірового хозяйства. Законъ понижающихся урожаевъ не позволяетъ безъ пониженія продуктивности неограниченно увеличивать количество продуктовъ на ограниченной площади земли" (519—послѣдняя фраза у Давида подчеркнута)

Неугодно-ли посмотрѣть на этого экономиста! Онъ заявляетъ, что „законъ" понижающихся урожаевъ занятъ *исключительно* колебаніемъ продуктивности на одной и той же научно-технической ступени (476). А выводъ гласитъ: „законъ не позволяетъ „неограниченно" увеличивать количество продуктовъ (519)! Откуда же слѣдуетъ, что германское земледѣліе *не могло бы быть поднято* на слѣдующую „научно-техническую ступень", если бы не мѣшала частная собственность на землю, если бы не мѣшала вздутая рента, если бы не мѣшало безправіе, забитость и приниженность батрака, если бы не мѣшали дикія средневѣковыя привиллегіи юнкерства??

Буржуазный апологетъ, естественно, стремится игнорировать общественныя и историческія причины отсталости земледѣлія, сваливая вину на „консервативность силъ природы" и на „законъ убывающаго плодородія". Ничего кромѣ апологетики и тупоумія не содержится въ этомъ пресловутомъ законѣ.

А чтобы прикрыть свое позорное отступленіе къ старымъ предразсудкамъ буржуазной экономіи, Давидъ совершенно такъ же, какъ и Булгаковъ, преподноситъ намъ облыжную ссылку на Маркса.

Давидъ цитируетъ *ту же страницу* 3-го тома „Капитала“ (III B., I Theil, S. 277), которую приводилъ и г. Булгаковъ! (Смотри стр. 480 у Давида и выше разборъ г. Булгакова, стр. 171 и 172.

То, что сказано мной о *научной добросовѣстности* г. Булгакова *всецѣло* относится и къ Давиду. Г. Булгаковъ исказилъ цитату изъ Маркса. Давидъ ограничился приведеніемъ первыхъ словъ той же цитаты: „О понижающейся производительности почвы при послѣдовательныхъ приложеніяхъ капитала смотри у Либиха“ (Das Kapital, III B, II Theil, S. 277). Подобно Булгакову Давидъ извратилъ Маркса, представивъ читателю дѣло такъ, будто это—единственное указаніе Маркса. На дѣлѣ, повторяемъ, всякій, читавшій 3-ій томъ „Капитала“ (и вторую часть второго тома Theorien über den Mehrwert), знаетъ обратное. Марксъ *десятки разъ* показываетъ, что случай *пониженія* производительности добавочныхъ вложеній капитала, онъ считаетъ вполнѣ равноправнымъ, одинаково возможнымъ, какъ и случай *повышенія* производительности добавочныхъ вложеній капитала.

Въ примѣчаніи на стр. 481-ой Давидъ обѣщаетъ въ будущемъ разсмотрѣть связь этого закона съ рентой, а также „критически разсмотрѣть попытку Маркса развить и расширить теорію ренты, отвергнувъ основанія, данныя Мальтусомъ и Рикардо“.

Беремся предсказать, что критическое разсмотрѣніе Давида будетъ повтореніемъ буржуазныхъ предразсудковъ à la г. Булгаковъ или... à la товарищъ Масловъ.

Перейдемъ къ разбору еще одного въ корнѣ невѣрнаго положенія Давида. Опровергать его апологетику или извращенія статистики очень уже неблагодарная работа. По тому вопросу, къ которому мы переходимъ, мы имѣемъ нѣкоторыя новыя данныя, позволяющія противопоставить *фактическую* картину дѣйствительности теоріямъ современнаго мѣщанства.

XI.

Скотоводство въ мелкомъ и крупномъ хозяйствѣ.

„Критики“ или бернштеніанцы въ аграрномъ вопросѣ, защищая мелкое производство, ссылаются особенно часто на слѣдующее обстоятельство. Мелкіе земледѣльцы на данную единицу земельной площади держатъ несравненно больше скота, чѣмъ крупные. Слѣдовательно,—говорятъ,—мелкіе земледѣльцы лучше удобряютъ почву. Ихъ хозяйство стоитъ выше въ техническомъ отношеніи, ибо удобреніе играетъ рѣшающую роль въ современномъ земледѣліи, а удобреніе, получаемое отъ скота, содержимаго въ хозяйствѣ, во много разъ перевѣшиваетъ всѣ и всякія искусственныя удобренія.

Эд. Давидъ въ своей книгѣ „Соціализмъ и сельское хозяйство“ придаетъ этому доводу рѣшающее значеніе (стр. 326, 526, 527 рус. перев.). Онъ пишетъ курсивомъ: „навозъ душа земледѣлія“ (стр. 308) и дѣлаетъ изъ этой истины главную основу своей защиты мелкаго земледѣлія. Онъ приводитъ нѣмецкую статистику, которая показываетъ, что въ мелкихъ хозяйствахъ на единицу площади содержится

гораздо больше скота, чѣмъ въ крупныхъ. Давидъ убѣжденъ, что эти данныя окончательно рѣшаютъ въ его пользу вопросъ о преимуществахъ крупнаго и мелкаго производства въ земледѣліи.

Присмотримся поближе къ этой теоріи и навозной душѣ сельскаго хозяйства.

Главный доводъ Давида и его многочисленныхъ сторонниковъ изъ буржуазныхъ экономистовъ—статистическій. Сравнивается количество скота (на единицу площади) въ хозяйствахъ различнаго размѣра. При этомъ молчаливо предполагается, что сравниваются величины однородныя т. е. что одинаковое количество скота одного опредѣленнаго вида представляетъ изъ себя и въ крупныхъ и въ мелкихъ хозяйствахъ равную, такъ сказать, сельско-хозяйственную цѣнность. Предполагается, что равное количество скота даетъ равное количество навоза, что скотъ отличается болѣе или менѣе одинаковыми качествами въ хозяйствахъ крупныхъ и мелкихъ и т. п.

Очевидно, что отъ правильности этого обычнаго молчаливаго предположенія зависитъ всецѣло доказательное значеніе разбираемаго довода. Правильно-ли это положеніе? Если отъ голой и грубой огульной статистики перейти къ анализу общественно-хозяйственныхъ условій мелкаго и крупнаго земледѣльческаго производства въ цѣломъ, то мы увидимъ сразу, что какъ разъ подлежащее доказательству принимается этимъ положеніемъ за доказанное. Марксизмъ утверждаетъ, что въ мелкомъ производствѣ условія содержанія скота (а также, какъ мы видѣли, условія ухода за землей и содержанія работника-земледѣльца) *хуже* этихъ условій въ крупномъ хозяйствѣ. Буржуазная политическая экономія, а за ней бернштеніанцы утверждаютъ обратное: въ силу *прилежанія* мелкаго земледѣльца условія содержанія скота гораздо лучше въ мелкомъ хозяйствѣ, чѣмъ въ крупномъ. Чтобы найти статистическія данныя, проливающія свѣтъ на *этотъ* вопросъ, нужна совсѣмъ не та статистика, съ которой оперируетъ Давидъ. Нужно статистическое изслѣдованіе не о количествѣ скота въ хозяйствахъ разныхъ размѣровъ, а о качествѣ его. Въ нѣмецкой экономической литературѣ есть такое изслѣдованіе, можетъ быть, даже не одно. И въ высшей степени характерно, что Давидъ, который заполнилъ свою книгу бездной не идущихъ къ дѣлу цитатъ изъ всевозможныхъ агрономическихъ сочиненій, обошелъ какъ разъ полнымъ молчаніемъ имѣющіяся въ литературѣ попытки вскрыть внутреннія условія хозяйства мелкаго и крупнаго, на основаніи детальныхъ обслѣдованій. Съ одной изъ этихъ незаслуженно обойденныхъ Давидомъ работъ мы и познакомимъ читателя.

Извѣстный нѣмецкій писатель по вопросамъ сельскаго хозяйства, Дрекслеръ, напечаталъ результаты одного монографическаго „сельско-хозяйственнаго статистическаго обслѣдованія“, про которое онъ справедливо выразился, что „по точности результатовъ оно едва-ли имѣетъ себѣ равное“. Въ провинціи Ганноверъ были обслѣдованы 25 поселеній (22 деревни и три помѣщичьихъ экономіи), причемъ по каждому хозяйству отдѣльно собирались данныя не только о количествѣ земли и количествѣ скота, *но и о качествѣ скота*. Для опредѣленія качества скота былъ употребленъ особенно точный

пріемъ: устанавливался *живой вѣсъ* *) каждой штуки скота въ килограммахъ „на основаніи возможно точной оцѣнки отдѣльныхъ штукъ скота,—оцѣнки, производившейся свѣдущими людьми". Получались данныя о живомъ вѣсѣ каждаго сорта животныхъ въ хозяйствахъ различнаго размѣра. При этомъ обслѣдованіе было повторное: первое въ 1875 году, второе въ 1884. Данныя напечатаны Дрекслеромъ**) въ сыромъ видѣ, по каждому изъ трехъ имѣній и по тремъ группамъ деревень, причемъ крестьянскія хозяйства въ деревняхъ раздѣлены на семь группъ по количеству земли (свыше 50 гектаровъ, 25—50, 12.5—25, 7.5—12.5, 2.5—7.5, 1.25—2.5 и до 1.25 гектара). Если принять во вниманіе, что данныя Дрекслера относятся къ 11 различнымъ видамъ скота, то читателю ясна станетъ сложность всѣхъ этихъ таблицъ. Чтобы получить сводныя данныя, позволяющія обозрѣть общіе и основные выводы, мы раздѣлимъ *всѣ* хозяйства на *пять* главныхъ группъ: а) крупныя имѣнія; б) крестьянскія хозяйства, имѣющія свыше 25 ha (гектаровъ) земли; в) отъ 7.5 до 25 ha; г) 2.5—7.5 ha и д) менѣе 2.5 ha.

Число хозяйствъ въ этихъ группахъ и количество земли у нихъ было въ 1875 и 1884 годахъ слѣдующее:

	Въ 1875 году			Въ 1884 году		
	Число хозяйствъ	Земли у нихъ	Земли на 1 хоз.	Число хозяйствъ	Земли у нихъ ha	Земли на 1 хоз.
	(въ гектарахъ=ha)					
а) Имѣнія	3	689	229	3	766	255
б) Хоз. съ 25 и бол. ha	51	1,949	38	58	2,449	42
в) „ „ 7,5—25 ha .	274	3,540	13	248	3,135	12
г) „ „ 2,5—7,5 „	442	1,895	4,3	407	1,774	4,3
г) „ „ до 2,5 „	1,449	1,279	0,88	1,109	1,027	0,92
Всего	2,219	9,352	4,2	1,825	9,151	5,0

Чтобы пояснить эти цифры, остановимся прежде всего на экономическомъ типѣ хозяйствъ различныхъ размѣровъ. Дрекслеръ считаетъ, что всѣ хозяйства съ $7^1/_2$ и болѣе гектраовъ земли не обходятся безъ наемнаго труда. Получается (въ 1874 г.) 325 крестьянскихъ хозяйствъ, нанимающихъ рабочихъ. Всѣ хозяйства, имѣющія до $2^1/_2$ ha, должны наниматься сами. Изъ хозяйствъ, имѣющихъ отъ

*) Давидъ прекрасно знаетъ этотъ пріемъ агрономовъ – опредѣлять живой вѣсъ отдѣльныхъ штукъ скота. На стр. 367 онъ подробно разсказываетъ, каковъ живой вѣсъ *разныхъ породъ* мяснаго, молочнаго, рабочаго рогатаго скота и т. д. Онъ списываетъ эти данныя у агрономовъ. Ему и въ голову не приходитъ, что экономисту вообще, соціалисту въ особенности, важно не различіе породъ скота, а различіе *условій его содержанія* въ мелкомъ и крупномъ, въ „крестьянскомъ" и капиталистическомъ хозяйствѣ.

**) За 1875 въ „Schriften des Vereins für Sozialpolitik", Band 24, S. 112 („Bänerliche Zustände", B. III), а за 1885 годъ въ Thiel's landwirtschaftliche Sahrbücher. Band 15 (1886).

2.5 до 7.5 ha (средній размѣръ=4.3 ha), половина, по расчету Дрекслера, обходится безъ работы по найму, другая же половина должна отпускать наемныхъ рабочихъ. Слѣд., всего изъ крестьянскихъ хозяйствъ 325 капиталистическихъ, 221 мелкое „трудовое“ (какъ сказали бы наши народники), не нанимающее и не нанимающееся, и 1670 полупролетарскихъ, нанимающихся.

Къ сожалѣнію, группировка Дрекснера расходится съ группировкой общей германской статистики, которая среднимъ крестьянствомъ считаетъ хозяевъ съ 5—20 ha. Но все же остается несомнѣннымъ фактъ, что большинство этихъ среднихъ крестьянъ не обходится безъ найма рабочихъ. „Средніе“ крестьяне въ Германіи—мелкіе капиталисты. Крестьяне же, не нанимающіе и не нанимающіеся, составляютъ ничтожное меньшинство: 221 изъ 2216, т. е. одну десятую часть.

Итакъ, взятыя у насъ группы хозяйствъ по ихъ экономическому типу характеризуются слѣдующимъ образомъ: а) крупныя капиталистическія хозяйства; б) среднія капиталистическія („гроссбауэры“); в) мелкія капиталистическія; г) мелко-крестьянскія и д) полупролетарскія.

Общее число хозяйствъ и общее количество земли у нихъ уменьшилось съ 1875 по 1884 годъ. Уменьшеніе это приходится главнымъ образомъ на мелкія хозяйства: имѣющія до 2½ ha сократились въ числѣ съ 1.449 до 1.109 т. е. на 340 хозяйствъ, почти на четверть. Наоборотъ, число крупнѣйшихъ хозяйствъ (свыше 25 ha) возрасло съ 54 до 61, а количество земли у нихъ 2.638 ha до 3.215 ha т. е. на 577 гектаровъ. Слѣдовательно, общее улучшеніе хозяйства и повышеніе культуры въ данной мѣстности, которымъ восторгается Дрекснеръ, означаетъ сосредоточіе сельскаго хозяйства въ рукахъ *уменьшающагося* числа собственниковъ. „Прогрессъ“ вытолкнулъ изъ земледѣлія почти 400 хозяевъ изъ 2219 (къ 1884 г. осталось 1.825) и у оставшихся повысилъ среднее количество земли на хозяйство съ 4.2 гектаровъ до 5. Въ одной мѣстности капитализмъ концентрируетъ данную отрасль земледѣлія и выталкиваетъ въ пролетаріатъ рядъ мелкихъ хозяевъ. Въ другой мѣстности ростъ торговаго земледѣлія создаетъ рядъ новыхъ мелкихъ хозяйствъ (напр., молочное хозяйство въ пригородныхъ деревняхъ и въ цѣлыхъ странахъ, поставляющихъ продукты заграницу, въ родѣ Даніи). Въ третьихъ мѣстностяхъ дробленіе среднихъ хозяйствъ увеличиваетъ число мелкихъ. Огульная статистика прикрываетъ всѣ эти процессы, для изученія которыхъ необходимы детальныя изслѣдованія.

Прогрессъ с. хозяйства въ описываемой мѣстности выразился особенно въ улучшеніи скотоводства. При этомъ общее число штукъ скота уменьшилось. Въ 1875 году было 7.208 штукъ скота (въ переводѣ на крупный), въ 1884—6.993. Для огульной статистики это уменьшеніе количества скота, служило бы признакомъ упадка скотоводства. На дѣлѣ улучшилось качество скота, такъ что, если взять не число штукъ скота, а общій „живой вѣсъ“ ихъ, то получимъ 2.556.872 килограмма въ 1875 г. и 2.696.107 кг. въ 1884 году.

Капиталистическій прогрессъ скотоводства сказывается не только, иногда даже не столько, въ увеличеніи числа, сколько въ улучшеніи

качества, въ замѣнѣ худшаго скота лучшимъ, въ увеличенiи корма и т. д.

Среднее число штукъ скота на одно хозяйство составляло:

	Въ 1875 году			Въ 1884 году		
	Крупнаго скота	Мелкаго (въ пер.	Всего на круп.)	Крупнаго	Мелкаго	Всего
а) Имѣнія	105	69	174	110	41	151
б) Хоз. съ 25 и бол. ha	13,2	11,0	24,2	13,7	10,5	24,2
в) „ „ 7,5—25 ha	5,4	3,8	9,2	4,9	4,2	9,1
г) „ „ 2,5—7,5 „	2,8	1,4	3,6	2,2	1,8	4,0
д) „ „ до 2,5 „	0,3	0,6	0,9	0,4	0,7	1,1
Всего	1,7	1,5	3,2	2,0	1,8	3,8

Въ крупнѣйшихъ хозяйствахъ количество скота уменьшилось. Въ самыхъ мелкихъ возрасло и возрасло тѣмъ быстрѣе, чѣмъ мельче хозяйство. Казалось-бы, прогрессъ мелкаго производства и регрессъ крупнаго? то-есть, подтвержденiе теорiи Давида?

Но стоитъ взять данныя о *среднемъ вѣсѣ* скота, и иллюзiя разсѣевается:

	Среднiй вѣсъ (въ кг.) штуки скота					
	Въ 1875 году			Въ 1884 году		
	Крупнаго	Мелкаго*)	Всего	Крупнаго	Мелкаго	Всего
а) Имѣнія	562	499	537	617	624	619
б) Хоз. съ 25 и бол. ha	439	300	376	486	349	427
в) » » 7,5—25 ha	409	281	356	432	322	382
г) » » 2,5—7,5 »	379	270	337	404	287	352
д) » » до 2,5 »	350	243	280	373	261	301
Среднее	412	256	354	446	316	385

Первый выводъ изъ этихъ данныхъ состоитъ въ томъ, что качество скота тѣмъ лучше, чѣмъ крупнѣе размѣры хозяйства. Разница въ этомъ отношенiи между хозяйствами капиталистическими и мелкокрестьянскими или полупролетарскими оказывается громадной. Напр., въ 1884 году эта разница между хозяйствами наибольшаго и наименьшаго размѣра привышаетъ *сто процентовъ*: среднiй вѣсъ средней штуки скота въ крупнокапиталистическихъ хозяйствахъ 619 килограммовъ, а въ полупролетарскихъ — 301 т. е. болѣе чѣмъ въ два раза меньше! Можно судить по этому, какъ поверхностно разсуждаетъ Давидъ и его единомышленники, когда они предполагаютъ одинаковость качества скота въ крупномъ и мелкомъ хозяйствѣ.

Выше мы уже указывали, что содержанiе скота вообще хуже въ мелкомъ хозяйствѣ. Теперь мы имѣемъ фактическое подтвержде-

*) Различный мелкiй скотъ переведенъ на крупный, по обычнымъ нормамъ. За одинъ годъ по одному изъ 11 видовъ скота число штукъ опредѣлено приблизительно: данныя есть только о вѣсѣ, а не о числѣ штукъ.

ніе этого. Данныя о живомъ вѣсѣ скота даютъ самое точное представленіе обо *всѣхъ* условіяхъ содержанія скота: кормъ, помѣщеніе, работа, уходъ—все это суммируется, такъ сказать, въ результатахъ, которые въ монографіи Дрекслера получили статистическое выраженіе. Оказывается, что все „прилежаніе" мелкаго крестьянина въ уходѣ за скотомъ — прилежаніе, воспѣтое нашимъ г. В. В. и нѣмецкимъ Давидомъ,—не въ состояніи даже приблизительно уравновѣсить выгоды крупнаго производства, дающаго продуктъ вдвое лучшаго качества. Капитализмъ осуждаетъ мелкаго крестьянина на вѣчную маету, на безполезное расхищеніе труда,—ибо тщательнѣйшій уходъ за скотомъ при недостаткѣ средствъ, при недостаткѣ корма, при худомъ качествѣ скота, при худомъ помѣщеніи и проч. равносиленъ безполезному расхищенію труда. Буржуазная политическая экономія въ своей оцѣнкѣ выдвигаетъ на первый планъ не это разореніе и угнетеніе крестьянина капитализмомъ, а „прилежаніе" трудящагося (трудящагося *на капиталъ* при самыхъ худшихъ условіяхъ эксплуатаціи).

Второй выводъ изъ приведенныхъ данныхъ состоитъ въ томъ, что качество скота за указанное десятилѣтіе улучшилось въ среднемъ, улучшилось также во всѣхъ разрядахъ хозяйства. Но въ результатѣ этого общаго улучшенія различіе условій скотоводства въ крупномъ и мелкомъ хозяйствѣ стало не менѣе, а *болѣе* значительнымъ. Общее улучшеніе не сравняло крупныя и мелкія хозяйства, а углубило пропасть между ними,—ибо крупное хозяйство обгоняетъ мелкое въ этомъ процессѣ улучшенія. Вотъ сравненіе средняго вѣса средней штуки скота по группамъ въ 1875 и въ 1884 годахъ:

	Средній вѣсъ средней штуки скота въ килограммахъ 1875	1884	Увеличеніе на	Увеличеніе въ процентахъ
а) Имѣнія	537	619	+ 82	+ 15,2
б) Хоз. съ 25 и б. ha . .	376	427	+ 51	+ 13,6
в) » » 7,5—25 » . . .	356	382	+ 26	+ 7,3
г) » » 2,5—7,5 » . . .	337	352	+ 15	+ 4,4
д) » до 2,5 » . . .	280	301	+ 21	+ 7,5
Среднее	354	385	+ 29	+ 8,2

Улучшеніе наибольшее въ крупнокапиталистическихъ, затѣмъ среднекапиталистическихъ хозяйствахъ, совсѣмъ ничтожное въ мелкокрестьянскихъ и очень незначительное въ остальныхъ. Дрекслеръ, какъ и подавляющее большинство агрономовъ, пишущихъ по вопросамъ сельскохозяйственной экономіи, замѣтилъ одну только техническую сторону дѣла. Въ своемъ пятомъ выводѣ изъ сравненія 1875 и 1884 годовъ онъ говоритъ: „Наблюдается весьма значительный прогрессъ въ скотоводствѣ *): уменьшеніе числа головъ скота и улу-

*) Дрекснеръ говоритъ здѣсь обо всемъ скотѣ, кромѣ рабочаго (т.-н. Nutzvieh). Мы приведемъ ниже данныя о рабочемъ скотѣ отдѣльно. Общій выводъ остается тотъ же, какіе бы виды скота или какія бы группы видовъ скота мы ни брали.

чшеніе качества; средній живой вѣсъ штуки скота значительно повысился въ каждой изъ трехъ группъ деревень *). Это означаетъ, что *болѣе или менѣе повсюду* (ziemlich allgemein) произошло существенное улучшеніе въ выращиваніи скота, въ кормѣ и въ уходѣ за скотомъ".

Подчеркнутыя нами слова: „болѣе или менѣе повсюду" свидѣтельствуютъ какъ разъ объ игнорированіи авторомъ общественно-экономической стороны вопроса; „болѣе" относится къ крупнымъ хозяйствамъ, „менѣе" къ мелкимъ. Дрекслеръ не замѣтилъ этого, ибо обратилъ вниманіе только на данныя о группахъ деревень, а не о группахъ хозяйствъ разнаго типа.

Перейдемъ теперь къ даннымъ о рабочемъ скотѣ, которыя проливаютъ свѣтъ на условія хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ слова земледѣльческаго. По количеству рабочаго скота разсматриваемыя нами хозяйства характеризуются такими цифрами:

	Штукъ рабочаго скота въ среднемъ на 1 хозяйство: 1875	1884
а) Имѣнія	27	44
б) Хоз. съ 25 и б. ha . .	4,7	5,5
в) » » 7,5—25 » . .	2,1	2,4
г) » » 2,5— 7,5 » . .	1,3	1,5
д) » до 2,5 » . .	0,07	0,16
Среднее	0,7	1,0

Слѣдовательно, хозяйства полупролетарскія (до 2,5 ha—такихъ хозяйствъ въ 1884 г. было 1.109 изъ 1.825) въ громадномъ большинствѣ своемъ совершенно лишены рабочаго скота. Эти хозяйства нельзя и считать земледѣльческими хозяйствами въ настоящемъ значеніи слова. Во всякомъ случаѣ, по условіямъ примѣненія рабочаго скота нельзя сравнивать съ крупными хозяйствами такія, которыя въ 93% или въ 84% вовсе не употребляютъ рабочаго скота. Если же мы сравнимъ въ этомъ отношеніи крупныя капиталистическія хозяйства и мелкокрестьянскія, то увидимъ, что въ первыхъ (группа а) 132 штуки рабочаго скота приходятся на 766 ha земли, въ послѣднихъ (группа г) 632 штуки на 1.774 ha (1884 г.), т. е. въ первыхъ 1 штука раб. скота приходится на *шесть* приблизительно гектаровъ, въ послѣднихъ—на *три* приблизительно гектара. Ясно, что мелкія хозяйства несутъ *вдвое* большій расходъ на содержаніе рабочаго скота. Мелкое производство означаетъ раздробленіе техническихъ средствъ хозяйства и расхищеніе труда въ силу этого раздробленія.

Отчасти причиной этого раздробленія является то, что мелкимъ хозяйствамъ приходится прибѣгать къ употребленію рабочаго скота *худшаго качества*, именно къ употребленію коровъ въ качествѣ рабо-

---

*) Дрекслеръ дѣлитъ 22 деревни на три группы по географическому положенію и др. условіямъ хозяйства. Мы брали только сводныя данныя, чтобы не загромождать статьи цифрами. Выводы не измѣняются, какія бы группы деревень мы ни брали.

чаго скота. Въ общемъ числѣ штукъ *рабочаго* скота былъ слѣдующій процентъ коровъ:

	Въ 1884 г.:	Въ 1875 г.:
а) Имѣнія	—	—
б) Хоз. съ 25 и б. ha . .	—	2,5 %
в) „ „ 7,5—25 „ . . .	6,3 %	11,4 %
г) „ „ 2,5—7,5 „ . . .	60,7 %	64,9 %
д) „ до 2,5 „ . . .	67,7 %	77,9 %
Среднее	27,0 %	33,4 %

Отсюда ясно видно, что употребленіе коровъ для полевыхъ работъ возрастаетъ и что въ полупролетарскихъ и мелкокрестьянскихъ хозяйствахъ главнымъ рабочимъ скотомъ являются коровы. Давидъ склоненъ считать это прогрессомъ,—совершенно такъ же, какъ стоящій всецѣло на буржуазной точкѣ зрѣнія Дрекслеръ, который пишетъ въ своихъ выводахъ: „Большое число мелкихъ хозяйствъ перешло къ *болѣе цѣлесообразному для нихъ* употребленію коровъ въ видѣ рабочаго скота“. „Цѣлесообразнѣе“ это для мелкихъ хозяевъ потому, что *дешевле*. А дешевле потому, что лучшій рабочій скотъ замѣняется худшимъ. Восхищающій Дрекслеровъ и Давидовъ прогрессъ мелкихъ крестьянъ всецѣло равняется прогрессу исчезающихъ ручныхъ ткачей, которые переходятъ къ все болѣе и болѣе худшимъ матеріаламъ, къ отбросамъ фабричнаго производства.

Средній вѣсъ рабочихъ коровъ составлялъ въ 1884 г. 381 килограммъ *), тогда какъ рабочихъ лошадей 482 kg., а рабочихъ воловъ 553 kg. Этотъ послѣдній видъ рабочаго скота, наиболѣе сильный, составлялъ въ 1884 г. болѣе половины во всемъ составѣ рабочаго скота крупныхъ капиталистическихъ хозяевъ;—около одной четверти у среднихъ и мелкихъ капиталистовъ;—менѣе одной пятой у мелкихъ крестьянъ и менѣе десятой доли у полупролетарскихъ хозяйствъ. Слѣд., чѣмъ крупнѣе хозяйство, тѣмъ выше качество рабочаго скота. Средній вѣсъ средней штуки рабочаго скота таковъ:

	Въ 1875 г.:	Въ 1884 г.:
а) Имѣнія	554	598
б) Хоз. съ 25 и б. ha . .	542	537
в) „ „ 7,5—25 „ . . .	488	482
г) „ „ 2,5—7,5 „ . . .	404	409
д) „ до 2,5 „ . . .	377	378
Среднее	464	460

Въ общемъ и цѣломъ, слѣд., рабочій скотъ *ухудшился*. На дѣлѣ, въ крупныхъ капиталистическихъ хозяйствахъ мы видимъ значительное улучшеніе, во всѣхъ остальныхъ застой или ухудшеніе. По качеству рабочаго скота разница между крупнымъ и мелкимъ производствомъ тоже *возрасла* съ 1875 по 1884-ый годъ. Переходъ мел-

*) Средній вѣсъ коровъ, не употребляемыхъ для полевыхъ работъ, 421 kg.

кихъ хозяйствъ къ употребленію коровъ въ качествѣ рабочаго скота есть общее явленіе въ Германіи *). И наши данныя доказываютъ съ документальной точностью, что этотъ переходъ означаетъ ухудшеніе условій с.-х. производства, означаетъ увеличеніе нужды крестьянства.

Чтобы закончить обзоръ данныхъ монографіи Дрекслера, приведемъ еще разсчетъ количества и вѣса всего скота на единицу земельной площади, т. е. тотъ разсчетъ, который Давидъ дѣлаетъ по даннымъ германской с.-х. статистики вообще:

	На 1 ha земли приходится			
	Штукъ скота всего (въ перев. на круп.)		Вѣса всего скота въ килограмахъ	
	1875	1884	1875	1884
а) Имѣнія	0,77	0,59	408	367
б) Хоз. съ 25 и б. ha	0,68	0,57	238	244
в) „ „ 7,5—25 „	0,71	0,72	254	277
г) „ „ 2,5—7,5 „	0,85	0,94	288	328
д) „ до 2,5 „	1,02	1,18	286	355
Среднее	0,77	0,76	273	294

Данныя о числѣ штукъ скота на 1 гектаръ земли, это—тѣ данныя, которыми ограничивается Давидъ. Въ нашемъ примѣрѣ, какъ и въ германскомъ сельскомъ хозяйствѣ въ его цѣломъ, эти данныя показываютъ *уменьшеніе* количества скота на единицу площади въ крупныхъ хозяйствахъ. Въ 1884 г., напр., въ полупролетарскихъ хозяйствахъ приходится ровно вдвое больше скота на 1 ha, чѣмъ въ крупнокапиталистическихъ (1,18 противъ 0,59). Но мы знаемъ уже теперь, что въ такомъ разсчетѣ сравниваются несравнимыя вещи. Данныя о вѣсѣ скота показываютъ дѣйствительное соотношеніе хозяйствъ: крупное производство оказывается лучше поставленнымъ и въ этомъ отношеніи, имѣя *maximum* скота по вѣсу на единицу площади, а слѣдовательно и *maximum* удобренія. Т. о. выводъ Давида, что удобреніемъ лучше обезпечены, въ общемъ и цѣломъ, мелкія хозяйства, прямо противоположенъ дѣйствительности. И при этомъ надо имѣть въ виду, что наши данныя, во-первыхъ, не касаются искусственныхъ удобреній, покупка которыхъ подъ силу только состоятельнымъ хозяевамъ, а во-вторыхъ, сравненіе количества скота по вѣсу приравниваетъ крупный и мелкій скотъ, приравниваетъ, напр., 45.625 kg—вѣсъ 68 головъ—въ крупномъ хозяйствѣ—и 45.097 kg—вѣсъ 1.786 *козъ* въ мелкихъ хозяйствахъ (1884 г.). На дѣлѣ перевѣсъ крупныхъ хозяйствъ въ обезпеченіи навознымъ удобреніемъ значительнѣе, чѣмъ показываютъ наши цифры **).

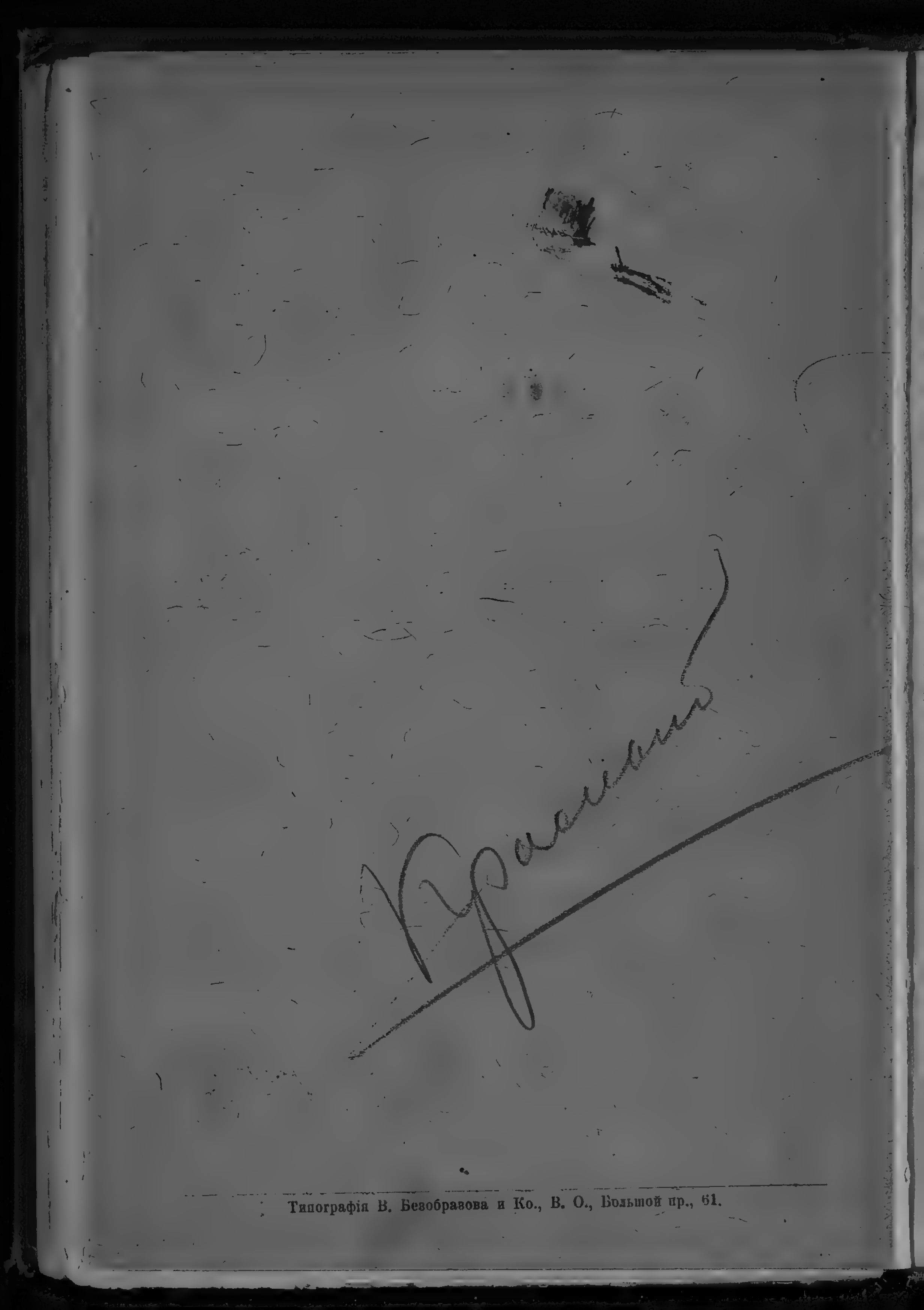
*) См. объ этомъ выше, параграфъ VIII: «Общія данныя германской с.-х. статистики».

**) Напомнимъ вышеприведенныя (§ VI) указанія Klawki: «производство навоза у мелкихъ хозяевъ хуже: солома у ихъ хлѣбовъ короче, большая часть соломы идетъ на кормъ скоту (значитъ, опять таки ухудшеніе качества корма), и на подстилку скоту употребляется меньше соломы».

Итогъ: посредствомъ фразы „навозъ—душа сельскаго хозяйства“ Давидъ обошелъ общественно-экономическія отношенія въ спеціально скотоводческомъ хозяйствѣ и представилъ дѣло въ совершенно извращенномъ видѣ.

Крупное производство въ капиталистическомъ земледѣліи имѣетъ громадный перевѣсъ надъ мелкимъ по качеству скота вообще, по качеству рабочаго скота въ частности, по условіямъ содержанія скота, улучшенія его и утилизаціи для удобренія.

СОДЕРЖАНІЕ.

Типографія В. Безобразова и Ко., В. О., Большой пр., 61.

